

АРЧ ГЕТТ
1131 НДВ

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ПРАКТИКА СТАЛИНИЗМА

БОЛЬШЕВИКИ, БОЯРЕ
И НЕУМИРАЮЩАЯ ТРАДИЦИЯ

ПРАКТИКА СТАЛИНИЗМА

Д-р Арч Гетти (J. Arch Getty) – заслуженный профессор истории Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA). В число его научных трудов входят 7 книг и более 50 статей по советской истории, опубликованные в США, Англии, Франции, Германии, Испании, Венгрии, Японии, Турции и России. Гетти был стипендистом Джона Саймона Гуггенхайма, старшим научным сотрудником Института Гарримана (Колумбийский университет) и Центра Дэвиса (Гарвардский университет), а также приглашенным старшим научным сотрудником Российской академии наук в Москве, приглашенным научным сотрудником Высшей школы социальных наук в Париже и приглашенным профессором Утрехтского университета в Нидерландах. Его исследовательскую работу поддерживали Фонд Гуггенхайма, Американский совет научных обществ, Национальный фонд содействия гуманитарным наукам и Фонд Фулбрайта.

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

**Совет при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества
и правам человека**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Российский государственный архив
социально-политической истории**

Президентский центр Б. Н. Ельцина

**Издательство
«Политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

J. Arch Getty

PRACTICING STALINISM

**BOLSHEVIKS, BOYARS,
AND THE PERSISTENCE OF TRADITION**

New Haven; London

2013

АРЧ ГЕТТИ

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМ

ПРАКТИКА СТАЛИНИЗМА

БОЛЬШЕВИКИ, БОЯРЕ
И НЕУМИРАЮЩАЯ ТРАДИЦИЯ

РОССПÄН
Москва
2016

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, В. Пасат (*Valeriu Pasat*),
Ю. С. Пивоваров, А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), М. А. Федотов, О. В. Хлевнюк

Гетти А.

Г44 Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция / Арч Гетти ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантиной]. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – 374 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2065-7

Американский историк Арч Гетти в своей книге на базе обширного архивного материала рассматривает неформальные политические практики в СССР сталинской эпохи, прослеживая их связь с практиками дореволюционной и постсоветской России и объясняя эту преемственность «глубинными структурами» русской истории.

Книга предназначена для специалистов – историков и политологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся русской и советской политической историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Впервые опубликовано издательством Yale University Press

ISBN 978-5-8243-2065-7

© Yale University, 2013
© Пантина Л. Ю., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Политическая энциклопедия», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Больше двадцати лет я просидел сначала в советских библиотеках, затем в советских и российских архивах, изучая политическую историю сталинской эпохи. По обыкновению того времени я учился «советологии» у нескольких историков и ряда политологов. Книгу Мерла Фейнсода «Как управляется Россия» мы с моими наставниками проштудировали вдоль и поперек. Мы знали все, что только можно, об иерархических пирамидах и структурах «модели политического контроля». Хотя мой интеллектуальный путь в конечном счете заставил меня по большей части отказаться от тоталитарного подхода, характерного для подобных произведений, я сохранил убеждение, что у сталинской и советской власти есть современная рациональная структура и понимание организации и взаимодействия институтов поможет эту структуру обнаружить – точно так же, как в западных странах и моих родных Соединенных Штатах.

С 1987 г. я бывал в России ежегодно и, как подобает специалисту по политической истории, усердно рылся в советских книгах, журналах, газетах, а потом и в архивах, подыскивая ключи к этому странному, но несомненно современному обществу. Трудности, с которыми мы, исследователи, в те годы сталкивались в лице недоброжелательных архивистов, обескураживающих правил, бессмысленного надзора, ограничений в доступе к материалам, каждый день демонстрировали нам знаменитую запретительную власть вездесущей советской бюрократии во всей красе. Изучающие политику видели здесь очередное подтверждение того, как важно понять историю этой бюрократии.

Многие из нас, однако, имели в Советском Союзе и России другой, не менее важный опыт. После работы мы отдыхали с русскими друзьями, просиживая долгие вечера за выпивкой, закуской и разговорами в тесных кухоньках московских квартир. По выходным мы гуляли по городу и продолжали взаимно интересные беседы о наших странах. Видимо, из-за того, что работа доставляла столько хлопот и неприятностей, я подсознательно резко разграничивал работу и досуг. На работе я проводил время в обществе давно умерших бюрократов, а едва рабочие часы заканчивались, присоединялся к более чем живым обычным людям. Долгое время мне казалось, будто эти

два круга «друзей» не имеют между собой почти ничего общего, несмотря на то что некоторые мои «друзья для досуга» были членами коммунистической партии.

С их помощью я знакомился с Россией. Я впервые понял, что значит принадлежать к группе, «клану», к «своим». Понял, насколько важно и удобно оказывать неофициальные услуги друзьям по группе, прикрывая их спину, как они прикроют твою. Узнал сотни неофициальных (и порой формально противозаконных) способов сделать что-либо необходимое: найти машину для поездки куда-нибудь, достать хороший кусок мяса, купить телевизор, устроить ребенка в хорошую школу. В советской, а потом российской обстановке всеобщего дефицита такие умения и связи имели огромное значение и с экономической, и с нравственной точки зрения; меня самого друзья не раз подкармливали всякой всячиной, когда моя общежитская столовая и большинство продовольственных магазинов в городе вдруг непонятно почему оказывались закрытыми.

В России друзьями часто обзаводятся «по цепочке». Мой первый ленинградский коллега познакомил меня с двумя своими лучшими товарищами по армейской службе, они представили меня своим соседям, те – дачным приятелям и так далее. В мой дружеский круг вошли не только (и даже не в большинстве своем) ученые. Как нередко свойственно людям нашего возраста, мои друзья имели склонность относиться ко многим вещам с непочтительностью и сарказмом, и, пообщавшись с ними подольше, я заметил, что эту непочтительность они проявляют на практике. Они тратили много времени и энергии на издевательство над правилами, не только смеясь над ними, но также обходя и нарушая их. В неповоротливой, неотзывчивой к нуждам человека официальной системе невозможно было жить в соответствии с законом, поэтому все научились ее обманывать. Один купил водительские права. Другой отделался взяткой от милиционера. Третий ночью ездил за город и по условному паролю доставал там бензин для машины. В тайной экономике все пользовались ресурсами, которые получали в порядке взаимобмена одолжениями, по дружбе, только не по закону. Уклонение от всего официального стало целой культурой: ты помогал друзьям (а они тебе) маневрировать в некоем параллельном обществе, которое пересекалось с официальным, публичным, предписанным обществом редко и случайно.

Подобное поведение не ново, ученые и журналисты много о нем писали. Оно относится к области «неформальных практик», которые (в зависимости от точки зрения) подрывают систему либо помогают ей функционировать эффективно. В любом случае, по общему мнению (которое разделял и я), между неформальными социальными и

формальными политическими практиками проходила незыблемая граница, типичная для эпохи советской бюрократии и экономического дефицита.

Но чем дольше я общался с друзьями, тем менее четкой казалась эта граница. Постепенно я начал обнаруживать неожиданную конвергенцию жизни мертвых архивных большевиков и моих дорогих живых друзей. Некоторые воспоминания оказались для меня катализатором, который придал моим мыслям иное направление.

В начале 1990-х гг. я какое-то время неофициально работал в одном российском университете, помогая оборудовать компьютерную лабораторию для внедрения количественных методов в исторических исследованиях. Работал с друзьями, которые трудились под началом профессоров, подчинявшихся деканам, в свою очередь подчиненным проректору в рамках обычной советской пирамиды. В результате некой интриги в верхах одного из проректоров сместили. И хотя эта битва титанов происходила на много уровней выше нашей скромной лаборатории, она тут же коснулась меня и моих друзей. Мне сказали, что я должен немедленно уволиться «по собственному желанию». Почему? Потому что я связан с кем-то, кто связан еще с кем-то, связанным с клиентом снятого чиновника. «Здесь так принято, – сказали мне. – Все уходит, спорить нет смысла». Став жертвой векового российского принципа коллективной ответственности (круговой поруки, о которой пойдет речь в гл. 1), я вспомнил царские времена, когда опала знатного боярина или семейства оборачивалась бедой для всей цепочки их клиентов. Вспомнил и о людях, которых арестовывали целой сетью, до нижайшего уровня, когда сталинский террор обрушивался на их главного патрона из старых большевиков. Никакие законы, нормы или инструкции не требовали такой коренной чистки; и в бюрократическом, и в небюрократическом мире это была неформальная, традиционная практика, казалось, пережившая века. Неужели оба мира функционировали по одним и тем же правилам?

Другое воспоминание – прогулка с другом Леонидом по Красной площади где-то в 1990-е гг., после распада СССР. Леонида всегда забавляли мои научные работы, которые он считал «очень американскими», то есть несколько наивными. В тот день я спросил его, что он думает о преступности в России. Он терпеливо объяснил мне, что «организованная преступность» – типично западное выражение: «Когда законов слишком много, что такое преступление? Когда все кому-нибудь платят за защиту, кто преступник? Мы сегодня не слишком задумываемся о таких понятиях, как “государство”, “закон” или “преступность”. Мы пытаемся вычислить, кто есть кто и как выкрутиться».

Потом я спросил его про знаменитую русскую мафию. «Какую именно? – уточнил Леонид. – Вот смотри. В Москве есть чеченская мафия, торгует фруктами и овощами. Хочешь продавать фрукты-овощи – работай с ними, или они тебя убьют. Есть тамбовская банда, под ней проституция в большинстве районов города. Ярославские – по вымогательству; очень крутые ребята. Тут все то же самое, что и с овощами: хочешь этим заниматься, делай это с соответствующей бандой, не то плохо тебе придется. О! – Он показал на Кремль: – Там тоже мафия. Занимаются политикой, реально большие шишки. Ствол у них полно. Хочешь делать политику – только с ними, или пеняй на себя. Главное – все эти мафии хорошо организованы и засекречены, а ты либо с ними, либо нет».

Леонид не видел большой разницы между официальным и неофициальным. Есть, считал он, несколько «мафий», то есть сплоченных группировок людей, не обязательно преступников, которые защищают друг друга. Хорошенько вдумавшись в это очень много времени спустя, я понял, что он дал мне ключ к представлению россиян о правительстве, власти и учреждениях. Официальные учреждения были для них всего лишь собраниями людей, чей публичный фасад как нельзя лучше убеждал остальных повиноваться им. Мало кто доверял учреждениям или хотя бы верил в них; верили в людей. Все базировалось на личных отношениях. По обе стороны границы между государством и обществом, частично заходя за нее, существовали только группы и организации.

Граница, разделявшая неформальные и формальные практики, была воображаемой. Они представляли собой одно и то же; можно сказать, давние неформальные культурные практики общества характеризовали и официальный мир, невзирая на то, что говорили законы последнего. Чуть позже, продолжая сидеть в архивах, я начал думать, не обманывают ли меня в некотором смысле архивные дела. Не творит ли себя современное государство, как подозревал Пьер Бурдьё, посредством моего чтения о нем? Не «вычитываю» ли я его таким, каким оно хочет быть «вычитанным»? Может, не помешало бы немного рефлексивной социологии в духе Бурдьё; может, пора осознать собственные иллюзии, поскольку, «когда дело касается государства, никакие сомнения лишними не бывают»?

Архивы, систематизированные по иерархическим отделам, разложенные в папки, содержащие официальные, логичные бумаги, прельщают нас как артефакты хорошо организованного и рационального современного государства. Но чем больше я их читал, тем сильнее в этом сомневался, особенно поговорив с россиянами вне архивных стен. Неужели действительно возможно, чтобы рационально-бюро-

кратическое (а тем более тоталитарное) государство руководило миллионами анархистов, твердо намеренных его перехитрить? А может быть, неформальные и старинные традиционные практики российского общества заразили, пропитали или даже полностью подменили собой базовую структуру государства, которое отчаянно пытается притвориться не тем, что есть? И если мы сорвем завесу, то увидим мало разницы между официальными и неформальными практиками, между традиционным и современным? Может быть, только и существуют разного рода практики?

Озадачил меня и разговор еще с одним русским другом. Состоялся он в начале 1990-х гг. Советская власть рухнула, заработали некие дикие рыночные механизмы. Мне в то время казалось, что влияние денег если не уничтожит, то хотя бы подточит традиционный неформальный клановый способ делать дела. В любом случае, спрашивал я, крах коммунистической партии и свободные выборы должны ведь покончить с элитарным nepотизмом? Устройство на работу или в школу наверняка больше не будет зависеть от связей? И вместо «дружбы» ключом доступа станут деньги? Николай со мной согласился, но до известной степени. «Русский коллективный дух», по его словам, во многом должен был сохраниться навсегда: «Ваши деньги [!] этого никогда не изменят». Да, полагал он, роль денег возрастет, но все равно в сфере неформальной практики – в форме взяток. Российский «черный рынок» станет всеобщим. Да, машины, холодильники, всевозможные продукты достать будет легче, но только если у тебя есть деньги. А если нет, продолжит действовать старая система связей. Кивнув в сторону Кремля (русские делают это, даже находясь на другом конце города), он сказал: «Там ничего не изменится. Всегда будут те же бояре, цари, кланы».

Спустя годы мне посчастливилось работать с талантливой и опытной группой архивистов Московского партийного архива, и мы крепко подружились. Начиная новый проект, я, как правило, рассказываю им о нем за чашкой чая и прошу совета. На сей раз я стал объяснять, что хочу исследовать неформальные практики, патронаж, практики сталинского периода. Они вежливо слушали, потом, хмурясь, переглянулись и покачали головами. Я был уверен, что все сказал по-русски правильно и смысл моих слов должен быть им ясен. Но они как будто не поняли меня. Только при нашем третьем разговоре одну женщину осенило. «А! – воскликнула она. – Вы имеете в виду реальную жизнь! Но это все знают. Какой же это исследовательский проект?»

Однако я считаю его таковым, и, думаю, они теперь тоже. Надеюсь, читатель с нами согласится.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я понимаю, что иностранный автор, пишущий о российской истории и политической культуре, выглядит несколько самонадеянным. Несмотря на то что я жил в России и несколько лет работал в российских библиотеках и архивах, мои представления «постороннего» могут порой отличаться от представлений российских читателей. Но я надеюсь, что такой человек со стороны, как я, может предложить новый и свежий взгляд на российскую политическую историю, который окажется полезным и интересным для моих русских друзей и коллег. У любой книги бывает самая разная читательская аудитория, реагирующая на нее по-разному. Для меня реакция российских читателей – одна из самых важных, и я с нетерпением ее ожидаю.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследования для предлагаемой книги стали возможны благодаря щедрой поддержке Фонда Джона Саймона Гуггенхайма, Американского философского общества и Академического сената, Международного института и отделения социальных наук Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA). Я чрезвычайно признателен моему тогдашнему декану Скотту Во, который помог мне, хотя вовсе не был обязан это делать.

Коллеги по UCLA, Утрехтскому университету, Университету Амстердама, Лидсскому университету, Высшей школе социальных наук (EHESS) и Сорбонне в Париже терпеливо слушали мои выступления на семинарах, делая полезные комментарии и критические замечания. Мои студенты в Лос-Анджелесе и Утрехте читали части книги и предлагали свежие мысли, большую помощь в работе оказала мне мой научный ассистент Микаэла Дион.

Много ценного я извлек из разговоров по поводу книги с самыми разными людьми, особенно Уильямом Чейзом, Джеймсом Харрисом, Олегом Владимировичем Наумовым, Владимиром Павловичем Наумовым, Питером Рилом, Андреем Константиновичем Соколовым, Леонидом Владимировичем Вайнтраубом и моими чудесными аспирантами из UCLA. Мой дорогой друг Габор Риттерспорн, прочитавший рукопись своим острым глазом, послужил для меня источником новых идей и поучительных историй. Эта работа стоит на плечах ряда гигантов и оригинальных мыслителей. Хотя я не мог обсудить ее с ними, я все равно в интеллектуальном долгу перед Шейлой Фицпатрик, Грэмом Гиллом, Кеном Джоуиттом, Эдвардом Кинаном и Т. Х. Ригби, чье творчество вдохновило меня на данный проект. Хотелось бы мне, чтобы Кен Бейлс, Эрл Гетти и Боб Макнил дожили до появления этой книги и смогли ее прочесть.

Особая благодарность Надежде Владимировне Муравьевой из Российского государственного архива социально-политической истории (бывшего архива КПСС), которая делилась со мной своими энциклопедическими знаниями об архиве, о партийных традициях и этикете, а также дружеским теплом.

Всем вышеперечисленным честь и хвала за то, что они толкали меня в нужном направлении, но никто из них не несет ответственности за возможные ошибки и недостатки в конечном результате.

От первых размышлений о неформальных практиках до сбора тут и там любопытных фактов и подробностей, потом систематических исследований и, наконец, написания этой работы прошло много лет. Все это время я неизменно мог рассчитывать на любовь и поддержку нескольких особых для меня людей: моих детей, Нэнси Гетти, Анны Бурстин, Уайли Гибсона, Тео Руиса. Вместе со мной они верили в мой проект, даже если не понимали его, и терпели мое странное поведение – бормотание с застывшим взглядом, устремленным в пространство, внезапные приступы разглагольствований, наверняка надоедливых, – снисходительно и великодушно.

ВВЕДЕНИЕ

Читая эти регламенты, инструкции и указы, вы не можете отделаться от впечатления глубоких изменений в строе русской жизни... Как будто... из-за обломков разрушенной старины вырастает новая европеизированная Россия. [Но] с полувывцветших страниц этих документов, из-под внешней оболочки нового канцелярского жаргона на вас глядит старая московская Русь, благополучно переступившая за порог... и удобно разместившаяся в новых рамках...

А. А. Кизеветтер¹

Не существует более ясной модернистской архитектурной декларации, нежели Мавзолей Ленина на Красной площади. Проект архитектора А. В. Щусева – чисто конструктивистский. Эта архитектурная мода 1920-х гг., продолжавшая традиции авангарда рубежа XIX–XX вв., отличается простотой линий и отсутствием декора. Здание уподобляется машине. Мы не найдем здесь классических орнаментов, портретов, витиеватого старинного шрифта надписей, свойственных традиционным зданиям и гробницам. На фасаде строгого щусевского зиккурата из мрамора и гранита резкими, прямыми чертами высечено одно-единственное слово: «Ленин».

На первый взгляд, мавзолей кажется вопиюще неуместным в архитектурном ансамбле Красной площади, где царствует русская традиция. Позади него – Кремль, ренессансная крепость XV в. с добавлением характерных древнерусских башен. Слева – собор Василия Блаженного, возведенный в XVI в. Еще левее, напротив мавзолея, – ГУМ, типичная торговая галерея XIX в. А слева от него, повернувшись обратно к мавзолею, мы видим Исторический музей, сложенный из красного кирпича в традиционном старомосковском стиле. Со всем этим ультрамодернистская гробница как будто не имеет ничего общего.

Тем не менее подобное сочетание традиции и современности как-то не мешает. Может, мы просто к нему привыкли? Мавзолей Ленина

со знаменитой сменой караула у входа (до 1993 г.) давно стал неотъемлемой принадлежностью Красной площади, и архитектурный диссонанс – всего лишь часть знакомого пейзажа. С другой стороны, основная мысль предлагаемой книги заключается как раз в том, что в Советской России традиция повсюду сочеталась с современностью, и не всегда это сопровождалось трениями или конфликтами.

Если внимательнее приглядеться к самому мавзолею, мы обнаружим много примеров подобной смеси. Во-первых, тело Ленина – нетленные святые мощи – сохранялось благодаря науке, а не сверхъестественным силам. Во-вторых, предмет архаичного культового почитания поместили в наисовременнейшее для своего времени архитектурное сооружение. Третий пример переключки с глубокой древностью: во время самых священных церемоний руководители государства, провозгласившего себя самым современным, физически стояли на трупе, словно племенные вожди на могильном кургане легендарного прародителя, но архитектурный модерн отделял их от прошлого. Такое напластование старинного на современное должно было бы производить чрезвычайно противоречивое и диссонирующее впечатление, однако, как и в случае с ансамблем Красной площади, у них почему-то получалось весьма удачно смешиваться. Соединение и синтез противоречивых импульсов в политике вообще – тема данной книги.

* * *

Ниже следует ряд связанных между собой очерков о некоторых неформальных и архаичных политических практиках российской элиты, включая персонификацию власти, отраженную в сетях политических «кланов» и «семей», сочетание элитарной олигархии с автократией и массу менее существенных, но наводящих на размышления практик, которые можно в целом окрестить традиционными, неотрадиционными, патримониальными или харизматическими². Основное внимание мы сосредоточим на сталинском периоде их формирования, но будем заглядывать и вперед, и назад от него по времени. Эти практики и условности имеют корни, которые уходят на сотни лет в российскую историю, а многие из них продолжают существовать и поныне. Их живучесть заставит нас задаться вопросами о преемственности «глубинных структур» в российской истории, о ее предполагаемых переломных моментах, как прошлых, так и будущих³.

Данное исследование – не первое, освещающее традиционные и персонализированные политику и практики в современной или советской истории. Но почти во всех прежних работах «неформаль-

ные» или «традиционные» практики рассматривались как внешние по отношению к бюрократической или диктаторской системе. Обычай вроде патримониального клиентелизма считался анахронизмом, который должен отмереть, либо дополнениями, придатками к современной (основной) системе, делающими бюрократическую систему эффективной или терпимой. Они характеризовались как показатель «неразвитости» или «низкого уровня» институционализации. А иногда еще и как инструменты управления, которые Сталин или кто-то другой выбирал намеренно. Разные интерпретации сходятся в одном: все они предполагают, что персонализированные или архаичные практики чужды либо противоречат современному по сути государству. Они якобы дополняют, смягчают или сдерживают основную административную систему, как мы ее представляем, но существуют отдельно от нее. Рациональная бюрократическая «собака» «виляет» архаичным рудиментарным «хвостом», удручающе облезлым и блохастым.

А что, если «хвост виляет собакой»? В данной работе высказывается предположение, что архаичные, персонализированные практики всегда являлись неотъемлемой частью системы, собственно, ее сутью, а вовсе не внешним паллиативом, рудиментом или чем-то противоречащим ей. И дело не в их живучести или воскрешении в различные времена. Они сами составляли систему, которая имеет древнюю родословную и продолжает существовать в наши дни. Вкупе с некоторыми рациональными бюрократическими элементами *они-то и были* рассматриваемой нами системой. Именно ввиду их старинного происхождения нельзя считать их просто методами, которые правители выбирали из ряда возможных тактик правления.

Легко отмахиваться от разнообразных «досовременных» пережитков, объявляя их интересными (или неинтересными) особенностями стиля, не влияющими на существо вопроса. Нетленное тело святого Ленина, иконы Сталина, которые люди носили на процессиях-демонстрациях, религиозные ритуалы показательных процессов – все это напоминает о куда более ранних эпохах. Можно привести и другие примеры досовременных, традиционных, архаичных практик:

- подчеркивание героического, личного, волюнтаристского, а не гражданского;
- четкая иерархия званий и наград, дающих статус («возводящих во дворянство»);
- моральная экономика, основанная на дарах и благодарности, а не на деньгах;

- харизматические организации избранных, со своими ритуалами и культурой секретности, вместо эгалитарных организаций открытого общества;
- общераспространенные клиентелистские отношения, заменяющие или вытесняющие формальные должностные структуры;
- понимание политической власти как патримониальной и персонализированной, а не зависящей от формального положения или жестко регламентированной рациональной бюрократии⁴.

Объем одной книги не позволяет провести подробный анализ каждого из этих и других проявлений традиционной практики. Внимание здесь будет главным образом уделено последнему пункту списка – патримониальной персонализации власти⁵. Однако и все прочие пункты так или иначе отражают общественную ориентацию на лица, а не на институты. Невнимательно читая Макса Вебера или Карла Маркса, можно подумать, что подобные атавизмы должны в конечном счете отмереть на пути к безличному современному рациональному обществу. Строго функционалистский подход приводит к тому же заключению, ибо невыгодность таких практик якобы обрекает их на исчезновение в модернизирующемся мире.

Стоит все-таки задаться вопросами, почему же эти практики так долго сохраняются в России и почему одни живут дольше, чем другие. Как влияние и нужды современного государства изменяли или адаптировали их? Мы могли бы также задуматься, нет ли у некоторых из них функций, пока еще нами просто не обнаруженных. А может, они служат признаками или символами более глубинных, фундаментальных или прочно укоренившихся культурных структур, которые упорно не желают отмирать?

Возьмем, к примеру, дожившие до наших дней очень давние политические концепции, обычаи и дискурсы, касающиеся руководства. Старинные практики здесь сохранились в изобилии. Даже после Сталина клиентелизм Хрущева, Брежнева и Путина напоминал модели, которые существовали не только при Сталине, но и в XIX в., и ранее⁶.

В 1990-е гг. мэр Москвы решил ввести регистрацию по месту жительства, несмотря на ее запрет в постсоветской российской конституции, вспомнив старый, как сама Россия, обычай, согласно которому облеченное властью лицо самостоятельно определяло, какие законы проводить в жизнь, а какие нет. Битва титанов (претендующая на законность) между В. В. Путиным и М. Б. Ходорковским похожа на схватку Сталина с Троцким (причем Путин, так же как Сталин, старался, чтобы она не выглядела личной борьбой) или многих царей с претендентами. Разгон думы Б. Н. Ельциным и написание новой,

менее демократической конституции напоминают роспуск Николаем II своей думы и изменение избирательного законодательства в 1906 г., а то и уничтожение новгородских вольностей Иваном IV в XVI в. Продающиеся нынче в Москве двойные портреты Путина и Медведева вызывают в памяти знаменитые фотографии Сталина, сидящего рядом с Лениным, портреты Николая II с сыном Алексеем и еще множество канонических генеалогических изображений, легитимировавших порядок престолонаследия от царя к сыну в российской истории⁷.

Конечно, Путин не царь, а Политбюро не было боярской думой прежних времен. В основе идеологии Советов лежал коммунизм, а не христианство; она являлась трансформационной, не консервативной. Быстрая индустриализация, экономические преобразования XX в. постоянно перестраивали российское общество. Идеология и экономика резко менялись. А политическая практика?

Главная идея этой книги заключается в том, что для понимания сегодняшней российской политической практики необходимо детально изучить, что с ней происходило в начале советского периода. В послереволюционную эпоху она эволюционировала в сталинизм, закладывались основы политической практики позднего советского и постсоветского периодов. В то время некоторые идеи и методы из прошлого сохранились, некоторые были отвергнуты. Нынешние российские правители – вчерашние коммунисты, их обычаи имеют свою историю, которую можно постичь, только поняв, как эти обычаи передавались и ассимилировались их партийными предшественниками в первой половине XX в. В книге рассматривается и возможность усвоения подобных практик их правнуками.

Итак, прежде чем самонадеянно отмахиваться от традиционных обычаев как от результата причудливых личных вкусов примитивного кавказского горца, не мешает немного узнать о традициях и подумать, действительно ли они – всего лишь пережитки прошлого или неотъемлемая составляющая более современных структур практики. Один из способов исполнить это – не мельком, а внимательно, в деталях рассмотреть советские политические практики, забыв на время свою веру в прогресс в направлении современности, и попросту спросить, почему люди делали то, что делали.

* * *

Хочешь не хочешь, все мы – веберианцы, во всяком случае привыкли разделять досовременное и современное, считая, что эволюционный путь ведет от первого ко второму. Мы часто пользу-

емся веберовской классификацией трех типов власти. Традиционная власть (или «господство») основывается на обычае; все, что делается, прямо оправдывается тем, что всегда делалось именно так. Харизматическая власть опирается на лидера, пророка или героя, имеющего, по мнению остальных, трансцендентную связь с высшей силой. Под воздействием более постоянных институтов и своекорыстных политических интересов других людей харизма «рутинизируется», либо превращаясь в традиционную власть, либо принимая современные рационально-бюрократические формы.

При последнем, третьем типе власти администрация связана законодательными нормами, четко установленными обязанностями и деперсонализированной системой, в которой управление и поведение определяются положением, а не личностью. Регламентированные рационально-бюрократические институты функционируют предсказуемым образом, независимо от того, какие лица занимают те или иные должности, а между публичной и частной сферами проводится строгое разграничение. Подобная бюрократия комплектуется безликими руководителями и легко заменяемыми работниками с ясно очерченными сферами компетенции, соблюдает предписанную процедурную иерархию. Она работает, как машина.

Куда-то в промежуток между традиционной и харизматической властью Вебер поместил патримониальную власть. Патримониализм – форма традиционного господства, при которой моделью для политики служит личное домохозяйство, где властвует отец. В том и суть персонализированной политики: личность *есть государство*. Администрации, бюрократии – лишь орудия правителя в «царстве свободного произвола»⁸. Если в рационально-бюрократических системах поведением человека управляют институциональные правила, то в патримониальных – «власть и идентичность института определяются политической идентичностью и властью лидера»⁹. Вебер считал патримониализм «особым случаем» патриархата¹⁰.

В этой книге утверждается, что политика при Сталине была патримониальной. И опять-таки мы не первые, кто это говорит¹¹. Однако авторы прежних исследований склонны ограничиваться одним Сталиным и его предпочтениями в методах правления либо видеть в такой политике, как и в традиционных практиках вообще, анахронизм или антитезу подлинно современной институционализации. Здесь мы будем рассматривать особый случай патримониализма – персонализацию политики – как нечто, характерное, подобно другим традиционным практикам, для всей политической (и социальной) системы. Мы не станем судить, не за счет ли «правильной» или «раз-

витой» модернизации, описанной Вебером и осуществленной на Западе, сохранялась и процветала персонализация политики в России, но постараемся показать, что она существовала до Сталина и пережила его, а Сталин, так же как его соперники, предшественники и преемники, всего лишь следовал патримониальной традиции. Мы покажем, что, поскольку она определяла (и в значительной мере продолжает определять) почти все аспекты политической жизни, ее вряд ли можно считать рудиментом или противоположностью бюрократической системе. Она до сих пор существует.

Вебер полагал, что в современных бюрократических системах «современная культура вместо правителя старого типа, подвижного симпатией, благосклонностью, милостью и признательностью, требует для поддерживающего ее внешнего аппарата эмоционально отстраненного, а потому сугубо «профессионального» специалиста». Бюрократия нуждается в деперсонализации¹². Люди должны «повиноваться закону, а не лицам, его исполняющим»¹³. Мы утверждаем, что, хотя советская политико-административная система со временем изменялась, досовременные властные элементы и практики, увы, характеризовали ее и до, и после Сталина. Некоторые вещи не очень-то менялись.

Вебер отмечал, что идеальные типы почти всегда встречаются в сочетании друг с другом¹⁴. Правда, в соответствии с телеологическими идеями прогресса, свойственными XIX в., он (как и его дальнейшие последователи) предусматривал эволюцию к современной рациональной бюрократии; преемники Вебера в социальной науке вслед за ним видят базовое противоречие между развитием государства (желательным, неизбежным, современным) и традиционными, неотрадиционными или патримониальными (отсталыми) практиками, которые этой эволюции мешают. «Слабые бюрократии» – «идеальная среда» для неформальных практик¹⁵. Там, где подобные практики преобладают, государство и его институты «слабы», «недоразвиты», «подорваны» или «находятся в упадке»¹⁶. Неформальные традиционные практики «расстраивают рациональное планирование». Они препятствуют или создают помехи «институционализации» и в конечном счете противоречат современному государству¹⁷.

Но кое-кто стал говорить, что путь к рационально-бюрократическому современному государству не столь прям (если вообще ведет именно туда). На старой дороге от традиционного к современному теперь появились промежуточные станции – разные категории «недоразвитых государств». У исследователей, придерживающихся этой точки зрения, нет такой сильной аллергии на неформальные прак-

тики, в которых они усматривают потенциально полезные элементы, на деле способные заставить институциональную систему функционировать эффективнее. Подобные «придатки» или «приложения» дополняют рациональные институты, исправляя их недостатки¹⁸. Порой традиционные или персонализированные отношения могут служить посредником между центром и периферией, паллиативом, смягчающим трения между бюрократией и населением¹⁹. Иногда «неформальные социальные отношения отвечают за метаболические процессы, необходимые для поддержания жизнедеятельности формального института... мы обнаруживаем, что формальная организационная схема выглядит красиво, но не работает, пока не найдутся неформальные механизмы ее прямого нарушения, как, например, сеть “блата” среди советских управленцев-производственников»²⁰.

Действительно ли клиентелизм и прочие традиционные «неформальные практики» служат посредниками либо функциональными придатками или нет, многие социологи больше не противопоставляют их современной бюрократии в целом. В разное время и в разных местах неформальные традиционные практики могут сосуществовать с рациональной бюрократией: «Патронско-клиентские отношения не обязательно исчезают по мере экономического развития или политической модернизации... они по-прежнему занимают центральное место как главный способ социального контроля и регулирования институциональных отношений»²¹. В этой книге данная точка зрения, изначально сформулированная применительно к «недоразвитым» государствам, будет рассмотрена в современном российском контексте.

Некоторые авторы проводят параллели между Советским Союзом в ранние годы существования и развивающимися государствами второй половины XX в.²² Специалисты-советологи, изучавшие эти вопросы, также разделились на два лагеря. По мнению одних, персонализированные практики тормозят или ограничивают развитие институтов и потому вредны для роста и функционирования современного государства. Персонализированная власть прямо препятствовала «возникновению организационного институционализма в формальных органах системы» и служила признаком неразвитой или недостаточной институционализации²³. Другие полагают, что государственная система вообще не могла бы работать без неформальных практик, будто бы враждебных государственным законам. По их словам, эти практики, включая патронаж, неофициальных «толкачей» в экономике и т. п., помогали бесперебойному функционированию системы и делали ее более приемлемой для населения²⁴. В любом случае,

говорят они, отсутствие в России автономных (и/или представительных) институтов оставляло простор для автократии и персонализированной, клановой политики.

С другой стороны, Стивен Уайт отделял советское политическое устройство от телеологических теорий модернизации в духе Вебера и Парсонса, утверждая, что, судя по эмпирическим исследованиям, политическая модернизация – развитие демократии или представительных институтов – не обязательно следует за социально-экономической²⁵. Позже ряд социологов, дабы объяснить наличие очевидных пережитков архаичной практики в современном советском контексте, сформулировали понятие «неотрадиционализма». Кен Джоуитт писал: «Поразительный сплав харизматических, традиционных и современных черт в советских институтах находит выражение в центральном месте “героического”... первостепенной роли “блата” в социальных транзакциях, секретности советской политической жизни и организации социально-политической жизни вокруг “коллектива”». Харизматические и традиционные элементы, по словам Джоуитта, были «вплетены» или «вмешаны» во внешне современную систему²⁶. В конце концов, номинального президента современного СССР М. И. Калинина по всей стране знали как «всесоюзного старосту».

Учитывая такой интерес к взаимоотношениям формальных институтов и неформальных практик, стоит, по-видимому, впервые подробно изучить эти отношения в сталинский период – начальный этап творения советской истории. Мы будем делать это путем анализа некоторых важных элементов сталинской политики, не предрекая их исчезновение в будущем и не умаляя их в контексте модернизирующей идеологии.

Продолжительность существования архаических и персонализированных практик ставит вопрос периодизации. Мы знаем, что большевики произвели в России важные и радикальные преобразования. Они решительно порвали почти со всем, имеющим отношение к старой России. Покончили с царским политическим самодержавием, социальным доминированием дворянства, властью православной церкви, подчиненным статусом рабочих и крестьян, существующими нормами культуры и искусства. Многим и в самой России, и за ее пределами казалось, что начинается новое тысячелетие, свободное от оков узколобой традиции, от всего, что тормозило прогресс человечества. Жившие в те годы считали свою эпоху переломной.

Наблюдатели более позднего времени тоже так думали. Советологи первого поколения все внимание отдавали новой природе диктатуры; получившаяся у них в результате тоталитарная модель,

нацеленная исключительно на эффективный контроль сверху донизу, господствовала несколько десятилетий²⁷. В 1970-е гг. появились новые научные подходы, которые поставили под сомнение эффективность тоталитарного контроля и перенесли внимание на социальную историю²⁸. В последних работах о субъективности ставятся важные вопросы об отношении индивида к режиму без особого интереса к помянутым политическим моделям и социальной истории²⁹. Авторы этих работ, независимо от тенденции или подхода, согласны, что в лице СССР мы видим нечто кардинально новое и иное. Даже специалистов по современности, которые сравнивают Советский Союз с другими трансформационными режимами, возникшими после эпохи Просвещения, впечатляют масштабы и новизна советского эксперимента, как его теперь часто называют.

Историки любят периодизацию и, хотя зачастую сурово критикуют друг друга, в основном согласны относительно важных переломных моментов советской эпохи, каждый из которых, говорят, открывал новую эру. 1917 г. – год русских революций, когда к власти пришли большевики. 1921 г. – конец жестокой, радикальной гражданской войны и начало полукапиталистического отступления в виде нэпа. 1929 г. – окончательный разгром Сталиным соперников, претендующих наряду с ним на роль наследников Ленина, и начало периода, который носит его имя. Тогда же стартовала сталинская революция: коллективизация сельского хозяйства, форсированная, контролируемая государством индустриализация и стремительное выдвижение кадров снизу, уничтожившие и плюрализм, и капитализм, задавшие образец почти всей последующей советской истории. Этот год ознаменовал завершение «экспериментальных» 1920-х гг. и переход к «великому отступлению» в направлении социального и культурного консерватизма. 1937–1939 гг. отмечены «большим террором», в результате которого на смену поколению старых большевиков пришли «новые люди». 1941–1945 гг. – Великая Отечественная война, время невообразимых жертв и разрушений наряду с недолгой либерализацией, вскоре сошедшей на нет. 1953 г. – смерть Сталина, сигнал к десталинизации 1950–1960-х гг. В 1964 г. началась брежневская эпоха «застоя», продолжавшаяся до горбачевской перестройки 1985 г. Крах режима в конце 1991 г. – последний из переломных моментов, которые открывали собой новые периоды. Эти переломы, кажется, так резко отграничивают один период от другого, что один ведущий специалист определил советскую историю как чередование разных систем³⁰.

Разумеется, 1917, 1921, 1929, 1937, 1953 и другие годы знаменуют важные, судьбоносные перемены в обществе, государстве, идеологии. Но, глядя сквозь призму практики, языка, семиотики, политической культуры, сознательных и бессознательных установок, мы увидим неразрывную преемственность.

Говоря о коренных переломах, мы часто верим на слово российским и советским правителям. Еще до революций 1917 г. мы выделяли переломные моменты, которые совпадали с началом очередного царствования, следуя в этом примеру самих царей. «Каждое царствование повторяло петровскую каденцию, начинаясь энергичными демонстративными изменениями, прямой или косвенной дискредитацией предшественника, новыми творческими замыслами самодержца... Потом следующий монарх в русле той же символической динамики отречется от наследия предшественников», – отмечал Ричард Уортман³¹.

В каждый из перечисленных нами переломных годов свержения режима, смены руководства или политического курса люди, стоявшие у власти, представляли новый порядок как отрицание прежнего. По словам Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, «эсхатологическая смена всего» была нормой, и «каждый новый период... ориентирован на решительный отрыв от предшествующего»: «Сохраняется глубинная структура, сложившаяся в предшествующий период, однако она подвергается решительному переименованию при сохранении всех основных старых структурных контуров. В этом случае создаются *новые тексты* при сохранении архаического культурного каркаса»³².

Дискурс 1917 г. обличал имперскую Россию. Сталинская революция отрицала нэп. Руководители, пришедшие к власти после «большого террора», являлись преемниками «врагов». Сталина де-сталинизировали. Брежнев осуждал «безрассудные планы» Хрущева, Горбачев – брежневский «застой», а Путин, в свою очередь, «хаос» при Горбачеве. Такой обычай демонстрирует, по выражению Лотмана и Успенского, традиционное русское дуальное представление о добре («нас» «теперь») и зле («них» «тогда»). Эта постоянная дуальная оппозиция, претендующая на *разрыв преемственности*, сама представляет собой мощную культурную *преемственность*.

Мы рассмотрим вопрос по-новому, отыскивая «архаический культурный каркас» и практики, явно игнорирующие всем известные поворотные моменты. Нас будут интересовать древние «тексты», скрывающиеся за новыми при переломах, которые, вероятно, «ломали» меньше, чем можно подумать.

К примеру, считается, что в ходе «великого отступления» Сталин в 1930-е гг. превратил СССР из поля свободного экспериментирования 1920-х гг. в царство неповоротливого русского консерватизма во всем, от искусства, исторических оценок до образования и семейной политики. Хотя некоторые ученые поставили под сомнение черно-белую характеристику различий между двумя десятилетиями³³, во многих сферах в 1930-е гг. как будто действительно начался совершенно новый период, особенно в искусстве и литературе. Возможно, такое впечатление складывается в значительной мере потому, что интеллектуалов вроде нас в первую очередь интересуют проблемы культуры. Однако, во-первых, вряд ли все это было делом рук Сталина (и вообще вряд ли одному человеку под силу настолько трансформировать культуру), а во-вторых, многие важные вещи – например, политические обычаи элиты – вовсе не изменились. Ни «великого», ни какого-либо еще отступления не произошло в политической практике, в ключевой сфере средств, с помощью которых элита управляла страной. Клиентелизм, клановая политика, персонализированные, патримониальные представления о государственной власти, унаследованные большевиками от российской истории, существовали без всяких отступлений, наступлений, практически без изменений и в 1920-е, и в 1930-е гг., и впоследствии.

Хотя в историографии наметилась явная тенденция изучать главным образом «переломы» и писать работы именно о них, некоторые ученые обращали внимание и на различные признаки преемственности. Более 70 лет назад Борис Суварин назвал сталинское правление «историческим атавизмом древней Московии»³⁴. Несколько позже Роберт Такер увидел в Сталине старого русского националиста, который намеренно строил Советский Союз по архаичной традиционной схеме. Восхищаясь Иваном Грозным, Сталин якобы подражал ему в политике и терроре³⁵.

Ричард Хелли также писал о трех «служебных революциях», вызванных внешними угрозами, которые определяли российскую историю и «элементы преемственности» между которыми «очевидны», невзирая на 1917 г. Первая в XVI в. создала «гарнизонное государство», обороняемое служилыми конниками. Вторая в начале XVIII в. обязала население служить государству ради нужд армии. Третья в конце 1920-х – начале 1930-х гг. добилась модернизации и образовала новый служилый класс во имя обороны страны. С каждой революцией ее ключевой элемент (крепостничество, коллективизация) заставлял население удовлетворять нужды элиты. И каждый раз, после того как кризис миновал, новая служилая элита пыталась

сохранить власть и привилегии, но в конце концов сталкивалась с непреодолимыми проблемами легитимности³⁶.

По мнению Роберта Дэниелса, «послереволюционный политический режим в СССР был не только совместим с русской политической культурой, но и в значительной степени сформирован ею»³⁷. В. А. Козлов писал об «архаичных социальных практиках советской жизни, стоячем болоте русского быта, способном гасить волны политических и экономических преобразований»³⁸. Ричарду Пайпсу кажется непостижимым, «что в один день, 25 октября 1917 года, ход тысячелетней истории огромной густонаселенной страны мог подвергнуться полной трансформации». «Только глядя на человеческие существа как на инертную массу, находящуюся всецело под воздействием окружающей среды, – пишет он, – можно вообразить подобную нелепость»³⁹. Данная книга подкрепит эти догадки систематическим исследованием преемственности в политической практике советского периода.

Другие ученые искали преемственность не во вкусах отдельного индивида или стратегических выборах элиты перед лицом военной угрозы, а в более широкой и «глубокой» культуре. В содержащей весьма плодотворные идеи статье, которой эта книга многим обязана, Эдвард Кианан писал: «Советская политическая культура... восновила ряд основополагающих черт традиционной политической культуры, которые характеризовали российскую политическую культуру веками»⁴⁰.

Политические элиты всегда встречаются в управлении со сходными проблемами. Есть у них идеологическая либо трансформационная программа или нет, чтобы остаться у власти, они должны сохранять стабильность, невзирая на внешние угрозы и покушения на внутренний порядок в стране. Им надо устанавливать контроль над населением ради предотвращения бунтов и беспорядков, выкачивать из этого населения ресурсы для поддержки себя и своего режима, мобилизовать или принуждать его во времена кризисов или когда требуются большие общенародные усилия. На протяжении веков правители России сталкивались с особенно суровыми вариантами таких императивов.

Российская элита всегда существовала в неблагоприятной среде. Положение России на главном пути мировых миграций – великой евразийской равнине – означало для нее постоянную угрозу иноземных нашествий. До XVI в. в русские земли то и дело вторгались орды кочевников из Азии, потом их сменили великие державы Центральной и Северной Европы. Защита дисперсного государства с плохими

дорогами и коммуникациями, всего лишь с горсткой укрепленных городов была нелегкой задачей. Поэтому выживать ему удавалось с трудом.

С тех времён, когда вооруженные отряды викингов подчинили себе славян Приднепровья в IX в., старой Россией правили солдаты и самодержавная централизованная власть. Древнерусские князья и бояре были доблестными конными воинами, являвшимися на поле брани по зову великого князя. Организованные в протофеодальные сети кланов и клиентов представители элиты клялись сражаться за патрона своим оружием и со своими людьми. Аналогично и сами они заручались военной верностью подчиненных в обмен на защиту и покровительство⁴¹.

В мирное время эта воинская организация совершенно естественно становилась политической клановой олигархией, как и везде в Европе. В России расширяющийся класс князей и знатных боярских семейств вел борьбу за ограниченные национальные ресурсы (там было бедное сельское хозяйство и мало полезных ископаемых), за политическую власть и высокое положение⁴². Княжеские и боярские кланы защищали и продвигали своих, устраивали выгодные браки, копили и хранили богатство, постоянно заключали друг против друга альянсы и плели интриги. «Гарнизонное государство», где заправляют профессиональные воины, соперничающие между собой за власть и скудные ресурсы, – верный рецепт гражданской войны и хаоса. Братоубийственные усобицы раздирали Киевскую Русь задолго до монгольского нашествия XIII в. Монголы, придя туда, обнаружили лоскутное одеяло из мелких драчливых княжеств – каждое во главе с князьком, которого поддерживали его клан и вассальные бояре. Во время страшной гражданской войны в XV в. опять сошлись в ожесточенной схватке конкурирующие коалиции князей и кланов.

Единственным ответом хаосу был монарх, объединяющая фигура в лице великого князя Московского, правящего совместно с более мелкими князьями и знатными боярами. Для неуживчивых олигархов-бояр такая персона являлась чрезвычайно необходимым рефери, судьей. Фактически они громче всех провозглашали его власть, экстравагантно (и неверно) называя себя его «холопами». В России могущественная княжеская и боярская знать счастливо и выгодно существовала с верховным монархом⁴³. В отличие от Людовика XIII во Франции, князь Московский никогда не сталкивался с мятежными аристократами-фрондерами.

Князь Московский стал божьим помазанником, теоретически верховным лидером с гарантирующим его легитимность «культом

личности», как мы говорим сегодня. При нем так и не появилось ни парламентов, ни других конкурирующих институтов или возможных ограничений его власти, и элиту это устраивало. Превращение князя в единственную легитимную политическую власть оберегало единство государства от олигархического соперничества. В России «правитель не действовал политически как “монархическая” ветвь власти, ведущая постоянную борьбу с корпоративными сословиями или институтами; он правил благодаря своей харизме, располагая всеобщей верностью и покровительствуя избранным людям, находящимся с ним в личных отношениях как его советники. Вместе с этими советниками, боярами, государь осуществлял патримониальное правление»⁴⁴. Абсолютизм вкупе с олигархией представлял собой российский структурно-функциональный ответ на внутреннюю анархию. Это сочетание служило также императивом пребывания у власти. Образ санкционированного Богом монарха в стране с единой церковью обеспечивал прочный социальный цемент для населения, особенно учитывая патримониальные идеи политики как личного дела и государства как собственности правителя. Князь нуждался в боярах, они нуждались в нем.

Несмотря на громкие славословия и преклонение бояр перед правителем, на пышные придворные церемонии, за кулисами в старой России наблюдались многие признаки сильной олигархии. До Ивана IV боярские кланы при дворе правили страной по меньшей мере наравне с князем. Московский князь или царь очень рисковал, бросая вызов могущественным клановым альянсам. Сильный правитель вроде Петра I или Екатерины II мог иногда взять верх, склонив чашу весов в пользу трона. Однако в других случаях дела обстояли иначе, олигархические придворные фракции подчиняли себе слабого царя или царицу, как, например, в 1730 г., когда знать навязала свои требования только что взойшедшей на престол императрице Анне. Они могли даже счесть необходимым отделаться от неугодного князя или царя (убийства Ивана VI, Петра III, Павла I), но подобные акции касались отдельных личностей, а не самого института царской власти. В целом баланс сохранялся, и законы объявлялись от лица совета «князя с его боярами».

Порой сильным личностям удавалось нарушить баланс между монархом и вельможами. В XVI в. Иван IV (Грозный) решил, что могущественные боярские кланы узурпируют его законные прерогативы и полномочия. Он поломал правила игры, символически «отрекшись» от престола, дабы превратиться в еще одного из олигархов, и оставив государство боярам, которые желали им править. Затем он устроил

собственное «частное» царство террора, опричнину, и перебил своих врагов в ходе бурной гражданской войны, наподобие той, что бушевала в XV в. По иронии судьбы, отрекаясь от монаршего звания, он стремился стать настоящим абсолютным монархом, а не просто рефери или символом, напоминая боярам, что без сильного монарха их ждут хаос и беззаконие. В конце концов «московский люд» (то есть уцелевшие важные персоны, те же бояре) «упросил» его вернуться, что он и сделал, укрепив свою власть.

Политика боярских кланов при дворе – союзы и соперничество с другими кланами, приобретение власти благодаря близости клана к трону – носила персональный, не идеологический характер. Абсолютно то же самое происходило в верхах крестьянской социальной организации в российской глуши, где базовой социальной единицей являлась семья, а семьи объединялись в сельские общины, патримониальные лидеры которых брали на себя заботу обо всех и каждом.

Как и в случае со старой русской элитой, многие элементы сталинской и послесталинской политической практики можно трактовать как реакцию на окружающую среду, в которой оказались большевики и их наследники. Русская революция и особенно гражданская война 1918–1921 гг. истерзали страну; даже когда обстановка стала спокойнее, и в стране, и внутри партии остался неистребимый страх перед хаосом. Жизнь, как всегда в России, висела на волоске.

Придя к власти, руководители из старых большевиков тоже считали себя элитой, корпоративной группой привилегированной породы. Они сомкнули ряды, создали собственную внутреннюю культуру и общество, вступали в браки между собой, следили за правильностью образа мыслей и преследовали ересь точно так же, как их предшественники – дворяне и церковники.

Они сохранили останки своего харизматического воина-родоначальника и демонстрировали их широкой публике. Они сотворили культ монарха с трансцендентной легитимностью, дабы иметь рефери, публичный символ, прикрывающий их маневры⁴⁵. Они растили и защищали собственные политические кланы. Для защиты от хаоса они считали необходимым олигархическо-абсолютистский системный баланс, функционально мало отличавшийся от того, который поддерживался в России столетиями. И, как правило, этот баланс успешно противостоял хаосу.

Старые большевики-олигархи громче всех восхваляли монарха Сталина и его доблести. Подобно клиентелистским боярским кланам прошлого, скрывавшимся за роскошным фасадом придворного церемониала и высокопарных славословий, большевистские дворяне

действовали под завесой строгой секретности, пряча свои личные маневры за не менее роскошным фасадом: могучим советским государством с его мудрым вождем.

Так же как их предшественники, большевики, несмотря на будто бы железный контроль, вечно боялись всевозможных угроз⁴⁶. Отсталые «темные массы» они в политику не пускали, разве только риторически. Будучи в своем роде дворянством захватчиков в завоеванной стране, они оказывались весьма беспокойной и драчливой компанией, когда дело касалось старшинства, клановых интересов, идеологии. По примеру древних предтеч, они как корпоративная группа боялись междоусобной войны во враждебном окружении, которая поставила бы под угрозу их пребывание у власти. Им всегда казалось, будто все висит на волоске. Череда резолюций и критических выступлений по поводу партийного единства и партийной дисциплины (само их количество свидетельствует о бессилии) не мешала фракционности и возникновению «оппозиций». Патримониальная олигархия во главе с князем, действующая втайне, вполне устраивала большевиков.

Но для таких систем в истории всегда были характерны центробежные тенденции, борьба за власть между центром и периферией – еще одна особенность сталинизма (и более позднего советского периода)⁴⁷: «Когда эти должностные лица становятся местными сановниками, образуя статусную группу нотаблей, они могут возобладать над правителем и его личными приспешниками... Упадок центральной власти усугубляется также физической удаленностью чиновников от центра... Патримониальные правители, однако, не смиряются с подобным дроблением своей власти безропотно»⁴⁸.

Баланс между олигархами и монархом работал до 1930-х гг., когда Сталин почувствовал, что дворянские кланы вокруг него становятся чересчур могущественными и заправляют всем, словно настоящая олигархия. Подобно Ивану IV, он боролся с ними разными способами, пытаясь ограничить их власть и усилить свою. Он хотел быть абсолютным владыкой в действительности, а не только в мифах или символически. Наконец, он организовал собственную опричнину – «большой террор», в ходе которого его клан вел войну против всех остальных. И так же, как Иван, Сталин полагал, что в России можно убивать клановых вождей, но не идею патримониального кланового правления.

Большевистская система автократии/олигархии после гражданской войны казалась чуть ли не заимствованием из прошлого. В обоих случаях функциональным ответом хаосу становилось олигархическое устройство, возглавляемое верховным лидером. В обоих

случаях дворянские элиты обособлялись, сохраняя свою «инаковость» с помощью статусной генеалогии, социальных условностей и самостоятельно выстраиваемых идеологий. В обоих случаях понимание и практика политики были патримониальными и персональными.

В этом месте кто-нибудь может сказать: «Ну и что?» Разве для революционеров Нового времени не обычное дело – начинать с важнейшей трансформационной миссии, а придя к власти, перерождаться в привилегированных бюрократов и даже потомственную элиту. Л. Д. Троцкий ведь дал русской революции название «Преданная революция», и нет ничего легче, чем смотреть на ее последствия как на банальное угасание идеализма или классическую картину коррумпирования власти.

Антрополог или социолог, не тронутый показной современной и трансформационной риторикой большевиков, также немедленно увидит функции, выполняемые специфической, углубленной в себя культурой избранной группы. Кто-то, возможно, обратит внимание на сравнительную отсталость экономического и политического развития России в начале XX в. и прикинет, что практики большевистской элиты всецело присущи многим эпохам и местам, что бы ни говорили революционеры-большевики. Еще кто-то укажет множество исторических примеров, когда обладающая самосознанием модернизаторская элита намеренно использовала определенные средства для осуществления преобразований. Во многих модернизирующихся азиатских, африканских и латиноамериканских странах те же функции исполняет армия. Она воспитывает, социализирует, сплачивает, организует и сама себя назначает естественным лидером общества. На протяжении всей истории элиты делали очень похожие вещи.

У такого подхода много достоинств, включая акцент на функцию и практику, агностицизм в отношении того, что говорят (и даже думают) о своих действиях сами элиты. Он также требует рассматривать практики в живом контексте («в поле», как сказал Бурдьё) в разные времена и в разных местах, а не предрекать их расцвет и упадок в соответствии с какой-либо предлагаемой телеологией. Но сила их преэминентности в данном случае заставляет думать, что здесь, помимо системного функционализма, есть нечто более глубокое.

Изучая те или иные общества на протяжении долгих отрезков времени, мы часто обнаруживаем, что древние практики когда-то были специфически функциональными, отвечали некой особой потребности. Однако со временем эта особая потребность исчезала, а они все равно оставались частью культуры. Каким-то образом они прочно закреплялись в общем наборе практик, в социально-полити-

ческой культуре общества. Описываемые Ричардом Хелли конные лучники XV в. отражали внешние военные угрозы. Позже в XVII в. они сумели сохранить свои привилегии и даже официально привязать к себе крестьян как раз в тот момент, когда в военном отношении начали становиться анахронизмом. Утратив значение как кавалеристы, они не превратились в бесполезный реликт, потому что оказались неотъемлемой и важной частью политической культуры и практики.

Как мы увидим, то же самое можно сказать об архаичном стиле письма, званиях и наградах, коллективной уголовной ответственности, клановой политике, а также представлении о политике как о вещи персональной и патримониальной, а не институциональной и легальной. Когда голый и намеренный (если он таким когда-нибудь был) функционализм становится частью культуры, мы обнаруживаем российскую специфику.

Хотя наша тема – не социальный контроль сам по себе, размышления Пьера Бурдьё о «габитусе» кажутся здесь уместными. Определенное поведение или набор практик входят в социальную структуру, даже когда об их первоначальной цели уже никто не помнит. Практики габитуса функционируют на глубинном, бессознательном уровне. Такая «амнезия генезиса» – одна из «схем мышления и выражения»⁴⁹.

По прошествии столетий симбиоз между правителем и олигархами с их кланами, особая олигархическая идентичность, идея и практика персонализированной политики, пренебрежение к регламентированной бюрократии уже не являлись эпизодическими функциональными ответами. Симбиоз трона и знати существовал много веков; его разрыв Иваном IV и Сталиным – лишь экстремальные случаи в долгой истории этих отношений. В какой-то момент подобная форма традиционного правления перестала быть сознательным выбором или ответом (если когда-то и была). Она утратила причинно-следственный характер и влилась в неразрывный, бессознательный набор практик, в постоянную структуру. Не будучи больше сознательным или бессознательным функциональным ответом на конкретную ситуацию, она превратилась в привычку, обычную практику, а следовательно, культуру.

Другие политические стратегии или организационные формы могут быть более утилитарными и функциональными, но продолжают существовать старые. Большевики могли выбрать современные, бюрократические средства правления, но не выбрали. Не любящие риска элиты, князья или партийные секретари, большевики или бояре, следовали старинным практикам автоматически, вероятно, не вычленяя в опасности хаоса индивидуальных угроз и не стараясь найти

индивидуальные практические ответы на них. Они устраивали свои дела так, как им казалось естественным. Эти практики представляли собой издавна заложенные условные рефлексy, или, по выражению Эдварда Кинана, «глубинные структуры» российской политики. Одним только функционализмом не объяснишь, почему лидеры после Сталина, вплоть до Путина, не сталкивавшиеся с кризисами, подобными событиям XV в. или русской революции, продолжали придерживаться политических практик, основанных на этих глубинных структурах. Во всем, от оформления гробницы Ленина до социальных и политических условностей, партийной кадровой политики, борьбы центра с периферией, практики были связаны с патронажем, а политика носила персональный характер. Такие представления и обычаи прочно укоренились в российской истории независимо от господствующей идеологии, религии или государственной программы.

* * *

Пора дать несколько пояснений. Некоторые историки, возможно, сочтут мой подход скорее тематическим, нежели хронологическим. В этой книге я заглядываю в эпохи, предшествовавшие сталинскому периоду, чтобы отыскать прецеденты и предпосылки, а не представить последовательную историческую повесть о российских политических практиках, что требует отдельного (и гораздо более обширного) исследования. Многие из таких прецедентов мы обнаружим в эпоху Московской Руси, хотя при случае будем отмечать и преемственность с имперским периодом. Именно во время образования Московской Руси впервые наметились многие контуры российской политики (сильное милитаризованное государство, личная автократия, прикрепление крестьян к земле и пр.), поэтому кажется достаточно резонным изучать политические практики в государстве XX (и XXI) в. в свете тех, что господствовали при зарождении данного государства. Подобное сравнение находили полезным и другие авторы. Примерами могут служить параллель, проведенная Такером между Сталиным и Иваном Грозным, характеристика Борисом Сувариным сталинизма как «возмездия Московии»⁵⁰. Конечно, сопоставляя практики 1930-х и 1920-х гг., а тем более элементы сталинской России с древней Московией, рискуешь упустить из виду социальный, экономический и другие контексты разных периодов. Но если политические практики эпох, далеко отстоящих друг от друга по времени, очень похожи, это само по себе о чем-то говорит. И это вовсе не значит, что мы ставим практику выше социальной, экономической или идеологической истории; мы просто рассматриваем ее отдельно⁵¹.

Так, например, мы совершенно не касаемся здесь идеологии, поскольку стараемся подчеркнуть другие факторы, как бы уравновешивая историографию, которая в последнее время уделяла внимание в первую очередь идеологии и культуре. Одна из причин игнорирования современными историками действия политических «глубинных структур» российской практики в советский период заключается в том, что они сосредоточились на идеологии модерна, принимая за чистую монету претензии большевиков на современность, даже беспрецедентность. Авторы таких исследований рассматривали СССР с точки зрения современности, находя у него общие черты с современными обществами Запада, включая европейские демократии, нацистскую Германию и США после Первой мировой войны. Все они располагали государственными полицейскими силами, осуществлявшими надзор за населением. Везде усилилась роль правительства, которое, в традициях науки и Просвещения, старалось планировать, учитывать, контролировать и в конечном счете совершенствовать население на базе современной идеологии⁵². Давая возможность строить интересные компаративные метагипотезы, такой подход меньше помогает объяснить традиционные и харизматические элементы в советской политике и практике.

Один из тезисов этой книги: объекты и практики, которые изначально были функциональными, в конечном счете становятся прочно укоренившейся частью культуры, даже когда их прежняя функция забывается. Позже такие практики превращаются в традиции и обычаи, порой приобретая новые функции и символические смыслы, — идея, не новая для антропологов. Впрочем, хотя эта работа многим обязана антропологическим догадкам и теориям, она представляет собой, скорее, несколько старомодное эмпирическое историческое исследование на основе внимательного чтения источников, главным образом архивных. Здесь мало попыток поддержки или критики существующей социальной теории и нет многочисленных ссылок на теоретическую литературу. Некоторые читатели сочтут такой подход «недостаточно теоретизированным», в чем сейчас модно упрекать исторические труды. Те, кого интересует теория, наверняка знакомы с обширной теоретической литературой и могут при желании применить теорию и к данному исследованию. А другие могут читать его как политическую историю, не обременяющую и не отвлекающую их теоретическим жаргоном, порой довольно абстрактным.

Большевики, конечно, были идеологами до мозга костей. В. М. Молотов рассказывал, что они со Сталиным и другими членами Политбюро обсуждали идейные вопросы даже в частных беседах⁵³.

На наш взгляд, разработка марксистско-ленинско-сталинской идеологии – дело важное, так же как и ее усвоение индивидами в обществе. В СССР хватало профессиональных идеологов и литераторов, проповедовавших воспитание и совершенствование «нового советского человека», однако очень редко интерес к этому обнаруживается среди высших руководителей партии, которые определяли политику, утверждали или запрещали те или иные меры и создавали официальный дискурс. За исключением имевших место время от времени размышлений о пропаганде, Сталин и его подручные почти никогда не говорили о переделке или совершенствовании граждан.

В своих действиях Сталин и партийная элита больше руководствовались прагматическими, чем идеологическими соображениями. Разумеется, они были убежденными коммунистами и делали то, что делали, ради построения современной коммунистической утопии. Достижение этой общей цели требовало быстрой индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и определенного государственного строительства. Но источники ясно показывают, что принимаемые ими повседневные практические решения диктовались необходимостью помочь друзьям, уничтожить врагов, индустриализовать страну и просто удержаться у власти – все это идеологически обосновывалось задним числом. Гибкая идеология могла служить даже для объяснения самых крутых поворотов в стратегии, тактике и методах.

Довольно опрометчиво характеризовать некую эпоху в той или иной стране как «современную», если в ней остается так много традиционного и харизматического. «Современная идеология» не гарантирует современности. Тому есть много примеров. В Северной Корее городское население составляет большинство (60 %). Две трети ее населения работают в промышленности или государственных учреждениях⁵⁴. Она имеет огромную, оснащенную современным вооружением армию и запускает ракеты. В число прочих современных элементов входят развитая строгая бюрократия и марксистско-ленинская идеология. Однако с точки зрения политической практики это наследственная монархия, где высших чиновников на патриархальный лад именуют «отец», «дядя», «брат» и т. д.

Кроме того, в России модернизирующая идеология и досовременный набор практик никогда не были несовместимы, разделить их можно на словах, с целью обсуждения. Русский марксизм выполнял роль посредника между досовременным и современным, содержа черты и того, и другого. Марксистско-ленинско-сталинская идеология вобрала в себя старинные русские особенности: сакраментальный культ

личности вождя, представление о правительстве как носителе истины в последней инстанции, нетерпимость к оппозиции как греховной ереси, утопическую веру в грядущий рай на земле⁵⁵. Господствующая идеология не только терпела, но и поощряла противоречащие ей элементы: патронаж и взяточничество, иерархию бюрократических диктатур, глубоко персонализированный взгляд на политику. Все эти и многие другие обычаи и убеждения, о которых пойдет речь ниже, являлись традиционными компонентами и практиками русской культуры; их либо сознательно ставили на службу модернизации, либо придерживались как «тайных и по большей части бессознательных» норм и ритуалов⁵⁶.

Еще несколько пояснений по терминологии. На следующих страницах я часто буду называть советских провинциальных партийных секретарей «дворянами», «баронами», «вельможами», «грандами», «боярами» и т. п. Конечно, в некоторых отношениях (особенно в смысле классового происхождения) старых большевиков и русских дворян разделяла социальная пропасть. Но по причинам, которые я излагаю в гл. 1, с *функциональной* точки зрения применяемые ими практики не так уж различались. Я не первый увидел эту связь. Дэниел Орловски писал о советских чиновниках: «Люди и их классовое происхождение могли быть другими, но институциональная структура, модели организации и, прежде всего, характер клиентелизма оставались удивительно похожими на то, что мы наблюдали в последние годы старого режима»⁵⁷. Мы увидим, что и самооценкой, репутацией в обществе, политической практикой партийные работники до боли напоминали прежнее дворянство. Кен Джоуитт отмечал «дворянское» отношение партийных кадров к экономическим занятиям⁵⁸. Грэм Гилл называл партийную элиту «грандами» и «нотаблями», которые считали себя «избранными»⁵⁹.

Я буду также сравнивать стратегии Карла Великого, Людовика XIV, Ивана Грозного и Сталина. Эти правители опять-таки во многом могут не слишком отличаться друг от друга, хотя их разделяют столетия. Во всяком случае, если мы обнаружим, что в аналогичных политических ситуациях они применяли очень похожие практики, это стоит исследовать. Практика для нас – главное.

Полностью сознавая, что в узком смысле слово «клан» подразумевает родство, я буду использовать его для обозначения того, что Мерл Фейнсод называл «семейными кругами» должностных лиц⁶⁰. Это политические аппараты, обычно группировавшиеся вокруг одной доминантной личности, их члены защищали и продвигали друг друга, ведя дела с помощью механизмов патронажа.

Такие политические кланы имели много функциональных признаков российских родственных кланов из прошлых веков: патриархальные системы власти, персонализированная, а не институциональная политика, коллективная ответственность (круговая порука). Кроме того, в сталинский период и позже современники часто использовали слово «клан» для характеристики патронско-клиентских политических кругов. Особенно широко оно употребляется сегодня, когда речь идет о семейных кругах, близких к Путину⁶¹.

Я не первый связал эти советские политические аппараты со старыми русскими кланами, основанными на родстве. Пятьдесят лет назад выражение Фейнсода «семейные круги», конечно, не могло не навести на размышления. Эдвард Кинан писал, что в коммунистической партии «действуют каналы неформальной власти и влияния, которые традиционно связывали членов клана или клиентско-патронской группы». Говоря о русских боярах, он отметил: «...не официальная должность, а близость к владетельной персоне являлась гарантией и целью политической деятельности... последовательно складывались внешние круги, каждый из групп клиентов и/или прочих приспешников членов внутреннего по отношению к нему круга... В Новое время они превратятся в бюрократические группы и группы интересов»⁶².

Сравнение советской бюрократии с группами родственников было обычным и в саму сталинскую эпоху. Сталин как-то сказал: «У нас нередко решаются вопросы не только на местах, но и в центре, так сказать, в семейном порядке, домашним образом»⁶³. На пленуме ЦК в 1937 г. А. А. Жданов и другие громили «семейственность», когда все решается за закрытыми дверями маленькими группами людей, связанных общими интересами, в частности в плане самозащиты. Сталин согласился, бросив реплику: «Это сговор»⁶⁴.

Исследователи, пытающиеся проследить неформальные практики в высокой политике, особенно в обществе, для которого характерны личные отношения, секретность, устная традиция, испытывают трудности с источниками. Тем не менее, учитывая должным образом проблему тенденциозности, жемчужины можно отыскать где угодно.

Данное исследование сосредоточено на советской коммунистической партии – правящей группе в политике, и в основе его лежат архивные документы. Наши основные источники – материалы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), бывшего архива КПСС, в частности, фонды Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК наряду с личными архивами Сталина и его главных подручных: Кагановича, Молотова, Жданова,

Ежова. Несмотря на возможную обманчивость впечатления, будто эти материалы являют собой документальное отражение упорядоченной структуры (которой могло и не существовать), они предоставляют нам объемистую летопись деяний партии. Работать с ними, как и с другими источниками, приходится осторожно и не без скуки. Можно перерывать сотню страниц обычной рутины Оргбюро, пока не найдешь документы, которые приоткроют окошко и позволят заглянуть внутрь. Когда тот или иной рутинный вопрос становился предметом расследования (что случалось не так уж редко), собиралась документация, которая показывает нам, кем были действующие лица и как реально обстояли дела за кулисами. Или другой пример: в разные моменты сталинского периода какое-нибудь антибюрократическое выступление Сталина или скандал общегосударственного масштаба открывали дискурсивное окно, сквозь которое мы (по крайней мере, пока оно не закрылось) видим партийцев и партийных работников, открыто рассказывающих, как в реальности осуществляется политика на местах. Вдобавок, если уж мы находим свидетельства неформальных, традиционных практик в источнике, предназначенном для изображения рациональной бюрократии, это заслуживает особого внимания.

1. СТАРОЕ И НОВОЕ

Живая культура... неизменно рождает структурно и функционально новые системы и тексты. Но она не может не содержать в себе памяти о прошлом.

Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский (1985)¹

Если Мавзолей Ленина можно рассматривать как своего рода текст, соединяющий в себе древние и современные идеи, то и в разнообразных советских практиках можно увидеть такое же сочетание, или преемственность. Любопытные переносы обнаруживаются повсюду, даже в собственном опыте, когда начинаешь о них задумываться. Во времена Московской Руси «все иностранцы, желавшие посетить Россию, сталкивались с большими трудностями»: «Пограничной страже строго-настрого наказывали заворачивать любого иностранца, у которого отсутствует разрешение на въезд... Даже тех, кто обладал необходимыми документами, сильно ограничивали в выборе места жительства и продолжительности пребывания». Те, кто пытался получить визу в СССР или, до недавних пор, в постсоветскую Россию, сразу узнают эту традицию. Читатели постарше вспомнят, каким подвигом даже в брежневский период было для советского коллеги пригласить иностранца в гости. Точно так же обстояло дело столетия назад: «Контакты местных жителей с визитерами из-за рубежа не поощрялись: любые беседы между русскими и иностранцами навлекали на первых серьезные подозрения не только относительно их верности своей религии и обычаям, но и насчет их политической благонадежности»².

В этой главе исследуется, возможно, несколько эклектичная подборка практик и моделей поведения, свидетельствующих о преемственности «глубинных структур» российской практики и персонализации политики. Мы постараемся выявить скрытый смысл писания писем во власть, наград и званий, преимущества коллективной ответственности (круговой поруки) над индивидуальной, социальных ролей элиты. Все эти практики имеют глубокие корни в российской культуре, сознательно или бессознательно их продолжали придерживаться и в советский период, и после него.

Тексты

Начнем с неофициальных текстов и жанров³. Весь советский период граждане в поисках помощи и справедливости писали письма власть имущим. Архивные фонды Сталина, Калинина, Молотова и других полны таких писем, зачастую с «резолуциями» адресатов⁴. Но здесь нас интересует не столько результативность писем, сколько их речь, жанр и содержание.

За много столетий до большевиков русские писали (или заказывали написать за плату) ходатайства могущественным персонам, добиваясь милости или возмещения за обиды. В таких письмах явственно усматриваются ритуальные формы патронажа и патриархальных отношений⁵. Известные под названием «челобитных», эти ходатайства строго следовали традиционным формам, воспроизводя неизменные риторические фигуры. Как правило, они представляли собой обращения наверх, от низших к высшим – экзальтация сочеталась в них с униженными мольбами. Русские, по-видимому, переняли челобитье в буквальном смысле как придворную церемонию от монголов, которые, в свою очередь, позаимствовали его у древних китайцев со времен первого монгольского императора Китая – Хубилая. «Челобитье» – калька с китайского «кэтоу» или «коутоу», означающего коленопреклонение с битьем головой оземь⁶.

Эти письма имели трехчастную структуру. Первой шла вводная формула, где автор велеречиво приветствовал адресата и представлялся ему. Во второй части перечислялись жалобы или просьбы, в третьей автор молил о заступничестве и помощи.

В первой вступительной части сразу же устанавливались отношения между автором и читателем письма. Обычно она содержала восхваление могущественного адресата наряду с самоуничижением отправителя, который почти всегда именовал себя «твой холоп» или «твой сирота»: «Царю Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу бьет челом сирота твой Тараско Микифоров»⁷. Автор также часто извинялся во вступлении за то, что докучает адресату своими мелкими «холопскими» заботами.

Во второй части, как правило, наиболее пространной, излагалась сама жалоба. Ее нарративные элементы включали перечисление невзгод ходатая и несправедливостей, причиненных ему другими людьми. Они преувеличивались, дабы показать масштабы страданий автора и выставить его обидчиков в наихудшем свете. Если автор ограничивался просьбой о милости, не обвиняя никаких «злодеев», эта

часть состояла из бесконечных описаний его несчастий, щедро сдобренных лестью в адрес получателя письма.

Третья заключительная часть содержала мольбу о заступничестве, часто с дополнительными увещаниями, призванными побудить государя оказать ходатаю милость и продемонстрировать ему свою справедливость. Здесь мы иногда можем найти некоторое обоснование для такого заступничества, которое могло включать и правосудие, – преимущество для самого государя (благоприятный результат позволит ходатаю «служить ему дальше»), но чаще всего – просто призывы к милосердию.

Гольфо Алексопулос показала наличие в советских письмах большевистским вождям двух «стилей презентации». Один – отчетливо советский, когда автор использовал официально одобренный язык и терминологию, обосновывал свою просьбу советскими критериями полезного труда и классовой принадлежности. Другой она назвала «ритуальным плачем»: автор живописал преследующие его беды. Подобно ламентационным ритуалам древних греков, исполнявшимся в дни траура, это было «оплакивание своей судьбы». В ритуальном плаче человек изображал себя жертвой неблагоприятных обстоятельств, несправедливости или несчастья – жалкой, слабой и беспомощной⁸.

Между типами советских писем есть определенные различия в зависимости от автора и характера просьбы. Тем не менее наблюдаются удивительные параллели и преемственность между старинными челобитными и обоими типами посланий от советских граждан, как политического, так и личного плана. Советские письма демонстрируют множество стилей и языков, в том числе недвусмысленно институциональные – к этой категории относятся письма в газеты и журналы. Но огромное большинство писем конкретным лицам отражает патримонные представления о власти. Сталин для их авторов – «подаватель всех благ»⁹.

Прежде всего мы можем отметить, что сам акт ходатайствования перед важной персоной в любом веке выдает понимание власти как персональной. Хотя советские граждане могли обращаться (и порой обращались) в бюрократические ведомства и учреждения, они имели ту же привычку, что и их предки, – писать облеченным властью лицам. Они делали это, либо потерпев неудачу в использовании бюрократических средств, либо даже не пытаясь к ним прибегнуть. Власть была персонализирована, как всегда. Достичь цели помогали люди, а не кабинеты: «Еще одно следствие персонализации заключалось в том, что люди старались по возможности избегать бюрократии, официальных каналов. Неформальные способы делового общения

с системой представлялись наиболее естественными, простыми и эффективными»¹⁰. Но преимущество личности над бюрократией не ограничивалось практиками рядовых граждан. Оно веками составляло стержень самой политической системы.

Структура писем советской эпохи почти такая же, как в XVII в. и раньше. Огромное большинство писем, написанных конкретным лицам и сохранившихся в архивах, адресованы либо М. И. Калинин (председателю ЦИК СССР, позже ВС СССР), либо Сталину. Калинин представлял собой очевидный выбор как номинальный глава правительства. Не менее важную роль играли его крестьянское происхождение и звание «всесоюзного старосты»; на протяжении всей российской истории у «старост», «старших» просили помощи. Простые люди, фигурально выражаясь, писали своему сельскому старосте, иногда фамильярно обращаясь к нему на «ты», словно к односельчанину. В письмах Сталину (да и во многих посланиях Калинин) могущественного адресата часто именовали «батюшкой», «отцом».

Вступительная часть льстила адресату и аттестовала автора как «маленького человека», характеризуя таким образом подчиненный статус отправителя письма и власть получателя. Даже лауреат Сталинской премии соблюдал патриархальные формы: «Дорогой товарищ Сталин! Отец мой! Пишу вам это кровью моего сердца. Все мои надежды на вас»¹¹. Простая колхозница писала: «Дорогой и родной отец Иосиф Виссарионович! В эти тяжелые дни каждый человек переживает вместе со страной, как-то особенно хочется поделиться с Вами, любимый наш отец. Для меня создалось такое тяжелое положение, которое вынуждает меня обратиться к Вам с убедительной просьбой: уделить Ваше дорогое внимание на секунду, ибо от этой секунды зависит моя дальнейшая судьба»¹². Член Академии наук не отступал от традиции: «Дорогой, безгранично уважаемый Иосиф Виссарионович! Позволяю себе обратиться к Вам, нашему учителю и вождю, отцу и покровителю нашей славной молодежи, всегда готовой отдать свои силы и саму жизнь интересам Родины»¹³. Такого же стиля приветствий придерживались и остальные: «Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович [Молотов]. Простите дерзость, с которой я позволила себе написать вам, не имея сил молчать»¹⁴. Или: «Дорогой Вячеслав Михайлович! Я не хотела вас беспокоить. Но дела в Наркомате легкой промышленности довели меня до того, что ничего не оставалось, как написать вам»¹⁵.

Иногда авторы писем, чувствуя некий диссонанс между патримониальными приветствиями и общепринятым деловым советским стилем, пытались избегать подобострастного тона или даже подшучивать

над ним. Но ничего не могли с собой поделаться и в конце концов лишь усиливали традиционный самоуничижительный, просительный тон первой части послания: «Мой любимый Иосиф Виссарионович! Вы получали и получаете тысячи телеграмм и резолюций о любви к Вам, о преданности Вам. Иосиф Виссарионович! Мой любимый вождь! Вы привыкли к этому. Это стало шаблоном, традицией, привычкой, обязательством. Вы достаточно умный человек, чтобы понимать это... Я Вам пишу это письмо не в силу традиций и обязательств. Я вас люблю, я люблю мою родину, я люблю мой народ, хотя за ним и много погрешностей, и я пишу не потому, что надо мною довлеют те или иные традиции и обязательства, а потому, что этого требует моя душа... Я выходец из рабочей семьи, сам работал от чернорабочего до квалифицированного слесаря девять лет, до литератора, до “короля советской драматургии”, как об этом говорили многие... Мой дорогой вождь! Я не претендую ни на гениальность, ни на талантливость, ни на глубокомыслие. Я просто люблю мой народ, мою родину... Я участвовал в отечественной войне с августа по октябрь 1941 года. Я был в окружении, я уничтожил около 30 гитлеровцев... Дорогой Иосиф Виссарионович! Я ни на что не претендую, ничего не хочу для себя...»¹⁶

Другие тоже притворялись, будто ничего не хотят, прежде чем о чем-то попросить: «Вы меня простите, что своим письмом я оторву Вас от более важного дела. Когда я приступил к изложению данного письма именно Вам, к этому меня побудило обстоятельство, в котором я не найду выхода, и считаю, что Вы дадите ясный ответ, который даст пользу не только мне, но и моей работе, которой я отдаю все... и свои личные интересы отодвинул в дальнюю очередь»¹⁷.

Между старинными русскими челобитными и советскими письмами есть различие в самоидентификации отправителей. Авторы последних, уничтожая себя перед носителем власти, приводили при этом доказательства своей советской благонадежности – либо в шапке письма, либо непосредственно в первой части. Партийцы сообщали дату вступления в партию и указывали, что не состояли в оппозиции и не имеют взысканий. Лауреаты премий называли свои премии, старые пролетарии писали о трудовых рекордах, красноармейцы (особенно участники гражданской войны) – о службе в армии.

Партийцы обращались не совсем снизу вверх, а как бы по горизонтали – партийный товарищ к партийному товарищу. Тон их писем отражал эгалитарную традицию партии, которая имела собственный этикет, правосудие, общие трудности и задачи. Тут крылся свой риск, поскольку считалось, что поведение членов партии служит образцом остальным, они должны исполнять свой долг и не хныкать из-за лич-

ных проблем. Им приходилось доказывать, что проблема, на которую они жалуются, объективно серьезна.

Может показаться, будто гордость, проявляемая в обращении «товарища к товарищу», противоречит общей подобострастности вступлений к письмам, но цель здесь ставилась та же, что и в модели обращения безвластных к власти имущим, – повысить шансы на благоприятное решение. Обе тактики – «я маленький человек, сирота» и «я человек не последний» – служили способами найти подход к облеченному властью лицу, изобразить себя чистым и безгрешным, а потому заслуживающим помощи и милости. Кроме того, выбирал ли пишущий дискурсивный путь «сироты» или «партийного товарища» (а иногда и оба), сам факт ходатайствования перед могущественной патриархальной личностью устанавливал подчиненный статус автора письма и подтверждал персональный характер политической власти.

Во второй части письма автор описывал какую-либо несправедливость или проблему и просил решить вопрос. Как и в старинных вариантах, эта часть обычно пространна, подробна и полна «раздутых перечислений»¹⁸. Необходимо было предупредить любые возражения и представить дело как можно более убедительно. Авторы писем рисовали цепочки поступков, излагали всю историю своих проблем, включая все связанные с ними события и малейшие подробности. Даже когда они писали «заканчиваю» (возможно, чтобы адресат не бросил читать их литанию), они редко действительно заканчивали, а продолжали еще долго, зачастую повторяя одно и то же. И в древнюю, и в современную эпоху ходатай рассказывал длинную повесть. Письмо о произволе местного барина, партийного секретаря, или бюрократа включало «элементы формовки, подгонки, обработки: выстраивания нарратива»¹⁹. Эта часть также сильно походила на старинные тексты с ритуальным плачем о жизненных тяготах: «Я, нижеподписавшаяся колхозница, решила написать вам письмо, известить вас о своей жизни. Я живу очень плохо. Каждую весну не хватает хлеба. Имею двух сынов, первого – 16 лет, второго – 5 лет. Очень трудно мне их воспитывать. Мужа нет – умер... Вот я, бедная вдова, каждую зиму голодаю. Сын учился в пятом классе в районе за 6 километров... остановился учиться, потому что стал недоедать... валенок не было, теплого пальто тоже не было. По этим основным причинам и не закончил учебу. Кто мне, бедной вдове, поможет?»²⁰ Вот еще в том же духе: «Я мать четырех сыновей, отдавших жизнь за родину. 5 августа погиб мой последний любимый сын Апанасенко Иосиф Родионович, генерал армии, под Белгородом. Эта тяжелая утрата окончательно свалила меня с ног... Мне восемьдесят три года. Живу сейчас у доче-

ри, муж которой также защищает родину... Сейчас сердечно прошу не отказать в просьбе и не оставить мои старческие годы без внимания – оказать помощь в получении пенсии... Нет больше у меня защиты и помощи, все сыны погибли, прошу Вас, как сына родного, не оставить меня старенькую»²¹.

Советские авторы писем искали такого же рода помощи, что и их предки. Восстановления на работе или в партии, откуда их уволили/исключили в результате клеветы и несправедливости, компенсации за обиды и произвол со стороны преступных должностных лиц или просто милости и милосердия в тяжелые времена. Однако самым типичным, как и в старых челобитных, было в конечном счете обличение злодеев. Иногда к таковым относились соседи или супруги, но чаще всего – самовластные либо коррумпированные бюрократы или «знать». Обвиняемые начальники могли нанести ответный удар. «Если доносчик часто вставлял “несколько слов о себе”, дабы усилить свои позиции, то опровержение доноса представляло собой зеркальное отражение той же уловки. Доносчик, ссылаясь на свою службу режиму, пытался показать, что он прав, потому что “свой”, а бюрократы пытались показать, что он не прав, потому что “чужой”», – писал В. А. Козлов²².

Сравним два текста. Вот челобитная XVII в.: «С плачем и кровавыми слезами... челом бьем, что твои властолюбивые нарушители крестного целования, простого народа мучители и кровопийцы, и наши губители, всей страны властвующие, нас всеми способами мучат, насилья и неправды чинят»²³. А вот письмо Молотову, написанное в 1950-х гг.: «Я прошу защитить нас, простых людей, от преследования и террора воров. Грабят среди белого дня... Просим Вас издать закон, пойманному вору отрубить 5 пальцев левой руки...»²⁴

Последняя часть ходатайства содержала собственно просьбу о компенсации или вмешательстве, критерии и в старинных, и в современных вариантах приводились одинаковые. Чаще всего благоприятный результат должны были обеспечить элементарное правосудие, религиозно-нравственное предотвращение греха, признание классовых прав или милость. Просьбы о милости больше свойственны старорусским челобитным, однако не чужды и современным письмам. Поскольку адресат последних ввиду внешнего эгалитаризма советской культуры все же не являлся всемилостивым царем, призывы к милости нередко выражались в них не прямо, а косвенно.

Другими стимулами или критериями удовлетворения просьбы служили обещания, что исправление положения позволит ходатаю служить или работать лучше. Царя просили оказать милость, «чтоб

мне, холопу твоему... вконец не погинуть, и твоей бы государевы службы впредь не отбыть»²⁵. В советских письмах также часто содержались апокалиптические пророчества («я локончу с собой!»), равно как и заверения: «Пишу Вам, как родному отцу, не как жалобу, а как письмо и обещаю Вам, несмотря ни на что, отдавать все свое знание, талант и жизнь для служения нашему великому народу»²⁶. Или: «Я ужасно страдаю от моей болезни, но не перестану работать и ждать Вашего ответа на мое письмо. Неважно, в какой форме, Ваш ответ будет для меня высшей наградой»²⁷.

Неизменный формат ходатайств показывает мощную преемственность, связывавшую старину и современность. Он демонстрирует убежденность в персональном характере политики, о чем подробно будет сказано в последующих главах. Добиваясь удовлетворения претензий, человек искал помощи от могущественных лиц, а не институтов. И если он такое удовлетворение получал, оно основывалось на личной справедливости и милости власть имущих и воспринималось как дар свыше, а не реализация гражданских или договорных прав просителя²⁸.

У нас нет доступа к письмам Ельцину или Путину, но мы можем указать на современный аналог этого процесса – телевизионные «горячие линии» с Путиным. Передачи в таком формате, впервые опробованном бывшим московским мэром Ю. М. Лужковым, длятся несколько часов, во время которых Путин получает замечания и просьбы от простых граждан. Подобно прежним челобитным и письмам, это обращения снизу вверх, хотя некоторые выражают возмущение. Многие из них представляют собой личные просьбы о помощи в трудных обстоятельствах или защите от произвола бюрократов. Иногда звонящие долго распространяются о своих обидах, и их вежливо прерывают, чтобы Путин мог ответить. Его ответы – современный технологический аналог сталинским пометкам на полях писем с распоряжениями о том, как решить вопрос. Путин часто выражает сочувствие просителям, вставая на их сторону против бюрократов. Он то и дело выносит решение разобраться в деле немедленно и персонально, без канцелярской волокиты, минуя официальные каналы. Поэтому положительные решения демонстрируют его личное правосудие как дар, обусловленный его милостью и властью.

Письма с просьбами – не единственные тексты старинного жанра с современным содержанием. В народной культуре есть множество примеров наполнения старых форм новым содержанием в советский период. Так, в сказания о битвах вводились современные герои и образы. Традиционная былина о древнерусском герое, сражавшемся с монголами, превратилась в сказ о герое гражданской войны Чапаеве. Меч

стал пулеметом, монголы – белогвардейцами. Однако элементы традиционного сказания остались: вооружение героя, то, как он седлает боевого коня, выходит на битву против несметных вражеских полчищ, продолжающуюся с утра до ночи, бьет и расшвыривает врагов:

Он пошел тогда да во широкий двор,
Брал тогда добра коня,
Добра коня да со семи цепей,
Убирал-то его в убор богатырский,
Он накладывал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатую клал не ради красы, а ради крепости,
Ради той ли поездки молодецкой...
Надевает он латы булатные,
Все доспехи боевые,
Он берет с собой саблю вострую,
Он берет с собой палицу тяжелую,
Он берет с собой булатный нож
Да пулеметное оружие – максимочку.
Забил его конь в землю ножкой правою,
Мать сыра земля да всколыбалася,
В темных-то лесах древа-то пошаталися,
В море Хвалынском вода волной разливалася...
Как опять же стоит собака-енерал среди поля,
Среди поля да среди чистого,
За самим за енералом силы числа-сметы нет:
За ним сорок енералов, сорок полковников,
За ним сорок сороков станичных подорожничков.
Он весь день рубился с утра до вечера,
Он бился-боролся всю темную ночь до утра раннего,
Не пиваючи да не едаючи,
А добрым коням отдыху не даваючи.
Он ведь стал тут по силы похаживать,
Стал он ту белую силу поколачивать,
Разметал, разбросал всю силу белую
По разным по сторонущкам²⁹.

²⁹ Фольклорный образ вождя нации, вооружающегося на битву с врагом, существует и сегодня:

Россия, ты не отступала
От злого врага в бою,
Солдаты все и генералы
С Великой Родиной в строю!
Не стой, страна, на перепутье,
Пусть лучше завтра будет бой!
Давай вперед, Владимир Путин!
А мы в атаку все с тобой.

...
И будет новая Россия,

И будет новая страна.
Свое могущество и силу
Еще докажет всем она!
Отчизна, ты хотела сути,
Ты в мире разума оплот –
Давай вперед, Владимир Путин!
С тобой Российский весь Народ!³⁰

В других случаях осовременивались традиционные песни³¹. Песня XVII–XVIII вв. начиналась:

Ино что у нас в Москве учинилося,
С полуночи у нас в колокол звонили?
А расплачутся гости москвичи...

Стало:

Как у нас было в каменной Москве,
Велико у нас несчастье случилось...
Каменна Москва вся проплакала...

Начало распространенного погребального причитания звучало так:

Ты куда да паряжаешься,
Ты куда да сподобляешься,
Во какую да путь-дороженьку?

Стало:

Он куда у нас да отправляется?
Во какую путь-то во дороженьку?
...
Как ушел от нас, укатился тут,
Как великий вождь, дорогой товарищ,
Еще Ленин всей России отец же был,
Все Владимир-то Ильич-то свет.

В знаменитом цикле частушек «Яблочко», начинавшихся со слов «Эх, яблочко, куды котишься», один из обычных вариантов звучал так:

Эх, яблочко,
Куды котится?
Ой, мамочка,
Замуж хочется.

А потом стало, например, так:

Эх, яблочко
Укатилось,
А кадетская власть
Провалилася.

Порой подобное происходило более или менее официально, по указке сверху: представители и служащие режима попросту переписывали старые песни, частушки, сказы, добавляя в них пропагандистское содержание³². Но, как показали этнографические исследования, зачастую современное содержание плавно перетекало в старинные формы снизу, в рамках традиционной культуры³³. Так или иначе, важна сама традиция производства и сохранения фольклора.

Награды и звания

Живучесть старинных «персоноцентричных» практик проявляется также в символизме идентичности и власти. В большинстве современных обществ способы наделения статусом и властью более или менее одинаковы. Разумеется, богатство в денежном выражении всегда связано с властью. В политике средством приобретения власти и статуса служит занимаемый пост, учитывая авторитет и могущество ведомств в рационально-бюрократическом обществе.

Но в некапиталистических или досовременных обществах в качестве маркеров и инструментов власти и статуса применяются совершенно иные критерии. Привилегии там часто носят не денежный характер, а институциональная принадлежность бывает символична, не означая реальной деятельности и полномочий. Например, великий камергер вовсе не одевал короля, как полагалось бы ему по должности. В старой России звание думного дьяка носил важный чиновник, не имевший ничего общего с церковью. Это звание было почетным и наделяло своего обладателя куда большими властью и влиянием, чем у людей побогаче или повыше происхождением. В свою очередь, как мы увидим, личный почет и связанная с ним власть зависели от близости к верховной особе.

Для старой России, так же как для многих традиционных обществ, была характерна четкая иерархия званий и наград, которые давали или изменяли статус. Со времен Петра Великого статус человека всецело определялся его местом в «Табели о рангах», еще раньше – градацию по старшинству устанавливала система местничества³⁴. Сама идентичность индивида зависела от ранга, от званий и наград, которые порой возводили то или иное лицо во дворянство.

Звания слабо ассоциировались с институтами. Например, представителям боярской верхушки общества присваивались звания «боярин», «окольный», «думный дворянин», «думный дьяк». Но значение имел почет, ранг, а существовал ли и работал ли соответствующий институт, для «эмблемы» ранга, которую носили его обла-

датели, никакой роли не играло. Награды и присвоенные ранги действительно функционировали как эмблемы, и часто о них объявляли особые знаки на одежде человека.

Еще важнее, что награда или присвоенное звание по-настоящему меняли личность. Тот, кто получал орден или дворянский титул, функционально становился новым человеком. Поэтому идентичность в старой России была дарованной, а не внутренне присущей, как у современных граждан. Лицо, получившее орден или другую награду, занимало по отношению к выше- и нижестоящим в обществе новое, особое положение, его звания и награды зачастую перечислялись в официальной корреспонденции.

Статус мог быть изначально присущ человеку. Представители княжеских и боярских родов получали свой статус с рождения. Но большинство других званий и статусных маркеров присваивались царем, который, действуя в довольно широких рамках традиции, мог их давать и отбирать. Поэтому статус и власть не обуславливались ни рождением, ни должностью. В основном они зависели от символических званий, число и распределение которых строго контролировалось центральной властью, которые усердно афишировались их обладателями и признавались окружающими.

За редкими исключениями, неденежные критерии играли чрезвычайно важную роль и весь советский период. Целая куча премий, орденов, званий – от кавалера ордена Ленина и лауреата Сталинской премии до «передовой свинарки» или «почетного общественника» – воспринимались очень серьезно, их в буквальном смысле носили как знаки ранга. Даже сейчас, спустя более 20 лет после распада СССР, на улице нередко можно встретить людей с медалями.

Как и в старой России, институциональная принадлежность являлась механизмом власти, однако важнее был придаваемый ею статус как идентичность. Подобно родословной, краткая советская автобиография включала перечень должностей и членства в различных организациях, которые служили, скорее, знаками почета, нежели рычагами власти. После перечисления прежних и нынешних постов человека в биографии приводились важные почетные звания, например «делегат XII–XVIII съездов партии, член Центрального исполнительного комитета Советов 5–9 созывов» и т. д., даже если указанные органы собирались редко и ничего существенного не делали. Затем шли награды (орден Ленина, звание Героя Социалистического Труда, орден Красного Знамени и т. п.) – функциональные эквиваленты службы в редко собиравшихся органах³⁵.

Подобные перечни были обязательной и значительной частью биографии, социально-политическим лицом ее автора. Когда кто-то писал просьбу или жалобу властям, он всегда перечислял свои награды и звания либо в преамбуле, либо в постскриптуме (часто вместе с датой вступления в партию), дабы указать на свой ранг и «качество». На такое письмо скорее следовало ожидать ответа от высших руководителей, раз его автор – не простой человек.

Статус старого большевика, подобно княжескому или аристократическому, был непреложным и постоянным. В остальном центральное руководство контролировало награды и статусы. Как и в старой России, идентичность даровалась сверху, Сталиным. Руководство относилось к премиям и медалям не менее серьезно, чем широкие слои населения. Важные награды обсуждались в Политбюро и часто присваивались личным решением Сталина. Он считал, что ордена имеют «моральную силу». В 1931 г. он писал в Политбюро: «Плохое впечатление производит решение ПБ о выдаче ордена Ленина разным лицам. Слишком легко стали выдавать ордена. Если так будет продолжаться, орден будет опошлен, и выдача его будет лишена всякой моральной силы. Нельзя этого допускать ни в коем случае!»³⁶

Когда нарком обороны К. Е. Ворошилов захотел наградить кавалерийскую дивизию, Сталин написал: «Вторую Черниговскую кавдивизию я не знаю и не могу голосовать ни за, ни против награждения»³⁷. В 1934 г. Политбюро предложило дать орден физиологу И. П. Павлову, учредить премию имени Павлова в размере 20 тыс. руб. и пять стипендий для молодых ученых, а также отпустить 1 млн руб. для биологической станции Павлова. Сталин ответил на следующий день: «Павлов, конечно, не Мичурин. Мичурин политически наш, а Павлов не наш. Нужно, чтобы эта разница не была смазана в печати... Никакого ордена ему не следует давать, если даже он хотел бы получить его. Во всем остальном согласен»³⁸.

Подобно всему советскому населению, Сталин серьезно относился к таким вещам. То же самое можно сказать и о его преемниках. В одном указе Путина 2010 г. перечислены свыше сотни званий и наград наряду с критериями награждения³⁹. Президент Татарстана был награжден Рубиновой Звездой Миротворца и другими орденами. Президент Удмуртии получил орден «За заслуги перед Отечеством», звания «Заслуженного строителя Российской Федерации», «почетного академика» и пр.⁴⁰

Коллективная ответственность

Если большевики (и население, которым они правили) придерживались довольно традиционного взгляда на статус и почести, то их отношение к уголовной ответственности имело еще более глубокие исторические корни. В большинстве современных обществ гражданскую и уголовную ответственность несут, как правило, отдельные лица, и перед законом все равны, по крайней мере в принципе. Однако большевистская практика, внешне современная и трансформационная, на деле была весьма старинной.

С начала советского периода большевики применяли террор не только против отдельных лиц, но и против групп. При «красном терроре» в годы гражданской войны людей брали в заложники и расстреливали по политическим причинам. Если какие-то крестьяне прятали хлеб, ответственность возлагали на всю деревню. В начале 1930-х гг. в массовом порядке ссылали крестьян, сопротивлявшихся коллективизации, с того же времени депортировали или переселяли из области в область нерусское население. Во время Второй мировой войны депортации подверглись целые народы (чеченцы, крымские татары и пр.), хотя лишь небольшой процент их представителей сотрудничал с немцами.

Подобные массовые операции выглядят как своего рода социальная инженерия, с помощью которой современное государство старается выполоть «сорняки» из своего сада. Некоторые ученые указывают, что современные государства стремятся совершенствовать свое население путем учета, регулирования, индоктринации, контроля и отделения хороших от плохих⁴¹. Однако мы можем усмотреть здесь и продолжение старорусской «круговой поруки», когда целые группы осуждались и карались за грехи отдельных своих представителей. С 1934 г. члены семей военных, бежавших за границу, подлежали наказанию и могли быть осуждены на 10 лет заключения за пособничество бегству или на срок до 5 лет, даже если они ничего не знали⁴². В ходе «большого террора» 1937–1938 гг. вместе с главой семейства обычно арестовывали и остальных членов семьи, так же как за арестом высокопоставленного должностного лица следовали аресты всего его окружения.

И в сталинские времена, и много позже родственники «врагов народа», даже если они были детьми в момент ареста отца, носили несмываемое клеймо. Их строго ограничивали в доступе к высшему образованию, хорошей работе, членству в партии. До конца советско-

го периода человек не мог поехать за границу, не оставив в СССР членов семьи как некую коллективную гарантию своего возвращения.

Поднимая тост в честь 20-й годовщины большевистской революции, Сталин открыто высказался за коллективную ответственность абсолютно досовременного типа: «И мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями (да, и мыслями) покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»⁴³

Можно сравнить этот тост со словами Чингисхана: «Всякий, кто не подчинится и попытается сопротивляться, должен умереть, вместе с женой, детьми, родными и близкими!»⁴⁴ Татарские потомки Чингиса, правившие Россией, наверняка разделяли его взгляды. При малейшем признаке сопротивления целые города разрушались, а их население истреблялось.

Сталинисты исповедовали концепцию «объективной вины», которая расширяла рамки коллективной виновности за пределы конкретных действий и даже сговора. Эта идея, изложенная наиболее четко в «Слепящей тьме» Артура Кёстлера, заключалась в том, что даже личные сомнения человека в официальной политике равносильны измене ввиду их объективного эффекта. Русская православная традиция тоже признавала «грехи помышлением»⁴⁵. Думать о свержении государственной власти было так же плохо, как и реально подготавливать его. Согласно большевистской «алгебре» вины, человек, выступавший против большевиков, выступал против революции, социализма и блага человечества, независимо от его субъективных намерений. Принадлежность к группе критиков режима, сочувствие критическим мыслям других людей рассматривались как преступление и измена, так же как знание и недонесение о «заговоре».

Нарком внутренних дел Н. И. Ежов в рукописи «От фракционности к открытой контрреволюции (о зиновьевской контрреволюционной организации)» утверждал, что постоянная оппозиция партийной линии неизбежно ведет к контрреволюции и терроризму, подстрекая других, даже если сами подстрекатели не являются прямыми организаторами подобных деяний⁴⁶. И. И. Котолынов, один из подсудимых на процессе по делу об убийстве Кирова в 1934 г., заявил, что ничего не знал о террористических планах, однако в соответствии с той же «алгеброй» существование зиновьевской «организации» могло толкнуть отдельные «горячие головы» на преступление⁴⁷.

Некоторые большевики-антисталинцы поначалу не признавали объективную вину. Г. Е. Зиновьев на допросе спорил со следователем:

«ЗИНОВЬЕВ: Я говорил следствию, что у Евдокимова, Бакаева и др. были родственные связи с ленинградцами. К ним приезжали из Ленинграда, ночевали у них, но какое это имеет отношение в последние годы ко мне? Все-таки есть разница, что люди ночевали и что есть какая-то организация.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Ваш ответ не серьезен.

ЗИНОВЬЕВ: Люди были связаны десятками лет, когда никакой связи с к.-р. работой не имели. Нельзя все путать в один клубок»⁴⁸.

Н. И. Бухарин, выступая на пленуме ЦК в декабре 1936 г., сказал: «Я не отрицаю, что часть членов Центрального Комитета бывала у меня на квартире. Бывала. Но из этого надо сделать тот вывод, что я смыкаюсь с иностранными государствами, что я ставлю свою кандидатуру в правительство, что я помогаю сукиным детям душиль рабочих в шахтах?»⁴⁹ А. И. Рыков на февральско-мартовском пленуме 1937 г. также настаивал, что виновен лишь в тех вещах, которые действительно совершил: «За то, что я сделал, меня нужно карать, но нельзя карать за то, чего я не сделал... И иметь больший позор, чем тот, что многие из этих людей делали эти отвратительные штуки, ориентируясь на меня, — это ужасная вещь. Но из этого вовсе не вытекает, исходя из этого вовсе нельзя, мне кажется, обвинять меня в том, что я знал, что троцкисты разговаривали с Гессом, что они уступили Германии Украину, что Приморский край отдали японцам, что шпионство и диверсии входили к ним как система и получили широчайшее распространение. И если вы думаете, что я об этом знал, то тогда, ясное дело, нужно таких людей уничтожать... Но я в этом неповинен»⁵⁰.

В конце концов, под давлением следователей или изменив образ мыслей, обвиняемые признавали объективную вину. В 540-страничной рукописи под названием «Заслуженный приговор», которую Зиновьев написал в тюрьме незадолго до расстрела, он уверял: «Это — непреложный факт. Кто теперь продолжает играть с идеей “оппозиции” социалистическому государству, тот играет тем самым и с идеей контрреволюционного террора...»⁵¹ На показательных процессах и Зиновьев, и Бухарин, и Рыков сознались в измене. Зиновьев подтвердил, что был «активным организатором» террора. Бухарин, продолжая отрицать какое-либо личное участие в преступлениях, взял на себя «моральную ответственность» за них.

Важным следствием круговой поруки и ее более поздней версии, «объективной вины», была мысль, что знание о заговоре и недонесе-

ние о нем властям равносильны участию в заговоре и, соответственно, измене. Даже Рыков соглашался: «Середины тут не может быть. Середины не может быть потому, что если эти предатели и изменники сказали мне об измене и я на них не работаю, а только знаю, тогда они в моих руках»⁵². Бухарин, хоть и отрицал технические детали своего «предательства» на показательном процессе, в личном письме Сталину перед смертью признался, что знал о заговоре, но не сообщил о нем: «...о конференции, о которой я ничего не знал (как и о рютинской платформе), мне бегло, на улице, post factum, сказал Айхенвальд (“ребята собирались, делали доклад”), – или что-то в таком роде, и я тогда это скрыл, пожалев “ребят”... я двурушничал и по отношению к “ученикам”, искренне думая, что я их приведу целиком к партии...»⁵³ Эта сталинистская практика эффективно превращала любого человека в обязательного доносчика и может рассматриваться как действия современного тоталитарного государства (или лично Сталина) по созданию беспрецедентных рычагов надзора и контроля за населением.

Но насколько все это было ново? Сталин и большевики не сами изобрели коллективную вину, и Сталин не просто подражал Ивану IV⁵⁴. Практика коллективной ответственности и кары (круговая порука) имеет давнюю традицию в российской истории задолго до Нового времени.

Еще до татаро-монгольского нашествия первый русский свод законов XI в., «Русская правда», возлагал на общины коллективную ответственность за преступления. В период татарского владычества сбор налогов являлся коллективной ответственностью на уровне страны, города, общины как групп, обязанных сообща рассчитываться по платежам. Если мы посмотрим еще дальше назад (и восточнее), то обнаружим, что татары переняли принцип коллективной ответственности у китайцев. Уже при династии Цинь (230–206 до н. э.) группы крестьянских дворов коллективно отвечали за преступление, совершенное кем-либо в такой группе, семьи уничтожались под корень за измену одного своего члена. В XIII в. сын Чингисхана Угэдэй распорядился казнить весь город или общину, если какая-нибудь семья в них приютит преступника или беглеца. Советник Угэдэя Елюй Чуцай убедил хана сделать налогооблагаемыми единицами дворы и села, а не отдельных лиц, чтобы в случае бегства одного налогоплательщика его налог выплачивали остальные⁵⁵.

Такие же нормы, наряду с общинной ответственностью за поставку рекрутов в солдаты, сохранялись в российской (и советской) практике много веков. Не позднее царствования Ивана III в конце

XV в. круговая порука была хорошо развита и формализована. От налогообложения крестьян она дошла до уголовной ответственности представителей элиты, с письменными поручительствами, согласно которым все подписавшиеся отвечали за действия отдельного лица. Истребление Иваном IV целых семейств во времена опричнины, резня, которую он устроил в Новгороде за измену некоторых его жителей, – яркие тому примеры⁵⁶.

Обязанность доноительства тоже имела глубокие корни в российской истории, от представителей элиты всегда ожидали доносов о делах и разговорах друг друга. Князь Холмский письменно обещал Ивану III «служить моему государю, великому князю Ивану Васильевичу, и его сыновьям и доносить им все, что кто-нибудь скажет, приятное или неприятное, относительно великого князя и его сыновей»⁵⁷. В 1527 г. князья Бельский и Шуйский обещали не примыкать к лицам, желающим повредить государю «каким-либо образом, делами или хитростью», и сообщать обо всем, что услышат о государе «доброе или злое»⁵⁸.

К XVI в. «Москва распространила старую общинную поруку в уголовных и фискальных делах еще на одну сферу – политической “лояльности”. Боярские крестьяне и домашняя челядь несли коллективную ответственность за верную службу хозяина. Они подслушивали его разговоры, следили за его поведением, донося обо всем, что покажется им неправильным». Высокопоставленным лицам, в чем-то согрешившим или попавшим под подозрение, предлагали найти поручителей, которые отвечали бы за их поведение⁵⁹. Даже сталинская идея «объективной вины» не нова. В XVII в. намерение совершить преступление против государя равнялось его реальному совершению⁶⁰.

Круговая порука прочно укоренилась в российском политическом мышлении⁶¹. В империи она действовала так же, как в Московской Руси. Например, вспоминая о смерти императора Петра II, княгиня Н. Б. Долгорукая отметила: «Я довольно знала обыкновение своего государства, что все фавориты после своих государей пропадают...» Далее она описывает, как Эрнст Бирон, фаворит новой правительницы, императрицы Анны Ивановны, «стал к себе призывать из тех же людей, которые нам прежде друзья были, ласкал их, выспрашивал, как мы жили и не сделали ли кому обиды, не брали ли взяток»⁶².

Круговая порука просуществовала в России много веков вплоть до наших дней, и, по словам одной исследовательницы, данная тема явно заслуживает гораздо более глубокого изучения⁶³. Это очередной пример функциональной практики, которая навсегда вошла в политическую культуру и позднее использовалась как политический

инструмент или, возможно, как ответ на функциональные потребности, совершенно отличные от первоначальных. Метод сбора налогов с крестьян в применении к элите превратился в средство разжигания недоверия в родственных и политических кланах. И Иван III, и Сталин требовали, чтобы члены кланов и групп доносили друг на друга, и карали всю группу за прегрешения одного ее члена. И Уложение 1649 г., и 58-я статья сталинского уголовного кодекса предусматривали ответственность граждан, даже членов семьи, за недонесение об измене друзей и родных⁶⁴. Этот вид круговой поруки приносил выгоду правителю, поскольку заставлял людей следить друг за другом, когда государство не могло надежно внедриться в персональные группы, а Сталин использовал его как орудие раскола соперничающих с ним политических кланов, поощряя недоверие и доносительство.

В то же время круговая порука могла быть практикой создания доверия, защищая кланы и «семейные круги» от трона. Коллективная ответственность означала и коллективную безопасность: члены группы прикрывали друг другу спину, пользуясь различными формами самозащиты. Так, до 1930-х гг. многие советские государственные организации управлялись «коллегиями», решения в которых принимались коллективно. Советскими заводами руководил «треугольник» из заводского, партийного и профсоюзного начальства. Если дела шли плохо, коллегия или треугольник не давали возложить всю ответственность или вину на одного человека. Распорядившись в 1930–1931 гг. установить «единоначалие» в промышленности, Сталин сделал ответственным за предприятие его директора, лишая его коллективной защиты и прикрытия в виде коллегии или треугольника. Директора заводов, конечно, это понимали и, невзирая на возрастание в данном случае их личной власти, противились переменам⁶⁵. Сталин нанес удар по одной форме круговой поруки, используя вместе с тем другую – коллективную политическую кару.

Позже, в послесталинский период, круговая порука означала взаимную поддержку, прикрывание грехов, спасение друг друга от всевозможных угроз. Она стала основой для воскрешения и непрерывной жизнедеятельности политических чиновничьих «семейных кругов», которые занимали такое большое место в советской жизни⁶⁶.

Как и все изначально функциональные меры, ставшие укоренившимися культурными и политическими практиками, круговая порука могла играть прямо противоположные роли, иметь различные интерпретации. Отделенная от своей первоначальной функции сбора налогов с крестьян, она превратилась в часть политического ландшафта, часть культуры. Несмотря на противоречия в ее применении

и понимании, одна ее основная черта всегда оставалась неизменной: человек поднимался и падал вместе со своей группой. Поэтому его политическая жизнь (а порой и просто жизнь) зависела от помощи друзьям и сопротивления врагам – своим и своих друзей. Хотя аресты и казни целых политических кланов прекратились, падение одного лица по-прежнему влекло за собой падение всей окружающей его группы; как мы увидим, так обстоит дело и при Путине⁶⁷.

Социальные роли: новое дворянство

Во имя создания гиперрационального научного государства, большевики применяли архаичные практики и взяли на себя традиционные привилегированные социальные роли. Столкнувшись с этим очевидным парадоксом, большевистские «нотабли», естественно, отрицали бы любую свою преемственность или связь с прежним дворянством. Но, хоть они и боролись всю жизнь с российской дворянской элитой, тем не менее переняли многие ее черты, прерогативы и функции⁶⁸. В. М. Молотов вспоминал: «Ну, все мы, конечно, такие слабости имели – барствовать. Приучили – это нельзя отрицать. Все у нас готовое, все обеспечено»⁶⁹.

Много лет назад Дон Роуни показал, что, несмотря на крутые классовые и кадровые перемены, определенные социальные роли преодолели водораздел 1917 г. В промышленности и технике и до, и после революции существовали инженеры, мастера, управляющие с особыми функциями и уровнями. Лица, дискурс, идеология изменились, а положения и роли – нет⁷⁰.

Подобно норманнам, завоевавшим Англию, или монголам, захватившим Китай, варяги, овладевшие славянскими землями, пришли туда как чужеземцы и основали чужеземную династию. Но спустя годы завоеватели сливались с завоеванной культурой или поглощались ею. В России варяги заговорили по-славянски, стали пользоваться славянскими именами, славянскими культурными нормами. Тем не менее смешанная варяжско-русская олигархическая знать никогда не считала, будто имеет что-либо общее с простым народом. Знатный человек был знатным человеком, элита на протяжении поколений пестовала образ своей «инакости». И в собственных глазах, и в глазах крестьян она представляла собой особое племя, со своей культурой, обществом, семейной структурой, политической и военной монополией. Эта «инакость» подтверждалась в том числе генеалогией и фамильной историей.

Большевики не были боярами, и глупо ставить их с ними на одну доску. Но, если смотреть с высоты социологии и антропологии, параллели между старыми большевиками и старой русской аристократией могут кое-что сказать нам о социальных группах и их ролях в качестве неотрадиционалистских элементов советской системы. В советском обществе старые большевики пользовались таким же престижем и статусом, как высшая аристократия в старой России. О них рассказывали на уроках восхищенным школьникам. Их встречали аплодисментами на собраниях. Они имели собственные общественные организации. И первые двадцать лет после революции 1917 г. они как корпоративная группа доминировали в советской политике в лице высокопоставленных государственных деятелей и могущественных региональных руководителей. Подобно аристократам-князьям, они составляли тесный замкнутый круг, не допуская в свои ряды новых членов. Они считали себя людьми особой породы, обладающими привилегиями, иммунитетом и обликом, практически эквивалентными праву рождения, «инакостью», которая налагала на них обязанность править.

Еще до 1917 г. можно заметить признаки того, что члены большевистской партии начали думать о себе как об избранных, особых людях с особыми знаниями и задачами. Хотя ленинские принципы небольшой военизированной партии со строгой дисциплиной часто нарушались, они бросают свет на то, что такое большевик. Он представлял собой часть малого братства и одного из немногих, кто понимал ход истории, начертанный Лениным. Ввиду этого особого знания старые большевики сознательно полагали себя «повивальными бабками истории», просвещенным отрядом, который поведет рабочих и крестьян в социалистический рай на земле⁷¹.

Здесь очевидны параллели со священством, но нас в данный момент больше интересуют корпоративная идентичность и психология старых большевиков. Их особое знание, совместно перенесенные трудности подполья, общее дело, сеть личного доверия и связей способствовали развитию сильной корпоративной самооценки. Хотя между ними нередко возникали разногласия, большевистское братство смыкало ряды против внешних угроз, всего остального населения, а порой даже против рядовых партийцев⁷². Как люди особые и избранные, они с опаской и подозрением относились ко всем, кто не входил в их квазиаристократическую касту.

Ощущение себя особой группой отражалось во внутренней жизни этой касты. Старые большевики знали друг друга и общались друг с другом. Они жили вместе в укрепленных местах (Кремль – лишь

одна из их твердынь). У них были собственные издания и общества ветеранов революции. Их сыновья и дочери ходили в одни и те же школы, вступали в брак с дочерьми и сыновьями других старых большевиков, с которыми вместе росли. Родство играло свою роль (хотя и не в такой мере, как среди прежних дворян): Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Молотов и Сталин (и это лишь несколько примеров из длинного ряда) женились на старых большевичках или дочерях старых большевиков, первые трое вообще породнились между собой. Родители подбирали для детей подходящую партию, браки с посторонними, не принадлежащими к той же касте, случались весьма редко. Старые большевики веряли друг другу будущее своих отпрысков и, как правило, усыновляли осиротевших детей покойных товарищей, в сталинское время этому обычаю следовали почти все высокопоставленные руководители.

Учитывая их общее революционное прошлое, странно было бы, если бы они не общались исключительно друг с другом. Однако такие привычки вносили свой вклад в создание закрытой, изолированной культуры большевистских нотаблей, которые, подобно своим аристократическим двойникам, почти не видели простых людей, кроме разве что домработниц и кухарок. Ленин часто рассказывал о том, как впервые встретился с рабочим. После долгой беседы он пригласил первого в своей жизни пролетария выпить чаю. Пока он готовил чай, рабочий удрал, прихватив его пальто.

Семнадцатый год скоро стал в дискурсе нового режима мифическим, героическим событием, и старым большевикам, естественно, досталась роль мудрых героев-борцов, которые его осуществили. После революции их биографии и свершения превозносились в энциклопедиях и других публикациях⁷³. Этим заслуженным ветеранам часто присваивали звание «большевистских рыцарей», чьи доблестные подвиги вошли в легенду. Такое прославление не могло не усилить уже существовавшее среди них восприятие себя как избранных, тех, кто идет на бой, когда приходится туго, людей с особыми качествами, которые совершили революцию – дело не менее трудное, чем завоевание рыцарями новой земли, и дающее ровно столько же оснований гордиться собой. Они вместе боролись с огромными трудностями, рисковали, смотрели в лицо опасностям, и все это воспитало в них настоящее чувство солидарности. Управление страной они считали своей обязанностью и правом⁷⁴. Их представление о себе как особом племени вступало в противоречие с их образом «авангарда пролетариата», и на публике они старались не делать различия между элитой и партийными массами. В 1921 г. некоего товарища Медведева ис-

ключили из партии за то, что в своем выступлении он коснулся «вопроса о “верхах и низах”»⁷⁵.

Большевистские гранды даже строили личные «замки». Хотя Сталин, как правило, воздерживался от публичной критики соратников – старых большевиков, их тяга к роскоши в быту его раздражала. К примеру, он сетовал, что многие из них «понастроили себе грандиозные дачи – дворцы в 15–20 и более комнат, где они роскошествовали и тратили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложение и перерождение»⁷⁶.

Статус старого большевика, как и рождение в княжеской семье, был неизменен, зато доступ в ряды другой элиты поддавался контролю и регулированию. Когда большевики взяли бразды правления над огромной территорией бывшей Российской империи, им понадобилось множество управленцев, особенно для регионов. Старых большевиков на всё попросту не хватало, так что пришлось найти способ создания нового элитного слоя – работников партийного аппарата, служилых дворян (в старые времена они назывались помещиками). Если мы заглянем в 1920-е гг., то увидим, что эти аппаратчики стали частью нового дворянства, помещаясь где-то между рядовыми членами партии и большевистскими князьями. Высшая элита определяла новое большевистское мелкое дворянство по «стажу» или «партстажу» – количеству лет, проведенных в партии, обычно с 1917 г.

Старорусские дворяне и их кланы всегда соперничали друг с другом за старшинство, служившее источником политической власти, а также за доступ к ресурсам и покровительству. В основе статуса и иерархии дворянства лежали сложные генеалогические расчеты: члены самых древних родов получали наилучшие посты, милости, командование армией. Генеалогия могла модифицироваться или даже заменяться близостью к монарху (это касалось его родственников или тех, кому он лично благоволил). Так возникла система местничества, которую знать и монархи, как правило, соблюдали. Местничество также помогало улаживать конфликты между дворянскими кланами. Между ними существовало естественное соперничество, а местничество устанавливало место каждого человека и, соответственно, полагающийся ему доступ к высоким постам, военному командованию, экономическим монополиям. Оно представляло собой функциональный ответ на проблему соперничества элиты.

Старые большевики тоже создали систему контроля над тем, кто может войти в элиту. Прежние дворяне делали точные расчеты, определяя по происхождению и родословной престиж, могущество и право человека на то или иное положение или должность. Это был

серьезный аспект корпоративного членства, причина вечных споров, и большевики относились к нему не менее серьезно. В большевистской системе местничества аристократическую родословную заменял партстаж, служивший маркером статуса и принадлежности к дворянству, а также определявший пригодность человека для высоких постов. Членство в этой закрытой касте строго ограничивалось расчетами длительности службы партии. Проводились тонкие различия между теми, кто вступил в партию до 1905 г., до 1917 г., в конкретные месяцы 1917 г. (до Февральской революции, во время летних неудач большевиков, накануне Октября). Проверялись и сравнивались документы, опрашивались свидетели. С начала 1920-х гг. в документах кадрового отдела ЦК стал отмечаться географический масштаб партийной работы: общесоюзный, областной, районный, сельский⁷⁷. Согласно местничеству 1926 г. лишь 2 % освобожденных «ответственных» партийных работников занимали посты общесоюзного масштаба.

Таким образом, возникла система, при которой партийный секретарь (ячейки, завкома, райкома, обкома) должен был иметь за плечами определенное число лет партийной работы, чтобы заслужить свой ранг и статус⁷⁸. Продолжая аналогию между партстажем и дворянской кровью, можно сказать, что эти дворяне-новички не имели древней родословной и долгой истории службы, но и не являлись простыми людьми «с улицы». Резервирование определенных постов за людьми определенного сорта традиционно для России. Старинная система местничества, а затем «Табель о рангах» кодифицировали такую практику, большевики последовали этому примеру. Руководящие органы их партии, Политбюро, Оргбюро и Секретариат (о которых речь пойдет ниже), в первую очередь заботились о кадровых назначениях, и ведавший ими технический отдел (в разное время известный под названиями Учраспред, Орграспред, Орготдел, Распредотдел) представлял собой сердце партийного аппарата. Кроме того, с 1923 г. партия установила формальную систему номенклатуры: списки должностей, назначение на которые требовало утверждения разными группами высших вельмож. Большевики создали «закрытую и тщательно ранжированную касту... прямую наследницу служилого класса Московской Руси». В некоторых отношениях получилось большевистское местничество, поскольку «продвижение на высшие посты вознаграждалось включением в списки номенклатуры, которой предоставлялись возможности, недостижимые для обычных служащих... коммунистического эквивалента служилого дворянства»⁷⁹.

Рыцари революции монополизировали ключевые позиции в партии, государстве, хозяйственном руководстве, а также в областных партийных комитетах, управлявших отдельными территориями⁸⁰. Вполне естественно, что победителям достались высшие посты при новом режиме. Но в данном случае немалую роль играло также сознание своих прав и миссии. Они были избранными, которые сражались в тяжелых боях и знали, куда должна пойти история. Такие люди боялись потерять монополию на властные позиции и не выпускали ее из рук, пока растущая нужда в новых управленцах не заставила их сделать это.

На нижних уровнях князья – старые большевики также тщательно контролировали прием в партийные ряды. Во время революций и гражданской войны (1918–1921) эти ряды резко расширились. В начале 1917 г. партия насчитывала меньше 20 тыс. членов, а к 1921 г. – уже три четверти миллиона, несмотря на периодические чистки и военные потери. К 1926 г. их число достигло миллиона⁸¹. Партийность давала привилегии и статус, она представляла собой возможную дверь в круг высшей элиты. Хотя наличие огромной коммунистической партии могло быть поводом для радости, старые большевики беспокоились. Перед лицом массового притока новобранцев (в которых они нуждались) в ряды партии-победительницы коммунистические гранды испугались обесценивания или переоценки своего дворянского статуса, утраты контроля над административными постами и идеологией.

У миллионов новых рекрутов из рабочего класса, крестьянства и служащих отсутствовало общее прошлое со старыми большевиками. Они не работали в подполье, не побывали в тюрьмах и ссылках (важные сближающие испытания для старых большевиков). Они не имели политического опыта, не знали истории революционной борьбы и очень слабо разбирались в ленинской идеологии. Они не владели «особым знанием» большевистских рыцарей. В 1927 г. 25 % партийцев не окончили даже четырех классов школы, 2,4 % вообще были неграмотными. Некоторые новые члены партии спрашивали, что такое Политбюро⁸². Подобно русским дворянам, старые большевики не могли не думать об этих новичках как о «них», которые ничуть не похожи на «нас».

Поэтому старые большевики учредили систему строгой фильтрации, дабы ограничить прием в партию. Большое значение придавалось классовому происхождению: рабочих большевики боялись меньше, чем крестьян и служащих. Ленин открыто признавал опасность массового приема в партию и утраты «старой гвардией» конт-

роля над ней и зашел даже так далеко, что использовал контроль со стороны элиты в качестве довольно своеобразного заменителя пролетарского социального происхождения: «...надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский... далекая от всего пролетарского публика увлечена теперь политическими успехами большевиков... Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»⁸³.

Традиции личных связей опять-таки отражались в том, что подающим заявление о приеме в партию следовало представить рекомендации от старых партийцев, которые могли бы за них поручиться. Ради сохранения чистоты партийных рядов, партийное руководство начиная с 1921 г. стало проводить в партии чистки, дабы искоренять обманщиков, врагов, злоупотребляющих властью бюрократов и вообще прихлебателей⁸⁴.

Как и прежние элиты, старые большевики выстроили систему если не религиозной, то идеологической ортодоксии – не без раздоров между собой. Хорошо известны споры Сталина, Троцкого, Зиновьева и Бухарина о правильном понимании ленинского наследия. «Ленинизм» стал идеалом и образцом, слово «антиленинский» обозначало неправильную веру, ересь или что похуже. Что считать ересью, как всегда в истории, определяли те, кто стоял у власти. Эти споры, конечно, во многом были связаны с борьбой между верховными руководителями за звание преемника Ленина после его смерти в начале 1924 г.; приверженность правильной идеологии и обвинения в ереси служили оружием против соперника. Но здесь важно отметить, что, хотя старые большевики расходились во мнениях насчет того, что такое истинный ленинизм (причем кое-кто из них время от времени менял взгляды), между ними существовал консенсус относительно принципа идейного единства и контроля как способа, помогающего единообразно воспитать и социализировать массы новых членов партии.

Параллель с контролем над верой и страстью к искоренению ереси в прежние века напрашивается сама собой. Одержимость старых большевиков преследованием ереси показалась бы знакомой любой элите в истории: населению следовало демонстрировать видимость единого фронта. Чтобы население приняло правильное вероисповедание, ему нужно было дать единый канон, освященный верой и единодушно одобренный дворянством. Большевики особенно сильно

чувствовали необходимость единодушия. Все священники и дворяне должны держаться перед крестьянами сообща, пусть даже без свидетелей каждый из них готов вонзить другому нож в спину. Ленин учил, что единство партии превыше всего, а раскол в партии равносильен катастрофе: «Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое [старой гвардии], и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»⁸⁵. Сталин позже воспользовался страхом перед расколом в собственных целях, разделяясь с оппонентами, но он сумел сделать это именно потому, что, несмотря на любые идеологические разногласия, все большевики как один боялись вынести на публику споры между лучшими людьми страны. В глазах детей их история должна была остаться незапятнанной. В противном случае они рисковали быть свергнутыми или расколоть партию.

Контроль старых большевиков над приемом в партию, идеологией, высшими институциональными постами отражал не только универсальную контрольную тактику нового режима. Тот факт, что они присвоили власть, полагая это своим долгом, в очередной раз говорит об эксклюзивном, квазиаристократическом представлении о себе как особом племени: есть, дескать, вещи, которые «мы» должны делать, чтобы спасти революцию. Они стали замкнутой кастой особых людей, равных друг другу, но обладающих знаниями и миссией, которые ставили их выше рядовых партийцев и широкой общественности. Они считали себя охранниками и поводырями простого народа.

У старых большевиков сложилась также специфическая политическая/персональная культура, отражавшая их традиции, статус и привилегии. Эта культура проявлялась и в языке, и в практике. Например, одна из дореволюционных традиций и точек зрения заключалась в том, что каждый большевик был до некоторой степени самостоятельным рыцарем-одиночкой. Несмотря на ленинские призывы к партийной дисциплине и послушанию, в реальности до 1917 г. ЦК с его непостоянным и не избираемым составом не мог отдавать и не отдавал обязательных к исполнению приказаний партийным комитетам и членам партии. Ленинский ЦК мог рекомендовать, предлагать, посылать эмиссаров с рекомендациями и предложениями, но до революции само собой разумелось, что ни ЦК, ни сам Ленин никому ничего не «приказывают». Нарождающиеся гранды, старые большевики-подпольщики, пользовались большой независимостью. После революции эта культура сохранилась. Даже Политбюро, как правило, «рекомендовало» и «предлагало» высокопоставленным чле-

нам партии что-либо сделать, но весьма редко «обязывало» или «приказывало».

В 1925 г. Сталин от имени Политбюро попросил А. И. Микояна, в то время 1-го секретаря Северо-Кавказского крайкома, отпустить одного из его помощников: «В Иваново-Вознесенске сложилась такая обстановка, что абсолютно необходимо перебросить туда Колотилова секретарем Губкома. Просьба не возражать». Колотиллов работал с Микояном, который действительно стал возражать. Сталин написал ему: «Политбюро подтвердило постановление Оргбюро об откомандировании Колотилова [в] Иваново-Вознесенск первым секретарем Губкома. ЦК предлагает в недельный срок не позднее 12-го откомандировать Колотилова». Микоян снова воспротивился. Сталин ответил: «Очень прошу не настаивать, сегодня вторично голосовали и вновь подтвердили решение о Колотилове. Другого выхода у нас нет, считайтесь с положением»⁸⁶. Через одиннадцать лет, в 1936 г., рыцарский этикет повелел Сталину вежливо «просить» опального и только что снятого с поста наркома внутренних дел Г. Г. Ягоду принять назначение наркомом связи, означавшее понижение в должности⁸⁷. Это были просто правила обхождения одного дворянина с другим, по крайней мере на словах.

Подобно элитам всех стран и времен, старые большевики ревностно отстаивали свой статус. Много веков до 1917 г. «царя осаждали просьбами слуги, не желавшие, чтобы их ставили на командные должности ниже подобающих им “мест”»⁸⁸. Как и в царском прошлом, если большевик получал должность «не по заслугам», на него жаловались и выше- и нижестоящие в персональной и корпоративной иерархиях. По воспоминаниям Л. М. Кагановича, в 1920-е гг. партийные кадровики заводили на старых большевиков личные дела и, исходя из их способностей, масштаба деятельности в прошлом и, следовательно, пригодности для определенных назначений, прикрепляли их к той или иной «сетке»: «На местах часто вызывались споры и даже склоки на почве обид, недовольства прикреплениями к сетке и определением масштаба...»⁸⁹

В 1920-е и даже в 1930-е гг. для большевика было обычным делом с возмущением отказываться от назначения, которое, по его мнению, не подобало его высокому статусу. Троцкий в 1922–1923 гг. не пошел заместителем к Ленину в Совнарком (руководить Советом народного хозяйства или Госпланом), считая, что должность заместителя для него мала; она положила бы конец его карьере как советского функционера⁹⁰.

Место человека в советской системе местничества отчасти зависело от его близости к правящей элите и, как в стародавние времена, могло определяться князем. Надежда Мандельштам вспоминает: «Государство использовало старинную систему местничества, и само стало назначать на первые места». Оно заставляло людей вести себя, «как бояре в средневековой Руси, которые дрались за место за царским столом, всегда оставляя за собой окончательное решение, кому сидеть выше»⁹¹. В советских документах часто открыто говорилось, что руководство региональными партийными комитетами строится на основе местничества и местные большевистские нотабли соревнуются между собой, вычисляя порядок старшинства⁹².

Элите старой России была свойственна патримониальная политика патронажа. Любой могущественный князь или боярин стоял во главе сети клиентов, родственников и сторонников, защищавших и продвигавших друг друга; на всех уровнях клана его члены верно служили тем, кто выше, и оказывали протекцию тем, кто ниже. Клань, возглавляемые представителями знати, особенно князьями и боярами, переживали взлеты и падения вместе со своими предводителями⁹³. В «доидеологические» времена (а может быть, и позже) политика состояла из соперничества, интриг и маневрирования в отношениях с другими кланами и с царем, имея целью приобретение престижа, должностей, покровительства и обеспечение «своим» наибольшего куска пирога: «Правление... было заговорщическим: кланы строили заговоры друг против друга, чтобы расширить свою власть; вступали в заговоры с другими кланами, чтобы уберечь политическую систему от дестабилизирующих последствий своего соперничества»⁹⁴.

Большевики после революции тоже организовались в сети клиентов с высокопоставленным патроном в центре⁹⁵. Об этих кланах или «семейных кругах» мы еще будем говорить ниже, а сейчас отметим только их сходство с аристократическими клановыми сетями прошлого. Часто они складывались на основе семьи или родства, хотя потом включали и людей, не связанных родством с другими членами сети. Члены как большевистских, так и дворянских патронско-клиентских сетей защищали и продвигали друг друга. Они зависели от своих главных патронов, которые оказывали им политическую протекцию при дворе или в иных местах и служили для них источником выгодных должностей. И в ту, и в другую эпоху такие сети, как правило, не имели никакого отношения к идеологии, речь шла о распределении ресурсов, власти и обычном патронаже.

Политику обеих эпох в значительной мере составляли межклановые интриги и маневры. История Московской Руси и Россий-

ской империи во многом представляет собой историю соперничества крупнейших вельмож и их кланов. Точно так же, изучая советскую историю, никуда не денешься от вездесущих интриг, атакующих и парирующих ударов, конкуренции группировок. В литературе полно описаний придворной жизни при Сталине, ухищрений большевистских вельмож в борьбе за высокое положение, постоянных интриг, которые порой заканчивались смертью проигравших или попавших в немилость. Их ссылали или демонстративно казнили вместе с клиентами, а победившие группировки захватывали добычу. Хороший пример – уничтожение Г. М. Маленковым и Л. П. Берией, после смерти их соперника А. А. Жданова от сердечного приступа, всего клана покойного противника посредством «ленинградского дела» 1948–1949 гг.⁹⁶ Во время одного интервью после Второй мировой войны респондента спросили: «Представьте, что человек Маленкова получил должность 1-го секретаря обкома. Что сделали бы люди Жданова?» Респондент ответил, что Жданов собрал бы компромат на этого 1-го секретаря с помощью других секретарей обкома, например секретаря по промышленности, воспользовался этим компроматом для дискредитации 1-го секретаря и добился бы, чтобы его сняли. Отвечая на вопрос, респондент добавил, что во всех обкомах партии действовала одна и та же система, повторяясь почти в точности»⁹⁷.

Князь или царь часто выступал посредником между представителями элиты и их кланами, но требовал, чтобы за ним оставалось последнее слово. Когда бояре переступали черту, царь карал их ссылкой, конфискацией имущества или смертью, как, например, во времена Ивана Грозного. Здесь, пожалуй, уместно напомнить, что говорил Сталин о своих региональных боярах. В 1934 г. он назвал старых большевиков в провинциальном руководстве «вельможами», которые считают, «что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков». Он отметил, что руководители на местах стараются скрывать от Москвы реальное положение в деревне и не выполняют распоряжений центра: «Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов»⁹⁸.

Повседневная практика старых большевиков также напоминала практику аристократов и дворян. Архивные документы, к которым мы сейчас имеем доступ, дают хорошую картину того, как работали большевики. Если мы обратим внимание не на сенсационные документальные открытия, а на обычное делопроизводство в Политбюро, Оргбюро, Секретариате и нижестоящих инстанциях, то увидим, что советские политики тратили много времени на арбитраж, вы-

несение судебных решений и выбор среди предложений, поступавших снизу.

В сущности, формальный ранг человека, его уровень в служебной иерархии фактически означал уровень споров, которые он уполномочен решать, а это, в свою очередь, зависело от его личного авторитета или близости к могущественному гранду. Некоторые споры улаживали заведующие отделами ЦК, если участники спора обладали таким же, как у них, или меньшим авторитетом. Дела более серьезные либо с участниками более высокого ранга шли на рассмотрение Оргбюро. Какие-то вопросы ввиду могущества спорящих или сложности дела мог разрешить только «верховный суд» – Политбюро, и в документах этого органа много протоколов заседаний, посвященных главным образом разбору споров⁹⁹.

Разумеется, урегулирование споров среди нижестоящих не является исключительно российской спецификой; в современном деловом мире руководящие работники делают то же самое. Но в современных системах процедуры и выработка политики обычно следуют установленным безличным правилам в гораздо большей степени, чем в старой и современной России, где разрешение споров, кажется, занимало официальных лиц сильнее, нежели где-нибудь еще.

Суд, конечно, самая древняя форма политического руководства. Прежде чем стать администраторами и правителями, старинные племенные вожди, а затем короли были главным образом судьями, разбиравшими тяжбы между своими подданными. Позже дворяне стали вершить правосудие в зависимости от положения тяжущихся и власти судьи. Первый русский свод законов, «Русская правда» Ярослава Мудрого, представлял собой судебник, запись обычной практики разрешения споров между тяжущимися разного статуса. Макс Вебер писал о более ранней эпохе: «Административные чиновники – в то же время судьи, как и сам князь, по своему желанию вмешивающийся в дела управления... Границы между правом и этикой стерты, так же как между правовым принуждением и отеческим увещеванием, между законодательными мотивами, целями и методами»¹⁰⁰. Наличие у старых большевиков похожей системы решения споров снова заставляет проводить параллели с аристократией и дворянством.

В сеть высокопоставленных политиков попадали для разбирательства и вынесения вердикта споры по личным и кадровым вопросам. Дела о неуважении, оскорблениях и клевете среди старых большевиков рассматривали неофициальные «партийные суды». Споры по кадрам, как мы увидим, возникали между начальником, не желавшим отпускать подчиненного, и будущим начальником, к которому этого

подчиненного переводили. Подобные дела решались на уровне, соответствующем рангу участников, каким-нибудь старым большевиком подобающего высокого ранга.

Несмотря на знаменитый ленинский план, изложенный в «Что делать», фактически большевики – особенно вышестоящие – всегда работали более или менее в одиночку либо во временных боевых коллективах, создаваемых для решения конкретных задач. Рыцари революции делали что хотели (или что считали необходимым) и когда хотели. Они не привыкли являться к кому-нибудь по приказу или повиноваться директивным посланиям далекого комитета из их же аристократических собратьев. Приказы они воспринимали как просьбы или предложения, на новое место работы шли, если сами того желали либо если их об этом просил кто-то пользовавшийся их любовью, уважением и доверием. Это сознание личной привилегии было встроено в партийную систему кадровых назначений¹⁰¹.

Выше мы видели, что Троцкий отказался от должности, не подобающей его положению. Изначально существовало представление, будто члены партии, особенно высокопоставленные, но не только они, имеют «право на отказ». В анкетах кадрового отдела по каждому назначению действительно была строка «Согласие товарища на перевод»¹⁰². И зачастую товарищ согласия не давал.

Оппозиционеры больше всего прославились неповиновением и отказом от заданий ЦК. Троцкий знаменит тем, что читал романы на заседаниях Политбюро или вообще на них не ходил¹⁰³. Лидер «рабочей оппозиции» А. Г. Шляпников в 1921 г. заявил на Оргбюро, что он не подчинится Оргбюро и не пойдет работать в пищевую промышленность¹⁰⁴. Рядовых коммунистов возмущали отказы князей-оппозиционеров от назначений и их уверенность в своей «несменяемости». В 1923 г. Сталин специально для них сказал, сообщая об отказе Троцкого от должности заместителя председателя Совнаркома под предлогом, что это «ликвидирует его как советского работника»: «Конечно, товарищи, это дело вкуса. Я не думаю, чтобы тт. Рыков, Цюрупа, Каменев, став замом, ликвидировали бы себя как советских работников, но т. Троцкий думает иначе, и уж во всяком случае, тут ЦК, товарищи, ни при чем. Очевидно, у т. Троцкого есть какой-то мотив, какое-то соображение, какая-то причина, которая не дает ему взять кроме военной еще другую, более сложную работу. Тут, повторяю, ЦК, конечно, ни при чем»¹⁰⁵. Троцкист И. Т. Смилга не пожелал перевестись из Москвы в провинцию и остался в Госплане. Троцкий появлялся в Совете народного хозяйства всего дважды в месяц. Позже, возглавляя Главный концессионный комитет, он сидел дома и

использовал секретариат комитета, чтобы собирать материалы для оппозиции¹⁰⁶. Сталин указал на XII съезде партии, что, если гранд-оппозиционер не соглашается с назначением на новую должность, ЦК мало что может поделать¹⁰⁷.

Когда в начале 1930-х гг. стартовала «сталинская революция», энтузиазм и боевитость кампании модернизации, все более сильный акцент на понятии партийного долга уменьшили число отказов. Но все же они случались и тогда, поскольку нехватка опытных кадров означала для ветеранов бюрократии возможность самим выбирать себе должность наряду с правом на отказ.

Вообще старые большевики, капризные и обидчивые, словно примадонны, чуть что, кидались защищать свою честь способами, которые кажутся анахроничными для людей, считавших себя самыми современными и демократичными. Они вставали в позу, писали цветистые письма о том, как важны их заслуги и мнения, почему они не должны подчиняться тем или иным лицам или комитетам и какие невыносимые обиды и нестерпимые оскорбления они терпят от других товарищей. Такова была партийная культура; все носило личный характер. Даже в разгар гражданской войны, когда режиму грозила смертельная опасность, дела об обидах и оскорблениях, которые в прежнюю эпоху, вероятно, решались бы на дуэли, отнимали время у высших партийных органов, где старые большевики отстаивали свое достоинство и ревностно отражали посягательства на него.

Верховные партийные комитеты тратили много времени на урегулирование подобных склок. Целые организации создавались с единственной целью – улаживать ссоры и личные обиды между членами партии. Ссоры между руководящими работниками попадали в повестку дня высших партийных органов, партия рассматривала персональные и репутационные вопросы на самом высоком уровне, даже когда боролась за свою жизнь в гражданской войне.

Я. М. Свердлов, его жена К. Т. Новгородцева, Н. Н. Крестинский и М. Ф. Владимирский в январе 1919 г. начали неофициально собираться в качестве «организационного бюро». Уже на втором заседании им пришлось иметь дело с «личным конфликтом» между товарищами Пиляевым и Рапопортом. Крестинскому поручили подготовить доклад и письмо по данному делу¹⁰⁸.

В апреле 1919 г., когда наступающие поляки прогнали Красную армию из Вильнюса, А. И. Рыков информировал Оргбюро, что, вопреки распоряжению, не может выехать из занимаемой в настоящее время квартиры, пока не будет закончен ремонт в новой. Рассмотрев

вопрос, Оргбюро приказало товарищу Малькову починить окна и двери в рыковской квартире¹⁰⁹.

В 1920 г., когда силы Врангеля еще теснили Красную армию, Е. Д. Стасова сочла личным оскорблением свой перевод из Баку и вынудила Оргбюро найти время, чтобы «сообщить товарищу Стасовой, что ее перевод ЦК из Баку не означает недоверия»¹¹⁰. Тем же летом, через несколько дней после нового штурма Вильнюса поляками, Оргбюро пришлось «выразить доверие» группе помощников М. В. Фрунзе, которые чувствовали себя «морально оскорбленными» унижительным обыском в поезде¹¹¹. Как раз когда режиму грозили крестьянские восстания и мятеж в Кронштадте, Н. С. Ангарский усмотрел нестерпимую обиду в том, что Бухарин в одном из выступлений упомянул исключение Ангарского из партии, хотя того уже восстановили. Потратив драгоценное время на изучение речи Бухарина и личного дела Ангарского, Оргбюро пришло к выводу, что Бухарин действительно допустил «бестактность»¹¹².

Архивы Центральной контрольной комиссии (ЦКК) за 1920–1924 гг., так же как документы Оргбюро и Политбюро, полны обвинений в личных оскорблениях, обидах, жалоб и встречных жалоб¹¹³. В апреле–мае 1921 г. в числе многих прочих дел Президиум ЦКК рассматривал «грубые замечания» товарища Малышева о товарище Аванесове, «заявление товарища Кайдановского, что товарищ Мрачковский его оклеветал», и «заявление ряда товарищей о грубых замечаниях товарища Кузякова»¹¹⁴. И. Т. Смилгу заставили забрать жалобу на Е. М. Ярославского, а Ярославскому пришлось признать, что его слова о Смилге в одном из выступлений были «слишком резкими»¹¹⁵.

В 1924 г. Мельничанский обвинил Семкова в «политическом карьеризме», но ЦКК не нашла тому доказательств. Богашевская написала донос на Мещерякова за «некоммунистическое поведение», однако ЦКК и здесь не обнаружила «подтверждающих это фактов»¹¹⁶. В 1923 г. всесоюзный партийный журнал «Известия ЦК ВКП(б)» посвятил целую колонку заявлению товарища Сосновского, что товарищ Меерзон, ответственный партийный секретарь в Туле, – «случайный элемент» в партии. Дело рассматривали три высокопоставленные комиссии и в конце концов пришли к выводу, что Меерзон заслуживает доверия партии и честный партиец¹¹⁷.

Сильным чувством чести и гордостью обладали большинство старых большевиков, но некоторые были особенно чувствительными, а иные – попросту позерами. В 1920 г. К. Б. Радек отнял у Оргбюро время заявлением, что не может приступить к обязанностям редак-

тора «Вестника пропаганды и агитации», пока не получит кабинет в Кремле и секретаря¹¹⁸. На следующий год он обвинил советского торгового представителя Б. С. Стомонякова в том, что он спекулирует валютой, занимается личным бизнесом и 15 лет не имеет ничего общего с рабочим движением. Заслушав Радека, Стомонякова, П. А. Красикова и других видных большевиков, Президиум ЦКК заключил, что ни в чем порочащем его Стомоняков не замечен, а «что касается Радека, он проявил крайнюю неосторожность, сообщая ложные сведения и предъявляя совершенно необоснованные обвинения»¹¹⁹. В апреле 1921 г. Радек опять потребовал у Секретариата ЦК новый кабинет, секретаря и стенографистку, иначе он, дескать, не станет исполнять распоряжения ЦК. Секретариат согласился подыскать ему кабинет, однако «счел заявление товарища Радека недопустимым ультиматумом»¹²⁰. Позже в том же году ЦКК затребовала у Радека «письменное объяснение» по поводу его возможной клеветы на Зиновьева в критике речи последнего о революции в Германии¹²¹. Председатель ГПУ Ф. Э. Дзержинский воспринял как личное оскорбление сравнение Шляпниковым методов его ведомства с методами царской охранки, и Шляпникова заставили извиниться¹²².

Порой честь большевистского дворянина задевали не слова собрата, а целая организация. В 1919 г. Оргбюро рассматривало «заявление товарища Рославца, что он считает невозможным продолжать политическую работу в Московской ЧК ввиду того, что Московский комитет отклонил его кандидатуру в члены коллегии Московской ЧК» (Оргбюро выразило Рославцу «полное доверие» и просило остаться на работе; он остался)¹²³. В 1921 г. Оргбюро обсуждало просьбу Самарского губкома отозвать М. М. Хатаевича и приняло соломоново решение:

«а) Разъяснить тов. Хатаевичу, что он в своей критике работы Губкома не вправе выходить за пределы партийного устава и партийной дисциплины.

б) Разъяснить Самарскому Губкому, что ЦК не видит достаточных оснований для его отзыва только потому, что он выступает с критикой Губкома внутри парторганизации»¹²⁴.

В Иваново-Вознесенске, старой цитадели революции, местных ветеранов большевистского подполья обидело поведение секретаря губкома Зорина во время похорон одного из них, товарища Балашова. Десятки человек подписали жалобу на Зорина, который, дескать, не уделяет необходимого внимания старым большевикам, вопреки исторически сложившимся традициям иваново-вознесенской парторганизации. Разбирать дело приехали три партийных работника из

Москвы во главе с Кагановичем. Они рекомендовали быстро и тихо снять Зорина, пока о деле не заговорили в цехах. Оргбюро утвердило их решение¹²⁵.

Отмена Кавказским бюро ЦК РКП(б) одного из решений ростовского секретаря А. Г. Белобородова настолько уязвила гордость последнего, что он стал настаивать на своем переводе: «Такое положение ставит меня в ложное положение, если я останусь работать в Ростове... каждый мой шаг в будущем будет рассматриваться как продолжение уже сделанных ошибок. Естественно, что в таком случае теряется всякий смысл оставления меня на партийной работе в Ростове». В том же письме заядлый жалобщик не упустил случая сделать выпад в адрес Зиновьева, нанесшего ему оскорбление в своем выступлении о трудовой армии, одним из руководителей которой был Белобородов: «Эта квалификация, основанная на совершенно ложной информации, до сих пор не дезавуирована и, очевидно, не будет дезавуирована. Бесспорно, что оставаться дальше на посту зампреда Совета трудовой армии мне невозможно... На основании изложенного прошу ЦК пересмотреть вопрос о моем заявлении и откомандировать меня на врангелевский фронт, где я согласен занять какую угодно должность». Оргбюро предпочло отправить Белобородова на месяц в отпуск. По возвращении он снова попытался выбраться из Ростова, прося послать его на Урал. Два месяца спустя попросил перевести его в Крым. Оргбюро отклонило обе просьбы и оставило Белобородова в Ростове. Он возобновил попытки в марте 1921 г. и добился перевода лишь через восемь месяцев¹²⁶.

Повышенная чувствительность большевистских грандов сопровождалась некой ипохондрией. Тот же Белобородов знаменит жалобами на свои недуги. В 1924 г. он даже получил у врача справку, что работа на предлагаемом посту повредит его здоровью¹²⁷. «Нервные припадки» Троцкого, мешавшие ему присутствовать на важнейших заседаниях, так же как и у Белобородова, могли быть и чисто «дипломатической» болезнью. Однако старые большевики вообще часто жаловались на больную печень, ангину, радикулит и множество других заболеваний.

Впрочем, они и правда трудились денно и нощно, не щадя себя. Поэтому неудивительно, что грандам предоставлялось право на ежегодный отпуск продолжительностью один-два месяца, каждый раз утверждавшийся Оргбюро или Политбюро. Столь многие из них любили выезжать на «лечение» за границу, что Оргбюро распорядилось давать санкцию ЦК на такое лечение только тем, кто действительно болен, без всяких исключений¹²⁸.

Однако определить таковых было нелегко, учитывая всеобщую склонность жаловаться на здоровье. Один товарищ не мог работать из-за самостоятельно диагностированных им у себя «самых тяжелых форм болезни (сибирская язва, расширение печени и селезенки)»¹²⁹. Н. И. Ежов, известный чрезвычайным трудолюбием и нелюбовью к жалобам, тем не менее, говорил, что страдает «семью заболеваниями». В разное время он лечился от туберкулеза, анемии, недоедания, ангины, радикулита, истощения и колита¹³⁰.

В 1934 г., когда Ежов отдыхал в Вене, его лечил доктор Ноорден, прописывавший от всех болезней радиоактивные ванны. Ежов сообщал, что сначала почувствовал себя от них плохо, но затем ему стало лучше¹³¹. Вместо того чтобы заработать клеймо шарлатана, Ноорден прославился среди озабоченных своим здоровьем членов Политбюро. В 1936 г. его пригласили в Москву к недужным большевистским вельможам¹³². Политбюро велело полечиться у Ноордена Чубарю, Орджоникидзе, Ежову, Косиору, Димитрову, Гамарнику, Бадаеву, Пятницкому и др.¹³³

Споры и разногласия среди обидчивых старых большевиков настолько прочно вошли в систему, что механизмы их урегулирования прописывались в уставе любой организации. Основные положения о работе Оргбюро, Секретариата, ЦКК, Орграспреда и прочих органов обязательно содержали пункты о разрешении разногласий и процедуре апелляции в вышестоящие инстанции. Таким образом, споры считались неизбежными, и правила их улаживания составляли существенную часть норм деятельности той или иной учреждаемой организации. Большевики даже сформировали специальный конфликтный отдел, разбиравший многочисленные склоки.

Политбюро и Оргбюро создавались отнюдь не для исцеления раненой гордости старых большевиков, однако вскоре настолько погрязли именно в этом, что на X съезде партии в 1921 г. была основана Центральная контрольная комиссия (ЦКК), призванная разбирать споры, обвинения и нарушения этики. Ее устав гласил, что контрольные комиссии создаются «в целях укрепления единства и авторитета партии» и в их задачи входит «борьба со вкрадывающимся в партию бюрократизмом, карьеризмом, злоупотреблениями членов партии своим партийным и советским положением, с нарушением товарищеских отношений внутри партии, с распространением неосновательных и непроверенных, позорящих партию или отдельных членов ее слухов и инсинуаций»¹³⁴. ЦКК больше всего известна как оружие, которое Сталин позже, в 1920-е гг., использовал против идейных противников слева: троцкистов, зиновьевцев и прочих. Но, как сви-

детельствует ее устав, изначально она предназначалась также для рассмотрения случаев, когда члены партии ставили личные интересы выше товарищеских отношений, совершая преступления, бросая обвинения или распространяя слухи, порочившие их товарищей. Ниже мы увидим, впрочем, что противоречия здесь нет. В то время партийцы приравнивали «оппозицию» к беспринципным личным нападкам и интригам.

Дела об оскорблении чести с самого начала переполняли повестки дня Политбюро, Оргбюро и ЦКК. Желая от них избавиться, ЦК в 1920 г. создал конфликтный подотдел (Кп/о) организационного отдела (с региональными подразделениями), которому предстояло заниматься обвинениями личного характера¹³⁵. К примеру, заявление Кайдановского, что Мрачковский его оклеветал, ЦКК передала в Кп/о. «Протест» Ковылкина против его несправедливого ареста Смилгой отправился туда же¹³⁶.

Судя по имеющимся у нас данным за несколько месяцев 1920–1921 гг., Кп/о захлебнулся. Ежемесячно туда поступало сто-двести новых дел, присоединяясь к двум-трем сотням еще не рассмотренных. Кп/о был неспособен хотя бы приступить к новым делам каждый месяц и отставал все больше и больше¹³⁷.

Но главную проблему для Кп/о представляли неразграниченность сфер компетенции и статусное сознание. Вместо того чтобы взять на себя всю массу «дел чести», он просто стал четвертым органом, занимающимся ими, наряду с Политбюро, Оргбюро и ЦКК. Границы их полномочий никогда четко не устанавливались. Жалобы Кайдановского и Ковылкина были переданы в Кп/о, однако дела с участием более высокопоставленных сановников шли прямо в высшие инстанции. Взаимные нападки Белобородова и Зиновьева, например, сразу рассматривало Оргбюро.

Это позволяло членам партии и партийным организациям игнорировать Кп/о, который казался наименее авторитетным из органов, рассматривавших личные обиды и оскорбления. На бланках ЦК печатались внушительные извещения, вроде такого: «Второе извещение. Немедленно сообщите, почему не выполняется наш приказ № _____ от _____ о товарище _____. Зав. Орготделом [подпись]. Зав. Кп/о [подпись]»¹³⁸. Даже высшие партийные органы не имели ясного представления о том, какого рода жалобы, заявления или претензии надлежит разбирать именно им.

Наверняка не Президиуму ЦКК следовало бы заниматься заявлением от перебравшегося в Краснодар «дяди Вани» из Ейска. Дядя Ваня («настоящее [имя] Добрей») жаловался, что ейская партийная

организация несправедливо исключила его за воровство, и просил о восстановлении. ЦКК, наоборот, решила исключить Добрея («он же дядя Ваня») навсегда, без права апелляции и поставить его под надзор органов внутренних дел¹³⁹.

В ноябре 1920 г. Оргбюро послало в ЦКК сообщение о своих сообщениях по поводу разграничительной линии между работой Кп/о и ЦКК и попросило разъяснений. Вместе с этим сообщением Оргбюро отрядило Е. А. Преображенского для обсуждения вопроса. ЦКК в конце концов дала довольно туманный ответ: «Все жалобы, направляемые в ЦК или ЦКК, должны идти прямо в ЦКК. Все остальные материалы должны передаваться в Кп/о ЦК РКП(б)». Это не особенно помогло делу: поскольку жалобы почти всегда направлялись в ЦК или ЦКК, осталось непонятным, что такое «остальные материалы».

Кроме того, сама ЦКК зачастую передавала жалобы в Кп/о без каких-либо четких оснований¹⁴⁰. В начале 1921 г. она приказом «О деятельности Конфликтного подотдела» поручила инспектору ЦКК Челышеву ознакомиться с делами, находящимися в компетенции и вне компетенции Кп/о¹⁴¹. Неразбериха продолжалась еще почти год, пока в январе 1922 г. Оргбюро не создало комиссию для изучения целесообразности существования Кп/о. Комиссия рекомендовала упразднить Кп/о в регионах и вернуться к прежней системе, когда споры улаживали партийные комитеты и контрольные комиссии¹⁴². Вскоре после этого Кп/о был ликвидирован.

Кп/о не справился с задачей из-за персонализированности дворянской старобольшевистской культуры. Гранды не желали, чтобы их судил комитет из каких-то там клерков. Знатные бояре настаивали на суде равных, и никакое учреждение им было не указ. Это означало передачу их дел в Секретариат, Оргбюро, Политбюро либо в ЦКК, чьи руководящие органы (Президиум и коллегия) состояли из вельмож достаточно высокого ранга, чтобы судить равных себе.

* * *

Идея, что советский коммунизм многим обязан прошлому, не нова. Н. А. Бердяев и другие описали связь коммунистической идеологии с религией, особенно с русским православием. «Коммунисты... – считал Бердяев, – определяются... идейными мотивами, движутся своей собственной религиозной верой... Лучший тип коммуниста... возможен только вследствие христианского воспитания человеческих душ...»¹⁴³ Уничтожая религию насильственным путем, коммунисты взамен создавали другую, коммунистическую¹⁴⁴. Стивен Уайт также полагает, что, придя к власти, «новое большевистское правительство

вряд ли было способно отказаться от всесторонних средств контроля, которыми пользовались его предшественники, когда жизни его лидеров грозила опасность и на кону стояло само его существование»¹⁴⁵.

Конечно, есть риск переоценить преемственность. Многие советские практики не имели корней в российской истории, а многие традиционные практики не пережили 1917 г. Ив Коэн прав, предупреждая: «Полное объяснение невозможно найти, просто ссылаясь на старинные, известные уже при царизме формы, религиозные или политические. Пересечение государственных актов и народных практик... происходило в конкретный исторический момент. Каждая отдельная практика сама по себе являлась отчасти политической интерпретацией традиции в данном контексте. Люди заимствовали одни аспекты традиционных форм и отвергали другие, руководствуясь при этой селекции своими актуальными нуждами в текущей ситуации»¹⁴⁶.

С другой стороны, невозможно вообразить сталинистов, сознательно просматривающих меню традиционных практик и выбирающих подходящие. Очевидно, как считает Стивен Уайт, новый большевистский режим понял, что некоторые имперские политические средства (например, централизованное государство и тайная полиция) полезны. Но старые большевики не собирались становиться наследниками российского дворянства и горячо отрицали бы, что стали таковыми. Персонализированная система укоренилась в российской истории, и приверженность к ней не была саморефлективной.

Олигархия, помня о своей миссии элиты и боясь хаоса, сознательно или нет, организовалась определенным образом, тем более что это диктовала привычная ей культура. То был просто способ управления, и легко представить, как большевики продолжили преемственность, не отдавая себе отчета в своем выборе. Изначальной функциональной задачи тандема «олигархия + царь» – военной защиты открытого пространства и поддержания мира среди знати – более не существовало, но такая практика вошла в российскую политическую культуру. И большевики в данном случае не особенно задумывались о том, чтобы специально выбирать те или иные средства. Как сказал Бурдые: «Все сущностное *уходит безмолвно, потому что и приходит безмолвно*: традиция молчит, и не в последнюю очередь о том, что она – традиция»¹⁴⁷.

Мало кого из старых большевиков отделяло от русской деревни с ее традиционными практиками больше одного поколения; язык и жанры текстов, выходявших из-под их пера, значение, которое они придавали наградам, и контроль, который осуществляли над ними, представление о коллективной ответственности и ролях элиты за-

частую представляли собой неосознанную наследственность. Так или иначе, подобные практики и формы социальной организации были поэтому бессознательно функциональными. Патримониализм, олигархические привилегии и т. п. являлись логическим ответом на страх перед хаосом, а также на боязнь потерять власть.

В сущности, любой антрополог сильно удивился бы, если бы большевики (и вообще русские) в 1917 г. внезапно полностью преобразились, изменили своей тысячелетней культуре и функциональным практикам и стали смотреть на себя со стороны. Нам не стоит торопиться с выводом, будто они могли или желали пренебречь этими практиками ввиду своих футуристических политических взглядов. Они были наследниками, если не пленниками вековых представлений, в том числе о персонализме политики и, собственно, самого государства. Вот об этом мы теперь и поговорим.

2. КУЛЬТЫ И ЛИЧНОСТИ, ПОЛИТИКА И ТЕЛА

Само собой разумеется, что ни мы, ни наши товарищи не хотели создать из останков Владимира Ильича какие-то «мощи», посредством которых мы могли бы популяризировать или сохранить память о Владимире Ильиче.

*А. С. Енукидзе (1924)*¹

Ты не Сталин, и я не Сталин. Сталин – это советская власть. Сталин – это тот Сталин, который в газетах и на портретах, но это не ты и даже не я!

*Сталин – сыну Василию*²

Культы Ленина и Сталина следовали российской традиции рассматривать правителя как прямое олицетворение государства. Но, сравнивая их между собой, мы видим ключевые различия. Ленинский культ возник стихийно, сталинский – в гораздо большей степени с самого начала использовался руководством в качестве политического орудия. Впрочем, население быстро приняло оба культа. Они были не единственными культурами в СССР: «культизм» в отношении руководства распространился на всех уровнях элиты. Поэтому нашего внимания заслуживают не только создание и восприятие культов, но и их роль «средства коммуникации между правителем и управляемыми», в особенности то, как они символизировали «культуру патернализма» в российской истории³. Мы увидим, что эти культы личности не только служили символом или отражением персонализированного взгляда на политику, но являлись ее неотъемлемой частью и обязательным продуктом. Данная глава ставит вопрос, почему политические культы членов руководства нашли в России столь плодородную почву.

Начнем, пожалуй, с идеи сохранить навечно тело Ленина, открыв публичный доступ к нему. Большевистская мысль не знала подобных прецедентов. Какая-то партийная традиция в этой области существовала, судя по словам старого большевика М. С. Ольминского: «Я давний противник похоронных обрядностей, принятых в партии. Я думаю, что все это пережиток религиозных обрядностей (гроб, похороны, прощание с трупом, могила или кремация и проч. чепуха). Мне приятнее думать, что мой труп будет использован более рационально, будет отправлен на утилизационный завод без всяких обрядностей, а на заводе жир пойдет для технических целей, а прочее для удобрения»⁴. Другой партиец, соглашаясь с Ольминским, пожелал, чтобы его тело отправили на мыловаренный завод⁵. Русская православная традиция, со своей стороны, отвергала кремацию и предписывала захоронение в земле, но позволяла постоянную демонстрацию мощей святых. Несмотря на свой антиклерикализм, большевики попросту не смогли бы смотреть, как Ленина забрасывают землей.

Каким же образом они пришли к уникальному решению, известному нам сегодня? За окончательный результат российская традиция ответственна больше, чем урны с прахом, мыловаренные заводы или, в принципе, даже памятники. Здесь властно заявило о себе архаическое прошлое. Русская православная (и более ранняя языческая) традиция усматривала в нетленности тела магический признак святости. В. В. Путин сказал, что бальзамирование Ленина согласовалось с русскими традициями: «...поезжайте в Лавру, на Афон, там мощи святых людей, и в этом смысле коммунисты традицию перехватили...»⁶ Тела православных святых не разлагались, и много веков обнаружение нетленных останков служило достаточным основанием для канонизации. Поэтому для традиционного бессознательного в России нетленный Святой Ленин естественно и невольно демонстрирует связь с чем-то трансцендентальным – и политическим.

Мавзолей Ленина – странное сочетание древности и современности. Разумеется, мощи святого, тем более главы государства, требовали надлежащего помещения, и посетители Мавзолея в советские времена запоминали царившую там атмосферу благоговения. В СССР это было самое святое место, сильнее всего напоминавшее православную церковь. В полутемном зале, где не видно углов (и, следовательно, границ священного пространства), как в соборе, тело лежало под направленными лучами прожекторов, которые играли роль старинных свечей в алтаре, освещавших образа.

В былые дни передняя дверь в Мавзолей всегда была приоткрыта. Точно так же во время церковных праздников специально оставалась открытой алтарная дверь перед иконостасом, ведущая в священное пространство, куда могут заходить только священники. Один ребенок вдобавок сказал мне: «Может, Ленину выйти понадобится». В мифе о «мудром Ленине» (основанном на схожих легендах о покойном Александре I) вождь и вправду периодически пробуждается и бродит по русской земле, проверяя, как идут дела⁷.

Отвергая религию и веру, большевики – сторонники радикально современных взглядов, – подобно своим предкам, декларировали возможность бессмертия. Выставленное напоказ, уберігаемое от разложения тело в некотором смысле отрицало время и, следовательно, смерть. Каждый советский школьник учил лозунг: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» В смерти Ленин стал бессмертным, харизматической фигурой, связанной с высшими силами⁸.

В отношении самого тела традиция уступила место современности. Помимо конструктивистской архитектуры обители святого, принимались современные меры безопасности, прекрасно гармонирующие с религиозным почитанием: в Мавзолее, так же как в церкви, не разрешалось держать руки в карманах. В вопросе физической сохранности традиционную магию заменил химический процесс, изобретенный в лаборатории. Нетленные мощи святого были помещены не только в самом модернистском для своего времени строении, но и прямо над подземной лабораторией, оборудованной по последнему слову техники.

Каким образом получилась эта семиотическая смесь? Сознали ли большевики диссонанс между старинным и современным?

Самое легкое и очевидное – представить, будто по смерти Ленина его преемники во главе со Сталиным быстренько собрались в задней комнате и тут же поняли, сколько пользы принесут сохранение, публичная демонстрация и обожествление его тела. Сфабрикованный в верхах культ Ленина, вкупе с мощами возведенного в ранг святого вождя-основателя, даст крестьянам суррогат религии взамен русского православия, которое большевики старались уничтожить. Он подкрепит легитимность ленинских преемников и режима в целом, выводя происхождение этого режима от основателя, который будет быстро и намеренно превращен в мифического родоначальника, вершину пирамиды, дающую возможность соратникам и наследникам демонстрировать свою родословную.

В конце концов, так и вышло: режим сделал Ленина своим брендом, используя его как полезный символ⁹. Но это не значит, что большеви-

ки с самого начала свободно выискивали и отбирали древние и современные символы в утилитарных целях. В таком случае пришлось бы допустить, что они чувствовали диссонанс между своими футуристическими трансформационными целями и архаическими средствами, но им было все равно. Подобная мысль, нередкая в научной литературе, предполагает, что у большевиков имелся план. Вопрос, знали ли они, что делают, используя старинные практики для достижения модернистских целей, мы не раз будем задавать в ходе нашего анализа. И, как на любые вопросы о намерениях исторических деятелей, на него нет легкого и определенного ответа. Здесь, кажется, нельзя говорить ни о каком-либо плане, ни о главной роли Сталина, скорее, речь идет о ряде противоречивых, случайных и спорных предложений как сверху, так и снизу. Преемники Ленина долго толкли воду в ступе, не зная, что делать с его телом.

Прежде всего, Сталин, видимо, практически не имел отношения к решению о постоянной демонстрации ленинских останков. Он не входил в комиссию по организации похорон под председательством Ф. Э. Дзержинского, которая принимала такие решения, а его подручный К. Е. Ворошилов, член комиссии, яростно противился этой идее. Сталин являлся членом Политбюро, которое, оказывается, утверждало все рекомендации комиссии, но, кажется, активной роли в принятии решения не играл. По слухам, возникшим через несколько десятилетий (в 1960-е гг.), он заговорил о мумифицировании Ленина еще до смерти последнего и якобы выдвинул это предложение на неофициальном совещании членов Политбюро в 1923 г., где против него резко выступил Троцкий. Эта история выглядит весьма неправдоподобно. Мысль, что такой осторожный политический тактик, как Сталин, будет открыто предлагать способ распорядиться телом Ильича, пока тот еще жив, да еще в присутствии своего главного соперника Троцкого, почти смешна. Верховные руководители сочли бы обсуждение подобного вопроса при жизни своего драгоценного Ленина непростительным оскорблением, и Сталин точно не подставил бы так, на радость Троцкому¹⁰.

Разумеется, в последующие годы ленинский культ намеренно и искусственно развивался Сталиным и остальными в утилитарных целях. Но архивные документы времен смерти Ленина не столь ясно говорят об истоках и спланированном характере культа.

Вначале была мысль о погребении вождя. 24 января 1924 г. Политбюро решило захоронить его рядом с Я. М. Свердловым у Кремлевской стены¹¹. 26 января Бухарин поведал съезду советов, что скоро Ленин сойдет «в могилу»¹². На похоронах Ленина на следующий день

главный оратор Г. Е. Евдокимов сказал: «Мы хороним Ленина». В конце церемонии радиостанции по всей стране сообщили, что «Ильича опускают в могилу»¹³.

К решению сохранить и показывать публике тело Ленина большевики поэтапно подходили несколько лет, и место его упокоения приняло окончательную форму каменного мавзолея только в 1929–1930 гг. 24 января 1924 г. гроб с телом выставили для публичного прощания в Колонном зале Кремля. Профессор А. И. Абрикосов забальзамировал тело обычным способом, чтобы продержалось три дня до похорон. Никто не собирался демонстрировать его дольше. Через два дня огромные толпы, приходившие проститься с вождем, заставили Политбюро распорядиться о переносе гроба на Красную площадь, к Кремлевской стене¹⁴. Архитектора А. В. Щусева спешно привлекли к проектированию и возведению временного хранилища, установленного к 27 января. Толпы шли и шли, и вскоре Щусеву поручили строительство более солидного сооружения, завершённое через несколько недель. Но и это деревянное строение было рассчитано ненадолго и получило название «временного мавзолея».

Между тем, пока прощание затягивалось, «время сделало свое дело»¹⁵, и тело Ленина начало разлагаться. Комиссии Дзержинского пришлось искать более долгосрочное решение¹⁶. В феврале член комиссии инженер Л. Б. Красин заявил, что может сохранить тело путем замораживания, и 7-го числа комиссия дала ему добро на закупку дорогого немецкого оборудования для этой цели¹⁷. К 14 марта состояние тела продолжало ухудшаться, и, хотя Красин по-прежнему отстаивал идею замораживания, комиссия предпочла обратиться к профессорам Б. И. Збарскому и В. П. Воробьеву, предложившим новый химический метод длительного сохранения¹⁸. Не ранее 26 июля она приняла окончательное решение о бальзамировании тела Ленина методом Збарского и Воробьева и его постоянной демонстрации публике¹⁹.

Еще когда гроб с телом Ленина стоял в Колонном зале, пошли слухи, будто народные массы и некоторые большевики требуют сохранить тело на время и построить для него склеп или усыпальницу²⁰. Но, когда об этом впервые зашла речь в комиссии Дзержинского, сначала в форме обсуждения вопроса, стоит ли хотя бы держать гроб открытым, там вспыхнули жаркие споры, которые А. С. Енукидзе эвфемистически назвал «волнением за сохранение тела Владимира Ильича», отметив, что «было много колебаний и сомнений... среди членов комиссии»²¹. Так, на заседании 23 января видные большевики Т. В. Сапронов и К. Е. Ворошилов резко выступили против предло-

жения Н. И. Муралова о демонстрации тела народу. Ворошилов сказал: «Нам канонизация не нужна. Это эсеровщина...»²² Мы перестали быть марксистами-ленинцами. Если бы Ленин слышал речь Муралова, то вряд ли похвалил бы его. На самом деле культурные люди кремировали бы тело и поместили прах в урну». В противном случае, утверждал Ворошилов, партия распишется в своей лицемерии: крестьяне увидят, что большевики, уничтожая их бога, подменяют его собственными святыми мощами²³.

Члены комиссии Ф. Э. Дзержинский и В. А. Аванесов, вместо того чтобы принять твердое решение о сохранении тела Ленина, старались не занимать принципиальную позицию. Как выразился Дзержинский, «быть принципиальным в этом вопросе – это быть принципиальным в кавычках». Одобрил бы такое Ленин? Наверное, нет, признал Дзержинский, потому что был человеком исключительно скромным. Но его здесь нет, и судить он не может, а вопрос, что делать с его телом, остается. Более глубокие вопросы Дзержинский отмел, заметив, что Ленина все любят, его фотографии хранят, как сокровище, все хотят его видеть. Ленин – поистине особый человек: «Если мы можем сохранить тело и видеть его, то почему это не сделать, он так дорог для всех нас... Если наука может действительно сохранить его тело на долгие годы, то почему бы это не сделать ... Если это невозможно, то мы этого не сделаем». Для Дзержинского стоял вопрос не «почему», а «почему бы нет»²⁴. Хотя ворошиловская фракция осталась недовольна, группировка Дзержинского одержала верх и направила рекомендацию в духе «почему бы нет» в Политбюро, которое утвердило ее.

«Непринципиальные» рассуждения Дзержинского – лучшее, что у нас есть для определения конкретного времени и места принятия и обоснования решения о сохранении тела Ленина. Процесс все-таки шел постепенно. Шаг за шагом большевики брали на вооружение традиционные, если не архаические средства, сочетая их с современными аспектами и целями. Ощущали ли они диссонанс? Иногда ощущали. Партия как будто начала страдать чем-то вроде шизофрении, споря сама с собой, рационализируя, переубеждая себя и вступая с собой в компромиссы.

Возникали дискуссии. Протесты против архаических практик наткнулись на контраргументы, на вид притянутые за уши. Отвечая тем, кто опасался эсеровского акцента на роли личности, Дзержинский сделал казуистическое заявление, что «это не культ личности, а в какой-то степени культ Владимира Ильича». Ворошилов, как мы видели выше, боялся связанных с сохранением тела Ленина лицемерия и обожествления. Он не хотел создавать религиозные «мощи». Дзер-

жинский возразил: «Что касается мощей, то ведь раньше это было связано с чудом, у нас никакого чуда нет, следовательно, о мощах не приходится говорить»²⁵. Но действительно ли не приходится?

Когда Муралов предположил, что сохранение и демонстрация тела могут быть выгодны режиму, Ворошилов взорвался, назвав мураловскую идею «чепухой» и «позором»²⁶. Он сам, дескать, был на могиле Маркса, и она его тронула, хотя «никто не видел его [Маркса] лица и это совершенно не нужно». Кто-то заикнулся, что такой монумент упрочит память о Ленине, и Енукидзе пустился в еще более изощренную казуистику: «Само собой разумеется, что ни *мы*, ни наши товарищи не хотели создать из останков Владимира Ильича какие-то «мощи», посредством которых *мы* могли бы популяризировать или сохранить память о Владимире Ильиче. Своим гениальным учением и революционными действиями, которые он оставил в наследство всему мировому революционному движению, он достаточно увековечил себя... Мы хотели сохранить тело Владимира Ильича не для того, чтобы просто популяризировать его имя, а придавали и придаем величайшее значение сохранению облика этого замечательного вождя для подрастающего поколения и для будущих поколений, а также для сотен тысяч, может быть, и миллионов людей, которые будут в высшей степени счастливы увидеть облик этого человека»²⁷.

Другие большевики, подобно Дзержинскому, предпочли не слишком задумываться о противоречиях или, скорее, полагали, будто Ленин – настолько особый случай, что тут и думать нечего. Они просто делали то, что инстинктивно на тот момент казалось им естественным: «Почему бы нет?» И в конечном счете создали религиозное пространство со святыми мощами и монументальной гробницей, но даже в частных беседах яростно отрицали это друг перед другом. Когда кто-то замечал религиозный аспект, элита упорно отказывалась его признать.

Из десяти членов комиссии восемь родились в деревне, как и более половины членов ЦК. Нетрудно представить внутренний конфликт между их новоприобретенным позитивизмом и культурой, в которой они выросли. Если у них или кого-то из них появлялись сомнения насчет того, что казалось им естественным, но вступало в противоречие с их притязаниями на научный рационализм, они, не останавливаясь, делали естественную, интуитивную вещь – сочетали науку и предрассудки, не признаваясь в этом даже самим себе. Где-то в глубине души они считали Ленина святым.

Еще один пример конфликта – соблюдение в течение десятилетий странного обычая, повелевавшего членам Политбюро приветство-

вать публику в ходе торжественных мероприятий, стоя на ленинской гробнице, то есть буквально на его трупе. Здесь тело вождя как будто отступало на задний план, а дискурс посвящался митингам, не телам. Мавзолей якобы не был для большевиков мертвым камнем, он давал им «живое чувство», став «пролетарской трибуной», «плацдармом революции» и президиумом массовых митингов на Красной площади²⁸. Стоя на трупе, они старались думать о нем как об ораторской кафедре. Действительно ли им это удавалось – вопрос.

«Временный» деревянный мавзолей стоял с весны 1924 г. до 1929 г., когда было построено постоянное сооружение, известное нам по сей день. Никто не мог решить, что делать. Комиссия за комиссией из архитекторов, художников и работников Наркомата просвещения годами изучала и обсуждала эскизы и предложения²⁹. Вспыхнул скандал вокруг архитектора Щусева, входившего в жюри по отбору окончательного проекта³⁰. Состав жюри постоянно менялся, не успевая прийти к решению. Только 6 мая 1929 г. руководство реорганизовало жюри, потому что многие из его первоначальных членов уже умерли или занимались другой работой³¹.

Шизофрения, характерная для мыслей большевиков о теле вождя, мучила их и в вопросе о «монументализме». Многие думали, что пролетарскому государству негоже ставить роскошные памятники отдельным людям. Этой идее противилась даже вдова Ленина Н. К. Крупская, написавшая в «Правду» знаменитые строки: «Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д. ...Хотите почитать имя Владимира Ильича – устройте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов, и самое главное – давайте во всем проводить в жизнь его заветы»³².

Как и сохранение тела Ленина, традиционные памятники вызывали среди большевиков сильное сопротивление, и поиск доводов в их пользу требовал изобретательности. В октябре–ноябре 1924 г. за них заступились видные большевики Луначарский и Красин: «Вопрос о памятниках нужно рассматривать с точки зрения нужд революционного народа». У пролетариата, утверждали Луначарский с Красиным, сильно чувство истории и связи с прошлым. Пролетарские памятники, в отличие от буржуазных, – не просто идолы или указатели. Они – источники силы, взятой от революционных масс. Революционный памятник централизует и преобразует социальную силу. Революционное общество совершает великие дела и поэтому нуждается в том, чтобы обессмертить себя. Гробница Ленина уже стала центром притяжения для масс и отвечает глубокой потребности масс.

Луначарский и Красин пустили в ход натянутые исторические аналогии. Отметив, что наполеоновская эпоха во Франции была временем больших монументов, они отнесли это на счет более раннего революционного периода. Наполеоновский стиль, по их словам, «органически следует из стиля, установленного в предыдущую революционную эпоху, то есть оригинально трансформированного античного стиля». Если заглянуть еще дальше в прошлое, пирамиды и другие монументы строили фараоны и прочие «древние деспотии», вроде бы имеющие мало общего с пролетариатом. Но, оказывается, эти режимы на деле представляли собой «коллективистские» (!) группы правящего класса. За несколько месяцев до начала дискуссий о бальзамировании Ленина в Луксоре обнаружили мумию фараона Тутанхамона. Прямой связи между древнеегипетским мумифицированием и предположениями о том, как распорядиться телом Ленина, нет, но мысль такая наверняка бродила в смятенных и озадаченных большевистских мозгах. Ставя себя посередине между преклоняющимися перед личностью эсерами и не признающими никакого руководства анархистами, большевики заключали: «Мы не анархисты. У нас есть великие и блестящие вожди. Поэтому мы делаем вывод, что монументы и монументализм совершенно естественны в нашей революционной жизни»³³. Ворошилов, выступавший против демонстрации ленинского тела, счел, что монументы для увековечивания памяти вполне годятся: он же был на могиле Маркса в Лондоне.

Итак, большевики убедили себя в допустимости грандиозного монумента Ленину – либо потворствуя толпе, либо под воздействием конфликтующих импульсов, среди которых они сами не могли сделать выбор. Но почему они решили сохранить тело? Почему было не поставить просто памятник? Порой они чувствовали неладное и беспокоились из-за архаичности такого сохранения, но, тем не менее, шли вперед, отбрасывая сомнения; они делали то, что неизменно казалось им правильным и естественным.

Ощущая иногда диссонанс между своей современной теорией и архаичной практикой, большевики почти наверняка не понимали, какая главная движущая сила работала, по-видимому, в их бессознательном. Они не видели «глубинных структур», которые руководили их решением. Это решение соответствовало их габитусу, по определению Пьера Бурдьё: «когнитивным и мотивирующим структурам», действующим как вторая природа, «бессознательно, потому что история габитуса скрыта за его субъективной природой». Решения при этом приходят как нечто само собой разумеющееся, «поскольку субъ-

екты, строго говоря, не знают, что делают, и не знают, что то, что они делают, значит больше, чем им известно»³⁴.

Почему все сосредоточились на теле, а не на более традиционном монументализме? Вспоминая свой визит на могилу Маркса, Ворошилов сказал, что тело там не показывали, но обычный памятник ничуть не хуже может вызывать эмоции и увековечивать память. Для этого, заявил он, тело не обязательно.

Но он ошибался. Тело, конечно, было обязательно. Он просто этого не признал.

Речь не столько о теле Ленина (связанные с ним противоречия многие видели), а вообще о теле в российских политических представлениях.

Разумеется, вначале импульс к созданию официального ленинского культа был дан, когда руководство решило сохранить и публично продемонстрировать тело вождя в роскошном (и политически полезном) монументальном сооружении. Но в то же время с самого начала народный импульс и вклад если не вызывали и определяли, то подстегивали официальные действия. Люди стихийно, по собственной инициативе слали тысячи писем и телеграмм с выражением соболезнования³⁵. Само решение о переносе тела Ленина из Колонного зала на Красную площадь связано с проблемами контроля над толпой и стало результатом тысяч просьб от общественности, особенно от тех, кто не успевал вовремя приехать в Москву на запланированный первоначально период прощания с вождем³⁶. Решение построить второй «временный» деревянный и третий постоянный каменный мавзолей имело те же причины: люди продолжали идти ко гробу Ленина – более сотни тысяч за первые шесть недель, невзирая на лютый холод.

Култ во многом возник снизу. Без всяких требований со стороны руководства из провинции потоком хлынули предложения о строительстве на местах памятников Ленину и наименовании в его честь всевозможных объектов³⁷. В Чебоксарах, к ужасу Москвы, без разрешения сверху поставили точную копию мавзолея, собираясь использовать ее под книжный киоск³⁸. Идя в кильватере народной инициативы, режим быстро понял, что необходимо взять процесс под контроль, и присвоил себе право удовлетворять или не удовлетворять подобного рода просьбы; без санкции властей строить ничего не разрешалось. Впоследствии значительная часть работы комиссии Дзержинского состояла в утверждении (а чаще отклонении) самых разнообразных и причудливых предложений – от сооружения электрифицированного мавзолея со вспышками молний до переименова-

ния календарных месяцев в связи с тем, что, как написал автор одного письма, «Ленин был спасителем мира больше, чем Иисус»³⁹.

Ленин и до смерти уже являлся «харизматическим» лидером, и его соратники «прикусывали» свой рациональный марксистский язык, проводя параллели: Троцкий заявлял, что «Маркс – пророк со скрижалями, а Ленин – величайший исполнитель заветов»; Зиновьев называл Ленина «нашим солнцем», «вождем Божией милостью», «подлинной фигурой вождя, рождающейся раз в 500 лет в жизни человечества»; Бонч-Бруевич – «пророком пролетариата»⁴⁰.

Впрочем, русский народ не нуждался в особых наставлениях для того, чтобы признать тело Ленина святым. При виде его люди низко кланялись «кто в пояс, кто в ноги», «многие приносили у гроба клятвы»⁴¹. В комиссию поступали жалобы на «профанацию» мавзолея в виде продажи открыток с его изображением. По мнению одного рабочего, созерцание тела Ленина имело целительную силу – захочешь присоединиться к партийной оппозиции, пойдешь ко гробу Ленина, и сразу встанешь на правильный путь⁴².

Социологи подметили общечеловеческую тенденцию к антропоморфизации политической власти. Эдвард Шилс полагал, что она «коренится в нервном строении человеческого организма» и ее интенсивность в том или ином месте зависит от превалирующей культуры⁴³. По Веберу, «харизматическая власть» исходит от лидера, пророка, обладающего почти магической силой, чей авторитет основан на связи с трансцендентным⁴⁴. Но Шилс показал, что в Новое время нерациональная «святость» существует в смеси с рационально-легальной властью, и это не обязательно связано с революцией и кризисом⁴⁵.

Ленинский культ имел глубокие корни в русской культуре⁴⁶. И наверху это культурное влияние стало не только предметом грубой манипуляции с целью использования культа как орудия – часть большевиков, «богостроители», верили в пришествие новой религии, которая сделает человечество богоподобным и бессмертным. Крестьяне и ряд большевиков думали или надеялись, что Ленин превзошел смерть. Внутрипартийная борьба между ленинцами-позитивистами и богостроителями отразила в макрокосме душевную борьбу большевиков, решавших в 1924 г., что делать с телом Ленина. Возникновению культа способствовали все эти независимые вводные⁴⁷.

Одной из ключевых идентификаций и для большевиков, и для крестьян служила связь между личностью-телом и государством. На протяжении всей русской истории физическое тело правителя не просто символизировало государство, но действительно являлось

государством. Претензия Людовика XIV «государство – это я» меркнет в сравнении с русскими представлениями о царе. Русские много веков не могли постичь, что во главе государства не обязательно должен стоять человек, правящий пожизненно божьим соизволением. Хотя они нередко проникались идеями радикальных реформ, социальной справедливости (или ностальгией), в течение столетий любой бунт или восстание поднимались под предводительством либо во имя «настоящего царя» – *лица*, которому надлежит царствовать по праву. Физическое тело царя играло здесь не последнюю роль. Согласно одной из русских традиций, «настоящий царь», сидел он на троне или нет, обязательно имел на теле «царский знак»⁴⁸. Поэтому верховное владычество и, следовательно, законная власть над государством были неотделимы от тела.

Государство представляло собой не идею, которую можно изменить или при случае перестроить, а вопрос правильности «сидящего» наверху *человека*. Несправедливость творил либо ненастоящий правитель, либо настоящий, но обманутый плохими придворными. Государство в значительной мере являлось телом, а тело – государством. Сохранение ленинского тела было презентацией и сохранением государства и практически демонстрировало некую символическую преемственность (и в практике, и в представлениях) с прошлым, которое большевики отвергали.

Просто статуя или монумент для этого не годились. В своем знаменитом анализе личностных аспектов королевской власти Эрнст Канторович писал о различии между «двумя телами короля»: одно из них – его физическое тело, другое – его личность как глава и символ государства⁴⁹. После его смерти физическое тело опускают в могилу, а государственное продолжает существовать, например в виде статуи. По словам Ричарда Уортмана, в России царь не имел двух тел, физического и политического, они составляли одно или, по крайней мере, отличались друг от друга слишком незначительно, чтобы разница была заметна⁵⁰. Когда старый царь умирал, государственной преемственности не существовало, пока не воцарялся новый. Даже некоторые эмблемы советского государства носили на себе образ Ленина, и понадобилось много времени, чтобы их разделить.

Исторически тело/личность русского правителя воплощали своеобразное слияние святости, отеческого попечения, государства и русской земли. Государство воспринималось не как абстракция, вещь в себе, охраняемая царем, а как объект, собственность царя, с которой он волен делать, что пожелает⁵¹. Мы легко увидим такое слияние в русской терминологии и этимологии.

Русское слово «государство» произведено от «государь», в древнеславянском – «господарь», что означает хозяина, главу домохозяйства. Здесь ясно просматривается идея владения, поскольку хозяин владеет хозяйством как собственностью. Собственность без владельца не имеет большого смысла, поэтому и государство немислимо как вещь без человека. Точно так же правитель, освященный Богом, не имел смысла без земли и народа: «Понятия принадлежности государю и государству полностью накладывались друг на друга. Государство и государственный интерес мыслились исключительно как воплощенные конкретно в живой личности государя и его делах»⁵². Даже во время революционной смуты 1917 г., когда царь был свергнут и всякого рода власть поставлена под вопрос, солдаты отказывались присягать государству, говоря «нет государя, нет и государства», то есть «не может быть государства, если нет хозяина»⁵³.

В России в правителе видели телесное воплощение не только святого, но и отца. Правители по-отечески улаживали споры, обеспечивали покровительство и безопасность. Понятия семьи и государства объединялись; глава советского государства так же представлял собой «отца», как и царь. От слова «отец» происходит и русское слово «отечество»⁵⁴. Русские крестьяне веками звали императора «царь-батюшка», а в 1936 г. один член Политбюро мог в письме другому написать про Сталина «мудрый родитель» (кстати, довольно архаичное слово)⁵⁵. СССР являлся федерацией разных национальностей. Но Сталина обычно именовали «отцом народов», то есть патриархом патримониального государства. Поэтому в некотором перцептивном смысле личность Сталина *была* патриархальным государством⁵⁶.

Царь – хороший, а беды случаются не по его вине. Этому «наивному монархизму» наивность отнюдь не мешала быть подлинным и отражаться во всем. Кронштадтские матросы, даже восставая против режима большевиков-ленинцев, «говорили о Ленине как о царе, которому злодеи-бояре не дают действовать в интересах народа»⁵⁷.

Ленин, а затем Сталин, подобно царю, были «мудрыми отцами». Б. Н. Миронов обратил внимание на сходство между патриархальным управлением и русской семьей: «В доме есть большак, и все должны ему повиноваться. Это одна из отличительных черт русского народа. Если взглянуть на это маленькое патриархальное государство, виден зародыш беспрекословного послушания русского народа тем, кто стоит у власти, как будто они ниспосланы Богом»⁵⁸. Отец-правитель выступал и в качестве кормильца, экономические отношения представлялись в виде моральной экономики, в которой отдельные лица обмениваются дарами. Получая уголь, хлеб, работу, образование, со-

ветские граждане рассматривали их не как рациональные блага государства, а как личные дары от товарища Сталина⁵⁹.

Российский правитель обязательно являлся священной особой, либо помазанником Божьим, либо как-нибудь еще связанным с чем-то вечным и трансцендентным. Во времена королевской (царской) власти, божественного права и пр. между королем (царем) и Богом существовала неразрывная связь. Король или представлял Бога на земле, или сам считался божественным⁶⁰. В советскую эпоху трансцендентный характер могли носить законы истории, пророк Маркс, его ученики Ленин и Сталин и их тела. Ни один посетитель гробницы Ленина не мог не испытать какого-то мистического чувства. Связывающая политическую харизму и символизм, Клиффорд Гирц предположил, что символические чары становятся реальностью: «Разница между символическими чарами власти и ее сущностью исчезает, одно превращается в другое. Серьезность высокой политики и торжественность высокого богослужения рождены сходными импульсами»⁶¹.

Трансцендентные аспекты политического порядка были неотделимы от физического тела царя, их тождество подтверждалось различными церемониями, действиями и ритуалами⁶². Даже изображения правителя носили священный характер. Один из солдат Петра I молился на его портрет⁶³. Делать снимки святого тела Ленина запрещалось с самого начала, но караульные, охранявшие временный мавзолей, сочли богохульством фотографирование самого мавзолея и арестовывали людей за подобные попытки⁶⁴. Портреты Сталина, символизировавшие его тело и личность, стали святыми образами, тем, кто наносил им повреждение, хотя бы случайно, грозил арест. Даже в наши дни сталинские портреты периодически появляются в российских церквях⁶⁵. Рисуя Сталина, следовало соблюдать такой же канон относительно глаз и взгляда, как в иконописи. Его взгляд «непременно направлялся в фокусную точку за пределами картины»⁶⁶. Сейчас в Нижегородской области есть секта, которая молится на икону Путина⁶⁷. Эти святые образа – зримые символы личности-государства в России.

Отождествление правителя с государством – не исключительная особенность одной России, хотя среди «современных» государств там она сохранилась дольше всего. Когда в Древнем Риме на смену республике пришла империя, особа императора стала государством, и оскорбления, нанесенные императору лично, расценивались как измена государству. Позже, в Средние века, римское *laesa maiestas* (оскорбление величества) превратилось в *lèse-majesté*, подобные оскорбления продолжали рассматриваться как посягательства на го-

сударство, персонифицированное правителем и отождествляемое с ним. Потом в Западной Европе отмерла личностная часть этого понятия, которое трансформировалось в *l'èse-nation*, но в России оно осталось в прежнем виде, служа правовой базой для преследования явных революционеров и их газет. Даже в 1910 г. В. М. Пуришкевич назвал оскорбления особы Николая II *l'èse-majesté* и напомнил Государственной думе, что за них полагаются восемь лет каторги⁶⁸. В сталинский период малейшее оскорбление диктатора (вплоть до неуважения к его портрету) подпадало, по меньшей мере, под статью «антисоветская агитация», а чаще всего – «терроризм». В наши более вегетарианские времена столь драконовские меры уже не применяются, однако оскорбление лидера все равно считается особым преступлением. Активисты, ворвавшиеся в приемную Путина в 2004 г., были обвинены в попытке государственного переворота и получили тюремные сроки. В декабре 2011 г. в России вдвое увеличили наказания за оскорбление должностных лиц, зато за оскорбление обычных граждан – уменьшили⁶⁹.

Оглядываясь на российскую историю, мы найдем массу свидетельств значения особы правителя – святого/отца/хозяина – для представлений русских о политике, власти и государстве. Князь или царь занимал свое положение «Божьей милостью», как и в других странах, но в России правитель и государственная система долго были нераздельны. Персона правителя и даже изображения этой персоны обладали святостью и могуществом ввиду его связи с трансцендентной силой. Из четырнадцати великих князей Киевских эпохи Киевской Руси десять причислены к лику святых. Затем Россией триста лет, с начала XIV до конца XVI в., правила московская ветвь династии Рюриковичей. Из двенадцати московских правителей семеро – святые. Как сказал Михаил Чернявский, государство не являлось независимой абстракцией; оно обретало легитимность и реальность благодаря священной особе князя⁷⁰.

В конце XVI в., когда династия Рюриковичей пресеклась после смерти сыновей Ивана Грозного, государство фактически прекратило существовать, и страна погрузилась в анархическую Смуту, которая закончилась только с водворением на трон новой персоны, подходящего тела⁷¹. Это можно сравнить с горем и хаосом, охватившими страну после смерти Сталина в 1953 г., когда казалось, что грозит рухнуть весь политический строй, и власти опасались массовых беспорядков⁷². Танки охраняли тогда улицы. Люди, как на коронации Николая II в 1896 г., давили друг друга насмерть, пытаясь приблизиться к священной правящей особе. В обоих случаях речь шла не

только о поисках безопасности и порядка в продолжении существования государства, воплощаемого в личности; речь шла и о желании быть рядом со святым телом отца.

В Смутное время появился целый ряд Лжедмитриев, объявлявших себя сыновьями Ивана IV. Настоящий Дмитрий умер при подозрительных обстоятельствах в 1591 г. Поскольку государство без личности законного правителя ничего не значило, любой группировке, пытающейся захватить политическую власть, следовало иметь во главе такого правителя. За первым Лжедмитрием последовал второй, каждого поддерживала коалиция бояр, дворян и казаков. Даже те, кто бунтовал против этих самозванцев, располагали собственными «настоящими царями», и к 1608 г. претендентов на престол насчитывалось больше двадцати⁷³. Бесспорно, социальные, политические, культурные и религиозные аспекты русской цивилизации – так же как и государства – соединялись в лице князя или царя. Без законного правителя не могло быть государства и стоило с уверенностью ждать хаоса и невзгод. «Без царя земля – вдова, без царя народ – сирота», – гласит русская поговорка.

С XVI по XIX в. участникам любого восстания приходилось брать в расчет проблему «настоящего царя». Отстаивать новый социальный или политический порядок было немислимо, если этот порядок не олицетворяла личность законного претендента. Самые радикальные мятежники не могли вообразить государство отдельно от его легитимного правителя. Одного лишь факта, что их дело правое, оказывалось недостаточно без руководства «правильного» царя. А поскольку правитель являлся святым по определению, то, если дела в стране шли плохо, ответов на подобную ситуацию существовало не так много.

Один из них давал наивный монархизм. «Мятежники во имя царя» сражались за царя против преступных бояр и вельмож⁷⁴. Казачий атаман Стенька Разин в XVII в., как до него Болотников в XVI в., воевал за «законного государя».

Другой ответ заключался в том, что трон занимает самозванец или нелегитимное лицо. Если царь свят, а живет скверно, значит, на престоле сидит лжецарь. Разин, сражаясь за настоящего царя на троне, держал в резерве двух самозванцев: один был якобы царевичем, истинным наследником престола, другой – патриархом⁷⁵. В 1705 г. московские стрельцы, недовольные по разным причинам, слали казакам письма, в которых говорили, что царя Петра I подменили при рождении. Еще рассказывали, будто Петр умер или убит во время путешествия по Европе и подменен немцем⁷⁶.

В XVIII в. предводитель бунтовщиков Емельян Пугачев заявлял, что он – законный царь Петр III, и давал своим подручным титулы придворных Екатерины II. Традиция самозванства длилась вплоть до XIX столетия. В XVII в. на звание «законного царя» претендовали 23 человека, в XVIII в. – 44, восемь из них называли себя сыном Петра I Алексеем, шестнадцать – Петром III, чудом спасшимся от рук убийц⁷⁷. Не было государства без царя, без царского тела⁷⁸.

Согласно таким патримониальным представлениям о государстве, князь (позже царь) владел страной как своим наследственным родовым именем, а какая-никакая бюрократия рассматривалась как его домашняя прислуга. Московские князья считали свои земли, которые они частью наследовали, частью захватывали или приобретали, собственной вотчиной и соответственно распоряжались Московской Русью в завещаниях⁷⁹. По словам В. О. Ключевского, как российский закон отождествлял домовладельца с домом, так и понятие государства отождествлялось с личностью царя. Правда, Ключевский полагал, что Петр I отличал персону царя от идеи государства⁸⁰.

Петр в XVIII в. иногда делал различие между личным владением и государством и несколько раз даже заявлял, что обязан служить последнему. Но сам же подрывал такую концепцию, используя традиционные персональные механизмы господства. При всех разговорах о государстве, он в конечном счете видел в нем все-таки собственную вотчину, а не самостоятельную безличную абстракцию. Это ясно показало его твердое намерение лично определить наследника, которому он передаст престол именно как свою вотчину⁸¹. В недавних исследованиях высказывается мысль, что Петр проводил различие, не видя настоящей разницы⁸².

Даже много позже царь Николай II, отвечая на вопросы переписи населения 1897 г., в графе «род занятий» написал: «Хозяин земли Русской». Такие разные историки, как Ричард Пайпс и Джеффри Хоскинг, согласны друг с другом в том, что царизм представлял собой «патримониальный режим»⁸³.

Конечно, никто не думал, что Ленин и Сталин буквально владеют государством и его народом. Тем не менее их личности самым настоящим образом олицетворяли это государство. Возвращаясь к весьма показательным примерам словоупотребления, пусть даже рудиментарного и метафорического, мы заметим, что подручные Сталина часто называли его «хозяином»⁸⁴.

В патримониальных системах должностные лица рассматривались как личные представители правителя, его «дома». Выше мы видели, что как минимум со времен монгольского завоевания шаб-

лонный язык ходатайств и прошений включал выражение «бьет челом холоп твой». Начиная по меньшей мере с царствования Ивана III в XV в. официальные обращения к князю носили патримониальный характер: князь именовался «господином», а его подданные (даже высокопоставленные) – «холопами». Неясно, вправду ли высшие аристократы считали себя холопами (и, разумеется, со временем для элиты это превратилось в пустую формальность), но все остальные – безусловно⁸⁵.

Классический российский культ личности – это культ личности Сталина, возможно, потому, что Хрущев назвал его так в своем закрытом докладе. Здесь не представляется целесообразным расписывать всю широту (и глубину) сталинского культа. «Отец народов», «лучший друг» чуть ли не всех на свете, «самый великий человек из когда-либо живших на земле» служил центром официально сфабрикованного культа личности. Начиная с 50-летия Сталина в 1929 г. официальные публикации о «самом великом, самом блестящем человеке современности» и его иконография, встречавшиеся в печати и раньше, стали появляться в массовом порядке⁸⁶. Сталинский культ, как и ленинский, содержал компонент народного преклонения, но, в отличие от ленинского, был инициирован сверху как организованная политическая кампания.

История и особенности выражения «культ личности» подробно проанализированы⁸⁷. Наибольшую известность получила гипотеза, высказанная от лица многих Робертом Такером в его психоисторических исследованиях, где он обнаруживает истоки сталинского культа в представлении о себе самого диктатора, которому были свойственны чувство неполноценности, мегаломания и соответственно потребность быть лучше и пользоваться большим уважением, чем другие, более интеллектуальные и культурные, большевики его поколения⁸⁸.

С другой стороны, некоторые ученые подметили, что отношение к собственному культу у Сталина, как и у Ленина, было не столь психологически обусловленным и довольно сложным⁸⁹. Часто рассказывают историю (возможно, апокрифическую) о разговоре Сталина с сыном, заявившим: «Но я тоже Сталин». Отец якобы ответил ему: «Нет, ты не Сталин, и я не Сталин». И показал на свой портрет: «Вот Сталин»⁹⁰. По другой версии, он сказал: «Ты не Сталин, и я не Сталин. Сталин – это советская власть. Сталин – это тот Сталин, который в газетах и на портретах, но это не ты и даже не я!»⁹¹

По поводу предложения устроить выставку, посвященную его жизни, Сталин сказал, что подобные начинания ведут к культу личности,

а это «вредно и несовместимо с духом нашей партии»⁹². В 1940 г. он в письме Е. М. Ярославскому осуждал людей, «желающих выдвинуть себя вверх путем чрезмерного и тошнотворного восхваления руководителей партии и государства», заявляя: «...наша обязанность состоит в том, чтобы вытравлять в наших людях эти позорные и рабские чувства... Подхалимство несовместимо с научной историей»⁹³. В другой раз он назвал жадное внимание к подробностям его жизни «вульгарной чепухой»⁹⁴. Когда один советский журналист прислал Сталину текст интервью с его матерью, диктатор нацарапал через всю страницу: «Не берусь ни утверждать, ни отрицать. Не мое дело»⁹⁵. А однажды вернул рукопись своей биографии с пометкой, что у него нет времени ее посмотреть⁹⁶.

Хотя Сталин считал, что великие люди играют в истории важную роль, он не раз называл преклонение перед вождем (какое Ворошилов испытывал перед Лениным) «эсеровской теорией», имея в виду первоочередное внимание к лидерам, а не классам⁹⁷. В письме в Детиздат (опубликованном только после его смерти) он писал, что подготовленная издательством книга рассказов о его детстве «изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений», и подчеркивал: «Теория “героев” и “толпы” есть не большевистская, а эсеровская теория... Советую сжечь книжку»⁹⁸. Здесь он следовал Ленину, которого раздражал складывавшийся вокруг него культ: «Читать стыдно... всё преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком... Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности... давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности!»⁹⁹

Несмотря на отвращение к своему культу, Ленин видел его практическую пользу, позволял себя профессионально фотографировать и делать себе рекламу иными способами¹⁰⁰. Так же поступал и Сталин. Досадуя, подобно Ленину, на крайности культа, он смотрел на него с функциональной, утилитарной точки зрения. В частной беседе с немецким писателем Лионом Фейхтвангером он сказал, что культ – «глупость», но служит объединяющей силой для рабочих и крестьян¹⁰¹. Конечно, проявления скромности и отрицание культа можно счесть весьма бесполезной и ожидаемой поддержкой этого самого культа: «Культ отрицался на словах именно таким образом, чтобы под прикрытием отрицания еще успешнее создавать его»¹⁰². С другой стороны, возражения Сталина не предназначались для широкой публики; о большинстве из них стало известно лишь после его смерти. Ничто не должно было омрачать образ вождя.

Нетрудно обнаружить прагматическую и функциональную выгоду культа для режима. Связывая Сталина с Лениным (как «товарища по оружию» или «лучшего ученика»), сталинский культ обеспечивал Сталину, его окружению и идеологии легитимность. Один ученый писал, что культ «лучше всего рассматривать как отчаянную попытку мобилизовать общество, слишком плохо образованное, чтобы уяснить философские принципы партийной линии»¹⁰³. Он также служил символом единства, скрывающим разногласия в руководстве партии, и предлагал крестьянскому населению для поклонения суррогат апостола, а в конечном счете – бога¹⁰⁴.

Мы уже много знаем о том, как конструировались такие культы, но полной картины все-таки пока не имеем. Гипотеза Такера, возлагающая ответственность за сотворение культа на сталинское представление о себе, не может объяснить явное отвращение Сталина к культу. Не объясняет она и возникновение патримониальных культов партийных руководителей на всех уровнях. Эти руководители также становились центрами культов собственной личности, и если мы не вообразим, будто весь партийный аппарат страдал индивидуальными комплексами неполноценности, то должны продолжать поиск объяснения.

Подходы, сосредоточенные на том, как и почему полезный культ развивался или создавался наверху для потребления внизу, не помогают понять важную вещь: почему это так хорошо получалось в России? Тут недостаточно процитировать слова Сталина, что «народу нужен царь». Остается тот же вопрос: почему? Как мы видели выше, ответ, по-видимому, связан главным образом с глубинными структурами в русской культуре, сакрализирующими личность правителя. Есть искушение охарактеризовать культы XX в. как современные, потому что они распространялись в массах в эпоху массовой политики, с помощью средств массовой информации и производились бюрократическим светским режимом¹⁰⁵. Однако старинные культы царя, как и иконы, тоже предназначались для простого народа, и харизматическая связь, которую они устанавливали, не зависела от религии¹⁰⁶. Послание, заключенное в этих культах, и народное сознание, которому они отвечали, были древними и архаичными, даже если над их распространением трудились современные печатные прессы, а не отдельные портретисты и иконописцы¹⁰⁷.

Культы региональных и местных руководителей отражали если и не харизматические связи ленинского и сталинского культов, то все такой же патримониальный персонализированный метод правления. В ранний период советской власти руководителей на местах

ставили на пьедестал как покровителей искусства, друзей «маленького человека», патриархальных покровителей. Их дни рождения отмечала региональная печать, их речи, даже самые банальные, публиковались полностью. Порой такие культы подвергались критике, благодаря чему мы о них и узнаем: «Облрыбтрест созвал совещание рыбников. На это совещание должен был прийти председатель Облсполкома тов. Кузнецов. Дали задание встать при его появлении, сильно аплодировать и кричать – ура. Был составлен текст лозунгов, дали указания, как нужно их кричать при появлении т. Кузнецова... В 10 часов вечера парторг Савинов первый увидел появление в зале т. Кузнецова, побежал сказать об этом Кутыреву в президиуме, и в зале понеслись лозунги и возгласы – “Да здравствует председатель Облсполкома т. Кузнецов!”»¹⁰⁸

В Каракалпакии в ходе любопытного и показательного диалога первый секретарь обкома Алиев даже говорил о себе в третьем лице – совсем как Сталин, когда показывал сыну на свой портрет:

«Панкратов: Или, товарищи, у нас имеется заявление исключенного из партии Сущенко-Шушко, который в своем заявлении пишет: “Тов. Алиев, обращаюсь к Вам, как к вождю нашей партийной организации”. Разве это не воспитанное чувство подхалимства?

(Тов. Алиев с места: Алиев за это не отвечает)»¹⁰⁹.

Местные нотабли часто давали свои имена каким-либо объектам, географическим пунктам, запечатлевая себя таким образом в материальном ландшафте. Панкратов, например, перечислял: «Возьмите те же самые лодки имени Александра Лунева, катер имени Григория Квачева, возьмите десятки колхозов имени Алиева, имени Сапарова, имени Алимова, имени Курбанова, Логинова и т. д. ...Возьмите бесконечные сводки об успехах. А вот вошедшие в быт подарки на каждом съезде, на каждой конференции, на каждом совещании и т. д. и т. д. Разве это не проявление подхалимства?»¹¹⁰

Вот как обстояло дело в Дагестане: «У нас есть колхозы им. Мамедбекова, колхоз им. Тагиева, колхоз им. Саидова. Дают названия, кое-кого потом исключают из партии, название колхоза забывают пересмотреть. Каждый считает, что он должен иметь несколько колхозов. Правда, вот т. Егоров объяснял нам здесь, что раз секретарь райкома работает в районе 4 года, то почему бы не назвать колхоз его именем? Не означает ли это, что раз работал 4 года, так не менее четырех колхозов должно быть названо его именем»¹¹¹. В Казахстане портреты первого секретаря ЦК Л. И. Мирзояна в общественных местах превышали размерами портреты Сталина. Когда альпинисты

назвали одну из покоренных вершин пиком Сталина, им посоветовали назвать следующую в честь Мирзояна¹¹².

В Смоленске у первого секретаря обкома И. П. Румянцева были усердные лизоблюды, пропагандировавшие его образ, и, по-видимому, ему это нравилось. Куликову (заместителю Румянцева) удалось переименовать один из районов в Румянцевский. Вдобавок он завел обычай штрафовать на 5 рублей тех, кто забудет новое название и использует старое. Гирц указал на взаимосвязь между могущественными харизматичными политиками и подвластными им землями: «Когда короли объезжают страну, являя себя народу, устраивая пиры, оказывая почести, раздавая дары или бросая вызов соперникам, они метят ее, подобно волку или тигру, метящему запахом свою территорию, как часть себя, почти физически им принадлежащую»¹¹³. Первый секретарь Западного обкома Румянцев, лишенный сталинской скромности, метил территорию совсем как царь, совершающий поездку по царству, или помещик, навещающий свое поместье: «Когда Румянцев приезжал в район, его встречали на границе района пионеры. Румянцев припас 25 рубл. мелкой монетой и бросал деньги ребятам. Дети набрасывались на монету, и получалась свалка. На замечание о недопустимости подобного дела он возразил: “Пусть знают, кто едет” ...»¹¹⁴

Местные культы первых секретарей представляли собой элемент образования «семейных кругов» – политических кланов и сетей, основанных на патронаже и взаимной защите, с могущественной фигурой в центре. Об этих местных политических машинах мы подробнее поговорим ниже, а сейчас нас интересуют главным образом их культовые черты. В большинстве случаев авторитет местного сановника зиждился на товарищеских отношениях или близости со Сталиным, связь устанавливалась множеством способов. Возьмем, к примеру, Дагестан: «Организовали национальный ансамбль, хорошая штука послушать песни и посмотреть пляски, хорошее дело, но не понимаю, зачем надо было этот музыкальный ансамбль называть ансамблем имени Самурского... Что исполняет этот ансамбль? Мы вместе с т. Рябоконец были там. Ансамбль исполняет “Интернационал”, потом “Гимн Сталину”. Это очень хорошо. Но сейчас же после “Гимна т. Сталину” – “Гимн т. Самурскому”. Без этого, очевидно, нельзя»¹¹⁵.

Конечно, есть разница между харизматическими культами личности и более светскими культами руководителей. Сталин, будучи «помазанным» апостолом-преемником Ленина и Маркса, являлся трансцендентной фигурой и сам по себе. Сталинские преемники советской поры, не имея власти и авторитета диктатора, опирались на

цепочку апостольской преемственности от Ленина (в случаях Хрущева и Горбачева минуя ставшего нелегитимным Сталина) и ратификацию со стороны коммунистической партии.

Ученые давно отметили характеристики Сталина как ленинского «ученика», «верного последователя», «продолжателя дела бессмертного Ленина». Его также часто именовали «учителем» – образ, отнюдь не чуждый апостольскому¹¹⁶. Знаменитые «благословляющие» фотографии Сталина рядом с Лениным напоминают снимки Николая II с сыном Алексеем и предвосхищают продающиеся ныне в Москве фотографии Путина, катающегося на лыжах и дружески болтающего с Медведевым¹¹⁷.

Антропологи обнаружили универсальные аспекты харизматической власти во многих странах и эпохах. Все культы личности или руководства сознательно контролировались и управлялись, если не изобретались руководящими группировками с функциональными целями. Это делалось веками посредством коронационных церемониалов, различных ритуалов, религии, мифов и легенд, а ближе к нашим дням – посредством, как мы сейчас говорим, брендинга и маркетинга. В СССР власть, которую поддерживали культы, могла быть индивидуально харизматически-трансцендентной (Сталин), основываться на апостольской преемственности (Сталин и последующие советские лидеры), фабриковаться средствами массовой информации (Путин) и/или воспроизводиться на низших уровнях.

Культы вроде путинского, в основе которых находится отдельная личность, подобно апостольским культам, имеют и структурный компонент: обычно они до некоторой степени существуют на всех уровнях системы, источником авторитета местных лидеров служит близость к верховному лидеру.

Основу взаимоотношений должностных лиц с выше- и нижестоящими в России всегда составляли патронско-клиентские отношения и личные связи¹¹⁸. Эту старинную патримониальную политику возобновил Ленин, чья личная власть «совершенно не соответствовала понятию упорядоченной власти, опирающейся на стабильные институциональные структуры». Политические институты фактически были инструментами могущественных личностей¹¹⁹. Разумеется, та же ситуация существовала и при Сталине.

Политика в таких условиях вырабатывается не в соответствии с какими-либо последовательными законами, а в каждом конкретном случае, зачастую в срочном порядке, чиновниками, претендующими на роль личных представителей верховного патрона, принадлежность к его ближнему кругу¹²⁰. Для системы не слишком характерны

приверженность к закону и устанавливаемые законом ограничения, а власть имеет мало общего с официальной должностью. Поэтому российские культы руководства – это проявление более широкого культурного понятия о политической власти, согласно которому она является персональной и патримониальной, а не базируется на формальных, институциональных или государственных идеях.

Когда Сталин вел речь о соблюдении и проведении в жизнь той или иной политики, он говорил не об институтах, а о людях. Политические перемены требовали правильного подбора кадров, и он создавал одно за другим разнообразные ведомства, на первый взгляд лишние и дублирующие друг друга, потому что главное заключалось не в том, что они должны делать, а в том, кто в них работает. Эти ведомства представляли собой не столько институты, сколько места дислокации важных сталинских уполномоченных и их орудия. Теоретически Наркомат земледелия РСФСР мог бы провести коллективизацию в 1920-е гг., но там сидело слишком много «чуждых» людей. Был создан Наркомат земледелия СССР и укомплектован «своими людьми». Республиканское ведомство продолжало существовать, однако игнорировалось. Чтобы чего-то добиться, следовало посылать «своих» налаживать дело: «Писать бумагу толку нет. Мы должны послать кого-нибудь из наших людей навести порядок»¹²¹. В конечном счете большевистское руководство полагалось на «своих людей» больше, чем на регламентированные законом бюрократические процедуры.

Политическая власть, проистекающая из близости к важным персонам, имеет в России долгую историю. Еще в IX в. в Киевской Руси приближенные князя входили в его «дружину» – русское слово одного корня с «друзьями». Воины князя были «его людьми». Власть исходила от этих приближенных и профессиональных воинов ввиду их близости к князю.

В Московской Руси «власть и административный пост не обязательно сочетались друг с другом, на самом деле много веков это как раз были разные вещи»¹²². Политическую власть давала близость к князю, обычно скрепленная кровными или брачными узами. Одним из важнейших политических событий являлась женитьба князя (позже царя). Отец, дядя, братья, кузены его жены брали на себя бразды правления и занимали ключевые должности. Сама жена, если князь или царь уже достиг совершеннолетия, как правило, власти не имела, но она служила связующим звеном с ним для мужчин – членов своего клана, который функционировал как патронажная сеть с политическим значением.

Хотя советские клановые сети создавались больше на основе политических, а не родственных связей, родство имело некоторое отношение к политической власти и в советский период. Выше мы видели, что Сталин декларировал намерение уничтожить всю семью, весь род любого врага, и во время террора 1930-х гг. родственники арестованных большевиков действительно зачастую тоже подвергались аресту либо носили несмываемое клеймо. Примешивание родства к политике в современную эпоху объясняет реакцию Сталина на брак Серго, сына Берии, с внучкой Максима Горького. В средневековой Московской Руси браки представляли собой альянсы, влиявшие на политическую жизнь целого клана, главы семейных кланов сами устраивали, одобряли или не одобряли браки видных членов семейства. Сталин повел себя как настоящий глава боярского клана, сказав Серго, что из-за подозрительных беспартийных типов в окружении семьи Горького видит в его женитьбе попытку установить связи с оппозиционной русской интеллигенцией, и спросив, не подталкивал ли его к этому отец¹²³.

Наиболее яркое проявление близости к вождю как маркера политической власти – клиентелизм, и вряд ли стоит сомневаться, что Московской Русью управляли патронско-клиентские сети. Исследователи России периода Средневековья и раннего Нового времени показали, что принадлежность к клиентской группе, все равно – в силу клановых связей или присяги, имела гораздо больше значения, чем формальный статус, функция или положение¹²⁴. Они показали, как «близость – физический доступ, гарантируемый в большинстве случаев кровными или брачными отношениями, – служила и залогом, и целью политической деятельности»¹²⁵. И наоборот: «Изгнание от лица государя было символическим выражением немилости, которая включала и более осязаемые наказания, например заключение в тюрьму и конфискацию имущества. Несчастных лишали возможности находиться “пред светлыми очами” царя»¹²⁶.

В имперский период мало что изменилось. Близость к верховным персонам и клиентелизм продолжали управлять российской политической системой, которая получила знаменитое определение – «правление людей, а не законов»¹²⁷. Петр I, заменив старую систему местничества «современной» меритократией «Табели о рангах», не ослабил роль клиентелизма и личного старшинства. Собственно, с начала петровского царствования и до конца XVIII в. практически во всех важных назначениях на высокие посты можно проследить «руку» двух клановых сетей – Нарышкиных и Салтыковых¹²⁸.

Несмотря на любовь Екатерины II к рациональному закону Просвещения, «никто, казалось, не понимал ясно, что хорошие законы сами по себе мало способны улучшить правосудие и управленческую эффективность, пока люди продолжают организоваться в патронажные группы и отводят этим группам главное место в своей деятельности». В политической системе империи по-прежнему доминировали «близость к телу» и патронаж, высшим мерилom которых служила «монархическая близость», то есть приближенность к самодержцу¹²⁹. В начале царствования Екатерины Н. И. Панин заметил, что «в производстве дел всегда действовала более сила персон, чем власть мест государственных»¹³⁰.

В XIX в. несколько раз назревали рационализирующие и модернизирующие реформы. В первой половине столетия М. М. Сперанский, пользовавшийся благосклонностью Александра I, разработал административную реформу, направленную на создание регламентированной конституционной системы. Однако сопротивление консерваторов сорвало его планы. Позже совершалось еще множество попыток построить Rechtsstaat (правовое государство) – автономный легальный государственный порядок, управляемый законами, а не лицами. Они тоже провалились либо в ряде случаев вылились в несущественные реформы, потому что и в XIX в., как при Петре I, который, воспринимая государство как абстракцию, тем не менее передавал его по завещанию, словно свою вотчину, антиинституциональный принцип персональной власти побеждал все прочие концепции. Екатерина это понимала, а ее наследники узнавали, когда принимались играть в реформы и затем позволяли консерваторам их раздавить¹³¹.

Несомненно, в современной России вообще и в сталинский период в частности власть и авторитет человека также зависели, скорее, от его близости и связи с более могущественными персонами, а не от его официальной должности. Члены Политбюро являлись авторитетными фигурами, поскольку все знали, что Сталин выбрал их, пожелав работать именно с ними. Удаление же из его круга, от его знаменитых многочасовых застолий и «светлых очей» означало немилость и утрату власти.

Их близость к диктатору визуально и символически подтверждалась на официальных мероприятиях, когда они фотографировались рядом с ним. Вспомним еще раз Мавзолей Ленина: всем знакомы снимки членов Политбюро, стоящих на мавзолее во время торжественных военных парадов. «Кремлинологи» обычно, глядя, в каком порядке советские руководители выстраивались по отношению к

своему божеству, определяли их перемещение вверх или вниз по иерархической лестнице. Однако для нас, наверное, менее очевиден семиотический посыл этого зрелища, древний посыл, почти наверняка находивший отклик в российском культурном сознании: члены и потомки ленинского клана смотрели парад самого современного, технически сложного оружия, стоя в буквальном смысле на священном теле своего полумифического родоначальника, отделенные от него лишь холодным мрамором модернистского творения Щусева.

Трудно вообразить более яркий символ персональной власти. Сталин стоял на Ленине. Члены Политбюро – тоже, подкрепляя вдобавок свой авторитет соседством со Сталиным. Тела и прах советских героев находились всего в нескольких метрах позади них, привнося в эту сцену свою ауру и завершая символический пространственный ансамбль власти как функции апостольской и физической близости. После смерти Сталин на некоторое время присоединился к Ленину в мавзолее и, даже когда его оттуда вынесли, остался неподалеку, а его преемники, продолжая стоять на Ленине, создали новую символическую апостольскую цепочку. В обоих случаях наглядно демонстрировалось постоянство «государства», воплощенного в плеяде личностей и комплексе личных отношений.

Если отвлечься от символизма, то авторитетные политики нередко становились членами высших органов – Политбюро, Оргбюро, Секретариата, ЦК – в знак признания личной власти, уже приобретенной ими благодаря близости к Сталину. Многие молодые политики, частенько навещавшие сталинский кабинет, работали на том же уровне принятия решений, что и Политбюро, формально не входя в его состав, пока очередной партийный съезд не вводил их туда, подтверждая таким образом авторитет, который дала им принадлежность к ближнему кругу вождя. Примеры 1930-х гг. – А. А. Жданов, Н. И. Ежов, Г. М. Маленков. Ежов эффективно исполнял обязанности члена Оргбюро еще до 1934 г., когда ему официально присвоили этот статус. А. Г. Зверев, В. А. Малышев, Н. С. Патоличев, М. Г. Первухин, Н. З. Сабуров также достигли власти раньше, чем попали в Политбюро в 1940-х гг.

В силу того же представления о власти высокопоставленные политики изменяли статус организаций, во главе которых становились. Личность наделяла властью и авторитетом учреждение, а не наоборот. Все поняли, что НКВД «понижили», когда руководство им перешло от члена Политбюро Л. П. Берии к не входившему в Политбюро С. Н. Круглову. А Министерство иностранных дел потеряло в статусе

в 1949 г. в результате замены члена Политбюро В. М. Молотова на А. Я. Вышинского, который таковым не являлся.

На нижних уровнях политики судили друг о друге по тому, насколько тот или иной из них «близок» к вышестоящим или «связан» с ними, эти слова постоянно мелькают в официальных и неофициальных документах. Когда А. П. Радзивиловский прибыл в Иваново в качестве нового главы областного управления НКВД, одного этого назначения не хватало, чтобы обеспечить ему авторитет. Но сотрудники установили, что Радзивиловский близок к Кагановичу, который, в свою очередь, близок к Сталину, поэтому его надо слушаться. Даже если у нового начальника отсутствовала нужная квалификация, близость к верхам давала ему власть и требовала повиновения. В 1937 г. в Ивановское областное управление НКВД на должность начальника секретно-политического отдела прислали инструктора по физкультуре. Однако его знал Ежов, и этого было достаточно¹³².

Сталин в 1937 г., решая убрать могущественных региональных партийных боссов, не просто приказывал их арестовать. Для рядовых партийцев обычным мерилom власти служила близость к предводителю провинциального клана. Его местный культ представлял собой культурный символ этой власти. Следовательно, требовалось объяснить удаление такого предводителя в понятных культурных терминах и восстановить восприятие власти. Разумеется, арест по обвинению в измене – достаточно веский довод. Но, поскольку людей хватали направо и налево, всегда оставалась доля сомнения в виновности арестованного. К тому же совсем недавно все предыдущее руководство НКВД само было снято и обвинено в измене, что не внушало абсолютного доверия к действиям органов внутренних дел.

Возникали также сомнения насчет того, кому подчиняться после падения местного руководителя. Поэтому председательствовать на партсобраниях, посвященных его снятию, Сталин каждый раз посылал кого-нибудь из своих сподвижников в Политбюро, работавших в партийном аппарате (не в армии и не в органах внутренних дел). Ближайшие сталинские подручные – Каганович, Андреев, Маленков, Молотов и Жданов – проявляли особенную активность в качестве таких эмиссаров. Как мы увидим ниже, чистка под присмотром членов княжеской дружины выполняла несколько задач. Она позволяла представителю центра, не обремененному связями и обязательствами на месте, отличать друзей от врагов, членов вражеского клана от посторонних.

В символическом плане, однако, она также демонстрировала персональную власть и иерархическую близость. Приезжие вельмо-

жи выступали с речами, разъясняя и утверждая аресты местных саванников, участвовали в обсуждении их «преступлений». Но самое главное – все знали, что эмиссар близок к Сталину и послан им. Его авторитет, в основе которого, как всегда, лежала близость к персоне, а не институт или конституция, очевидным образом побеждал и заменял авторитет бывшего начальника, что окончательно ратифицировало снятие последнего. Цепочка близости, само понятие о власти, подпорченные внезапным удалением доселе всемогущего местного гранда, исправлялись и восстанавливались: персонализированная власть через эмиссара переходила к Сталину.

Культы руководства на всех уровнях советского общества и проявления культа вождя после Сталина заставляют предположить, что здесь дело не только в личностных потребностях индивида и местные руководители не только копировали Сталина, который намеренно подражал Ленину либо избрал метод правления, обусловленный клановым наследием его родной Грузии. Невозможно вообразить, чтобы Сталин и его соратники рационально выбрали правление посредством культа в меню доступных опций или хотя бы сознательно предпочли патримониальное правление. Сталин не просто так подражал Ленину (или Ивану Грозному), а региональные партийные секретари – Сталину. Это было неизбежно, поскольку подобные представления о политике и государстве мы находим на всех уровнях иерархии, во всех уголках страны и во все времена, от Рюрика до Путина. Такова глубинная структура, всегда управлявшая Россией. Альтернативных моделей для рассмотрения не существовало.

Много столетий патримониальный принцип являл собой такую же неотъемлемую черту России, как русский язык. Собственно, метафорически патримониализм и отражающие его культы можно назвать языком политики, на котором нельзя не говорить. Сталинские преемники от Хрущева до Брежнева пользовались его диалектами, все-таки понятными элите и населению. Когда же Горбачев попытался изменить представления о государстве и характер политической практики, он с тем же успехом мог заговорить на суахили. Никто его не понял, и он потерпел поражение. Путин вернулся к привычному языку – и до сих пор держится.

3. КАДРОВАЯ СИСТЕМА ПАРТИИ: В «верхах» ЦК

Само собою понятно... что никакой политики нельзя провести, не выражая ее в назначении и перемещении.

В. И. Ленин (1920)¹

Если мы внимательно приглядимся к патримониализму и персонализации в сталинский период, а также к связанным с ними вопросам структуры высших партийных учреждений, расстановки партийных кадров и саморепрезентации большевистской элиты как руководства, то увидим, что кадровые назначения составляли главную суть большевистских власти и управления и в то время именно так и понимались.

Мы увидим также, что руководящие органы партии всегда были непостоянными собраниями личностей и не претерпевали регламентированной институционализации, которая позволила бы институтам проецировать свои правила, процедуры и авторитет на высокопоставленных акторов или определять их поведение. В «верхах» ЦК институциональная неопределенность с самого начала устраивала высших руководителей. Фактически такие важные органы, как Политбюро и Оргбюро, неофициально существовали еще до своей «официальной» организации и продолжали существовать, даже когда перестали собираться. На деле эти органы представляли собой не столько институты, сколько маркеры или идентификаторы групп вельмож, обладавших персональной и произвольной властью, основанной на близости к ее центральному источнику.

В «низах» ЦК (о них пойдет речь в следующей главе) работники добивались веберовской рационализации и деперсонализированной бюрократизации, благодаря которой поведение структурировалось бы безличными процедурами и правилами. Но мы увидим, как патримониализм и персонализированная власть неизменно одерживали

верх над «современным» функционированием, даже если оставить в стороне значительное влияние личности Сталина.

* * *

После 1917 г. большевистской партии пришлось перейти от совершения революции к управлению громадной территорией, где прежняя администрация бежала, была уничтожена гражданской войной либо относилась к новым коммунистическим хозяевам враждебно. В распоряжении большевиков имелось мало ресурсов, средств и опыта.

Хотя партия за годы революции и гражданской войны чрезвычайно выросла (в начале 1917 г. она насчитывала около 24 тыс. членов, а в 1921 г., когда закончилась гражданская война, – более 700 тыс.), многие из ее новобранцев были ненадежными, не слишком верными людьми, которые просто перешли на сторону победителей. Но даже если учитывать всех партийцев, они представляли собой каплю в море многочисленного российского населения. Его крестьянское большинство выиграло свою многовековую битву за землю и вряд ли могло обрадоваться проектам национализации, которые предлагали социалисты-большевики. Массу городских и сельских торговцев тоже не стоило рассматривать как вероятных союзников.

Слабое присутствие партии в деревне составляло только часть проблемы. Новые хозяева России никогда ничем не управляли и ненавидели бюрократию: как профессиональные революционеры они, собственно, посвятили себя ее уничтожению. Большевистские руководители постоянно жаловались, что остатки царской бюрократии состоят из чиновников, враждебных партии.

До революций 1917 г. организация в большевистской партии представляла собой скорее нечто желаемое, нежели действительное. Партийного аппарата не существовало вообще. Партийные комитеты аморфного и меняющегося состава, разбросанные по Российской империи, плохо сообщались друг с другом. Теоретически они подчинялись различным вышестоящим комитетам, включая ЦК, Русское бюро и другие мобильные органы, не имевшие ни определенного места пребывания, ни конституционной власти. Поэтому не было ни стройной общепризнанной структуры или иерархии партийного руководства, ни четко определенной сети комитетов, ни постоянного учета членов партии на местах или по стране, даже ни единого сборника партийных постановлений и резолюций.

Отсутствовали письменный партийный устав и членские билеты; член партии просто сам объявлял себя таковым. Понадобились десятилетия, чтобы выработалась аккуратная система партийного учета с

личными делами на каждого партийца. Многие годы, пока такие дела не велись (и позже, когда они появились), при устройстве на работу личные рекомендации имели не меньше значения, чем квалификация. Важную часть заявления о приеме составляли слова: «Я работал там-то и там-то. Меня знают такие-то товарищи». Еще один пример живучести персонального подхода: при приеме в партию вплоть до распада СССР помимо заявления также требовались личные рекомендации.

Бояре и секретари

Мы не слишком много знаем о том, как делались дела во дворце московского князя, к тому же процедура с веками варьировалась². Но, судя по тому, что нам известно, происходило нечто вроде следующего. Во дворец подавалась просьба рассудить какое-либо дело. Рутинными вопросами занимались дьяки – служившие в приказах духовные лица со специальными знаниями. Более важные – рассматривал боярин, консультируясь со служащими соответствующего приказа, который выносил решение от имени этого боярина «с товарищами». Если вопрос вызывал споры или по иным причинам не поддавался разрешению на данном уровне, его отфутболивали «наверх», собранию бояр. Если и те не могли его решить, дело поступало к царю.

Вопросы, с самого начала носившие чрезвычайно серьезный характер (касавшиеся геополитики, армии, экономики, судебной реформы и т. д.), обсуждались на совещаниях бояр в различных составах с царем. На этом уровне не было строго установленных процедур и правил, руководящих процессом, но существовала приблизительная боярская иерархия, критериями которой служила близость к царю (на самом верху находились его родственники и ближайшие друзья). С момента поступления вопроса или предложения во дворец и до вынесения вердикта по нему его судьбу определяли не формальные правила и регламент полномочий, а персональные, даже произвольные решения знатных бояр, объединявшихся в неформальные группы разных размеров в палатах и коридорах дворца.

Существенное влияние на прохождение и разрешение дела могли оказывать дьяки. Они стали профессиональными постоянными клерками, чью работу облегчали документированные прецеденты, архивы, правила, канцелярия. Высокопоставленные бояре часто советовались с ними даже по очень важным вопросам. Их делопроизводственные навыки также делали их необходимыми для знати. Но система была иерархической, и бояре ревностно оберегали свою мо-

нополию на принятие решений, выработку внешней и внутренней политики, кадровые назначения. Вельможа оставался вельможей, бояре сохраняли корпоративные прерогативы во всей полноте и совали пальцы в любой пирог. Ни одно важное дело не решалось окончательно без участия хотя бы одного боярина, который обязательно благословлял или отвергал каждое предложение лично, скрепляя результат своей печатью. Без боярской печати важного решения просто не могло быть. Клеркам и прочему персоналу печатей не полагалось. Даже если наши догадки о царивших в московском дворце обычаях не точны во всех деталях, весьма вероятно, что дьяки и бояре работали по-разному, имели разные специальные знания и, возможно, разные интересы.

Не приравнивая бояр к комиссарам, мы, тем не менее, можем видеть значительное сходство между старорусскими и большевистскими практиками. Как покажут следующие главы, у большевиков мелкими вопросами подбора кадров могли заниматься специальные работники (приказные дьяки) кадрового отдела ЦК – Орграспреда, в разные времена известного также под названиями Учраспред, Распредотдел, Орготдел. Несколько более сложные или спорные дела выносились на совещание работников Орграспреда (дьяков) под председательством какого-нибудь секретаря ЦК (боярина), принимавшее решение от имени этого секретаря-боярина «с товарищами». Серьезные вопросы государственного значения шли прямо в советы вельмож (Секретариат/Оргбюро) или в Политбюро (к «царской родне»), которые рассматривали самые важные из них вместе с царем (генсеком Сталиным). Но, как и в старину, было неизвестно заранее, какая отдельная группировка/комиссия большевистских вельмож будет разбирать и решать тот или иной вопрос: они узнавали об этом, только когда дело попадало к ним в руки. Во всяком случае, существовали негласные принципы (но не писанные правила, по крайней мере не такие, которые соблюдались бы последовательно), требовавшие, чтобы спорные или трудные дела проходили по цепочке: совещание работников → Секретариат → Оргбюро → Политбюро → Сталин.

В «верхах» Центрального комитета

Старые большевики, много лет работавшие над свержением царизма, недоверчиво и враждебно относились к той части бюрократии, которую они от него унаследовали. Более того, они враждебно относились к бюрократии вообще. Подобно царям XIX в., они чувствовали, что бюрократический аппарат – даже их собственный – связывает

им руки и, вместо того чтобы проводить их политику, стремится вести свою.

Тем не менее после революции всем в партийном руководстве стало очевидно, что партии нужна какая-то структура, чтобы справляться с новыми задачами управления. Формально три высших партийных органа – Политбюро, Оргбюро и Секретариат – были образованы в марте 1919 г. на VIII съезде партии.

В действительности VIII съезд лишь кодифицировал сложившееся устройство: все три органа некоторое время уже существовали неофициально. Еще в 1917 г. VI съезд учредил несколько специальных подкомитетов ЦК для работы над важными вопросами в перерывах между заседаниями последнего; один из них получил название Политического бюро.

После Февральской революции, которая свергла царя, Я. М. Свердлов, его жена К. Т. Новгородцева и Е. Д. Стасова начали отслеживать местонахождение и работу членов партии. Их называли партийными «секретарями» или «секретариатом», соратник Ленина Свердлов считался неким исполнительным «секретарем», а Новгородцева и Стасова – его помощницами.

До своей смерти в 1919 г. Свердлов осуществлял кадровые назначения, основываясь на личных связях и знании огромного числа верных партийцев. В отсутствие институционального механизма члены партии соглашались с назначениями, которые он им предлагал, ввиду его персонального престижа и авторитета. Он работал, в основном пользуясь личными контактами, иногда принимая и назначая по 25 работников в день. В. В. Осинский на VIII съезде поведал: «...у т. Свердлова в голове хранились сведения о всех партийных работаках России, где бы они ни находились. В любой момент он мог сказать, где каждый находится, он же и перемещал их. Теперь он умер, и никто не знает, где какие партийные работники»³.

Свердлов, может быть, и держал много в голове, но мало заносил на бумагу. Протоколы заседаний его секретариата представляют собой неряшливые беспорядочные обрывки, зачастую не указывающие, кто присутствовал, что предлагалось, что решено. Вообще в партийных протоколах того времени поистине нет никакого порядка. Немногие бумаги Свердлова, хранящиеся в архивах, производят впечатление почти безнадежных попыток систематизировать неразбериху, которую он наблюдал изо дня в день. Списки со множеством пробелов свидетельствуют о желании зафиксировать хотя бы основную информацию – о том, кто является старшими партийными работниками в каждой области. Однажды Свердлов попробовал заключить обшир-

ный поток в рамки какой-то схемы, разбивая партийные организации на разные «группы»: по размеру организации, по размеру города, по военному фронту, по партийному стажу руководителей⁴.

В январе 1919 г. к Свердлову и Новгородцевой присоединились Н. Н. Крестинский и М. Ф. Владимирский, образовав, по выражению ЦК, «Организационное бюро», которое на практике являлось расширенным секретариатом и действительно лишь предоставило для примитивных учетных операций Свердлова двух помощников и новое название. Этот неофициальный предшественник Оргбюро заседал пятнадцать раз⁵.

В марте 1919 г. VIII съезд постановил создать в ЦК Политическое бюро для политической работы, Организационное бюро для организационной работы и Секретариат, возглавляемый ответственным секретарем – членом Оргбюро⁶. Это решение совпало со смертью Свердлова и последовавшими призывами систематизировать организацию партийной верхушки. После смерти мужа Новгородцева присутствовала на ряде заседаний новоиспеченного официального Оргбюро, вероятно, ради сохранения преемственности, а также расшифровки хаотичных заметок Свердлова и разъяснения его методов. Стасова помогала там на несколько месяцев дольше⁷.

На бумаге эти органы выглядели как постоянные учреждения. Они выполняли конкретные функции (Политбюро занималось политическими вопросами, Оргбюро – организационными). Для них были установлены определенное количество членов, избираемых ЦК, периодичность заседаний. Они имели формальные повестки дня, обсуждали пункты повесток по порядку, проводили голосование, записывали свои решения и обнародовали их в письменном виде. Технический персонал фиксировал их работу, ведя различного типа протоколы под номерами и шифрами для обозначения решений по соответствующим пунктам повестки.

В заседании Политбюро, как правило, участвовали около пятнадцати членов и кандидатов в члены Политбюро (число это оставалось поразительно постоянным в течение десятилетий), а также прочие заинтересованные лица или докладчики по вопросам повестки⁸. Заседания начинались по четвергам в 11 часов утра и заканчивались не позднее 2 часов дня. Если какие-то дела приходилось отложить, назначались дополнительные заседания в пятницу или понедельник. Перед заседанием Политбюро Секретариат очищал повестку от вопросов несущественных, не требующих немедленного решения и тех, что могли быть улажены на более низком уровне администрации, «в советском или партийном порядке»⁹. Члены ЦК имели право

присутствовать на заседаниях Политбюро, и, хотя обычно не делали этого, если повестка не касалась их работы, человек с десятков там появлялось. Не менее дюжины заведующих и заместителей заведующих отделами ЦК и представителей Контрольной комиссии, комсомола, политических органов Красной армии, специалисты рангом пониже, приглашенные в соответствии с темой повестки, доводили число присутствующих в помещении до нескольких десятков¹⁰.

Как и следовало ожидать, повестки Политбюро включали крупные стратегические и политические вопросы, относящиеся к сферам сельского хозяйства, промышленности, военного дела и особенно внешней политики. Но, как мы увидим, в них также содержалось много пунктов, посвященных кадровым назначениям и мелким техническим деталям, которыми, казалось бы, пристало заниматься другим высшим комитетам или даже органам гораздо более низкого звена.

Оргбюро, предположительно как раз и ведавшее кадровыми вопросами, собиралось по понедельникам и четвергам в 9 часов вечера. Секретари ЦК председательствовали на его заседаниях по очереди. Возможные пункты повестки заседаний, как и в случае с Политбюро, фильтровал Секретариат (порой в лице какого-то одного секретаря), уполномоченный также принимать решения от имени Оргбюро: все вопросы, решенные Секретариатом и не встретившие возражений от кого-либо из членов Оргбюро, становились утвержденными решениями Оргбюро¹¹.

На заседаниях Оргбюро, так же как Политбюро, присутствовали члены и кандидаты в члены ЦК¹². Членами Оргбюро являлись все секретари ЦК и заведующий Орграспредом (обычно единственный глава отдела ЦК, достаивавшийся такого ранга). Остальные члены набирались из крупных большевистских вельмож, которые специализировались в той или иной области: профсоюзной, военной, транспортной, культурной и т. п. Поэтому, как правило, Оргбюро представляло собой расширенную версию Секретариата с более обширной компетенцией¹³. Бывало на заседаниях (опять же как в Политбюро) и довольно много приглашенных «гостей», членов ЦК и разных специалистов, заинтересованных в обсуждаемых вопросах либо делавших по ним доклады.

Заведующие отделами ЦК могли присутствовать на заседаниях Оргбюро, могли не присутствовать, но зав. Орграспредом, его заместители и помощники были всегда. Этот отдел обеспечивал рабочие и кадровые нужды всевозможных бюрократических аппаратов и потому давал Оргбюро рекомендации по поводу назначений.

До конца 1921 г. Секретариат как формальный орган не заседал, но после гражданской войны повестка Оргбюро так разбухла, что руководство стало искать способы отсеивать вопросы, которые могли быть решены в других инстанциях. И после X съезда партии в 1921 г. Секретариат начал проводить заседания как особый комитет, потому что практическая работа на Оргбюро потребовала специального заседания Секретариата ЦК перед Оргбюро для рассмотрения менее важных вопросов. Протоколы первых заседаний Секретариата свидетельствуют, что он отнюдь не намеревался стать комитетом. Это неформальные списки задач без указаний, кто присутствовал, какие решения приняты, лишь иногда с галочками либо пометками от руки «решено» или «отложено» на полях. Например, один из пунктов повестки: «Просьба от Костромского обкома оставить т. Хронина на работе в Костроме вместо его перевода в ВСНХ в Москву. Отложено до приезда Рыкова. Т. Милютину ознакомиться с вопросом». Пометка: «Отложено»¹⁴.

Заседания Секретариата представляли собой уменьшенную копию заседаний Оргбюро. Один-два секретаря ЦК председательствовали на собрании группы, состоявшей из пары членов ЦК (иногда), представителей комсомола, политуправления армии, профсоюзов, а также нескольких инструкторов ЦК (разъездных представителей, отвечающих за разные области и края) и заведующих отделами ЦК или их заместителей (за исключением глав подразделений Орграспреда, которые присутствовали на заседаниях Оргбюро). Благодаря своим рациональным размерам и, как правило, недискуссионному характеру повестки Секретариат успевал на заседании рассмотреть гораздо больше вопросов, чем Оргбюро или Политбюро. Например, в 1925 г. Оргбюро обычно решало 15–20 вопросов прямо на заседании и еще от 5 до 15 – позже, опрашивая своих членов по телефону. А Секретариат в то же время осиливал 50–75 на заседании и 70–100 опросом.

Летом 1922 г. добавился еще один фильтрующий слой – совещание завотделами ЦК, призванное не только тщательнее готовить вопросы для заседаний Секретариата, но и в значительной мере разгрузить его повестку от мелких вопросов текущего рутинного характера¹⁵. Это аппаратное совещание отбирало пункты повестки для Секретариата, который затем фильтровал их для Оргбюро и Политбюро. В 1925 г. совещание завотделами было заменено внутренним совещанием работников Орграспреда¹⁶. Вместо глав отделов ЦК в нем теперь участвовали начальники и заместители начальников специализированных групп и подотделов Орграспреда под председательством какого-нибудь одного секретаря ЦК¹⁷.

Помимо секретаря ЦК и парочки его собственных технических секретарей в помещении могло быть довольно много народу. Обычно присутствовали заведующие отделами ЦК (Агитпропом, женским, сельскохозяйственным, организационно-инструкторским и т. д.) и их заместители (до десятка человек), представитель комсомола, два-три инструктора ЦК и несколько помощников заведующего Орграспредом, ведавших кадровыми назначениями разного рода, – всего человек двадцать¹⁸.

Многие пункты повестки, представляемые заводделами, казалось, носили случайный характер, имея мало отношения к их отделам: видимо, выбирались из дел, кочевавших по их столам. Так, этот орган, призванный давать рекомендации по персональным назначениям, наряду с кадровыми вопросами занимался также «оказанием помощи детям Карла Либкнехта», брошюрой «Наша промышленность», «конкурсом “Известий” на лучший сельскохозяйственный коллектив»¹⁹.

Разумеется, большинство кадровых решений совещания, судя по всему, касалось сравнительно невысоких назначений. Среди примеров – вопросы о волостных комсомольских организаторах, инструкторе ЦК в Чувашию, предложение направить товарища Добржинского на совещание в Минск, назначение секретаря Союза коммунистических студентов, просьба товарища Шульмана об отпуске (отклонена), отправка товарища Иттина инструктором по физвоспитанию на Кавказ²⁰.

Неопределенность компетенции

Теоретически в начале 1920-х гг. сложилась институциональная иерархия комитетов: на самом верху Политбюро, ниже Оргбюро, затем Секретариат и, наконец, совещание заводделами; ранжирование, по всей видимости, зависело от важности рассматриваемых кадровых назначений и вопросов. Окончательное решение по тому или иному вопросу могли принимать либо один секретарь ЦК (на совещании), либо два-три секретаря (на заседании Секретариата), либо все секретари ЦК и некоторые высокопоставленные старые большевики (на заседании Оргбюро), либо все высшие вельможи (на заседании Политбюро).

Начиная снизу (с совещания заводделами), каждый орган должен был сортировать вопросы, одни решая на месте, другие препровождая в соответствующую инстанцию выше. Цель заключалась в том, чтобы расчистить перегруженные повестки Политбюро и Оргбюро (а в конечном счете и Секретариата) и рационально рассматривать дела

на подобающем уровне. Члены ЦК могли опротестовать решение одного органа в другом, вышестоящем, например решение Оргбюро – в Политбюро²¹. Нижестоящие органы подчинялись вышестоящим. «Разве Секретариат и Оргбюро не подчинены Политбюро?» – вопрошал Сталин²².

Однако в действительности все выглядело не так ясно.

Во-первых, мы наблюдаем неопределенность в повестках и компетенциях этих органов. Хотя при сортировке вопросов для высших инстанций существовала приблизительная очередность приоритетов (например, вопросы внешней и внутренней безопасности всегда шли в Политбюро), кажется, важность вопроса не всегда коррелировала с рангом решающего его органа. На одной неделе в 1928 г. степень серьезности повестки оказалась прямо *противоположной* предполагаемому рангу органа, который ее рассматривал. В Секретариате дебатировались важные приказы политуправления Красной армии о партийных конференциях рядовых и офицеров. Через три дня Оргбюро занялось общегосударственным вопросом сельского кредита – чрезвычайно злободневным во время нэпа и накануне коллективизации, а также заслушало доклад о положении в Краснопресненской районной партийной организации Москвы – оплоте антисталинской «правой оппозиции». Между тем Политбюро проводило время, обсуждая необходимость всесоюзного центра хлопко-ткацких кооперативов²³.

Почему вопрос о приобретении библиотеки бывшего барона Д. Г. Гинзбурга рассматривало Оргбюро, а не какой-нибудь нижестоящий орган?²⁴ В равной мере непонятно, почему покупкой библиотеки бывшего революционера А. М. Еваленко занималось совещание заведомо ЦК (докладчик Бубнов), а библиотеки бывшего революционера Н. А. Рубакина, на той же неделе, – Политбюро (докладчик Каменев)²⁵. Вероятно, последнее скорее объяснялось тем, что Каменев был старым другом Рубакина, нежели сравнительной ценностью двух библиотек и рангом органов.

Секретариат принимал важные решения по ключевым партийным организациям, политической работе в Красной армии и другим вопросам, которым вроде бы следовало находиться как минимум в ведении Оргбюро, если не Политбюро²⁶. И Оргбюро все 1920-е гг. частенько решало дела «не по чину». Например, оно утвердило произведенное И. Н. Смирновым назначение некоего товарища Яковлева в Сибирь. Формально этот вопрос относился к компетенции Политбюро, однако член Оргбюро (и Политбюро) Молотов поставил его на голосование, пообещав, что с Политбюро все уладит²⁷.

Мы могли бы списать это на обычную неразбериху, связанную с «родовыми муками» в первые годы формирования органов, но неразбериха не прекращалась. После упразднения XVII съездом партии в 1934 г. кадровых отделов в горкомах их восстановление взяло на себя Оргбюро, хотя заниматься им полагалось бы Политбюро²⁸. Через три года, в 1938 г., Оргбюро назначило В. Е. Волкова на должность заместителя наркома земледелия СССР – явно входившую в список назначений, осуществляемых Политбюро²⁹. Есть еще много подобных примеров.

Мысль, что самое нижестоящее совещание заотделами имело дело только с мелкими вопросами, тоже не совсем верно. Оно рассматривало и ряд вопросов, очевидно, намного превосходивших его компетенцию, утверждая назначения, которые, казалось бы, требовали санкции Оргбюро и даже Политбюро. Примерами могут служить: налоговая политика, дела национальностей, присутствие партии в деревне, состав партии, роль женщин в партии, бандитизм, связи с массами³⁰. Не направляя дела в вышестоящий орган, совещание утвердило назначение товарища Петрова судьей Верховного суда, назначило партийных секретарей в Пензу, Воронеж и сложные национальные регионы – в Грозный и Татарию³¹. С другой стороны, в день вынесения последних решений Политбюро занималось куда менее важными делами, которые стоило бы спустить совещанию: одобрило проведение совещания транспортных работников и сельскохозяйственной выставки да назначило ректора московского техникума³².

С самого начала повестки всех органов изобиловали мелкими вопросами. В 1919 г., в разгар войны и продовольственного кризиса, Оргбюро занималось вопросом снабжения рабочих книгами³³. В октябре 1920 г., во время борьбы с белыми армиями Врангеля и Деникина, оно увлеклось спором – и анализировало обширную переписку – по поводу столовой в одном из правительственных зданий. На том же заседании Оргбюро уделило время неуплате товарищем Чудновским партийных взносов (велел сказать ему, что не платить их – непροститительно) и исключению товарища Мячина за то, что не ходил на субботники и собрания (а следовало ходить)³⁴. В апреле 1921 г. один из высших политических органов СССР рассматривал вопросы об общежитиях и летних каникулах студентов университета³⁵. Летом того же года заседание Секретариата ЦК под председательством секретарей ЦК Молотова и Михайлова уточнило размеры чайников, число подушек и полотенец в поезде для инструкторов ЦК, едущих в командировку, и установило, что им необходимы три смены белья и «не менее 4 чашек чаю»³⁶.

И конца этому не было. Почти пятнадцать лет спустя, в 1935 г., когда вновь создавались кадровые отделы в горкомах партии и подводились итоги широкой партийной чистки («проверки партийных документов»), Оргбюро беспокоилось о не имеющих политического характера, но «недопустимых неточностях» в «Кратком словаре русского языка» профессора Ушакова и правильном распространении театральных билетов. Оно обсуждало стоматологическое образование, решив просить Секретариат составить по данному поводу заявление и передать его в Политбюро!³⁷ На одном заседании в том же месяце Политбюро, наряду с распоряжением о проведении всесоюзной переписи населения, обсуждением рекомендаций прокурора Вышинского насчет смертных приговоров «группе троцкистов», тревогой по поводу Лондонской морской конференции и оценкой планов японцев относительно Монголии, озаботилось празднованием 15-летия Удмуртии, бюджетом домов отдыха в Оренбурге и использованием старых школьных зданий³⁸.

Нижестоящие органы также аннулировали решения вышестоящих. Секретариат нередко отменял сделанные Оргбюро назначения должностных лиц³⁹. Порой даже совещание заведомыми ЦК не признавало постановления вышестоящей инстанции. 28 апреля 1923 г. оно решило «отменить приказ Оргбюро от 22 марта и оставить тт. Бондарева и Рудакова в распоряжении Юго-Восточного бюро ЦК». На другом заседании примерно в то же время оно отменило еще пять решений Оргбюро⁴⁰.

Неопределенность состава

Помимо неопределенности компетенции, вышеуказанные органы с самого начала отличались аморфным, случайным, частично совпадающим характером, который они так и не утратили и который отвечал потребностям и темпераменту верховных партийных вельмож. Оргбюро и Политбюро постоянно составляли «планы работы» и столь же постоянно их игнорировали⁴¹.

До 1939 г. Политбюро, Оргбюро и Секретариат служили эксклюзивными заповедниками для старых большевиков. Десятка два самых высокопоставленных членов ЦК, сидевших в Политбюро, Оргбюро и Секретариате, имели довольно смутное представление о прерогативах и даже составе этих органов. На первый взгляд, большевики тщательно и точно установили принципы членства в них (например, старательно провели грань между членами и кандидатами в члены

Политбюро, Оргбюро и Секретариата), однако в действительности обращались с данными принципами весьма вольно.

Вначале, когда многие большевистские лидеры находились то в Москве, то за ее пределами, на фронтах гражданской войны, состав всех трех органов оставался неформальным и часто менялся в зависимости от того, кто был в столице на текущий момент. На одном заседании Оргбюро в 1920 г. присутствовали члены Оргбюро Сталин, Рыков, Преображенский, Крестинский, Серебряков, а также оказавшиеся в городе Троцкий, Каменев, Зиновьев, Смирнов и Калинин, которые не входили в Оргбюро, но, тем не менее, все равно голосовали. В результате голоса разделились поровну, пять на пять, и дело решали опросом ЦК в более широком составе⁴².

Секретари ЦК Молотов и Михайлов в начале 1920-х гг. слаженно работали, проводя заседания Секретариата и быстро проходя повестку. В некоторых случаях вмешивались другие, и протоколы приходилось переписывать, дабы отразить решение иного «комитета». Однажды, когда эти двое, по своему обыкновению, прорабатывали повестку Секретариата, к ним вдруг присоединились Залуцкий, Ярославский и Калинин – члены Оргбюро. Молотов и Михайлов тоже являлись членами Оргбюро, и заседание продолжалось без заминки, но теперь уже под названием заседания Оргбюро⁴³.

Подобно неопределенности компетенции, описанной выше, неясности с составом так и не исчезли. В 1935 г. Секретариат вернулся к модели, существовавшей до 1921 г.: он в основном прекратил собираться как официальный комитет, один или несколько секретарей стали принимать решения в неформальном порядке. В апреле 1925 г. Политбюро передало в Оргбюро вопрос о подготовке переводчиков с азиатских языков, но Оргбюро не планировало заседаний на ближайшее время. Поэтому Секретариат поставил вопрос на своем заседании 7 апреля (это единственное заседание Секретариата в 1935 г. и последний раз, когда Секретариат заседал как комитет до Второй мировой войны) и утвердил его. Посреди заседания пришли несколько членов ЦК, являвшихся также членами Оргбюро. В комнате оказалось большинство Оргбюро, и в протоколе заседания Секретариата зафиксировали одобрение предложения о переводчиках и утверждение этого решения Оргбюро опросом!⁴⁴

26 июля 1938 г. ЦК приказал снять А. Б. Николаева с должности начальника отдела в Управлении государственных резервов при Совнаркомоме за профнепригодность. Машинописный документ был разослан и подписан Андреевым, Кагановичем, Маленковым, Ежовым и Ждановым. После того как подобающее количество вельмож

приняло решение об увольнении несчастного Николаева, кто-то чуть ли не задним числом приписал от руки: «Оргбюро». И, несмотря на то что Андреев и Маленков в Оргбюро не входили, эта бумага стала считаться протоколом заседания Оргбюро, якобы состоявшегося в день, когда Оргбюро вовсе не заседало⁴⁵.

Власть большевистских грандов опиралась на близость к главным руководителям, а не на титулы или членство в каких-либо органах. Летом 1923 г. Л. М. Каганович, заведующий организационно-инструкторским отделом ЦК (Оргинструктором), то есть работник не вельможного звания, несколько раз председательствовал на заседаниях совещания завотделами, даже не будучи секретарем ЦК. Кстати, на одном из заседаний под председательством Кагановича, где не было ни одного члена или секретаря ЦК, совещание и отменило ряд кадровых решений Оргбюро⁴⁶.

Внешне это кажется не только нарушением правил, но и фактом принятия решений служебным персоналом. Однако здесь перед нами пример реального ранга и реальной власти отдельного лица, не имеющих ничего общего с его институциональным положением. Каганович уже был вхож в окружение Сталина и известен как приближенный генсека. (Собственно, в первую очередь поэтому он и получил пост заведующего Оргинструктором.) В соответствии с понятиями того времени он мог исполнять роль, формально закрепленную за секретарем ЦК, ввиду личной близости к Сталину, невзирая на реальное место работы. В патримониальных системах правила и официальные ранги не имеют такого значения, как лица, власть и связи. Каганович стал вельможей, и никого не волновало, в каком он кабинете и в каком органе.

Как объяснить несоблюдение правил, отсутствие какого-либо смысла в направлении того или иного вопроса в один комитет, а не в другой, разрешение комитетами вопросов, явно превышающих их компетенцию, и отмену решений вышестоящих органов даже без передачи дела наверх для обсуждения? А если говорить о совещании завотделами, то как понять, почему аппаратчикам, не принадлежавшим к элите ЦК, дозволялось влиять на решения и назначения, принятые и осуществленные людьми намного выше рангом? Ответ связан со стремлением грандов из старых большевиков сохранить в своих руках корпоративный контроль с помощью свободной системы личной власти.

Присутствие на аппаратном совещании такого гранда (по правилам – секретаря ЦК) – единственный ключ к пониманию видимых институциональных аномалий и нарушений. Если присутствующий

секретарь полагал какое-либо дело незначительным или бесспорным, если имел достаточно знаний, чтобы судить о нем, либо если по делу требовалось быстрое решение, он разбирал его вне зависимости от того, «мелкое» оно или крупное и какой комитет «должен» его рассматривать. Председательство секретаря ЦК (члена Политбюро) на совещании означало, что высокопоставленный партийный вельможа может «благословить» любую рекомендацию аппаратчиков, не входящих ни в какой комитет, и для этого хватало одного представителя дворянской касты. С самого начала, если секретарь ЦК подписывался под предложением совещания заведомо о каком-либо назначении, оно автоматически становилось постановлением Секретариата, а если не поступало возражений от члена Оргбюро, то столь же автоматически превращалось в запротоколированное постановление Оргбюро, даже несмотря на то, что ни Секретариат, ни Оргбюро в действительности на заседание по данному вопросу не собирались⁴⁷. Какой именно гранд принимал решение, порой зависело от того, кто находился в здании в нужный момент, а форма, в которой это решение записывалось (постановление Оргбюро, Секретариата, Политбюро), — от того, кто оказывался в комнате, когда оно принималось.

Таким образом, один секретарь мог говорить за всю высшую аристократию. Секретарь, сидящий на совещании заведомо, являлся также членом Оргбюро и Политбюро, а следовательно, представителем узкого круга высшей партийной элиты. Благодаря *его* рангу и званию аппаратное совещание имело статус выше своего внешнего институционального уровня ответственности. Его собратья доверяли ему озвучивать решения в интересах партии, как они и их поколение таковые понимали⁴⁸.

В таблице 3.1 показано уменьшение частоты заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата в 1920–1930-е гг. В 1934 г. Политбюро и Оргбюро собирались раз в месяц, а Секретариат практически перестал заседать вообще. Устраивал ли какой-то реальный комитет заседание с соответствующим антуражем в отдельной комнате, значило меньше, чем подпись гранда. Именно его ранг и престиж имел значение, а не институт или комитет. В 1937 г. один-единственный секретарь ЦК рутинно писал «за» и подписывал «сводки» назначений, предложенных по итогам рекомендаций аппарата и бесед грандов с аппаратчиками и между собой. С его подписью эти сводки протоколировались как решения не заседавших Секретариата или Оргбюро⁴⁹. Эти органы никогда не функционировали как рациональные, связанные правилами институты. И никогда ими не являлись⁵⁰. Поэтому в конце 1930-х гг. гранды вернулись к системе начала 1920-х, когда

один секретарь ЦК (и обычно не Сталин), консультируясь с аппаратом, мог по многим вопросам говорить от лица Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Получалась работающая, произвольно персонализированная аристократия избранных.

Таблица 3.1. Частота заседаний Оргбюро и Секретариата, 1920–1940 гг.

Год	Политбюро	Оргбюро	Секретариат
1920	1–2 в неделю, около 6 в месяц	Раз в 3 дня	Раз в 3 дня
1921	1–2 в неделю, около 6 в месяц (впервые принятие решений опросом)	2 в неделю	2 в неделю
1922	1–2 в неделю, около 6 в месяц	1–2 в неделю	1–2 в неделю, иногда ежедневно (впервые принятие решений опросом)
1923	1–2 в неделю, около 6 в месяц	1 в неделю или в 10 дней (впервые принятие решений опросом)	1 в неделю
1924	1–2 в неделю, около 6 в месяц	1 в неделю	1 в неделю
1925	1–2 в неделю, около 6 в месяц	1 в неделю кроме ноября (в этот месяц только опросом)	1 в неделю до 14 декабря, затем 0 до 22 января
1926	1–2 в неделю, около 6 в месяц	1 в неделю	1 в неделю
1927	1–2 в неделю, около 6 в месяц	1 в неделю до 14 ноября, затем опросом до 3 января	1 в неделю до 18 ноября, затем опросом до 23 января
1928	1–2 в неделю, около 6 в месяц	1 в неделю	1 в неделю
1929	1–2 в неделю, около 6 в месяц	1 в неделю до ноября, затем 1 в 10 дней	1 в неделю до октября, затем 1 в 10 дней
1930	6–8 в месяц	1 в 10 дней	1 в 10 дней
1931	2 в неделю	1 в 10 дней до марта, затем 1 в 2 недели; в октябре–ноябре 0	1 в 10 дней до ноября, затем 1 в 2 недели
1932	2 в неделю	1 в 2 недели; в июне– июле, августе–ноябре 0	1 в 10 дней
1933	1 в 10 дней	1 в 3 недели до июля, затем 1 в месяц	До 19 января 0, затем 1 в месяц
1934	1–2 в месяц	12 в год	0
1935	1–2 в месяц	12 в год	1 в апреле
1936	0–1 в месяц	12 в год, в апреле, июле, августе, ноябре – 0	0

Год	Политбюро	Оргбюро	Секретариат
1937	7 в год	6 в год, в мае–сентябре - 0	0
1938	6 в год	11 в год, в апреле–мае, сентябре–ноябре - 0	0
1939	2 в год	12 в год	0
1940	1 в год	12 в год	0

Источник: Расчеты автора по материалам РГАСПИ: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112, 113.

Неопределенность компетенции, повестки и состава упомянутых органов была намеренной; она максимизировала гибкость большевистской олигархии, позволяя ей делать, что пожелает и как пожелает. В ней также отражался очень древний патримониальный личный произвол, сопротивлявшийся институционализации. Заседал ли реальный комитет как таковой, никакого значения не имело.

Сталин как генеральный секретарь ЦК партии играл главную роль в подготовке повесток для Политбюро, Оргбюро и Секретариата и редко пропускал заседания Политбюро. Однако на заседаниях Оргбюро и Секретариата он бывал лишь от случая к случаю в 1920-х гг., обычно когда обсуждались национальные дела. К 1928 г. он посетил 9 (из более чем 75) заседаний Оргбюро и 4 (из более чем 80) заседаний Секретариата. Он присутствовал на первом заседании Секретариата (4 января) в 1929 г., но больше ни на одном за весь год, а также на заседаниях Оргбюро 30 декабря 1929 г. и 6 января 1930 г., но больше ни на одном ни в том, ни в другом году. В дальнейшем Сталин посещал одно-два заседания Оргбюро и Секретариата в год, как правило, в начале года, при обсуждении экономических планов или планов работы данных органов, либо когда на повестке стоял вопрос широкой реорганизации партии⁵¹.

Отсутствие Сталина отнюдь не означало, что он не участвовал в кадровых решениях, многие из которых принимались вне заседаний. Но мы можем здесь отметить, что персональная, неинституциональная дворянская система старых большевиков предшествовала приходу Сталина к власти несколько лет, а патримониальные представления, которые она отражала, предшествовали ему и его приближенным несколько веков. Россия всегда управлялась таким образом. Поэтому Сталин не создавал и не выбирал систему – он ее унаследовал. Однако использовал ее искуснее, чем соперники.

Порой небрежность некоторых грандов раздражала других. Первый пункт повестки заседания Оргбюро 6 сентября 1920 г., под пред-

седательством Молотова, гласил: «Поставить на вид опоздавшим т.т. Томскому и Рыкову и следующие заседания начинать ровно в 9 часов»⁵². Молотов, по-видимому, больше всех любил пунктуальность, потому что, председательствуя на заседании 9 мая 1921 г., «предложил» записывать имена опаздывающих членов и кандидатов в члены Оргбюро и принимать против них «соответствующие меры». За его предложение проголосовали все кроме Калинина, который остался при «особом мнении»⁵³. Но на следующее же заседание три дня спустя, согласно протоколу, сам Сталин опоздал на полчаса, Дзержинский – более чем на полтора, а Калинин (возможно, чтобы настоять на своем) задержался ровно на два часа двенадцать минут⁵⁴. Пару месяцев Молотов заставлял стенографистов фиксировать время прихода и ухода каждого члена Оргбюро, однако потом сдался.

Вопреки всем Молотовым на свете, нормой была гибкость. Ленин говорил: «Дело сложилось таким образом, что главной настоящей задачей Оргбюро было распределение партийных сил, а задачей Политического бюро – политические вопросы. Само собою понятно, что это разделение до известной степени искусственно, понятно, что никакой политики нельзя провести, не выражая ее в назначении и перемещении»⁵⁵. Когда большевики, не принадлежавшие к ленинскому аристократическому кружку, критиковали подобную неопределенность, он реагировал резко и откровенно высмеивал саму идею писаного свода правил: «Конституцию, что ли, написать? Точно разделить Политбюро и Оргбюро, разграничить их деятельность трудно. Всякий вопрос может стать политическим, даже назначение коменданта. Если кто предлагает другое решение, так пожалуйста...»⁵⁶ Для элиты старых большевиков главное заключалось в сохранении контроля, и они с опаской относились к устойчивым институтам, которые могли ограничить им свободу маневра⁵⁷.

Отпускать поводья, сохраняя контроль: «голосование опросом» и «номенклатура»

Гранды пробовали разные механизмы, чтобы разгрузить повестки Политбюро и Оргбюро. В ряде постановлений Политбюро и Оргбюро 1921–1922 гг. указывалось, что Секретариат должен фильтровать все вопросы, поступающие в эти органы, и по возможности принимать по ним решения. Новый предварительный фильтр добавился благодаря образованию совещания завотделами ЦК с целью просмотра пунктов повестки еще до Секретариата⁵⁸. Но количество пунктов с годами неуклонно возрастало, и старобольшевистская аристократия изо

всех сил пыталась справиться со взятым на себя грузом, сохраняя при этом общий контроль.

Почему так быстро росло число пунктов, требующих рассмотрения и одобрения со стороны высших органов? Наиглавнейший фактор, конечно, – расширение бюрократии. За 20 лет с 1917 г. сложность системы советского управления резко повысилась. Размеры аппарата чрезвычайно раздулись после 1929 г., когда экономика стала объектом государственного администрирования. Почти каждый год возникали новые наркоматы, а верховные члены Политбюро все больше и больше превращались в управленцев-хозяйственников. В 1924 г. в руководстве экономикой участвовали только трое из семи членов Политбюро, в 1934 г. – семеро из пятнадцати, а обязанности восьми остальных включали хозяйственные дела по крайней мере косвенно. Такое расширение сильно увеличивало нагрузку Политбюро. В 1930 г. оно рассмотрело 2 857 вопросов, в 1934 г. – 3 982⁵⁹. Повестка последнего заседания Политбюро в 1930 г. (25 декабря) включала 100 пунктов. Повестка последнего заседания в 1936 г. (27 декабря) – 453 пункта⁶⁰. Политбюро, подобно другим кабинетам, имело «обширную повестку вопросов, требующих решения; чтобы предотвратить разбухание кабинетной повестки, и создаются механизмы принятия решений в других местах». Оно нуждалось в «наборе формальных и неформальных механизмов для обработки» огромной горы поступающих к нему дел⁶¹.

Ленин имел другое мнение насчет того, почему эти органы работали так, как работали, основанное на особенностях русского национального характера: «Просто обычное русское интеллигентское неумение практически дела делать... Сначала сунется, сделает, потом подумает, а когда у них не выходит – побегут к Каменеву жаловаться, тащат в Политбюро. Конечно, в Политбюро нужно нести все государственные трудные вопросы... но надо сначала подумать, а потом уже делать. Если ты выступаешь [в Политбюро], потрудись выступить с документами».

И ответы Ленин давал другие. Он признавал, что сам персонализировал управление, служа личным звеном связи между наркоматами, где следовало решать дела, и Политбюро, куда, казалось, все они стягивались: «Поэтому из Совнаркома тащат все в Политбюро. Тут была также большая моя вина, так как многое по связи между Совнаркомом и Политбюро держалось персонально мною... Нужно, чтобы наркомы отвечали за свою работу, а не так, чтобы сначала шли в Совнарком, а потом в Политбюро»⁶².

Но этого не произошло. Сама природа системы препятствовала институционализации, гарантировала персонализацию и побуждала отправлять все наверх в Политбюро.

Помимо обличаемых Лениным привычек русской интеллигенции и признанной им собственной вины в персонализации системы, существовал ряд культурных факторов, обуславливавших делегирование столь многих решений верхам. Во-первых, своего рода полумилитаристское наследие гражданской войны означало, что более широкий круг вопросов, чем в других государствах, казался щекотливым и заслуживающим внимания высшего руководства. Вопросы, связанные с органами внутренних дел и репрессиями, имеющие какое-либо отношение к внешней политике и торговле, по молчаливому согласию признавались заповедной территорией партийного генерального штаба. На нижних уровнях никто не хотел рисковать, принимая решения, которые могли привести к преследованиям его самого в политизированной атмосфере вооруженного социалистического лагеря. Английский бизнесмен Джон Уркварт был потрясен тем, что предложенной им торговой сделкой заинтересовалось само Политбюро (и наложило на нее вето): ни в одной другой стране подобного случиться не могло⁶³. Большевикские бюрократы полагали, что за отфутболивание вопроса (особенно по поводу иностранцев или больших денег) наверх никого не уволят и не арестуют.

Во-вторых, огромное число пунктов, забивающих повестки Оргбюро и Политбюро, составляли протесты, протесты на протесты, просьбы выступить в роли арбитра или рефери. Тонкокожие аристократы-большевики легко обижались и апеллировали в вышестоящие органы, добиваясь восстановления попранной чести и репутации. Был сформирован целый ряд конфликтных комиссий, занимавшихся исключительно подобными делами. В протоколах такие пункты часто именовались «протест», «обращение» или «просьба», тогда как по сути речь шла о жалобе на кого-то. Ведомства и руководители дрались за ценные кадры, бюджеты, сроки выполнения задач и всевозможные сферы влияния. С самого начала существования Секретариата, Оргбюро и Политбюро основная часть их уставов посвящалась разрешению споров и исправлению нарушений. Из 25 пунктов повестки одного заседания Оргбюро в 1921 г. 14 представляли собой просьбы о переводе на другую работу и жалобы на начальство; еще 3 – протесты против переманивания одним ведомством работников другого⁶⁴.

В постановлениях Политбюро 1921 и 1922 гг. указывается, что при конфликте обе стороны должны представить в Политбюро в семи экземплярах свою аргументацию, опровержение обвинений другой сто-

роны и точный предлагаемый текст документа или резолюции. Если потерпевшую сторону не удовлетворит решение Секретариата или компромисс, она может требовать вмешательства Оргбюро. В случае дальнейших разногласий дело разбирает Политбюро⁶⁵. С течением лет эта формула поэтапных разбирательств и апелляций воспроизводилась во многих конфликтных ситуациях и была закреплена в резолюциях партийных съездов⁶⁶.

Поэтому при неудовлетворенности решением довести дело до самого верха не составляло труда. Конечно, протестующих низкого ранга убеждали согласиться с вердиктами, вынесенными на первом же этапе, однако высокопоставленные вельможи имели общепризнанное право представлять свои дела на суд равных либо вышестоящих. В итоге судебная функция упомянутых органов – старинная форма патримониальной политической деятельности – означала, что их повестки всегда будут полны жалоб и просьб о заступничестве царя или его приближенных.

Проблема засилья в верховных органах мелких вопросов так и не исчезла. Самая главная причина перегруженности повесток Оргбюро и Политбюро заключалась в том, что, несмотря на свои протесты, высшие аристократы-большевики в действительности не желали, чтобы вопросы, не имеющие жизненно важного значения, шли мимо них. Вопреки жалобам на чрезмерную нагрузку, они *хотели*, чтобы все решения, хоть крупные, хоть мелкие, по крайней мере, попадали к ним на стол для благословения. Они весьма неохотно оставляли любое решение, даже самое несущественное, на усмотрение тех, кто был «не их крови», кто позже вступил в партию и приобщился к ее традициям, кто не прошел через подполье, через огонь и бурю революции.

Они прилагали все усилия, чтобы ускорить и упростить рассмотрение огромного числа встающих перед ними вопросов. На заседаниях Политбюро Ленин требовал ограничить выступления докладчиков тремя минутами, по особенно сложным делам – семью. Пункты, нуждавшиеся в обсуждении, немедленно передавались в «деловую комиссию», обязанную затем представить доклад и проект резолюции; так родились «комиссии Политбюро», которые Хрущев окрестил «восьмерками» и «шестерками» и которые даже при нем на практике решали большинство вопросов. По воспоминаниям Микояна, «только этим и можно, пожалуй, объяснить, почему так много самых разных вопросов рассматривал Ленин за самые короткие сроки»⁶⁷. Иногда той или иной темой занимались постоянные или специальные комиссии, обязанные давать рекомендации относительно решений⁶⁸. Сталин мог входить, а мог и не входить в подобные группы; скорее всего

(но не наверняка), в конечном счете он утверждал каждое выработанное таким образом решение⁶⁹.

Как ни старались большевики, проблема носила и структурный характер. Такое неформальное персональное устройство, которое в литературе по социальным наукам называется «сегментированным» или «фрагментированным» принятием решений, отнюдь не редкость во многих государственных системах (США – первый тому пример)⁷⁰: «Поэтому реальные дебаты происходят в более узких группах, либо создаваемых официально... либо созываемых неофициально – как правило, когда встречаются два-три члена, причем один из них, по крайней мере во многих случаях, премьер-министр. Таким образом... настоящие дебаты кабинета в полном составе бывают сравнительно редко»⁷¹. Учитывая все, что мы знаем о сталинской практике, следующий рассказ члена британского кабинета при Маргарет Тэтчер (лорда Уэйкхема) будет не слишком далек от реальности, если вместо «она» (то есть миссис Тэтчер) подставить «Сталин»: «У нее или у кого-нибудь еще появлялась мысль, и она с ними говорила. Она приглашала двух-трех человек на вторую встречу, и мы обсуждали это чуть подробнее... Потом она... выясняла, кто в кабинете больше всего заинтересован в такой политике, и с ними говорили... их, таким образом, привлекали, а когда ты все это выстроил, у тебя есть что представить подкомитету кабинета, согласовать, и в кабинет это попадало уже как *fait accompli*»⁷².

Между тем, если вернуться к Политбюро, борьба с разрастанием его повестки продолжалась. В конце 1929 г. оно постановило, что просьбы и доклады от нижестоящих органов не должны превышать 5–10 страниц и подавать в Секретариат их следует не позднее чем за 6 дней до заседания Политбюро вместе с проектом резолюции⁷³. Через год, в ноябре 1931 г., оно сократило максимальный размер представляемых документов до 4–5 страниц, но спустя несколько дней установило в качестве предела 8 страниц⁷⁴. Сталин в сентябре 1932 г. распорядился включать в повестку одного заседания Политбюро не больше 15 пунктов⁷⁵. Весной 1931 г. *все* обращения в Политбюро с мест стали передаваться для решения в Секретариат, за исключением вопросов «чрезвычайной важности», которые могли попасть в Политбюро⁷⁶.

Но самым важным средством, которое Политбюро и Оргбюро использовали, чтобы разгрести гору бумаг, служило принятие решений «опросом» их членов по телефону. Уже весной 1921 г. для утверждения решений по вопросам, не требующим длительного обсуждения, членов Политбюро обзванивали или направляли им карточку голосо-

вания не в то время, которое отводилось для обычных заседаний. Секретариат и Оргбюро последовали этому примеру в 1922 г.⁷⁷ К 1926 г. голосование опросом по числу принимаемых таким образом решений стало превосходить голосование на заседаниях, а к началу 1931 г. число вопросов, решенных опросом, намного превышало количество тех, что стояли на повестке. На последнем заседании в 1934 г. Политбюро рассмотрело 8 вопросов, но в протоколе указано, что 260 вопросов решены опросом⁷⁸. К концу 1930-х гг. повестки Политбюро и Оргбюро содержали много сотен пунктов, подавляющее большинство из них один или несколько членов этих органов утверждали не на заседании, а затем их решение единогласно одобряли остальные, по телефону или в коридоре.

Здесь важный момент заключается в том, что и Политбюро, и Оргбюро, и Секретариат могли просто полностью отделаться от всего этого. Но не стали. Они фильтровали и перефильтровывали пункты повесток с помощью разных комитетов, сокращали время обсуждения, использовали подкомиссии Политбюро и Оргбюро, утверждали решения между собой путем опроса друг друга вне заседаний, однако ни за что не желали отказаться от своей прерогативы: так или иначе, любое отдельное решение, даже самое тривиальное, рассматривалось и благословлялось или отклонялось грандом.

То же самое можно сказать о системе «номенклатуры», которая начала складываться в 1920-е гг. Номенклатура какого-либо учреждения представляла собой список должностей, назначение на которые это учреждение имело право утверждать. В системе 1923 г. из примерно 5 тыс. партийных и государственных постов, утверждаемых ЦК, кандидатуры на 3 500 (номенклатура № 1) могли предлагаться и утверждаться только Политбюро, Оргбюро или Секретариатом. Еще 1 500 мест (номенклатура № 2) заполнялись другими органами, но их назначения подлежали одобрению и утверждению упомянутой высшей тройкой.

Судя по нашим источникам, номенклатурная система действительно задумывалась как способ систематизировать существующую практику и облегчить лежащее на аппарате ЦК бремя назначений. За несколько месяцев до ее установления, в марте 1922 г., В. П. Ногин сказал на партийном съезде, что Оргбюро и Секретариат вынуждены решать в день по сотне кадровых вопросов. Секретарь ЦК Молотов, сделавшийся правой рукой Сталина, жаловался, что аппарат чересчур обременен кадровыми назначениями. В предыдущем году через него прошли 22 500 предложений по кадрам, а являющиеся лично в среднем 60 заявителей ежедневно – слишком много для надлежавшей

работы с ними. Он заявил, что утверждать большинство кандидатур на высшем уровне «не обязательно», и предложил резко ограничить обязанности ЦК по назначениям лишь ведущими «ответственными работниками»⁷⁹. Как мы видели, первоначальные номенклатурные списки тех, кто назначался или утверждался ЦК, охватывали около 5 тыс. должностей. Это соответствовало текущей практике: в год накануне установления системы ЦК рассмотрел кандидатуры на 5 167 постов, а в предшествующем году – на 4 738. Таким образом, номенклатурная система 1923 г. кодифицировала существующую практику и шкалу назначения ответственных работников.

Дворяне стремились сократить эту шкалу, но раз за разом терпели поражение, поскольку данная цель вступала в противоречие с другой, более важной – сохранить корпоративный контроль. В 1925 г. в результате пересмотра номенклатуры ЦК число постов, требующих прямого назначения со стороны ЦК, уменьшилось от 3 500 до 1 870. Однако кандидатуры еще на 1 640 мест требовали предварительного одобрения секретарем ЦК и на 1 590 – комиссиями Политбюро и Оргбюро; итого знать должна была утверждать назначения на 5 500 должностей, то есть в действительности больше, чем при системе 1923 г.⁸⁰

Новая попытка пересмотра, предпринятая в конце 1928 г., видимо, уменьшила число должностей, требующих одобрения кандидатур высшей знатью, примерно до 4 тыс., но оно все равно потихоньку увеличивалось. При каждой ревизии повторялась одна и та же история⁸¹. Аппаратчики составляли огромные списки и обсуждали их с партийными вельможами. Архивы полны черновиков списков с поправками, вычеркиваниями и дополнениями, вносившимися по ходу дела⁸². Бесконечные дискуссии, проекты, переговоры и разногласия между аппаратчиками и большевистской знатью превращали такие ревизии в тяжкий процесс.

В конечном счете центральная номенклатурная система была разработана, чтобы удерживать в своих руках «основные командные высоты», как выразился член ЦКК Д. И. Курский⁸³. Например, в 1929 г. после нескольких ревизий, вроде бы направленных на сокращение количества назначений на высшем уровне, Политбюро в отношении Наркомата финансов СССР сохранило за собой право назначать наркома, трех его заместителей и пятерых членов коллегии. Даже назначение двух руководителей Главного управления государственного страхования и их финансовых агентов осталось за высшими органами (Оргбюро и Секретариатом соответственно). Три высших органа назначали также работников на 9 постов в Наркомате финансов

РСФСР⁸⁴. Нет ничего удивительного в контроле этих органов над назначениями в политическую полицию (ГПУ), включая весь ее центральный аппарат и глав областных и краевых управлений (46 должностей), однако в их ведение входило также назначение 360 членов акционерных и торговых обществ⁸⁵. В том году в каждой области в среднем посты, требующие назначения или утверждения кандидатур центральными органами, включали местную партийную верхушку, председателей правлений кооперативов, главных редакторов газет, профсоюзных работников, руководство областных управлений ГПУ, областной прокуратуры, суда, высших учебных заведений – всего 88 должностей⁸⁶.

Каждая ревизия номенклатуры якобы преследовала цель передать назначение на ряд постов ниже, областным комитетам. Была идея, что областные комитеты, в свою очередь, уступят некоторые из своих кадровых прерогатив районным и в итоге назначения будут лучше соответствовать обстановке на местах. На практике, однако, вышло совсем другое. Наряду с отмеченным выше ползучим ростом числа назначений, требующих утверждения Политбюро/Оргбюро, областные партийные бароны весьма неохотно делились традиционной ответственностью за кадры и не желали поступаться санкционной властью в пользу нижестоящих. Хотя обкомы и крайкомы по видимости сократили собственные номенклатуры на 25 %, на деле они их увеличили. В августе 1926 г. Вологодский обком насчитывал в своем списке назначений 393 должности, Воронежский – 364, Сталинградский – 374. Смоленский горком (даже не обком) перещеголял всех, держа под контролем 946 постов. На Украине вниз не передали практически ничего: там горкомы и сельские райкомы вообще не имели номенклатурных списков. Москва жаловалась, что раздутые номенклатурные списки мешают учету и рациональному планированию⁸⁷.

Причины такой номенклатурной неподатливости должны быть очевидны. Вопреки самым лучшим намерениям, самому логичному мышлению и даже прямым приказам, никто не хотел расставаться с имеющимися у него кадровыми прерогативами. В патримониальной системе власть всегда представляла собой патронаж, а рациональное институциональное планирование занимало последнее место.

Чувствуя, что перегружены, гранды, тем не менее, просто не могли выпустить из рук свои дворянские прерогативы. Олигархи в партийной верхушке, и сталинцы, и оппозиционеры, были ветеранами дореволюционного подполья, соратниками Ленина⁸⁸. Они видели, что тонут в море партийных новобранцев и все их поколение постепенно теряет контроль над ситуацией. Они поневоле делегировали приня-

тие многих решений аппарату, однако не желали полностью отказываться от своего элитарного права надзора, поэтому им пришлось создать систему проверки и одобрения подготовленных решений. Через десять лет после революции около десятка высших аристократов страны продолжали настаивать на том, чтобы самолично рассматривать тысячи кадровых назначений и выносить вердикты по поводу кандидатур на любые должности, от наркомов до страховых агентов и ректоров провинциальных университетов. Как сказал Ленин, «всякий вопрос может стать политическим, даже назначение коменданта»⁸⁹.

4. КАДРОВАЯ СИСТЕМА ПАРТИИ: В «низах» ЦК

Это такая работа, которая делает тебя мишенью для всех и каждого, кто чем-нибудь в своей судьбе недоволен.

Зав. Орграспредом Л. М. Каганович (1923)¹

В «низах» мы обнаружим аппарат ЦК, который работал совсем иначе, нежели вельможи, и интересы имел другие. На уровне ниже Политбюро, Оргбюро и Секретариата основная кадровая работа ЦК сосредоточивалась в ряде отделов, подчиненных Секретариату. За десятки лет советской власти эти отделы с озадачивающей регулярностью периодически реорганизовывались, сливались, разделялись, упразднялись, восстанавливались, однако их специализация оставалась более или менее постоянной: распределение кадров, агитация и пропаганда, работа в деревне и сельское хозяйство, промышленность, печать, культура, образование, международные дела и т. п. Размеры всего аппарата Секретариата ЦК после гражданской войны быстро росли и с годами изменялись, но обычно находились в пределах 600–700 чел.

В некоторые периоды (1934–1939, 1948–1954) все отделы сами распределяли кадры в сфере своей компетенции, но большую часть времени «кадровые» или «организационные» рекомендации централизованно выработывались в специальном отделе (отделах). В 1919 г. с этой целью были учреждены два отдела, учетно-распределительный и организационно-инструкторский, слитые в 1924 г. в единый организационно-распределительный отдел. В 1930 г. его расчленили на распределительный отдел и отдел руководящих партийных органов (ОРПО), оба этих отдела в 1939 г. объединили в Управление кадров, а последнее опять разделили в 1948 г. Ради удобства и во избежание путаницы, здесь мы будем пользоваться наиболее употребительным «родовым» названием Орграспред².

Таблица 4.1. Общие размеры аппаратных отделов Секретариата ЦК, 1919–1930 гг. (чел.)

1919	30 → 80 к концу года
1920	130
1921	602
1922	705
1923	741
1924	694
1925	767
1927	657
1930	375*

Источники: Восьмая конференция РКП(б), декабрь 1919 года: Протоколы. М.: Партиздат, 1961. С. 221; Девятый съезд РКП(б), март–апрель 1920 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 507, 806; Известия ЦК ВКП(б). 1921. 5 марта. С. 23–24; 1922. Март. С. 54; Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 79; Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 года: Стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1963. С. 128; Пятнадцатый съезд ВКП(б), декабрь 1927 года: Стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1962. Т. 2. С. 123; XVI съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): Стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1931. С. 93.

Примечание:

* После сокращения на 50 % («рационализации») в 1929 г. После 1930 г. партийные источники больше не давали информации о размерах аппарата Секретариата.

Как показывают учредительные документы Орграспреда, его функции не ограничивались распределением кадров³:

«1. [...]»

а) Установление и укрепление организационной связи с партийными организациями на местах, ознакомление с их деятельностью и их инструктирование.

б) Изучение и обобщение опыта партийного строительства.

в) Разработка руководящих положений, циркуляров и инструкций в области организационной, распределительной и учетной работы партии.

г) Систематизирование и согласование действующих партдиректив.

[...]

е) Систематический учет, подбор и распределение партработников нужных квалификаций как для центральных органов, так и для мест.

ж) Проведение перемещений, выдвижений и мобилизаций партработников.

[...]

и) Выполнение конкретных заданий Секретариата и Оргбюро ЦК по всем вопросам организационной, распределительной и учетной деятельности.

[...]

3. Работа по подготовке вопросов подбора и распределения партсил по отдельным отраслям работы ведется помощниками заворграспреда.

[...]»

Орграспред был уполномочен проводить ведомственные совещания, «прорабатывать в предварительном порядке вопросы, вносимые Орграспредом на Оргбюро и Секретариат ЦК», подготавливать проекты решений по этим вопросам. Перед его «организационным отделом» также ставились задачи «предварительной проработки проектов постановлений ЦК по всем вопросам организационного характера и по вопросам партстроительства», поддержания постоянной связи со всеми центральными и провинциальными парторганизациями, систематизации партийного законодательства.

Как мы увидим, столь разнообразные обязанности давали работникам Орграспреда немалую власть. Для губернских, а позже областных партийных секретарей стало обычной практикой ездить в Москву и периодически отчитываться о своей работе перед Оргбюро. Некоторые из материалов этих отчетов/совещаний публиковались в партийной печати. Но, как правило, провинциальные партийные делегации сначала представляли свои отчеты Орграспреду, который их оценивал и приводил в должный вид для обсуждения в Оргбюро⁴.

Почти все 1920-е гг. Орграспред выполнял всю эту работу силами 70–75 чел. в центральном аппарате. В 1929–1935 гг., когда индустриализация и коллективизация повысили стоящие перед ним задачи, штат вырос до 95 чел. Центральный аппарат «ответственных работников» Орграспреда состоял из заведующего отделом (во второй половине 1920-х гг. – И. М. Москвин), 9 его заместителей, 9 помощников, 18 инструкторов и технического персонала: архивистов, секретарей и т. д.⁵

Согласно положению об отделе и очевидной практике, каждый из заместителей и помощников заведующего ведал несколькими вопросами или отраслями промышленности. Например, в 1929 г. заместитель Н. И. Ежов курировал, давая соответствующие кадровые рекомендации, выполнение сельскохозяйственного плана, введение 7-часового рабочего дня и выдвижение сельских кадров. Его коллега Ж. И. Меерзон занимался рядом местных партийных организаций, кампаниями критики, национальными вопросами и массовой рабо-

той среди вступающих в партию. Помощник П. П. Горбунов специализировался на распределении кадров в сфере кредита и финансов, советского управления и банковского дела⁶. Судя по внутренней канцелярской документации и протоколам совещаний отдела, эти представители аппарата относились к своей работе серьезно, каждый из них становился экспертом в той области, за которую отвечал, и ее кадровых нуждах⁷.

В лучшем случае вакансии заполнялись следующим образом. В ЦК поступал запрос от партийной или государственной организации. Орграспред направлял его помощнику или заместителю заведующего – специалисту в данной сфере⁸. Тот изучал просьбу и, если находил ее веской и обоснованной (что случалось не всегда), пытался соотнести требуемые навыки с известными ему характеристиками и рекомендовал кандидата на должность.

Первым же документом в деле откладывалась анкета, заполняемая аппаратом ЦК. Она содержала графы относительно имени кандидата, его возраста, партийного стажа, образования, национальности, прежнего места работы и оценки его деятельности там. Далее шли пункты о предлагаемой новой должности, согласии нынешней организации, согласии предлагаемой организации и согласии работника на перевод⁹.

Таким образом, работникам Орграспреда следовало добиться согласия на перевод со стороны прежнего начальника кандидата, нового начальника и его самого. Затем они представляли рекомендацию вышестоящему лицу (заведующему или заместителю заведующего отделом) на утверждение.

После прохождения первоначальных этапов (а иногда и без него) предлагаемая кандидатура выносилась на аппаратное совещание – либо Орграспреда, либо завотделами ЦК. Совещание сортировало кандидатуры с учетом разнообразных вышепоименованных факторов и направляло их в Политбюро, Оргбюро или Секретариат. Если вопрос был действительно мелким или не вызывал споров (одно не всегда означало другое), назначение утверждал секретарь ЦК, председательствовавший на совещании.

Если же совещание делегировало решение наверх, то сопровождало рекомендацию «пояснительной запиской». Такие записки состояли из нескольких коротких абзацев, в которых сообщалось о квалификации и характеристике кандидата, согласии или несогласии заинтересованных сторон, а затем следовала собственно рекомендация Орграспреда. Например:

«Секретариату... Орграспред ЦК считает целесообразным перебриску тов. Аргова и тов. Шийрона и просит ее утвердить».

Или:

«Ввиду состоявшегося постановления Ленинградского обкома Орграспред ЦК не возражает против освобождения т. Крастина и утверждения вместо него тов. Кондратьева».

Или еще:

«Орграспред ЦК в связи с вышесказанным просит просьбу Сибкрайкома отклонить»¹⁰.

В середине 1920-х гг. Оргбюро осуществляло 90–95 % назначений по предложениям Орграспреда, одобренным одним из грандов ЦК¹¹. Хотя для 1930-х гг. надежных архивных источников на этот счет у нас нет, однако, судя по отдельным свидетельствам, процент сохранялся примерно такой же¹². Многие должности, рассматриваемые Орграспредом, были настолько незначительными, что кандидатуры на них не требовалось утверждать наверху. Кажется, не менее двух третей назначений Орграспреда не относились к номенклатуре ЦК и, следовательно, не подлежали одобрению одним или несколькими грандами¹³. Нужно, впрочем, напомнить, что высшие партийные и государственные посты (около 1 500 к концу 1920-х гг.) входили в номенклатуру № 1, то есть люди на них назначались непосредственно Политбюро, Оргбюро или Секретариатом, а назначения еще примерно на 3 500 должностей обязательно утверждались ими. Разумеется, кандидатуры на должности ниже предлагались Орграспредом, но, по-видимому, главные посты (областной партийный аппарат, наркомы, их заместители и члены коллегий наркоматов, исполкомы советов и т. д.) находились исключительно в распоряжении высшей аристократии. Тем не менее, если посмотреть на всю шкалу должностей, Орграспред представлял собой весьма могущественную силу в распределении кадров.

«Низы» против «верхов»

Бессистемность, приветствуемая «верхами», раздражала «низы» гораздо сильнее, чем таких вельмож-педантов, как Молотов. Мы увидим дальше, что аппарат желал предсказуемости, соблюдения процедуры, правил и порядка. Все это сократило бы старым большевикам произвольное поле для маневра, и гранды сопротивлялись систематизации на каждом шагу.

Личное «вмешательство» грандов в попытки аппаратчиков наладить рациональную бюрократическую систему злило последних, но они ничего не могли поделать; поднимать этот вопрос было бы чересчур неделикатно, а то и опасно. Помимо того что начальство в «вер-

хах» располагало слишком большим могуществом, считалось, что большевику не подобает жаловаться на свою работу, зарплату или нагрузку. Большевику надлежало быть хорошим солдатом, и в целом аппарат послушно выполнял приказы. Тем не менее мы можем обнаружить в «низах» косвенные и почти открытые жалобы.

Нагрузка

Если взглянуть на показанные в табл. 4.2 обязанности работников Орграспреда по распределению кадров, станет ясно, что они несли тяжелую нагрузку. Даже после того, как схлынули волны военной (в годы гражданской войны) и других мобилизаций, Орграспред ежемесячно заполнял сотни вакансий. Его работникам приходилось трудиться по 12–13 часов в день¹⁴. Данные о ежегодном числе назначений для 1920-х гг. отрывочны, но, по-видимому, это число составляло от 6 до 12 тыс. Назначались или проверялись кандидатуры на тысячи номенклатурных постов, да вдобавок две трети назначений Орграспреда не принадлежали к номенклатуре ЦК¹⁵.

Платили работникам, ведавшим распределением кадров, не так уж много. В 1928 г. заведующий Орграспредом, 9 его заместителей и 22 ответственных инструктора имели одинаковый месячный оклад (225 руб.). 9 помощников заведующего получали 200–210 руб., другие «ответственные работники» – 150–200 руб. Для конца 1920-х гг. суммы отнюдь не царские, даже учитывая, что некоторым работникам Орграспреда по должности давалось право отовариваться в специальных закрытых распределителях¹⁶.

Таблица 4.2. Кадровые назначения Орграспреда, 1919–1930 гг.

Годы	Всего назначений	Из них ответственных работников	Количество назначений в год	Количество назначений в день
1919	21 500	2 726	21 500	
1919–1920	25 000		25 000	30–70
1920–1921	42 014			50
1921–1922	22 500		22 500	60
1923	10 727		10 351	70
1924	6 082	4 500	6 082	
1925	12 277	9 419	8 184	
1927	8 761	7 445	4 380	
1930	~ 11 000		~ 4 400	

Источники: Восьмой съезд РКП(б), март 1919 года: Протоколы. М.: Партиздат, 1959. С. 185; Восьмая конференция РКП(б), декабрь 1919 года: Протоколы. М.: Парт-

издат, 1961. С. 30, 217, 221; Gill G. The Origins of the Stalinist Political System. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 163; Девятый съезд РКП(б), март-апрель 1920 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 34, 503; Десятый съезд РКП(б), март 1921 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1963. С. 41-45, 56, 49, 111; Одиннадцатый съезд РКП(б), март-апрель 1922 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1961. С. 65; Двенадцатый съезд РКП(б), 17-25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 81, 804; Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 года: Стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1963. С. 132-133, 806.

В то же время вельможи ЦК постоянно старались уменьшить расходы, сокращая штаты и препятствуя повышению окладов. Еще в 1922 г. первое из целого ряда постановлений Секретариата требовало считать повышение платы работникам Секретариата невозможным¹⁷. Не позднее того же года начала функционировать постоянная «комиссия по рационализации», имевшая целью урезание расходов¹⁸. На одном из заседаний в октябре 1923 г. перед Секретариатом отчитывалась «комиссия по сокращению штатов в аппарате Секретариата ВКП(б)». Через данную комиссию заведующие отделами отрапортовали, что готовы сократить свои штаты в среднем на 10 %. По всем отделам в целом это означало сокращение с 682 до 618 работников¹⁹. Еще одна «рационализация» аппарата ЦК в 1929 г. уменьшила аппарат наполовину. Но проблема не исчезала. Орграспред сумел смягчить предписанную Оргбюро «рационализацию» 1929 г. Он, как велели, сократил свой штат с 97 до 90 чел., сэкономив тем самым 1 142 руб. в месяц. Однако перегруженные работой аппаратчики Орграспреда постарались себя защитить: все сокращенные были простыми клерками – машинистками, курьерами и т. д.²⁰ В январе 1934 г. Секретариат распорядился не принимать никого на работу в аппарат ЦК без личного утверждения со стороны Сталина или Кагановича и «обязать заведующих отделами ЦК ВКП(б) строго придерживаться этого постановления»²¹.

Долгий рабочий день, маленькая зарплата, перегруженность, создаваемые неблагоприятными вельможами, делали работу в аппарате Секретариата не слишком привлекательной²². Партийный этикет не давал аппарату жаловаться открыто. Большевик должен был без всяких жалоб беззаветно посвящать себя любой работе, куда бы его ни назначили. Не нарушая этой традиции, работники Орграспреда и Секретариата «голосовали ногами». В 1922 г. Молотов доложил, что половина из 11 инструкторских должностей вакантны. А другие отметили, что на самом деле необходим 21 чел.²³ В 1925 г. 704 из 767 работников аппарата Секретариата сменили работу за последние 18 месяцев²⁴. Даже в 1930-е гг. в Орграспреде и его преемнике ОРПО всегда имелось множество вакансий.

Орграспред в центре борьбы за кадры

По правде говоря, в первые послереволюционные десятилетия в партии сильно не хватало опытных и надежных административных талантов, и это сказывалось на распределении кадров, вызывая всевозможные перекосы. Во-первых, благодаря дефициту талантов спрос превышал предложение. Потенциальные кандидаты с похвальным послужным списком могли выбирать хорошие посты и отказываться от плохих. Во-вторых, партийные комитеты и высокопоставленные большевистские вельможи боролись за кадры, пуская в ход разнообразные стратегии и личное влияние.

Ввиду нехватки компетентных и опытных кадров запросы на них порой носили самый настойчивый и жалобный характер²⁵. Вот, например, от Киргизии: «Наркомзем за прошлый год ничего творческого не сделал, так как там не было ни одного коммуниста, который мог бы осмыслить всю работу, даже проводить в жизнь осмысленное другими... Мы оставили свободным место замнаркома в надежде, что нам пришлют опытного товарища из Москвы. Ждем и по сие время и очень просим такого к нам командировать, иначе комиссариат будет разлагаться еще больше»²⁶. От Сибирского бюро: «По имеющимся в Сиббюро ЦК сведениям, в Москве имеется большое количество безработных коммунистов, особенно среди соработников... Сиббюро чрезвычайно нуждается не только в ответработниках губернского и уездного масштаба, но и просто в культурных и технически грамотных людях... Но, учитывая опыт прежних мобилизаций, когда в Сиббюро нередко откомандировывались товарищи, абсолютно непригодные ни для какой работы, как то: нервнобольные (Буланкин), чахоточные, авантюристы (Розе, Матвеев и др.), Сиббюро обуславливает свою просьбу следующими положениями... не посылать чернорабочих... не посылать больных, которым место в больнице, не посылать многосемейных... Посылаемых товарищей необходимо предупреждать, что они будут направляемы для работы в деревне, часто в глухие места, где материальные условия работы не всегда бывают достаточно удовлетворительны»²⁷. В Казахстане в 1923 г. Акмолинский губком имитировал острый конфликт и доложил о резком расколе при голосовании, обосновывая необходимость присылки из Москвы еще одной пары рук – нового руководителя, который выступит в роли арбитра²⁸.

Орграспред то и дело был вынужден разбирать споры из-за ценных кадров. В 1926 г. он утвердил некоего Кантора на должности члена правления Государственного издательства (ГИЗ), переведя его туда из Книгосоюза. Последний стал возражать, и Орграспред по-

пробовал уладить дело, предложив, чтобы Кантор трудился на обеих работах. Тогда запротестовал ГИЗ, вмешалось Оргбюро, отклонило предложение Орграспреда и утвердило первоначальное решение в пользу ГИЗа²⁹.

В том же году Орграспред пытался перевести Н. Я. Гринфельда из Наркомата внешней торговли в фото-кинопромышленное общество «Совкино», не спросив НКВнешторг. Последний возмутился: «По установившейся практике при рассмотрении вопроса о перемещении работника из одного ведомства в другое вопрос обычно согласовывается с учреждением, в котором данный работник в настоящее время работает. В данном случае это не имело места, и о назначении тов. Гринфельда в Совкино мы узнали лишь после того, как товарищ Гринфельд за подписью Косиора был вызван из Парижа.. Мы вынуждены просить ЦК пересмотреть вопрос и оставить тов. Гринфельда в нашем распоряжении... Кинодело, судя по анкетам, является для т. Гринфельда совершенно новой отраслью». Под нажимом главы «Совкино» К. М. Шведчикова Оргбюро на сей раз поддержало рекомендацию Орграспреда³⁰.

Вятский губком наотрез отказался вернуть товарища Жуйкова в Москву по требованию Орграспреда: «На Ваш запрос от 28 мая с. г. сообщаем, что тов. Жуйков губкомом мобилизован для ответственной партработы в деревне и уже работает 4-й месяц в качестве секволкомпарта. Откомандировать его в Ваше распоряжение за недостатком в организации работников губком считает невозможным»³¹.

Работники Орграспреда полагали себя профессионалами, делающими важное дело, и не любили, когда их игнорировали бояре или оскорбляли бюрократы. Тем не менее такое случалось. Неравное соперничество между аппаратом и старобольшевистскими вельможами могло принимать весьма острые формы. Иногда аппаратчикам приходилось прибегать к защите кого-нибудь из высших грандов. Иногда Орграспред судил споры между грандами, однако без более-менее равного ранга и личного престижа (или поддержки обладателя того и другого) трудно было добиться прочного компромисса. Порой на работников Орграспреда, как на наемный персонал, преспокойно не обращали внимания; они стояли в стороне, пока титаны сражались, объявляя затем аппарату результат.

Нам нужен товарищ Демин

6 мая 1921 г. Наркомат земледелия попросил вернуть ему товарища Демина, временно командированного в Симбирск. Он указывал, что Демина отправили в 1919 г. в Симбирск на временную работу и,

поскольку он является ценным специалистом, НКЗем отнюдь не собирался расставаться с ним навсегда.

10 мая Учраспред³² и Секретариат телеграфировали в Симбирск, что «за неимением серьезных возражений» Демина необходимо вернуть. Через два дня Симбирск ответил, что телеграмма получена, но заменить Демина некем и его уход нанесет серьезный вред сельскому хозяйству Симбирской губернии. Поэтому губернское партийное руководство «настоятельно просило» оставить его здесь. Кстати, писало оно, Демин также ведет полезную работу в профсоюзах. Такова была обычная тактика местных организаций, желавших сохранить ценного работника: занять его в другой специальности, тем самым убирая из номенклатурных списков прежнего работодателя, который отныне не мог на него претендовать.

Учраспред с подобной уловкой сталкивался не впервые и через неделю потребовал от Симбирска объяснить перевод Демина из губернского земельного отдела в губернские профсоюзы. Симбирск требование московского аппарата проигнорировал. Не получив ответа, Учраспред повторил его две недели спустя, 8 июня 1921 г. Симбирск не откликнулся, и 6 июля Учраспред написал туда снова, прося «поторопиться с ответом на наше письмо от 20 мая». Наконец, 25 июля, через два месяца после первой телеграммы Учраспреда, Симбирск вроде бы сдался и объявил ЦК, что Демин согласился на перевод. Этот ответ был передан в Оргбюро.

Спустя почти две недели Учраспред написал в НКЗем, дабы проверить, действительно ли Демин переведен обратно на свое штатное место. На следующий день НКЗем ответил, что в его списках такого работника нет, но он запросит информацию у отделов. Еще через три дня, 9 августа, НКЗем сообщил, что Демин по-прежнему в Симбирске!³³ Симбирск победил, Учраспред проиграл.

В ходе дела Демина во главе Симбирского губкома стояли, сменяя друг друга, три знаменитых героя – старых большевика: Я. Э. Стэн (член партии с 1914 г.), В. Н. Мещеряков (член партии с 1905 г.) и А. В. Попов (член партии с 1904 г.). Против них выступал нарком земледелия В. В. Осинский, тоже старый большевик (с 1907 г.) и кандидат в члены ЦК, но к тому моменту он возглавлял оппозиционную группировку «демократических централистов» и терпел поражение от партийного большинства. На партийных съездах он, собственно, из кожи вон лез, обличая Секретариат и его аппарат³⁴. Поэтому его нынешний престиж не шел ни в какое сравнение с престижем грандов, поочередно руководивших Симбирской губернией.

В данном случае Демин отказался покинуть Симбирск, и Симбирск пошел ему навстречу, не отпуская его. В отсутствие могущественной личности из аристократии, которая могла бы своим нажимом решить исход дела, Симбирский губком выиграл битву. На письма Оргбюро (даже не повинуюсь им) он в конце концов отвечал, но на телеграммы Учраспреда вовсе не давал себе труда реагировать. Аппаратчиков это, должно быть, приводило в бешенство.

Где товарищ Петряков?

В другом случае аппарат оказался в эпицентре битвы бояр. 29 ноября 1926 г. нарком земледелия А. П. Смирнов попросил Секретариат и Ульяновский горком освободить некоего Н. М. Петрякова от должности заместителя начальника земельного управления в Ульяновске и перевести его на должность начальника земельного управления в Донецк (Северо-Кавказский край)³⁵. На следующий день Орграспред на предварительном совещании согласился удовлетворить просьбу и передал свою рекомендацию Секретариату для утверждения на заседании 3 декабря³⁶.

Между тем, секретарь Ульяновского губкома Ф. И. Верстонов, не желая терять Петрякова, воспользовался привычной тактикой. Он перебросил Петрякова из сельского хозяйства на пост директора Ульяновского пищевого треста, удалив его, таким образом, из номенклатуры НКЗема. На заседании 3 декабря Секретариат отклонил просьбу НКЗема вместе с рекомендацией Орграспреда и согласился с отказом Ульяновска расстаться с Петряковым. Едва услышав об этом, А. П. Смирнов сердито пожаловался на решение Секретариата в Оргбюро: «За это время, несмотря на мои настойчивые просьбы, вместо откомандирования на Сев. Кавказ т. Петряков вовсе снят с земельной работы и назначен на должность директора Пищтреста. Несмотря на очевидную недопустимость таких несогласованных снятий ответственных земработников... Секретариатом ЦК, ввиду возражений Ульяновского губкома, в откомандировании тов. Петрякова отказано». Он потребовал, чтобы Оргбюро занялось этим вопросом и, вопреки решению Секретариата, указало Ульяновску на «неправильность его действий»³⁷.

И Смирнов, и Верстонов относились к старобольшевистским боярам. Верстонов, родившийся в 1896 г., вступил в партию в 1913 г. Смирнов, правда, принадлежал к высшей партийной аристократии. Он участвовал в социал-демократическом движении с 1896 г., еще до рождения Верстонова, и состоял в РСДРП с 1898 г. Поэтому Смир-

нов имел огромное преимущество с точки зрения личного престижа и положения в системе местничества, однако на всякий случай предпочел, чтобы дело заслушивало и разбирало Оргбюро, поскольку входил в этот орган и ему проще было использовать там свое личное влияние. Разумеется, 3 января 1927 г., в присутствии Смирнова, Оргбюро отменило постановление Секретариата от 3 декабря, решив вытащить Петрякова из Ульяновска и передать его в распоряжение ЦК, то есть Смирнова³⁸.

Верстонов не отступил. Ульяновск опротестовал решение Оргбюро в *нижестоящую* инстанцию – Секретариат. На тот момент, 18 января, Орграспред предложил собрать все заинтересованные стороны и послал в Ульяновск телеграмму, где говорилось о намеченном на 21 января заседании, на котором «необходимо присутствовать вашему представителю»³⁹. Чувствуя, что в Москве у него нет шансов, Верстонов 20 января, за день до заседания, телеграфировал в Секретариат: «Сегодня начинается наша партийная конференция. Прислать представителя не можем. Просим отложить». Секретариат согласился отложить заседание по пересмотру постановления Оргбюро на неделю. 28 января 1927 г., в день заседания, ульяновские товарищи не появились. Секретариат отложил заседание еще на неделю. От ульяновцев по-прежнему не было ни слуху ни духу⁴⁰.

Ульяновск решил не повиноваться ЦК и Орграспреду, игнорируя их. В конце концов, в прошлом такое порой срабатывало, например в деле Демина. Никто из ульяновцев так и не явился, и 4 февраля 1927 г. Секретариат постановил указать Ульяновскому губкому на недопустимость дальнейшего затягивания перевода Петрякова⁴¹. Губком тянул еще неделю, но под натиском и Оргбюро, и Секретариата, и вельможного престижа Смирнова все же сдался: 25 февраля 1927 г. Секретариат доложил, что «Петряков прибыл и получил документы [на перевод]»⁴².

Дело Петрякова показало, что Орграспред можно игнорировать, в частности когда битву ведут титаны, стоящие над ним. Ульяновск то не обращал на Орграспред внимания, то тянул время, то просто лгал ему. Это дело продемонстрировало также неопределенность бюрократических отношений и размытость границ между Оргбюро и Секретариатом, особенно когда имели место вмешательство и упорство могущественных соперников из старобольшевистского дворянства, таких, как Верстонов и Смирнов. Секретарь Ульяновского губкома Верстонов дал отпор члену Оргбюро Смирнову и не уступал три месяца, устраивая проволочки и водя систему за нос, но в конечном

счете проиграл. Перед лицом подобных поединков знатных рыцарей усилия Орграспреда неизменно оказывались тщетными.

Правда, в иных случаях дворянское начальство Орграспреда вставало на его защиту, когда он попадал под перекрестный огонь в конфликте вельмож. В ноябре 1923 г. только что назначенный 1-й секретарь Гомельского губкома (Белоруссия) А. Л. Гишинский пожаловался зав. Учраспредом Кагановичу, что покинувший этот пост М. М. Хатаевич грабит Гомель, забирая свои прежние кадры с собой в Одессу: «Я понимаю, что т. Хатаевич, зная наш состав работников, умеет просить лучших работников». Бедному Гишинскому оказалось трудно соперничать не только с Хатаевичем, но и с Одессой: «Создается настроение тут желания уехать в Одессу, которая во многих отношениях более заманчива, чем Гомель, и город больше, и море, и Секретарь Губкома знакомый и т. д. Тысяча причин, по которым тот или иной товарищ согласен перебраться в Одессу... Я категорически настаиваю не поддерживать из Учраспреда эти ликвидаторские настроения».

Каганович вступился за аппарат своего Учраспреда, утверждая, что упреки Учраспреду по поводу Хатаевича, якобы поощряющего бегство гомельских работников в Одессу, совершенно необоснованны: «Учраспред имеет право, поэтому пугаться запросов Учраспред Вам не следует.... Что касается ликвидаторских настроений Учраспред, то в данном вопросе Вы еще более неправы»⁴³.

В 1930-е гг. переводы оставались щекотливым вопросом, и работники Орграспреда старались укрепить все тылы, особенно когда дело касалось могущественных грандов. В 1935 г. Н. И. Ежов из ОРПО писал Сталину: «Тов. Сталину. Пшеницына вызвал. Он согласен поехать вторым секретарем в Свердловскую область. С тов. Кабаковым вел переговоры по телефону. Он очень доволен отзывом Строганова в распоряжение ЦК. С кандидатурой Пшеницына согласен. Просит скорее оформить»⁴⁴.

Споры из-за переводов тоже не утихали. В январе 1936 г. Орграспред (ныне ОРПО) поддержал просьбу зав. отделом печати и издательств ЦК Б. М. Таля перевести товарища Елизарова с должности редактора «Сталинградской правды» на должность помощника заведующего отделом. Елизаров согласился, ОРПО послал ему на замену в Сталинград редактора «Курской правды». Но 1-й секретарь Сталинградского обкома, могущественный И. М. Варейкис, стал возражать. Таль не мог тягаться с Варейкисом, и перевод, видимо, не состоялся⁴⁵.

Мечта «низов»: регулярная плановая система

Неудивительно, что Орграспред, который выполнял всю черновую работу и вез на себе тяжкий груз распределения кадров, предпочел бы упорядоченные, регламентированные процедуры, позволяющие делать дело более организованно, предсказуемо и дающие защиту от критики. На несчетных внутренних совещаниях отдела обсуждались способы рационализации и систематизации его труда⁴⁶. Однако гранды наверху, не возражая против системы в принципе, зачастую блокировали попытки создать ее.

Старые большевики предпочитали личные контакты, придавая большое значение таким критериям, как «кто его знает?» или «с кем он работал?». Аппарат же сеговал на «случаи подбора работников по признаку кумовства, родства, землячества и создания далеко не деловой атмосферы»⁴⁷. Отчасти личный подход к назначениям опирался на принцип обязательного представления личных рекомендаций при приеме в партию. Эти рекомендательные письма имели больше веса для «верхов», чем для «низов», которые им не доверяли, полагая: «С партийной рекомендацией начинают бороться и борются, причем играют роль личные связи и личная неприязнь... Например, вы работаете в каком-нибудь учреждении; вышла у вас там склока. Может быть, вы виноваты в этой склоке, а может быть, не виноваты, но после этой склоки вам очень трудно поставить там работу... Мы посылаем человека, но, прежде чем его взять, начинают справляться, где он раньше работал, а там дают характеристику, что он никуда не годен, и тогда нам говорят: мы его взять не можем или же что та работа, на которую нужен работник, сокращается, или что выдвигается на эту работу другое лицо»⁴⁸.

Персонал Орграспреда, направляя людей на работу, предпочитал пользоваться известными фактами и свидетельствами, а не сомнительными личными мнениями. Но, конечно, рекомендательные письма все равно требовались.

Не меньшую помеху для стремления Орграспреда к плану и рациональности (а также к уважению) представляла привычка партийцев попросту отказываться от назначения, как поступили Демин и Петряков. Мы видели также, как известные оппозиционеры-антисталинцы не соглашались с переводом на другие должности, жалуясь, что нарушаются традиционная независимость большевистских рыцарей и их право не брать на себя задачи, не подходящие их положению. Однако традиционное право на отказ признавали и использовали не только высокопоставленные вельможи или оппозиционеры. Возьмем

лишь один из сотни примеров. В ноябре 1919 г., в разгар гражданской войны, когда членов партии мобилизовали на военную службу, Крестинский докладывал, что, несмотря на неоднократные предложения ЦК, чтобы товарищ Клойзнер покинул Тамбов, поскольку он мобилизован на фронт, тот при поддержке Тамбовского губкома так и не выехал⁴⁹.

Подборка документов Орграспреда только за вторую половину 1926 г. предоставляет много примеров тех лет. В июле товарищ Лищицын не пожелал переводиться в Казахстан. Игнорируя Оргбюро четыре месяца, он в конечном счете одержал верх и был направлен в Самару.

В августе Н. М. Швернику пришлось рассказать Оргбюро, что товарищ Наумов, вместо того чтобы ехать в Пензу, как велено, категорически отказался говорить о месте и характере своей работы, заявив, что считает неправильным решение Секретариата ЦК.

В том же месяце товарищ Жаная писал Молотову, что не поедет «в ссылку» в Белоруссию: «Вопрос закрыт. Если мне приказывают куда-то ехать в качестве партийного долга, я имею право смотреть на это иначе».

В сентябре Х. Кантор воспротивился переводу на работу в «Правду», которая этого просила, заручившись одобрением Оргбюро. «Правда» уступила, сообщив Оргбюро, что Кантор не хочет туда идти, а значит, не подходит.

В начале 1927 г. Оргбюро утвердило старого большевика Н. А. Архангельского директором текстильного треста в Ярославле. Но в записке помощника зав. Орграспредом Чужина в сентябре говорилось, что в течение трех месяцев Архангельский не выходил на работу, отказываясь занимать свою должность, и ввиду тяжелого положения в тресте нужно рекомендовать другого кандидата. Орграспред предложил, чтобы трест возглавил Я. А. Родионов. Совет народного хозяйства, ЦК профсоюза текстильщиков и Ярославский горком с ним согласились, и Родионов занял предложенный пост. Архангельский, дождавшись этого, соскочил с крючка⁵⁰.

Работники Орграспреда терпеть не могли, когда на них поступали подобного рода жалобы. Завотделом Каганович с сожалением констатировал: «Член партии имеет право жаловаться на неправильное распоряжение им». Работа кадрового аппарата, сетовал он, очень трудна, а число жалоб «колоссально»: «Это такая работа, которая делает тебя мишенью для всех и каждого, кто чем-нибудь в своей судьбе недоволен»⁵¹.

Мечту работников Орграспреда о систематически спланированном распределении рабочих мест развеивало также большое количество посетителей, заходивших к ним в кабинеты по собственному почину, без вызова, в поисках работы. Привилегии большевистского статуса включали право уйти с работы, если она не нравится, и потребовать другую. Уже в конце 1918 г. партийный секретарь Я. М. Свердлов ежедневно принимал от 20 до 25 товарищей, добивавшихся нового назначения. В 1919 г. число тех, кто приходил в ЦК за новым назначением, возросло до 60–80 в день, и такой уровень оставался более или менее постоянным в 1920-е гг.⁵² В «приемной» Орграспреда «гостю» давали заполнить бланк автобиографии и направляли его к помощнику или заместителю заведующего⁵³.

Поведение примадонны, свойственное отдельным коммунистам, которые не считали себя связанными распределением на работу и запросто уходили с нее, если полагали назначение нелогичным или неудобным, раздражало аппаратчиков. Аппарат ЦК жаловался на посетителей, заявлявшихся в Секретариат с требованием нового места и, мало того, выплаты суточных за несанкционированную поездку в Москву! На одном совещании работников ЦК (Орграспреда) в 1926 г. А. М. Могильный сокрушался: «Пришел в кабинет товарищ с Украины. На “гастролях”. Не даст ли ему ЦК работу в Москве? А мы ему сказали: “Вы на Украине недавно и должны работать там”. Он сказал, что не дают хорошей работы, хочется работать в Москве»⁵⁴. В следующем году приток титулованных посетителей усилился. За вторую половину 1927 г. через Секретариат по тому или иному делу прошли 2 249 членов партии. 1 721 из них (72 % от общего числа) приходил туда по личной инициативе. Не будучи командированы своими местными организациями, они, тем не менее, требовали оплатить им проезд до Москвы и обращались с «личными просьбами» о новой работе⁵⁵.

«У многих членов партии, – жаловался один кадровик ЦК начальнику своей секции, – создалось определенно впечатление, что партийные органы обязаны предоставлять работу членам партии. Из числа посещающих можно констатировать, что имеются постоянные посетители Орграспреда, которые изо дня в день сидят в приемной и ищут более ответственной работы, основной их мотив перехода – неудовлетворительность работы и жалобы на их нерациональное использование и т. п. Эти лица, “странствующие коммунисты”, не дают не только работать Орграспреду, но и многим другим учреждениям... Посещающих Орграспред ЦК т.т. можно разбить на две группы: на постоянных и случайных. К группе “постоянных” следует отнести

тех т.т., которые всегда бывают неудовлетворенными своей работой, нерациональным использованием, а некоторые сами не знают чего хотят... К сожалению, эти явления наблюдаются за старыми членами партии»⁵⁶. Через несколько месяцев зам. зав. Орграспредом Н. А. Богомоллов возмутился: «Мы даем тысячи назначений. Часто один и тот же малый получает 6-7 и вечно возвращается с жалобами (*Голос: Как на бирже труда!*)»⁵⁷. Совсем не о таком думал Орграспред, вынашивая свои планы и рисуя собственный образ.

В подобных случаях высокопоставленный большевик, присматривающий за Орграспредом, обычно поддерживал аппаратчиков. Например, С. В. Косиор как секретарь ЦК говорил Орграспреду, что он не обязан давать работу самовольным визитерам, а тем более оплачивать им дорожные расходы, ибо это законная обязанность местных организаций, если те действительно их командировали. Когда Орграспред отказывал таким визитерам, они «выскакивали как ошпаренные» и бежали к Косиору, который их заворачивал и отправлял обратно.

Впрочем, бывало, Косиор и прочие тоже отравляли аппарату жизнь. Один посетитель, очевидно знавший Косиора, заручился его разрешением остаться в Москве, хотя сбежал с работы в провинции и Орграспред велел ему туда вернуться. Он вышел от Косиора «с важным видом». Аппаратчики оставили его в Москве, но сказали, чтобы работу искал сам. Жаловаться на начальство из «верхов» работникам аппарата не подобало, да и опасно было, однако они все же делали это между собой на закрытых внутренних совещаниях. Там они с неодобрением говорили о решении Косиора: «...так мы сами толкаем на протекционизм, ибо работник обращается к отдельным т.т. с просьбой и неизбежно личное знакомство тут играет главную роль»⁵⁸.

На том же совещании обсуждалось недавнее выступление Косиора, видимо поставившего под сомнение необходимость «планового распределения» – мечты Орграспреда. Участники обсуждения спорили и пытались убедить самих себя, что это не так⁵⁹. Более прямо выражалось недовольство еще одним высокопоставленным вельможей – А. А. Сольцем из ЦКК. Речь шла о некоем Богорате, исключенном из партии за сотрудничество с немецкими оккупантами в Первую мировую войну и даже совершение диверсий по их заданию. Были вызваны четыре сотни свидетелей, и Богората исключили. Сольц распорядился немедленно восстановить его в партии и на руководящем посту, где Богорат тут же избавился от всех прежних сотрудников, которых теперь следовало кем-то заменить⁶⁰.

Порой досада аппарата выливалась в довольно резкие и опасные вспышки негодования по поводу действий вельмож. Шахтинское дело 1928 г. вызвало широкую кампанию против старорежимных технических специалистов, которым в результате внезапно понадобилась замена. Это никак не укладывалось в какое бы то ни было «плановое распределение», и орграспределовский кадровик вспылил: «Конечно, не трудно выгнать сотню спецов, но надо их заменить другими»⁶¹.

Чаще, однако, вмешательство аристократической верхушки заставляло аппаратчиков лишь тихонько ворчать, даже когда серьезные проекты и предложения по систематизации и рационализации, выдвигаемые снизу, душились аристократией, которая боялась ограничения своего личного произвола.

Правила и законодательство

«Верхи», возможно, помнили саркастическое замечание Ленина: «Конституцию, что ли, написать?» Так или иначе, аппарат не получал поддержки вельмож в своих попытках свести партийные постановления в единый документ. Как все хорошие бюрократы, работники ЦК ценили последовательность и жаждали системы, при которой решения «верхов» не будут вызывать путаницы своим противоречием прежним распоряжениям.

В положении об Орграспреде ему вменялось в обязанность систематизировать партийное «законодательство»⁶². Это оказалось легче сказать, чем сделать. В декабре 1924 г. Комиссия по систематизации партийного законодательства провела первое заседание и решила издать многотомное собрание всех партийных постановлений начиная с 1917 г.⁶³ Есть подозрение, что старобольшевистские гранды были заинтересованы в систематизации предыдущих решений не больше, чем французский король в аналогичных усилиях Парижского парламента в XVII в.; тогда дело кончилось гражданской войной. Кодификация прецедентов могла только уменьшить элите старых большевиков личную свободу маневра; последнее, чего ей хотелось бы, — чтобы должностные лица на разных уровнях ссылались на прецеденты в своих аргументах.

В любом случае, проект с самого начала встретил сопротивление наверху. Гранды, возглавлявшие партийные организации, чьи распоряжения предполагалось включить в собрание, стали возражать. Автор письма из ЦКК в комиссию по систематизации жаловался, что предложенный список документов ЦКК грешит огромными пробе-

лами, и советовал сделать по ЦКК отдельную главу, поручив подбор документов ей самой⁶⁴.

На заседании комиссии 10 января 1925 г. председатель Хатаевич доложил о решении ЦК издать вместо полного собрания «справочник» для партийных работников и включить туда не все постановления, а лишь самые важные решения и циркуляры, отбирая их по рекомендациям подкомиссий. Схемы образования этих подкомиссий тут же стали предметом дебатов. Споры породили несколько противоречивых планов и закончились наметкой ряда сложных проектов частей и глав⁶⁵.

Шли дебаты и том, надо ли включать в издание прежние документы по «устаревшим» вопросам или документы, которые «противоречат друг другу». Большевистская аристократия уже вступила на путь самовластного определения, что есть историческая правда, и, как нетрудно догадаться, критериями «противоречивости» или «пользы» документа стали законные интересы и политическая целесообразность. Это касалось даже некоторых текстов, написанных Энгельсом. Высшее руководство изначально без особого энтузиазма относилось к борьбе аппарата за систематизацию, а по мере того, как прояснялись масштабы задуманного, энтузиазм совсем угасал. Где-то в середине 1925 г. через Политбюро прошел протокол одного из заседаний комиссии по систематизации. В нем содержалось предложение, чтобы «старые», «устаревшие» и «противоречивые» документы систематически прорабатывались подкомиссиями, а затем утверждались ЦК, и это как будто включило сигнал тревоги. То ли вероятный ущерб для грандов предстал перед глазами со всей очевидностью, то ли титаническая работа по проверке документов показалась ЦК слишком чудовищной (или опасной), но на полях протокола, рядом с разделом о роли подкомиссий и ЦК, кто-то поставил «?!», и комиссия тихо скончалась⁶⁶. «Верхи» в очередной раз продемонстрировали явную нелюбовь к систематизации, о которой мечтали «низы».

Всеобщие учет и распределение

Работников Орграспреда беспокоило, что назначения «застревают» в Секретариате, потому что туда поступает слишком много вопросов; решения, по их мнению, следовало принимать «с максимальной точностью и скоростью». Они предлагали, чтобы назначения оперативно осуществлял заводделом, консультируясь с одним из секретарей ЦК (сокращенный вариант аппаратного совещания): «Неужели действительно надо так затягивать дело?»⁶⁷

Аппаратчики стремились решать больше вопросов на своем уровне ради эффективности и, можно предположить, ради укрепления собственной власти. Однажды энергичный кадровик стащил печать Косиора и шлепал ее на предложения Орграспреда, словно они утверждены секретарем ЦК. Как бы его коллеги втайне ни восхищались подобной предприимчивостью, поступок этот вызвал скандал: «Такое не должно повториться». Наверное, сотрудники отдела скрежетали зубами, обвиняя ловкача в «мошенничестве» и превращении процедуры утверждения Секретариатом в пустую формальность⁶⁸.

Аппарат предпочитал рациональное «плановое» распределение кадров. Как оказалось, идея «планового распределения» означала резкое расширение круга назначений, осуществляемых централизованно, на основании эффективной системы строгого учета. Вельможная верхушка и здесь обуздывала мечты аппарата и сокрушала его грандиозные планы.

Существовало несколько «неплановых» способов распределения, и аппарат терпеть не мог их все. Во-первых, в ранний период советской власти широкое распространение получила мобилизация тысяч коммунистов на временную работу в армию или в народное хозяйство. Учитывая чрезвычайную ситуацию почти везде, отсутствие учета кадров и каких-либо механизмов их рационального подбора, без нее было не обойтись. Мобилизация, как выразился один член ЦК, представляла собой распределение «толчками», носящее «ударный» характер⁶⁹. Руководители партийных комитетов и кадровый аппарат в равной мере этот метод не любили. У комитетов имелись ценные работники, подобранные для массовой работы; аппарату приходилось сражаться с ними за людей, и, в любом случае, ему не давали рационально изучить кадры. Во-вторых, распределение могло осуществляться «по путевкам»: коммуниста направляли куда-то на конкретное место, а затем он по разным причинам там оставался. В-третьих, большевики имели право получить новую работу просто по личной просьбе.

Сотрудники Орграспреда постоянно выступали за «плановое» распределение на основе изучения требований, предъявляемых к той или иной должности, и соответствия им кандидата⁷⁰. Это значило проводить политику специализированных работников, а не перебрасывать их с места на место без причины; не назначать работников, уволенных с одного места за негодность⁷¹.

Чтобы производить «плановые» назначения, нужна была хорошая картотека кадров, и отсутствие таковой представляло собой величайшее техническое препятствие для систематического и рационального

распределения. Но некоторые верховные вельможи, одобряя идею учета в принципе, с подозрением относились к заполнению бланков и полагали, что аппарат вообще слишком много на себя берет, пытаясь распределять столько кадров.

Еще в 1919 г. Москва начала рассылать анкеты, но лишь немногие из них получила обратно с ответами⁷². Постановление съезда партии в 1920 г. призывало к строгому учету коммунистов и просило местные партийные организации хотя бы представлять списки 5–10 % их членов с указанием их опыта и квалификации⁷³. В 1922 г. В. П. Ногин сказал на XI съезде, что, несмотря на «бесконечное количество анкет», никто не знает, кто что делает. В его собственном деле, по словам Ногина, не было ничего кроме письма от знакомой, разыскивавшей его адрес! Молотов ответил, что местное партийное руководство просто отказывается предоставлять сведения⁷⁴.

Объяснялось такое неповиновение, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, провинциальные руководители, несомненно, думали, что, информируя Москву о качествах своих ценных работников, рискуют их потерять, потому что их переведут в другое место. Во-вторых, старые большевики вообще считали заполнение анкет ниже своего достоинства. Как выразился один провинциальный партийный секретарь: «Что, я батрак вам, что буду заполнять личное дело?»⁷⁵ Старые большевики часто чувствовали себя униженными и оскорбленными попытками аппарата оценить их деловые качества и жаловались в ЦК. По воспоминаниям Кагановича (который сам в начале 1920-х гг. работал в аппарате), «приходилось... ЦК рассматривать конфликты на местах и жалобы недовольных оценкой»⁷⁶.

Отсутствие дел на ответственных работников, говорилось в докладе Орграспреда Оргбюро 1928 г., не дает возможности подбирать работников по потребностям, выбрасывать негодных и, тем более, не продвигать их по служебной лестнице и не назначать на высокие посты. Отсутствие системы личных дел, строгого учета способностей и потребностей является основной причиной того, что сейчас на большинстве важных должностей сидят люди, абсолютно чуждые⁷⁷.

Учет кадров представлял проблему и в 1930-е гг. Лишь к концу 1920-х гг. Орграспред сумел завести какое-то подобие системы личных дел, но даже в 1935 г. Ежов (возглавлявший в то время кадровый аппарат ЦК) жаловался, что «в аппарате ЦК мы начинаем по-настоящему только теперь узнавать руководящий состав партийных работников в областях и районах»⁷⁸.

В начале 1920-х гг., пока сам не стал вельможей, Каганович находился на орграспредовской стороне баррикад. На совещании Оргбюро

в конце 1923 г. он представил доклад возглавляемого им Орграспреда. В нем он указывал, что никакое плановое изучение кадров невозможно, пока через отдел проходят по 120–130 посетителей, ищущих работу; «нынешняя толкотня» душит любую плановую работу и препятствует необходимому, по его мнению, монопольному контролю Орграспреда над распределением.

Против добросовестного учета никто из вельможной аудиторией Оргбюро возражать не мог. Однако затем Каганович зашел слишком далеко, отстаивая грандиозное предложение своих сотрудников. Он обрисовал план создания и «научного» распределения централизованного человеческого «партийного бюджета» из 73 тыс. чел. (что более чем в 7 раз превышало количество кадров, распределенных на текущий момент) – такое число он считал необходимым для руководства партией и государством. Набрать столько кадров будет нелегко, признавал Каганович, «но если мы каждый месяц будем шаг за шагом в каждом органе или учреждении подводить фундамент партийного бюджета, то мы через некоторое время будем иметь общепартийный бюджет и партия будет знать, что ее работники работают там, где это партии нужно, а не там, куда они случайно попали»⁷⁹.

Далее Каганович сказал, как годами твердили сотрудники Орграспреда, что на смену назначениям по знакомству и личным предпочтениям должно прийти систематическое рациональное размещение: «У нас, например, во главе НКФина стоит тов. Сокольников, который любит членов партии, и он у нас получает этих людей, а вот во главе Внешторга стоит тов. Красин, который, надо сказать, не очень любит коммунистов, и вот, несмотря на то, что в НКВТ меньше коммунистов, чем в НКФине, мы своих работников даем в НКФин, а не в НКВТ. Мы должны давать туда в НКВТ наших людей для того, чтобы овладеть там командными высотами. Как вы видите, партийные работники используются не там, где это нужно»⁸⁰. Каганович понимал, что его идея централизованного распределения большего, а не меньшего количества кадров вызовет полемику. Как мы видели, члены Политбюро и Оргбюро были заинтересованы в сокращении числа назначений ради облегчения рабочей нагрузки. В этом заключалась цель номенклатурной системы. Предложение Кагановича, чтобы московский аппарат вел учет и планировал распределение свыше 70 тыс. работников, встревожило кое-кого из высших вельмож, которые сочли, что Орграспред много на себя берет.

М. П. Томский заметил, что он согласен с Кагановичем насчет необходимости изучения квалификации кадров и накопления све-

дений в личных делах, однако план его грешит чрезмерным централизмом: «К политике распределения во вселенском масштабе нужно отнестись критически потому, что она, мне кажется, противоречит политике той демократии, которую мы хотим проводить, и фактической демократии. Поэтому я отношусь несколько скептически». Конечно, надо стараться узнавать обо всех, поддержал Томского Молотов, но, если говорить о грандиозном плане Кагановича, «мы не должны брать на себя обязанности как можно больше назначать и распределять... учитывать нужно очень широкий кадр работников, чтобы мы не варились в определенном количестве работников, а распределять нужно поменьше...» По мнению Сталина, чересчур централизованное распределение кадров, в Орграспреде или где-то еще, затруднило бы местным руководителям продвижение своих людей снизу; от политики выдвигенчества ничего не осталось бы. В любом случае, сказал он, план этот непрактичен и нецелесообразен: «тот твердый план распределения, который наметил тов. Каганович, рискует поставить тов. Кагановича перед необходимостью объять необъятное»⁸¹. Подобно планам по систематизации всех партийных решений и другим идеям аппарата, предложение о централизованном, рационализированном, бюрократическом распределении всех работников тихо похоронили.

К 1936 г. аппарат ЦК стал составлять «сводки» предлагаемых им назначений, в том числе на довольно высокие посты. Список, направленный в 1936 г. зав. ОРПО (заменившим Орграспред) Маленковым секретарю ЦК Ежову, содержит кандидатуры нескольких секретарей обкомов – в 1920-е гг. эта должность отнюдь не входила в юрисдикцию аппарата⁸². В начале аккуратно отпечатанного на машинке списка (именно перечня назначений, а не протокола предложений) один-единственный секретарь ЦК царापал «за» и свое имя. Потом такие списки регистрировались как решения Оргбюро, которое, конечно, по данному вопросу не собиралось. С 1938 г. подобные «голосования опросом» в буквальном смысле штамповались секретарями ЦК⁸³. Каганович, Жданов, Ежов и другие секретари завели себе резиновые штампы. Штамп Кагановича выглядел так: «Т. Каганович – за. (См. подлинный оригинал его подписи на сводке № ____)»⁸⁴.

На первый взгляд, процедура 1930-х гг. как будто повысила роль и статус аппарата. Секретарь ЦК, штамповавший список назначений, наверняка бегло проглядывал его, находил знакомые имена и без возражений давал свое благословение. Готовили списки аппаратчики, а

гранд их только подмахивал. Однако в действительности ничего не изменилось. Гранды все больше полагались на рекомендации аппарата, но всегда настаивали на том, чтобы последнее слово принадлежало им. Вес имели аристократический ранг и престиж, а не учреждение или комитет.

Во второй половине 1920-х гг. Орграспред возглавлял И. М. Москвин. Член ЦК и Оргбюро, секретарем ЦК он не был. Поэтому он препровождал подобранные аппаратом кандидатуры наверх, где секретарь ЦК, председательствовавший на совещании, и выносил окончательный вердикт.

Но в 1930-е гг. ОРПО заведовал высокопоставленный работник. Ежов (зав. ОРПО в 1935–1936 гг.) работал «внизу», руководя аппаратом, и вместе с тем сам являлся секретарем ЦК⁸⁵. Ему не нужно было представлять рекомендации наверх для одобрения. В качестве завотделом он следил за подготовкой кадрового списка к совещанию, как делал в 1920-е гг. Москвин. А затем уже в качестве гранда-секретаря штамповал собственные рекомендации.

Функционально ничего не изменилось: боярин из ЦК по-прежнему утверждал выдвинутые аппаратчиками кандидатуры, аппаратчики готовили списки рекомендаций, которые по-прежнему рассматривались на заседании под председательством секретаря ЦК. Но теперь, когда секретарь ЦК стал заведовать кадровым отделом, процесс на одну ступеньку сократился. Он все так же шел снизу, однако начальник аппарата больше не был «простым человеком», «одним из нас», как Москвин. Когда читаешь стенограммы совещаний Орграспреда 1920-х гг., ясно чувствуется, что Москвин говорил с работниками отдела товарищеским тоном, на равных. Ежов в 1930-е гг. держал себя с ними иначе: отдавал распоряжения и указания⁸⁶. Начальник отныне являлся грандом, непосредственно контролировавшим аппарат.

Таким образом, перемены 1930-х гг. в действительности носили характер, прямо противоположный росту власти аппарата. Штампование его кандидатур означало не столько приближение аппаратчиков к «верхам», принимающим решения, сколько вторжение представителя надменных «верхов» на их территорию. За чистенькими, безоговорочно утверждаемыми списками скрывается тот факт, что у работников аппарата так и не появилось ни самостоятельной власти, ни собственных штампов.

Разница во взглядах между вельможными «верхами» и аппаратными «низами» отражает в этом отдельно взятом микрокосме разни-

цу между рациональной бюрократической властью и традиционным патримониализмом. Аппарату нужна была рациональная бюрократия. Элите – патримониализм, со всей его произвольной гибкостью. Он представлял собой ее *métier**, ключ к ее власти. И, как мы видели, глубоко проник в русскую и советскую культуру. Патримониализм победил. Впрочем, следующая глава покажет, что далось это ценой конфликтов и формирования политических кланов.

* Специальность, ремесло (фр.). – *Примеч. пер.*

5. КОНФЛИКТЫ ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ И ЛИЧНЫЕ

Если человека какого-нибудь выдвигают на пост, вы думаете, с точки зрения деловой? В большинстве случаев нет. Ценят его с точки зрения того, а чей он человек, за кого он будет голосовать и т. д. Это партия? Нет, это атаманщина, а не партийная организация.

И. В. Сталин (1931)¹

Патримониальные повадки, основанные на индивидуальной власти, понятия гордости и чести не ограничивались нотаблями из старых большевиков в столице. Подобные самооценка и поведение распространились в партии повсеместно. Члены партии на всех уровнях смотрели на себя как на избранных, привилегированных обладателей особых знаний и миссии. Партийцы, особенно много лет работавшие в подполье и/или стремившиеся к личной власти, полагали себя естественными, законными лидерами, даже если (или как раз потому что) сфера их личного влияния оказывалась порой скромна и узка.

Учитывая нехватку квалифицированных партийных кадров и малочисленность партийцев среди населения, естественно, что местные большевики сбивались в команду вокруг авторитетного лидера. Политическая власть в любом случае понималась как персональная и патримониальная. В отсутствие институтов-противовесов такие команды быстро превращались в клики и патронско-клиентские группы. А если, как часто случалось, в данной местности имелась не одна сильная личность, вскоре завязывалась борьба между двумя примадоннами и их поклонниками. В те годы подобные разногласия, «склоки» и «трения» среди местных партийных руководителей вошли в привычку и были характерны для партийных организаций в течение всего периода.

Постоянные стычки, личные выпады и апелляции к Москве досаждали и не приносили ничего хорошего; они парализовали партийную работу во всем регионе. Персональные сети настолько опутывали

парторганизации на местах, что новичкам, даже руководителям с московским мандатом, не всегда удавалось взять бразды правления в свои руки. А. И. Микоян, направленного в Нижний Новгород, тамошняя клика изолировала, и ему понадобился почти год, чтобы установить собственную власть и победить сопротивление местного «клана»². А Н. И. Ежов в Марийской АО так и не сумел стать начальником с непререкаемым авторитетом, и в архивах есть еще множество примеров того, как руководители, назначенные Москвой, отзывались ею обратно или прогонялись местными старожилками³.

Московское партийное руководство жаловалось на подобные раздоры. И в архивных материалах, и на страницах журнала «Известия ЦК» о них то и дело заходит речь. Крестинский конкретно упоминал самые серьезные – в Казани, Саратове, Воронеже и Брянске. На партийных съездах в 1921 и 1922 гг. секретарь ЦК Молотов называл некоторые причины конфликтов «группировок», как их часто именовали, в том числе борьбу сильных личностей и свит их клиентов между собой, молодежи со старыми членами партии, городских кадров с сельскими, местного начальства с новоприбывшими руководящими кадрами, споры коммунистов, вернувшихся из Красной армии, с официальным руководством, разногласия из-за национальной политики⁴. Сталин на съезде сказал: «...все эти разнородные элементы, входящие в губкомы, вносят различные нравы, традиции, вкус, и на этой почве возникают трения, склоки». Действительно принципиальных вопросов, по его словам, они почти никогда не касались⁵.

Вот картина партийной жизни в 1921–1923 гг. В Костроме «отдельные товарищи» любили «проводить “свое мнение” всюду» и, таким образом, не могли сработаться и создавали «своими действиями деление в рядах организации на “ваших” и “наших”»⁶. В Рыбинске дрались за власть две группы старых большевиков, и одна группа бывших революционеров-подпольщиков обзывала другую высокообразованными марксистами, занимающимися «неважными вещами». В докладе аппарата в Оргбюро говорится, что это «чисто личное» столкновение, не имеющее отношения к политическим вопросам. Такая же «непринципиальная» борьба двух группировок, вдохновленная личными трениями, характеризовала склоки в Симбирске⁷. В Туле, по словам аппаратных аналитиков, «между товарищем Ходоровским с одной стороны и остальными членами Тульского губкома с другой никаких принципиально-политических разногласий не было... конфликт возник и чрезмерно разросся благодаря нетактичному поведению»⁸. В Архангельске Н. Я. Кулаков заправлял партийной организацией, собрав вокруг себя «всех обиженных пьяниц»⁹.

В других местах укоренившиеся там группировки местных большевиков сопротивлялись вторжению новых партийных работников, назначенных со стороны. В Астрахани в 1922 г. склоки разделили коммунистов на «старых астраханцев», чей авторитет зиждился на знании «астраханских условий», и «приезжих», которые претендовали на руководящие посты якобы без всяких на то оснований и нужных качеств. «Приезжие» во главе с товарищем Емельяновым, в свою очередь, обвиняли «старых астраханцев» в пьянстве, бюрократизме, фаворитизме и «кумовстве» (весьма распространенное в те дни обвинение). Новая группировка захватила власть в губернском комитете партии и принялась его «чистить», сняв с должности товарища Льяка, ответственного секретаря губкома! «Старые астраханцы» окопались в губернской контрольной комиссии и контратаковали, распустив губком вообще. В конце концов, ЦК послал улаживать свару своих уполномоченных (инструкторов). Эмиссары центра полностью заменили губком и губернскую контрольную комиссию, но даже при таких исправлениях в партийной жизни «до успеха было далеко» и «успокоение наступало очень медленно». Свара парализовала астраханскую партийную организацию на полтора года¹⁰.

Знаменитая битва за прерогативу распределения кадров между Сибирским бюро ЦК РКП(б) и омской партийной организацией включала бои в местной печати, взаимные исключения из партии и массовые угрозы выхода из нее. Оргбюро, привлеченное к решению спора, в конечном счете распустило омскую организацию, исключило из партии многих ее руководящих работников и распорядилось о «перерегистрации» членов партии в области¹¹. Однажды Москва сняла все украинское партийное руководство, отказывавшееся проводить политику центра. И в упомянутых, и в других местах распри парализовали партийные комитеты. Это тревожило не только ЦК. Множество рядовых партийцев, нагледевшись на поведение и склоки своих руководителей, с негодованием покидали партийные ряды.

Руководители и фракции зачастую захватывали власть над различными партийными и государственными организациями, используя их против своих противников, подобно высокопоставленным большевикам в Москве¹². В Вологде и Пензе, так же как в Астрахани, одна личная фракция контролировала губком, другая – губернскую контрольную комиссию. Обе стороны добивались высоких постов и преимущественного положения, козыряя большим партийным стажем и былыми заслугами (большевистское местничество)¹³. Обе употребляли принадлежавшую им власть на то, чтобы сажать на ключевые места своих сторонников, преследовать соперников и даже нападать

на них, исключая из партии. Во время регулярных партийных проверок одна фракция нередко, пользуясь случаем, старалась раскопать прегрешения членов другой и подвести их под исключение¹⁴. Главы обеих группировок жаловались в Москву, ища там поддержки.

В Марийской АО группировка, возглавляемая Н. И. Ежовым, заправляла в обкоме, а соперник Ежова И. П. Петров со свитой – в облисполкоме. Имеющиеся документы не говорят ни о личной, ни о политической (если таковая существовала) сути разногласий, хотя арбитр из Москвы отметил в докладе, что виновны в конфликте, видимо, обе стороны¹⁵. И Петров, и Ежов писали в Москву жалобы друг на друга. Друзья Петрова почти сразу начали шептаться о «группе Ежова». Ежов жаловался: «Говорят об организации двух групп, “ежовцев” и “петровцев”»¹⁶. Петров, утверждал он, «боролся против моей [политической] линии, с тех пор как я сюда приехал»¹⁷.

Обком (наверняка не без помощи Ежова) проголосовал за снятие Петрова с поста председателя облисполкома и убеждал ЦК направить его «в распоряжение ЦК» для другого назначения. Областная контрольная комиссия рекомендовала исключить его из партии, зашла речь даже об аресте¹⁸.

И Ежов, и Петров поехали в Москву отстаивать свои интересы. Сторонники Петрова в Оргбюро образовали комитет, советовавший оставить его в Марийской АО. Ежов писал приятелю: «Я сам поговорил с каждым членом комитета»¹⁹. Он в конце концов одержал верх: Оргбюро утвердило марийское решение о снятии Петрова. Однако Петрову дали новую должность, что, кстати, лишний раз свидетельствует о нехватке административных кадров. Вместе с тем перед нами пример тактики ЦК по принципу «чума на оба ваши дома»: в начале ноября постановление Оргбюро продлило ежегодный «отпуск» Ежова еще на месяц с сохранением оклада, и в Марийскую АО он так и не вернулся. В январе его место там занял новый ответственный секретарь²⁰.

Такая же личная битва разгорелась в Пензе между ответственным секретарем губкома П. А. Рожновым и товарищем Горшковым из губернской контрольной комиссии. Горшков обличал Рожнова как бывшего эсера и вообще слабого руководителя. Сам он разыгрывал «местническую» карту, хвалясь давним членством в партии. Рожнов и его приверженцы, в свою очередь, ставили Горшкову в укор тщеславие и самолюбие, утверждая, что он руководствуется чисто личными амбициями. В феврале 1922 г. Горшков и Рожнов вступили в соревнование за пост ответственного секретаря губкома. Рожнов сохранил его за собой, получив абсолютное большинство голосов, но борьба продолжалась и даже обострилась.

Завотделом губисполкома Селиванов покончил с собой после стычки с начальником местной милиции А. П. Долгих, союзником Рожнова. Начальник губотдела ГПУ П. М. Мартынов, не любивший Долгих, объединился с горшковской группировкой и воспользовался самоубийством Селиванова, чтобы завести дело против Рожнова и губкома. Начатое им расследование не свалило Долгих, однако привело к осуждению ряда человек.

Тут московское ГПУ прислало следователя для проверки Пензенского губотдела. Каждая из сторон засыпала проверяющего доносами на другую сторону. Рожнов и его губком рассказывали следователям ГПУ, что Мартынов пьет на работе, покупает водку на государственные средства и совершает другие финансовые злоупотребления. Однажды Рожнов сообщил о револьверных выстрелах, слышавшихся в общежитии, где остановился проверяющий из Москвы, но Мартынов заявил, что это просто хлопали двери. Невзирая на обвинения в адрес Мартынова и пензенского ГПУ, московский инспектор никаких санкций не рекомендовал, и губернская контрольная комиссия, контролируемая друзьями Горшкова и Мартынова, тоже ничего не сделала.

Чувствуя за собой силу, Мартынов арестовал-таки Долгих – человека Рожнова. У последнего лопнуло терпение, и он написал в ЦК, дополнив список мартыновских прегрешений: он, дескать, выяснил, что тот еще и крадет муку со складов ГПУ. Рожнов предлагал снять с постов и Мартынова, и его самого²¹. Не дождавшись этого, он устроил арест Мартынова. Оргбюро отреагировало: «Арест начальника Пензенского отделения ГПУ тов. Мартынова является незаконным и по обстановке его можно было бы избежать, идя нормальным путем к отзыву тов. Мартынова. Обвинение тов. Мартынова во взяточничестве следствием не оправдалось... Обвинение в пьянстве можно в значительной мере распространить на многих других ответственных работников Пензы»²². Вскоре затем Москва сняла обоих и назначила на новые должности.

Московский партийный центр, пытаясь прекратить склоки и трения, применял разнообразную тактику; такого рода усилия носили название «разбирательства» или «посредничества». Иногда грандов-соперников вызывали в Москву на заседание Оргбюро. Иногда уполномоченного ЦК отправляли в провинцию уладить дело, что зачастую означало проведение партийной конференции в его присутствии. Иногда предводителя одной из фракций переводили в другой регион, а его приверженцев разбрасывали по разным местам. Порой принималось и более крутое решение: переводили обоих конкурентов, рассеивая их свиты.

Ответственный секретарь ЦК Н. Н. Крестинский неоднократно говорил о склоках на партийных съездах, отмечая, что ЦК то и дело вынужден переводить руководящих товарищей с места на место («на не менее ответственные должности»), чтобы разбить клики, участвующие в склоках. Г. Е. Зиновьев заявил ЦК, что регулярная переброска кадров из одного места в другое – лучший способ разрешения местных конфликтов²³. Крестинский подобной уверенности не испытывал, полагая массовые переводы последним средством, и наверху развернулись дебаты о том, как к ним относиться. Другие тоже считали, что постоянное движение партийных работников не способствует стабильности и означает, что руководители «со стороны» всегда будут вторгаться в устоявшееся местное партийное общество. Кое-кто видел две стороны медали, как И. В. Мгеладзе из Саратова. Вечные перемещения, сказал он, превращают партийных работников «в кочевников», и люди «иногда шутят, что ЦК играет человеком». Однако с другой стороны: «Конечно, если человек стоит во главе сплоченной группы, и в то же время он в оппозиции местной партийной организации, его необходимо убрать. Но если провинившийся товарищ тесно связан с местной организацией, которая за него держится, хотя, быть может, ошибочно, его переводить нельзя, то не снимайте его»²⁴.

Молотов соглашался со своим предшественником в Секретариате, Крестинским, что кадровые перемещения – последнее средство прекращения склок, но вдобавок подробно перечислял методы, используемые ЦК, прежде чем прибегнуть к такому средству: освещение конфликта в партийной печати, секретные письма ЦК в парторганизацию, отправка на место инструкторов, дабы попытаться установить мир. Лишь в том случае, если все это не имело успеха, следовало перебросить куда-нибудь руководящие кадры, и даже тогда существовало несколько подходов: удаление нескольких ключевых игроков и ликвидация одной из враждующих группировок или более крутая мера – уничтожение обоих лагерей и полная замена местного партийного аппарата²⁵. Как мы видели на примере Марийской АО и Пензенской области, решение в духе «чума на оба ваши дома» принималось не так уж редко.

Тех, кто сеял раздор и раздувал склоки, именовали «склокистами», «группировщиками», «оппозиционерами». Их порицали и на местах, и в масштабах всей страны за то, что вечно всем недовольны, постоянно провоцируют ссоры и ослабляют авторитет партии, раскалывая ее, ради того, чтобы пробраться к власти вместе со своими клиентами. Они считались хроническими смутьянами, которые будут раскачивать лодку даже в открытом море.

Оппозиция и «оппозиция»: взгляд из провинции

История идеологически оппозиционных течений в большевистской партии после революции хорошо известна. «Левые коммунисты» в 1918 г. выступали против ленинского Брестского мира с немцами и за перенос революционной войны в Европу. «Демократические централисты» (1919–1920) боролись за коллегиальность решений в партийной верхушке, против склонности Ленина и еще нескольких главных лидеров принимать решения, ни с кем не советуясь. «Рабочая оппозиция» (1920–1921) добивалась увеличения числа пролетариев среди партийцев и предоставления профсоюзам значительной роли в правительстве.

С 1923 г. Троцкий начал резко критиковать сталинский «режим профессиональных секретарей», заявляя, что они превратились в косных бюрократов, оторванных от пролетарских масс. По мнению Троцкого, существование большевистской власти зависело от успеха рабочих революций в Европе, и он винил Сталина и других руководителей в потере интереса к распространению революции.

Бухарин, Зиновьев, Каменев и Сталин сомкнули ряды, дабы изолировать Троцкого. Они обвиняли его в попытках раскола партии в угоду личным амбициям. По их словам, Троцкий прикрывался лозунгом «партийной демократии» в чисто политической борьбе – в годы гражданской войны он сам стоял исключительно за железную дисциплину. Теперь же, заявляли они, его критика ослабляет партийное единство. Учитывая сплоченность других членов Политбюро, стремление партии к единству и дисциплине (в качестве реакции на хаос недавней гражданской войны) и влияние Сталина среди партийного аппарата, победить Троцкий не мог. Хотя предлагаемые им списки кандидатов и резолюции встречали некоторую поддержку в молодежных ячейках и в Москве, на местах кандидаты Троцкого терпели сокрушительное поражение. В руководстве Ярославской губернии между И. С. Шелехесом и И. Д. Кабаковым даже вспыхнула склока из-за того, кто из них мягче обходится с троцкистами!²⁶ В 1924 г. Троцкий был снят с поста председателя Реввоенсовета и постепенно оттеснен на вторые роли в высшем руководстве²⁷.

В следующем году Зиновьев и Каменев откололись от партийного большинства и создали собственную «новую оппозицию», утверждая, что политика нэпа, в частности постоянные уступки крестьянству в вопросе повышения закупочных цен на хлеб, лишает государство средств на индустриализацию, банкротит промышленность, раздражает пролетариат дороговизной хлеба и затягивает путь к социализ-

му до бесконечности. В 1926 г. Троцкий примкнул к Зиновьеву и Каменеву в «объединенной оппозиции».

Сталин и Бухарин обличали «объединенную оппозицию» как очередную попытку расколоть партию, оспаривая проводимую ею политику и нарушая принцип «демократического централизма» в его централистском аспекте. Голоса секретарского партийного аппарата, верного Сталину и не жаждущего спровоцировать опасный поворот в политике партии, одержали верх, в 1927 г. «объединенная оппозиция» была разгромлена. Зиновьева и Каменева сняли с наиболее влиятельных постов. Троцкого исключили из партии и сослали в Среднюю Азию. Через два года, в 1929 г., его выслали из страны.

«Оппозиционные» соперники в борьбе за ленинское наследие, за исключением Сталина, обычно слыгут «совестью» революции²⁸. Их позиция рассматривается как принципиальная. Выступления, в которых они – зачастую со всем блеском интеллекта – представляли свою точку зрения партийным массам, касались альтернатив сельскохозяйственного и промышленного развития, внешней политики и других стратегических направлений, всегда обосновывались и подкреплялись теоретическими ссылками на труды Маркса и Ленина. Борьба казалась идеологической, и принципиальность высших руководителей в Москве трудно поставить под сомнение (по крайней мере, полностью). Левая оппозиция искренне верила в скорую индустриализацию, пусть даже за счет крестьянства, а правая не менее искренне верила в необходимость умиротворения крестьян.

Сталина, напротив, считают беспринципным интриганом. Он, дескать, руководствовался собственными амбициями, меняя идейную позицию, чтобы переиграть противников. Он использовал контроль над кадровым партийным аппаратом для внедрения своих сторонников в провинциальные комитеты партии, посылавшие на всесоюзные съезды и конференции делегатов, которые поддерживали там именно его, а не других. Такой взгляд во многом верен, и приход Сталина к непререкаемой личной власти в партии нельзя понять без учета подчиненности ему кадрового аппарата.

Однако подобная картина неполна и нуждается в серьезном уточнении. Она не объясняет ключевые аспекты сталинского возвышения, в том числе широкий консенсус в партии (даже среди оппозиционеров) по поводу строгой дисциплины, централизации распределения кадров и твердой «организационной линии»²⁹.

«Сталиноцентричная» версия также преувеличивает личное руководство аппаратом со стороны Сталина, его эффективность и даже роль в борьбе за партийцев на остальной территории страны. При-

вычная интерпретация рисует «круговорот власти», в ходе которого Сталин назначал местных руководителей, а те в отплату за посты и поддержку помогали ему справиться с различными оппозициями³⁰. Но и без амбициозного политика, стремящегося к диктатуре, и без междоусобной войны за ленинскую «корону» процесс разгрома «оппозиции» происходил бы почти так же, поскольку представлял собой логическое следствие взаимодействия партийных традиций и целей в тяжелой обстановке. Фактически не Сталин придумал требование строгого единства; его диктовала ситуация³¹. Оно рождено местным опытом в той же мере, что и партийными традициями центра.

Борьба с оппозицией в действительности, должно быть, выглядела совсем иначе, если смотреть из провинции на Москву, а не наоборот, как обычно смотрим мы. И поскольку подавляющее большинство голосов, принесших Сталину победу, принадлежало провинциальным делегатам, их точка зрения имела решающее значение. Внимательное изучение источников дает не так уж много оснований полагать, будто местные руководители считали себя обязанными Сталину за свои посты, и немало оснований думать, что сопротивление «оппозиции» было для них важнее оказания поддержки какому-то отдельному политику, включая Сталина.

Трудно объяснить массовую поддержку со стороны делегатов с мест только благодарностью и верностью Сталину за то, что он дал им работу. Как раз когда Троцкий критиковал «режим секретарей», большинство из них, кажется, не были назначены или «рекомендованы» в сталинском кабинете. Каганович рассказывал Оргбюро, что из 100 секретарей больше 50 % избраны прямо, без рекомендации ЦК, 33 % рекомендованы ЦК, но единогласно переизбраны на конференциях в губерниях, и только 15 % секретарей рекомендованы, но пока не избраны. Большинство из этих 15 % – в приграничных районах; там национальные конфликты заставили заменить секретарей³². Данные Кагановича взяты из доклада Орграспреда месячной давности; более актуальные данные еще лучше свидетельствовали бы его правоту: из 191 (а не 100) губернского партийного секретаря 53 % избраны снизу, 32 % «рекомендованы и затем избраны», 15 % назначены центром. Среди первых секретарей губкомов просто назначенных вообще *нет*, «рекомендованных и затем избранных» – лишь 24 %³³. С тезисом о «круговороте власти», согласно которому назначенные секретари комплектовали делегации на съезды из верных сталинцев, не вяжется и воспоминание Хрущева, что в разгар борьбы с «левой оппозицией» (1925) делегаты на съезды и конференции «избирались демократично»³⁴.

Почему же провинциальные бароны поддерживали Сталина?

Есть веские основания полагать, что местным партийным руководителям, в силу их восприятия и опыта, борьба в Москве не казалась ни принципиальной, ни идейной. Они считали оппозиционеров попросту очередной волной опасных смутьянов-«склокистов», руководствующихся в своих действиях чисто личными амбициями. Вероятно, они видели в лидерах оппозиции не столько «совесть», сколько бояр, дерущихся за старшинство, в точности как «склокисты» на местах.

Многие критические выступления предводителей оппозиции имели мало отношения к повседневным делам и заботам партийных работников провинции. Нападки Троцкого и Зиновьева на сталинскую политику касательно китайской и германской революций, их казуистика по поводу теорий перманентной революции или «первоначального социалистического накопления», должно быть, провинциалов несколько не трогали. В сущности, тем, кто вместе с горсткой партийных сподвижников пытался править в окружении враждебных социальных и религиозных сил, не могло не казаться странным такое внимание к событиям в далеких краях, когда дома дела идут из рук вон плохо, бандиты все еще устраивают налеты на советские селения и стреляют в партийцев из-за угла.

На взгляд провинции, вероятно, все эти прославленные рыцари в схватке друг с другом то и дело меняли принципиальные позиции. Прекрасно известны сталинские зигзаги. Во время гражданской войны он возражал против использования буржуазных специалистов, в начале 1920-х гг. защищал их, в 1928 г. напал на них, в начале 1930-х гг. опять защищал. Чуть ли не все 1920-е гг. упорно отстаивая постепенность и многоукладность нэпа, в конце десятилетия он внезапно дал крен влево и занял позицию, близкую к Троцкому, которого ожесточенно атаковал всего несколько месяцев назад. Зиновьев и Каменев, решительно поддерживавшие примирительную политику в отношении крестьян в 1924 г., бранили Сталина и Бухарина за то же самое в 1925–1927 гг. Зиновьев, громко и резко осуждавший идеи Троцкого по поводу партийной жизни и экономики, в 1925 г. говорил, что Троцкий был прав. Троцкий, приверженец строгой дисциплины и враг фракций, с начала 1920-х гг. превратился в столь же пылкого сторонника открытой дискуссии. Бухарин, в 1918 г. возглавлявший левых коммунистов, в 1920-е гг. стал самым видным лидером правых.

Партийным работникам, которые следили за риторикой борьбы за власть в Москве, не составляло труда увидеть в лидерах оппозиции оппортунистов и лицемеров, особенно в вопросе партийной дисциплины. В свое время, находясь у власти, каждое из оппозиционных те-

чений, от «демократических централистов» и «рабочей оппозиции» до троцкистов и зиновьевско-каменевской группы, призывало к централизации и строгим карательным кадровым мерам против нарушителей партийной дисциплины. Переходя в оппозицию, они тут же оказывались поборниками терпимости, мягкой интерпретации партийной дисциплины, права на критику и на иммунитет от «организационных мер» в кадровой сфере. В 1919 г. будущий оппозиционер Зиновьев настаивал на праве ЦК перебрасывать кадры туда-сюда, чтобы разбивать клики и обеспечивать повиновение, но возроптал, когда его тем же способом лишили власти над Ленинградом³⁵.

Троцкий решительно выступал за жесткие методы, пока его личный соперник Сталин не стал применять их против него. В 1920 г. он говорил на IX съезде, что партии нужны не областные комитеты, избираемые снизу, а областные бюро, назначаемые центром. Он упрекал своего сторонника Преображенского за критику централизации партии, утверждая, что партии необходим сильный «организационный центр», способный назначать местных партийных секретарей, невзирая на принцип выборности. Однако на Сталина он нападал в основном как раз за то, что «режим назначений» ЦК нарушает партийную демократию³⁶.

Зиновьев, уже перейдя в открытую оппозицию сталинской машине, в 1925 г. возглавил инакомыслящую, но тщательно подобранную ленинградскую делегацию на XIV съезд. Местные партийные руководители, И. П. Румянцев и другие, в том же году ставили на вид Каменеву, что он был приверженцем железной дисциплины и твердой «организационной линии», лишь пока сам принадлежал к большинству³⁷. Расстрелянный в 1937 г. М. Н. Рютин, автор резкого обвинительного акта сталинскому правлению в 1932 г., должно быть, раскаивался в собственном заявлении 1923 г., что естественно иметь прочную руководящую группу: «Партия, которая дискредитирует своих вождей, неизбежно ослабляется... Партиями всегда руководят вожди»³⁸.

Неверно трактовать фракционную борьбу 1920-х гг. только как личное соперничество или только как столкновение разных политических курсов³⁹. Очевидно, что некоторые большевистские деятели, крупные и мелкие, ставили на первое место политический анализ и твердо держались своих убеждений. Не менее очевидно, однако, что другие следовали всем зигзагам и поворотам в убеждениях своих патронов. Дело не в том, была или не была искренней приверженность высших грандов политике и идеологии, а в том, как их борьба воспринималась в провинции и партии в целом. У заваленных проблемами

партийных работников, сражающихся в глуши с бедностью, пожарами и наводнениями, строптивым крестьянством, национальными конфликтами, голодом, бандитами, недобитыми белогвардейцами и прочими невзгодами, в голове не укладывалось, как может кого-то беспокоить надлежащая теоретическая оценка нэпа. Со стороны, за пределами Москвы все это казалось личными склоками, подкрашенными идеологией.

Вероятно, битва партийных титанов в 1920-е гг. еще больше выглядела бы как борьба личностей, если бы каждый из соперников не обзаводился персональной политической машиной⁴⁰. Московские партийцы, по-видимому, прочно примыкали к тому или иному верховному руководителю, повторяя за ним извилины его идейно-политической траектории. Существовала более или менее стойкая фракционная личная лояльность. Независимо от того, левую или правую позицию занимал на текущий момент лидер, партийцы именовали себя «троцкистами», «сталинцами» или «зиновьевцами». Они шли за своим боярином по всему политическому спектру; лояльность и патронаж составляли важнейший элемент борьбы. Все, казалось, имело персональный характер. Конечно, мотивы присоединения к лидеру различались. Легко представить, что кого-то толкали в чей-нибудь лагерь личные амбиции, надежда сделать карьеру, когда пойдет в гору патрон. В конце концов, именно так работало большевистское местничество⁴¹.

Трактовка борьбы с оппозицией как личного соперничества, разумеется, соответствовала российским представлениям о персональной природе политической практики, о которых много говорилось выше. Соответствовала она и местному опыту: даже если порой на местах считали конфликт схваткой рыцарей где-то наверху, в далекой Москве, явно личный характер схватки тут же заставлял вспомнить неприятные и беспринципные личные склоки в здешних партийных комитетах, парализовавшие партию в провинции.

Местные работники так об этом и говорили. В партийных документах, посвященных ситуации в региональных комитетах, слово «оппозиция» применялось для обозначения беспринципной раскольнической и фракционной деятельности гораздо раньше, чем сформировалась троцкистская оппозиция. Группировки (фракции, клики) проявляли себя как «оппозиция» задолго до возникновения знаменитых оппозиций «по названию». Любые склоки и группировки обычно именовались «оппозицией» в этих документах. «Оппозиционер» был просто синонимом недовольного, амбициозного аутсайдера.

Чисто личный конфликт между соперничающими старыми большевиками в Рыбинске получил название «обострения оппозиции», когда тамошние аутсайдеры «ушли в оппозицию». В Туле, где в конфликтах не усматривалось «политических разногласий», «оппозиционные настроения местных ответственных работников вылились в недопустимые склоки, разваливающие организацию». В Вологде часть руководства «решила встать во главе оппозиционных настроений». Молодые партийцы, возвращающиеся с гражданской войны и не имеющие никаких идейных мотивов, добивались руководящих постов, «уходя в оппозицию и быстро завоевывая авторитет». В Пензе, где, как мы видели, личная борьба между губкомом и раскольниками, объединившимися с ГПУ, привела к арестам с той и другой стороны, раскольническая группа «поставила себя в оппозицию» партийному комитету, о ее членах писали как об «оппозиционерах, руководствующихся исключительно личными соображениями»⁴².

В «Обзоре конфликтов» ЦК в начале 1922 г. говорится о «нарушениях партийной дисциплины», «неподчинении» группировок надлежащим партийным властям: «Личные группировки и склоки существуют... Здесь [в промышленных губерниях] они возникают под окраской “рабочей оппозиции”, и основными доводами выставляются недовольство персональным составом высших парторганов и их неправильной линией работы... В таких случаях личная группировка и борьба захватывает партийные низы и целые ячейки... Во всех этих случаях после детального расследования конфликта выясняется истинная подкладка всех группировок»⁴³.

В Астрахани новичков во главе с Емельяновым звали «оппозиционерами», а те в ответ постфактум приписали личной группировке «старых астраханцев» идеологию «столь однобокого синдикализма в пользу рабочих, что сами рабочие его отвергли». Здесь, как и в других местах, в основе оппозиции лежали личные склоки и групповщина, а идеологическая «окраска» добавилась позже⁴⁴.

Партийные работники, пытаясь сплотить свои комитеты в обстановке непрерывных личных склок и конфликтов, придавали единству и дружному совместному труду первостепенное значение. Любая оппозиционная группа, критикующая по различным поводам сталинское большинство, угрожала желанной стабильности. Правы были ее члены или не правы, они становились раскольниками и раскачивали лодку. Принципиальная критика со стороны местных оппозиционеров представляла собой не только потенциальную опасность для единства и патронажного контроля, достигнутых местным секретарем, но и диверсию, которая ослабляла усилия местной партор-

ганизации, грозя расколоть ее. Оппозиционная критика могла быть сколь угодно заслуженной, но все, что вносило раздор в местные партийные ячейки, никак не приветствовалось теми, кто старался вести работу в трудных условиях.

Сталин однажды растолковал главе Коминтерна Георгию Димитрову: «Почему мы одержали верх над Троцким и остальными? Троцкий, как мы знаем, был самый популярный человек в нашей стране после Ленина... Мы были тогда малоизвестны... Но кадры среднего звена поддержали нас, объяснили нашу позицию массам... кадры среднего звена решают исход нашего дела»⁴⁵. Хрущев, один из кадров среднего звена, соглашался, вспоминая: «...тогда у нас не было сомнений, что Сталин и те, кто был вокруг него и поддерживал Сталина, правы»⁴⁶.

Каганович пишет в воспоминаниях, что «большинство Политбюро... занимало более сдержанную позицию к Троцкому, чем местные товарищи... ряд представителей местных парторганизаций были настроены за более решительное осуждение самого Троцкого, в особенности его фракционных сподвижников». Когда Каганович (как зав. Орграспредом ЦК отвечавший за связь с местными комитетами) рассказал о подобных настроениях на местах Сталину, тот велел ему «разъяснять всем... товарищам, так именно настроенным, что Политбюро ЦК сейчас заботится о единстве в ЦК и в партии, поэтому мы стараемся на данной стадии не выносить наши споры за пределы ЦК»⁴⁷. Таким образом, Сталин, во-первых, хотел оставить дело в кругу старобольшевистской аристократии, а во-вторых, старался не допустить, чтобы местную партийную жизнь опять парализовала такая же политическая «резня», какую вызвала борьба со склоками, когда фракции ожесточенно накидывались друг на друга.

Многие провинциальные руководители, защищая Секретариат, проводили четкое различие между отношением к нему в центре и на местах. Б. М. Волин из Костромской губернии сказал на съезде, что вся оппозиционная критика Секретариата, поражающая его «истерическими выступлениями» и «необоснованностью заявлений», идет из Москвы: «Те товарищи, которые работают на местах, все время ведут и советскую и партийную работу, и в губерниях и в уездах, они безусловно констатируют большую продуктивность работы ЦК последнего созыва... Я прекрасно знаю, потому что я в то время работал на местах, а не в Москве. Я объездил ряд губерний и знаю, каково положение на местах. Я констатирую, что все мы, партийные работники на местах, руководящие и непосредственно ведущие работу, конста-

тируем, что работа организационно-политическая ЦК необыкновенно выросла...»⁴⁸

С точки зрения провинциального руководства, находящегося в тяжелых условиях, *любой* вызов хрупкому статус-кво должен был казаться рискованным и опасным. После гражданской войны партия разбухла благодаря притоку сотен тысяч незрелых, непроверенных новичков, не имеющих революционного прошлого и опыта. Полнейшая партийная демократия и контроль снизу, за которые ратовал Троцкий в 1924 г., угрожали не только положению местных руководителей, но и прочности самой партии и ее традиций. Что знали о партии и ее целях зеленые невежественные юнцы и своекорыстные карьеристы, в последний момент перешедшие на сторону победителей? Закручивание гаек в отношении экономических свобод и крестьянства, которое составляло большинство населения (как предлагали в 1925 г. Зиновьев и Каменев), выглядело большим риском.

На XIV съезде Зиновьев и Каменев возглавили ленинградскую делегацию от «объединенной оппозиции» и пошли в атаку на Сталина и его руководство. Зиновьев, нарушив традицию представления от Политбюро единого отчета, выступил с «со докладом» после Сталина, резко критикуя сталинское большинство в Политбюро.

Его поддержали несколько видных членов ленинградской делегации, выборы которой, несмотря на призывы к партийной демократии, были устроены так, чтобы город представляли только оппозиционеры⁴⁹. Другие ораторы указывали, что все оппозиционеры выступали за дисциплину, когда находились в большинстве, а теперь вдруг начали отстаивать право на открытую критику⁵⁰. Даже заступничество за ленинградцев со стороны вдовы Ленина, Крупской, не умирало возмущения большинства делегатов, считавших, что Зиновьев намеренно пытается расколоть партию в угоду личным амбициям. Последние остатки партийной свободы слова испарились, когда делегаты высмеяли просьбы Крупской и Каменева не применять персональные санкции против тех, кто пользуется правом выражать свое мнение на съездах. Еще одним признаком персонализации борьбы послужило скандирование соперничающими группами делегатов «Зиновьев, Зиновьев!» и «Сталин, Сталин!».

Большинство членов партии считало оппозиционеров очередными честолюбцами-«склокистами», их проваливали на выборах, старались изолировать, а если они не сдавались – исключали из партии. Борьба порой принимала чрезвычайно ожесточенный характер. Киров описывал сражения 1926 г. в ленинградских заводских цехах между большинством, стоящим за ЦК, и сторонниками Зиновьева:

«Здесь все приходится брать с боя. И какие бои! Вчера были на Треугольнике, коллектив 2.200 чел. Драка была невероятная. Характер собрания такой, какого я с октябрьских дней не только не видел, но даже не представлял, что может быть такое собрание членов партии. Временами в отдельных частях собрания дело доходило до настоящего мордобоя!»⁵¹

Битвы с оппозиционными группировками оставили в партии весьма неприятное для оппозиции наследие. Оппозиция требовала ограничить власть Сталина. Однако на деле непрекращающиеся бои упрочили его власть и репутацию; теперь его считали главным борцом за партийное единство и против возможного раскола, который большинству партийцев казался самым страшным кошмаром.

Оппозиции ратовали за право на защиту (даже публичную) позиции меньшинства в партийных органах. Результат получился противоположный: жестокая борьба с оппозициями лишь укрепила мысль, что подобная защита опасна. Раньше разногласия в этих органах фиксировались. В распространяемых среди более широкого слоя элиты (например, членов ЦК) протоколах их заседаний иная точка зрения отмечалась как «особое мнение» того или иного большевистского рыцаря, который имел право быть услышанным. Вот, например, сообщение о несогласии члена Оргбюро с принятым решением: «Т. Крестинский, в порядке особого мнения, предложил...»⁵² Мы знаем, что в течение ряда лет в Политбюро, Оргбюро и Секретариате всегда бывали споры. Однако после борьбы с оппозицией даже узкому кругу элитарной общественности ЦК, а уж тем более прочим посторонним, стали сообщать исключительно о единогласном голосовании в Политбюро и Оргбюро. Товарищеских «особых мнений» больше не существовало.

* * *

Несомненно, Сталин пользовался своей властью над кадрами для сохранения собственных позиций и ослабления критиков-оппозиционеров. Меры подобного рода в 1920-х гг. не имели ничего общего со смертоносным насилием, которое он применял в 1930-х, носили умеренный и постепенный характер. Почти все десятилетие эти «организационные меры» заключались не столько в смещении или понижении в должности оппозиционеров, сколько в рассеянии их скоплений. Как мы видели, когда борьба между двумя фракциями (соперничество личных клик или политический спор – неважно) парализовала партийный комитет, в дело вступал ЦК, либо посылая эмиссара, либо удаляя одну из фракций, а то и обе. К тем же методам

прибегали для ликвидации оппозиционных группировок в комитетах, разбрасывая инакомыслящих по новым местам. По такой схеме были решены знаменитые дела начала 1920-х гг. на Урале и Украине: членов партийных комитетов, полностью перешедших под власть оппозиции, перевели оттуда на новую работу. То же самое произошло после XIV съезда с ленинградскими зиновьевцами, которых «ссылали» из города в другие места (причем не обязательно с понижением в должности).

Сталин и его приверженцы в подобных случаях всегда находили убедительные оправдания, скорее практического, нежели политического толка. Разве могла партия терпеть фальсификацию оппозиционерами выборов на Украине в 1920 г. с целью получить необходимое большинство?⁵³ Разве, вопрошал Молотов, ЦК мог терпеть контроль оппозиционеров над Тульской губернией, Украиной и другими районами, где членов партии, несогласных с местным оппозиционным руководством, сажали за решетку?⁵⁴ Лицемерие таких рассуждений, очевидное для нас, вероятно, не было столь очевидным для местных партийных деятелей того времени, отчаянно нуждавшихся в надежных кадрах и не особенно жаждавших погружаться в мелочные идеологические дебаты с местными диссидентами. Они хотели сохранить у себя порядок, защитить устои собственной власти, и вмешательство Москвы служило их интересам. Поэтому, кстати, порой местные партийные фракции «выгоняли» идейных диссидентов, добываясь их отзыва в Москву⁵⁵. Тот факт, что сами оппозиционеры требовали раньше от центра строгих мер против смутьянов внутри местных партийных организаций, никак не шел им на пользу и не прибавлял сочувствия к их жалобам. А поскольку оппозиционерам при переводе в другое место вследствие нехватки способных и трудолюбивых партийных администраторов обычно предоставляли эквивалентную должность, в глазах среднего партийного работника перевод выглядел не слишком строгим наказанием.

На XI съезде партии некоторые оппозиционеры жаловались, что Секретариат преследует оппонентов, переводя их на более низкие должности. Однако два представленных примера неубедительны. Оппозиционеры С. В. Мрачковский и Т. В. Сапронов действительно были переведены с Урала. Молотов назвал причины перевода «деловыми», а не политическими⁵⁶. Мрачковского, командующего Западно-Сибирским военным округом, назначили командующим Волжским военным округом (что означало повышение), а Сапронова, секретаря Уральского бюро ЦК, сделали членом ЦК и секретарем Президиума ЦИК. Фактически кадровые меры центра против смутьянов и дис-

сидентов завоевали широкую поддержку в партии, став предметом группового консенсуса, так же как личная тактика Сталина.

Образование региональных кланов

Троцкий с конца 1923 г. жаловался, что большинство провинциальных секретарей назначаются, а не избираются. На самом деле «рекомендация» или прямое назначение секретарей ЦК стали всеобщей практикой намного позже, *после* поражения Троцкого. Как мы видели, в то время, когда Троцкий начал выступать со своей критикой, большинство первых секретарей провинциальных партийных комитетов выдвигались и избирались снизу, без рекомендаций ЦК. Последний давно применял тактику направления новых секретарей в места хронических склок или национальных конфликтов, а троцкизм рассматривался как нечто подобное⁵⁷. Таким образом, по иронии судьбы, критика со стороны Троцкого послужила главным импульсом к развитию критикуемого явления.

Фактически региональные партийные «семейства» или кланы, возглавляемые влиятельными партийными патронами, возникли *на местах* в начале 1920-х гг., задолго до выступлений оппозиции и прихода к власти Сталина. Они стали ответом на фракционную борьбу и склоки в местных парторганизациях. Со второй половины 1920-х гг. Москва все чаще предпочитала бороться со склоками, *укрепляя* власть первого секретаря и поощряя его к подавлению других фракций. Она дала понять, что «ответственный» или первый секретарь превосходит в ранге параллельное советское руководство, а в партийной структуре он не только занимал наивысшее положение, но и единственный отвечал перед Москвой за «выполнение решений»⁵⁸. Такова была партийная версия «единоначалия» в промышленности.

Однако никакой самый строгий контроль со стороны первого секретаря не помогал преодолеть естественные личные конфликты, характерные для российской и советской политики, склоки пусть реже, но продолжались и в последующие годы. В 1929 г. партийный работник с Урала писал в «личном» письме Молотову о большой угрозе склок среди руководящих кадров областных партийных работников. Н. М. Шверник и И. Д. Кабаков возглавили в Свердловске соперничающие фракции, осыпавшие друг друга взаимными обвинениями⁵⁹.

В 1932 г. Сталину довелось разбирать склоку в Нижне-Волжском крае. Он телеграфировал Кагановичу: «Успел ознакомиться с положением внутри руководящей верхушки Нижней Волги. В склоке виноваты предкрайисполкома и Пшеницын. Обоих надо призвать к

порядку и обязать сработаться с Птухой. В противном случае придется снять обоих и заменить другими»⁶⁰.

В 1937 г. уполномоченный КПК по Северному Кавказу М. И. Кахиани написал Сталину, Молотову и Андрееву о конфликте между одной частью крайкома под предводительством И. Н. Пивоварова и другой – во главе с первым секретарем В. И. Рябоконе. Пивоваров, «оппортунист», по словам Кахиани, во время отсутствия в городе Рябоконе взял верх на краевом партийном бюро и добился принятия резолюций, осуждающих кабардино-балкарскую национальную партийную группировку. Он писал: «Что же касается т. Рябоконе, то, по-моему, необходимо как минимум призвать его крепко к порядку и не дать ему возможность превратить многонациональный Северный Кавказ в арену драки и склок»⁶¹.

Поначалу Сталин полагал, что склоки могут принести кое-что хорошее – выковать «сплоченное ядро» в партийных комитетах: «Я должен сказать, что склоки и трения, кроме отрицательных сторон, имеют и хорошие стороны. Основным источником склок и дразг является стремление губкомов создать внутри себя спаянное ядро, сплоченное ядро, могущее руководить как один. Эта цель, это стремление здоровые и законные, хотя добиваются их часто путями, не соответствующими целям... Все же $\frac{9}{10}$ склок и трений, несмотря на непозволительность их форм, имеют здоровое стремление – добиться того, чтобы сколотить ядро, могущее руководить работой. Не нужно доказывать, что если бы таких руководящих групп в губкомах не было... никакого руководства в губернии не было бы... Вот та здоровая сторона склок, которая не должна быть заслонена тем, что она иногда принимает страшно уродливые формы...»⁶²

Личные «семейные круги» хорошо описаны в научной литературе⁶³. Они представляли собой сети взаимной протекции вокруг могущественных патронов. Их члены защищали друг друга и своего шефа, отстаивая интересы группы за счет других кругов. В конечном счете они захватывали контроль над всеми аспектами жизни в своей области: бюджет, промышленность, сельское хозяйство, образование, милицию, суд и прокуратуру, печать⁶⁴. Главы этих сетей были настоящими местными князьями. Провинциальная политическая власть являлась персональной властью.

Ученые подметили также преемственность практики царской и советской эпох. После свержения царя «клиентелизм не только не прекратился, но и пережил весьма значительный ренессанс, который имел огромные политические последствия»: «Должность губернатора представляет собой ранний аналог советского секретаря обкома,

который фактически более полно воплощает старое, царских времен, понятие хозяина области, обладающего относительной независимостью, контролем над назначениями и огромной, чрезвычайно персонализированной исполнительной властью»⁶⁵.

В главе 2 мы видели, как региональные бароны создавали собственные культы личности. Переезжая из одной области в другую, могущественные большевистские дворяне тащили туда и свою свиту. И. П. Румянцев, перебравшись в 1929 г. из Владимира в Смоленск, привез с собой «владимирскую группировку», которая включала в том числе А. Л. Шильмана, ставшего вторым секретарем обкома, и Б. Ф. Василевскую, занимавшую пост секретаря в разных райкомах, а также работавшую в отделах обкома. По прибытии они скооперировались с местными руководителями Ю. Раппопортом (секретарем райкома) и В. Г. Архиповым (возглавлявшим Смоленский горком)⁶⁶.

А. К. Лепа, переведенный в 1933 г. из Узбекистана в Татарию, приехал вместе с «ташкентским хвостом»⁶⁷. А самый знаменитый «хвост» (поскольку Сталин сделал его объектом внимания и критики в масштабах всей страны) – группа, привезенная Б. П. Шеболдаевым в 1934 г. из Саратова в Азово-Черноморский край. В число «саратовских свояков» входили два десятка шеболдаевских приближенных, которые, как все им подобные, перетянули на новое место собственные свиты⁶⁸. Один ростовский партиец заметил: «Большинство из них было рекомендовано лично тов. Шеболдаевым, знавшим их по прошлой работе. Ведь все вы, или большинство из вас, слышали это ходкое слово: “саратовские свояки”»⁶⁹.

Образование сильных патриархальных «семейств» было ценой, которую приходилось платить за порядок и единство в обкомах. В середине 1920-х гг. Сталин решил позволить формирование в провинции крепких кланов во главе с могущественными первыми секретарями, которых он поддерживал. Такие клановые машины, полагал он, одолеют (а то и вовсе уничтожат) склоки и помогут проведению генеральной линии партии на коллективизацию и индустриализацию, требовавшей наличия сильного, дисциплинированного аппарата на местах. Хотя в 1930-е гг. Сталин начал открыто и резко порицать «артели» и «хвосты», раньше он мирился с фактом их существования⁷⁰. В основном он воздерживался от публичной критики в их адрес, а его секретариат обычно утверждал назначение на должности регионального масштаба кандидатов, подобранных местными партийными руководителями из своих приближенных. И в царские времена «государство, как правило, смотрело на фаворитизм и nepотизм сквозь пальцы, однако, если к подобным махинациям привлекалось внима-

ние судов, они неизменно изображались нарушением закона, нечестным и недопустимым использованием связей»⁷¹. В редких случаях, правда, Сталин не разрешал кому-нибудь из грандов брать с собой на новую работу большой «хвост» и сам придирчиво изучал запрошенные кандидатуры. В 1931 г. его собственный клиент А. А. Андреев, став наркомом путей сообщения, попросил заменить пятерых заместителей наркома людьми с Северного Кавказа, где он еще год назад работал первым секретарем крайкома. Сталину это не понравилось: «Андреев, видимо, хочет собрать в НКПС всех северокавказцев. Едва ли это целесообразно. Калашникова можно отдать Андрееву. Жукова тоже. Насчет Межлаука надо подумать. Положение Благонравова надо определить четко в качестве первого или второго зама, в противном случае нечего снимать его с ТОГПУ»⁷².

Допустив появление «маленьких Сталиных» по всей стране, генсек вскоре понял, что их кланы могут вступить в конфликт с его собственным. Он оказался в парадоксальной ситуации, приватно критикуя то, что сам же укреплял. Например, на ноябрьском пленуме ЦК 1927 г. он напустился на круговую поруку: «У нас нередко решаются вопросы не только на местах, но и в центре, так сказать, в семейном порядке, домашним образом. Иван Иванович, член руководящей верхушки такой-то организации, допустил, скажем, грубейшую ошибку и испортил дело... А кто из нас не ошибается? Сегодня я его, Ивана Ивановича, пощажу. Завтра он меня, Ивана Федоровича, пощадит. Ибо какая есть гарантия, что я также не ошибусь? Чинно и хорошо. Мир и благоволение. Говорят, что запущенная ошибка есть порча нашего великого дела? Ничего! Авось как-либо выедем на кривой»⁷³. 19 октября 1931 г. Сталин, опять-таки по секрету, говорил Оргбюро: «У меня впечатление получилось, что настоящих партийных организаций в Закавказье нет еще. Есть атаманщина. Если человека какого-нибудь выдвигают на пост, вы думаете, с точки зрения деловой? В большинстве случаев нет. Ценят его с точки зрения того, а чей он человек, за кого он будет голосовать и т. д. Это партия? Нет, это атаманщина, а не партийная организация. Чей он человек, за кого он голосует, с кем он вино пьет, с кем он дерется, у кого он бывает... Если вы так будете людей подбирать, то они же загубят вас. Не годится. Вот эта атаманщина, отсутствие большевистского делового подхода к человеку... то, что 2 года тому назад было на Украине, феодализм, никому ничего нельзя было сказать... И молчали, и друг другу прощали, и друг другу хорошие резолюции преподносили, а дело гнило. Мы сказали по-большевистски – этого не должно быть! И теперь им разбили атаманщину, но она еще не разбита в Закавказье»⁷⁴.

Сталин не одобрял ничьи кланы кроме собственного и даже делал вид, будто у него самого никакого клана нет. Разумеется, он был точно таким же патримониальным «атаманом», как и те, кого он критиковал. Изначально в его ближний круг входили Молотов, Каганович, Ворошилов, Киров и Орджоникидзе. Ступенькой пониже стояли Микоян и Калинин. Позже к сталинской свите присоединились Жданов, Берия, Хрущев. Сталин годами опекал и защищал членов своего клана как надежный патрон⁷⁵. Он не мог с полной искренностью обличать кланы, возглавляя один из них. Это неудобное обстоятельство он обходил, лицемерно отказываясь признать даже в частной переписке с приближенными, что они составляют клан. Он называл их «руководящей группой», якобы возникшей стихийно. Одно из чрезвычайно редких упоминаний о ней содержится в письме 1931 г. Кагановичу, где Сталин пишет о «нашей руководящей группе, исторически сложившейся в борьбе со всеми видами оппортунизма»⁷⁶.

Как типичный предводитель клана, Сталин тратил массу времени, разбирая споры своих клиентов и поддерживая равновесие между ними. Жданов боролся с Маленковым, Орджоникидзе с Куйбышевым, Куйбышев с Андреевым, Орджоникидзе с Молотовым⁷⁷. Хотя Каганович утверждает, будто подобное противостояние объяснялось деловыми, а не личными причинами⁷⁸, у нас есть свидетельства, что корни его крылись глубже. Помимо воспоминаний Микояна, что «Серго очень не любил Молотова»⁷⁹, имеются письма, в которых Орджоникидзе обзывает Молотова «негодяем». Молотов и Орджоникидзе начали игнорировать друг друга, и попытки каждого из них изолировать противника ставили под угрозу работу правительства. Во всех случаях такого рода, и особенно в упомянутом, Сталин выступал судьей, прилагая все силы, чтобы обуздать страсти⁸⁰. Впрочем, он и сам любил, по политическим соображениям, науськивать своих бояр друг на друга. «В этом он был мастер. Нашептывал одному что-нибудь плохое про другого, а потом и второму тоже», – говорил Берия сыну⁸¹.

Н. С. Хрущев в 1949 г. «быстро увидел», что его «приезд в Москву противоречил предположениям Берии и Маленкова». «У меня сложилось тогда впечатление, – вспоминает он, – что Сталин (он этого не сказал мне), вызывая меня в Москву, хотел как-то повлиять на расстановку сил в столице и понизить роль Берии и Маленкова... Перевод... меня в Москву как бы противопоставлял нас [с Берией], связывая Берии руки»⁸².

Функционирование персональных сетей, возглавляемых боярами из Политбюро, – составная часть неписаной и неофициальной

советской практики; лучше всего оно показано в мемуарах⁸³. Эти мемуары весьма тенденциозны: любой член Политбюро изображает себя благородным героем, окруженным злобными заговорщиками. Отпрыски сталинских руководителей также представляют родителей в героическом и привлекательном виде (сын Берии даже уверяет, что это его отец придумал и хрущевские реформы, и горбачевскую перестройку). Но, хотя подобные самооправдательные тексты мало говорят о моральных качествах (а тем более негативных поступках) соответствующих лиц, они дают уникальную возможность почувствовать атмосферу персонализированной политики, бросить взгляд на борьбу между придворными и кланами, модеризирующую и уравновешивающую роль Сталина. К примеру, сын Берии рисует совершенно невероятный образ отца, однако, скорее всего, верно передает его слова: «О дружбе между членами Политбюро речи быть не может. Это гадюшник»⁸⁴.

Кланы в органах внутренних дел

Личные кланы доминировали как в партии, так и в политической полиции (ГПУ, ОГПУ, НКВД). Подобно партийным кланам, чекистские также возглавлялись высокопоставленным руководителем, который имел узкий ближний круг соратников-подручных, окруженный, в свою очередь, более обширной свитой сотрудников. Чекистские кланы, складывавшиеся на основе фронтового товарищества в годы гражданской войны, затем совместной службы в опасных районах (на Кавказе, в Средней Азии, на Украине) или долгой работы в московском центральном аппарате, выявляются разными способами. Например, члены той или иной группы в одно и то же время получали награды. Они вместе переезжали из области в область, вместе переживали взлеты и падения в карьере. В конце концов, их и арестовывали пачками, одновременно⁸⁵.

В отличие от партийных кланов, чекистские боролись, воевали и интриговали друг против друга. Они постоянно совершали маневры и плели интриги с целью очернить соперников. По словам ветерана советской разведки П. А. Судоплатова, «скрытые мотивы и амбиции» высокопоставленных работников органов партии и внутренних дел «играли гораздо более важную роль в политических событиях, чем казалось в то время»: «Их целью было добиться абсолютной власти или ввести новые фигуры в свое окружение... Общим правилом было собирать компрометирующие факты против всех, а при необходимости использовать эту информацию»⁸⁶. Цель интриг чекистских

кланов заключалась в защите интересов клана и его членов, контроле над центральным аппаратом и оперативными отделами. Контроль над центром означал власть благодаря близости к Сталину и, соответственно, резкое расширение патронажных полномочий по распределению высоких постов. Он также означал способность незаметно влиять на политику.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в органах внутренних дел существовали четыре крупнейших личных клана и еще несколько помельче. Главный клан образовался вокруг Г. Г. Ягоды, давнего работника центрального аппарата. С 1918 г. Ягода был первым или вторым заместителем председателя ГПУ и ОГПУ, возглавлял многие отделы. С 1929 г., ввиду болезни председателя ОГПУ В. Р. Менжинского, его первый заместитель Ягода фактически руководил политической полицией, он и его люди командовали центральным аппаратом ОГПУ. Его ближайшими подручными являлись Г. Е. Прокофьев, И. М. Островский, К. В. Паукер и М. С. Погребинский.

Другой крупный клан – «северокавказцев» – сложился вокруг бывшего анархиста Е. Г. Евдокимова. Хотя иногда «северокавказцы» занимали должности в центре, большинство из них работало в провинции, в частности в Северо-Кавказском крае и его столице Ростове-на-Дону. Главными помощниками Евдокимова были М. П. Фриновский, И. Я. Дагин, Н. Г. Николаев-Журид, П. Ф. Буллах и В. Ф. Дементьев. Евдокимовская группа возникла в суровой обстановке Северного Кавказа, и если клан Ягоды руководил из московских кабинетов, то «евдокимовцы» прославились, воюя с бандитами в деревне. Они специализировались на широкомасштабных военных зачистках в отдаленных районах и вступали в бой с вооруженными бандами. Евдокимов, единственный из чекистов, четырежды награждался орденом Боевого Красного Знамени⁸⁷. Он любил сравнивать ОГПУ с армией и выступал за его «боевизацию» «в тесном смысле слова... т. е. наиболее допустимое приближение наших органов к организации типа частей Красной Армии»⁸⁸. Евдокимов участвовал в «массовых операциях», и подъем его клана в 1937 г. совпал с самой кровавой из них⁸⁹.

Клан «украинцев» во главе с В. А. Балицким (К. М. Карлсон, З. Б. Кацнельсон, И. М. Леплевский и др.) контролировал чекистскую работу и кадры на Украине и проводил там коллективизацию. Бериевская группа под предводительством Л. П. Берии, В. Н. Меркулова, С. А. Гоглидзе и Б. З. Кобулова господствовала в Грузии, Армении и Азербайджане.

Чекистские кланы, как подобает боевым товарищам, были тесно спаяны и в профессиональном, и в социальном плане. В одной из

недавних работ говорится, что в процессе создания «команды Евдокимова» «учитывались в основном профессиональные качества и личная верность “батьке-атаману”»: «И именно в такой последовательности: первое – профессионализм, второе – личная преданность. Все остальное учитывалось в последнюю очередь, а по сути, не учитывалось вовсе. Кстати, аналогичные принципы формирования “команды” использовал и Лаврентий Берия»⁹⁰. Член евдокимовского клана М. А. Листенгурт писал: «У Евдокимова есть свои, воспитанные им в течение многих лет люди, которые расставлены им на основных и решающих участках работы в крае. Анархизм Евдокимова в прошлом принял своеобразный характер батьковщины или атаманщины в настоящем, который выражается в том, что Евдокимов не дает в обиду своих людей, выручает их, когда попадают в беду, выдвигает, награждает их и тем самым приковывает их к себе, заставляет выполнять их свою волю...» Листенгурт вспоминал, как Евдокимов собирал сотрудников на дружеские застолья. Николаев-Журид (позже один из самых гнусных евдокимовских приспешников) играл на пианино, брат Евдокимова – на балалайке или гитаре, все пели: «Теперь они вместе все больше и больше напоминали семью, а точнее, некий семейный клан»⁹¹. Такие, как Евдокимов, имели даже собственные культы; о них слагали стихи и песни⁹²:

Ефим Георгиевич, с тобой
Ходили в богатырский бой
Единой грозною семьей
Твои бессчетные друзья...⁹³

До 1936 г. Сталин редко пытался контролировать чекистские кланы. Политическая полиция считалась специализированной профессиональной службой не только с собственными традициями, но и с особой, секретной методикой. Ее сотрудники обладали специальными знаниями и своими испытанными и верными методами лучше всех умели проводить операции. Спустя много лет Молотов вспоминал, что Ягода, хотя партийное руководство его не любило, оставался у власти благодаря профессиональной квалификации: «Вот с какими гадами мы работали, а других-то не было! Не было!»⁹⁴

До середины 1930-х гг. чекистские кланы, в отличие от партийных, никогда не посягали на сталинскую власть и не угрожали ей. Вмешательство Сталина имело место, лишь когда нарушался баланс между враждующими кланами либо когда их конфликты грозили развалить ведомство. Вероятно, он заботился об установлении межкланового равновесия и на XVII съезде партии в 1934 г., на котором всех четве-

рых соперничающих «атаманов» – Ягоду, Евдокимова, Берию и Балицкого – ввели в ЦК.

В отличие от практики назначений на высокие партийные посты, предложения по кандидатурам на должности в органах внутренних дел чаще всего утверждались Политбюро⁹⁵. Оно никогда не «откладывало» вопросы о таких назначениях, включенные в его повестку, и не «отклоняло» выдвинутые руководителями НКВД кандидатуры. Предполагалось, что профессионалы знают свое дело, или, по крайней мере, что у партии нет конкретных, фактических оснований для сомнений. Сталин обычно давал главам ВЧК/ОГПУ/НКВД – Дзержинскому, Менжинскому, Ягоде, Ежову, Берии – полную свободу в подборе заместителей. Видимо, ему требовались дисциплина, эффективность и единство политической полиции, и если для этого нужно позволить ее руководителям создавать кланы, то пускай создают. Вмешивался он только ради установления политики и баланса, сохраняющих единство ведомства.

Борьба кланов, 1927–1929: победа Евдокимова над Ягодой

В конце 1927 г. Евдокимов якобы раскрыл широкую сеть заговорщиков – старорежимных инженеров, устраивавших диверсии на промышленных предприятиях Донбасса. Когда он представил это дело Ягоде, тот отмахнулся от евдокимовского «липачества». Евдокимов пошел на беспрецедентный шаг: нарушив порядок прохождения инстанций, направил материал непосредственно Сталину. Сталин велел добыть больше доказательств. Евдокимов их раздобыл, и Сталин дал делу ход, встав на сторону Евдокимова против Ягоды. Тысячи человек были арестованы или уволены, дело стало предметом разбирательства на знаменитом Шахтинском процессе в марте 1928 г. Ягода пришел в бешенство из-за того, что Евдокимов обратился к Сталину через его голову⁹⁶.

В 1928 г. Ягода и несколько членов его клана вследствие «личного разложения» оказались замешаны в загадочном деле «беспринципного блока»⁹⁷. Люди Ягоды и он сам славились коррумпированностью: Ягода за один год потратил больше миллиона рублей на квартиры, дачи и дома отдыха для своих родственников⁹⁸.

Заместитель Ягоды Погребинский тоже занимался темными делами. В Горьком, где он работал, Погребинский прослыл «царем воров», другом и защитником лагерных братств уголовников, кото-

рых он «перевоспитывал»⁹⁹. Зная, что его ждет как клиента Ягоды, он покончил с собой через неделю после ареста патрона в 1937 г. Первый секретарь Горьковского обкома Э. К. Прамнек, не убежденный в причастности Погребинского к «предательству» Ягоды, решил устроить ему скромные похороны, но, когда стало известно, что над могилой не будет играть оркестр, пошли слухи о возможном появлении там уголовных «братьев» Погребинского: «У нас не было уверенности, что не соберутся тысячи людей и не будет скандала». Поговаривали, будто сомнительные приятели покойного намерены выкопать тело и перезахоронить его по своему вкусу. Боясь «эксцессов» и «беспорядков», горьковское руководство велело «т. Спасову и т. Хаимс лично приглядеть за похоронами, хотя они отказывались, но мы сказали, что “Вы не маленькие дети – идите”»¹⁰⁰.

Сталин вследствие обвинений 1928 г. в коррупции против Ягоды решил ослабить монополию его клана в центральном аппарате органов внутренних дел, внедряя туда людей Евдокимова. Он перевел самого Евдокимова из Ростова в Москву и «предложил» Менжинскому сделать его членом коллегии ОГПУ¹⁰¹. Евдокимов стал начальником Секретно-оперативного управления центрального ведомства ОГПУ и тут же принялся наводнять его отделы и управления членами своего северокавказского клана, изо всех сил подрывая позиции Ягоды¹⁰².

Борьба кланов, 1931: победа Ягоды над Евдокимовым

Теперь Евдокимов обвинял Ягodu в «липачестве» и фабрикации дел, как тот его в 1928 г. Ягода раскручивал дело против высокопоставленных армейских командующих; Евдокимов назвал его «безосновательным». Он также, очевидно, начал собирать материал о неподобающем поведении сотрудников ОГПУ на допросах: использовании «физических методов» (пытках), лишении подсудимых сна, составлении фальшивых протоколов и т. п. У Ягоды имелась собственная комиссия по расследованию подобных фактов, так что Евдокимов бросил ему прямой вызов¹⁰³.

На сей раз Сталин вмешался, чтобы дать Евдокимову по рукам. 25 июля 1931 г. Политбюро разгромило евдокимовский клан в центре. Оно сняло Евдокимова с постов в центральном аппарате ОГПУ и перевело в Ленинград, прямо запретив ему брать с собой помощников. Судя по всему, ленинградский партийный босс Киров не желал видеть Евдокимова в своей организации: через неделю Политбюро изменило собственное распоряжение и услало последнего в Сред-

нюю Азию, воевать с басмачами в пустыне на пятидесятиградусной жаре¹⁰⁴. Ленинградское ОГПУ по-прежнему возглавлял друг Кирова Ф. Д. Медведь. Ягода, празднуя победу, немедленно велел сотрудникам ОГПУ выселить семью Евдокимова из московской квартиры¹⁰⁵. Членам евдокимовского клана пришлось еще хуже. С. А. Мессинга и Л. Н. Бельского вообще уволили из ОГПУ, направив на работу в другие ведомства; Я. К. Ольского оставили в органах, но из центрального аппарата убрали.

Хотя член клана Ягоды Прокофьев стал начальником особого отдела в Москве, получившийся результат вряд ли можно назвать безоговорочной победой Ягоды. Речь шла, скорее, об установлении равновесия между кланами. Ягоду понизили до второго заместителя председателя ОГПУ. Пост первого заместителя занял привлеченный со стороны И. А. Акулов. Начальником кадрового отдела ОГПУ поставили Д. А. Булатова, заведовавшего партийным Оргинструктом. Ни Акулов, ни Булатов не входили в клан Ягоды и раньше в органах внутренних дел не работали. Третьим заместителем сделали вызванного в Москву председателя украинского ОГПУ Балицкого¹⁰⁶. Наконец, глава кавказского ОГПУ Берия получил место в коллегии. Клан Ягоды выгнал «евдокимовцев» из Москвы, но дорогой ценой. Внедрение новичков в московский аппарат было якобы направлено на «укрепление» ОГПУ, однако Ягоду оно не могло радовать; он так и не добился монополии своего клана в центре. Кроме того, учитывая дурную славу Ягоды как коррупционера, Политбюро распорядилось, чтобы ОГПУ подробно отчитывалось перед ним самим и перед Госбанком о своих финансовых операциях, особенно связанных с валютой и золотом¹⁰⁷.

Потом Политбюро разослало партийным руководителям письмо, составленное Сталиным, Кагановичем, Орджоникидзе, Андреевым и Менжинским. Там разъяснялось, что Евдокимов и его подручные наказаны за «совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ». Они распространяли «не соответствующие действительности» слухи, будто расследование Ягодой дела о вредительстве в армии является «дутым», и «расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ»¹⁰⁸.

Разумеется, Сталин не питал особой любви к Ягоде, но межклановую войну он любил еще меньше. Меры, предпринятые им в 1931 г., имели целью не столько поддержать клан Ягоды, сколько уберечь ОГПУ. Однако испытанного бойца Ягоду никак не устраивало «время Акулова и Балицкого». Вскоре он выжил Акулова из центрального

аппарата. Тот не продержался там и года, а после жаловался на «ведомственное сопротивление» ему внутри ОГПУ. Через восемнадцать месяцев постоянных раздоров Ягода и Балицкого вышли обратно на Украину вместе со всей свитой¹⁰⁹.

1933–1936 г. стали периодом «смягчения» или «ослабления» репрессий. В мае 1933 г. Сталин и Молотов запретили дальнейшие «массовые операции» против крестьян и других лиц. Аресты отныне надлежало производить в индивидуальном порядке и только с санкции прокурора. Важнейшее институциональное изменение произошло с подачи Сталина в феврале 1934 г., когда функции бывшей тайной полиции (ОГПУ) передали новому Наркомату внутренних дел (НКВД) СССР, лишив его, однако, судебных полномочий. По новым нормам, НКВД не имел права выносить смертные приговоры (как делало ОГПУ) и налагать внесудебные «административные» наказания, превышающие 5 лет ссылки¹¹⁰. Как выразился подручный Сталина Л. М. Каганович, реорганизация ОГПУ означала, что в более нормальные времена можно судить посредством судов и не прибегать к внесудебным репрессиям¹¹¹.

Новый курс оказался ударом для Евдокимова и его чекистов-меченосцев, любителей массовых операций. Мало того, в 1934 г. Ягода возглавил НКВД, а Евдокимова отстранили от чекистской работы, сделав секретарем Северо-Кавказского крайкома. Новый нарком внутренних дел не преминул посыпать ему соли на рану, сказав на секретном совещании оперсостава, что эпоха массовых репрессий (специальность Евдокимова) закончилась и любые призывы вернуться к ней играют на руку «“теории” наших врагов»: «Практику и методы периода борьбы с массовой контрреволюцией, от которых многие товарищи никак не могут отвыкнуть, надо решительно отбросить»¹¹². Сталин был с ним согласен. В январе 1935 г. он писал Вышинскому, что полицейские меры теперь должны быть «постепенными, без потрясений» и проводиться «без чрезмерного административного энтузиазма»¹¹³. Клан Ягоды находился в зените власти, а звезда евдокимовского клана закатывалась.

Борьба кланов, 1936: снова победа Евдокимова над Ягодой

Ягода, однако, лишился престола осенью 1936 г., когда Сталин заменил его Н. И. Ежовым¹¹⁴. Генсек решил поставить органы внутренних дел под свой контроль, прямо подчинив их партии и себе самому.

Ежов на несколько месяцев оставил на прежних должностях кое-кого из людей Ягоды, поскольку те обладали опытом, которого у него не было, но после ареста Ягоды в марте 1937 г. все они пошли на дно вместе с патроном. В переходный период Ежов, за неимением личного клана, привел в центр на смену группе Ягоды группу Евдокимова (он признал это позже на собственном процессе)¹¹⁵. Большое число евдокимовских людей заняли при Ежове посты в центральном и провинциальных аппаратах¹¹⁶.

Говорят, Ежов, будучи назначен наркомом внутренних дел, хотел сделать Евдокимова заместителем, но Сталин отказал ему, боясь, что тот заберет все в свои руки¹¹⁷. Генсек не желал менять один чекистский клан на другой, даже поддерживать между кланами равновесие больше не намеревался. Он понимал, что, как только клан Ягоды уберут, возникнет нужда в профессионалах с Северного Кавказа, однако самого Евдокимова держал подальше¹¹⁸. Сталину были нужны только члены этого клана, а не его глава. Он назначил Ежова наркомом в том числе и потому, что в органы внутренних дел последний пришел со стороны, не имея за спиной чекистского клана. Поэтому Ежов поневоле вступил в союз с врагами опального клана Ягоды, северокавказской группой, и взял их в центральный аппарат НКВД. Фриновский стал его первым заместителем. Тем не менее в ходе развития клановой политики Ежов так и не сделался для «северокавказцев» «своим», и наоборот. Поскольку кланы составляли неотъемлемую часть системы, без которых она функционировать не могла, Ежов начал сколачивать собственный клан. Он подбирал младших офицеров НКВД и новых людей из партийных школ. Постепенно на должности заместителей наркома пришли его коллеги по кадровому аппарату ЦК, где он проработал десять лет (М. И. Литвин, С. Б. Жуковский, В. Е. Цесарский, И. И. Шапиро), вытеснив «северокавказцев».

После падения Ежова его преемник Берия уничтожил не только новый ежовский клан, но и остатки северокавказской группы. Следуя испытанным принципам клановой политики, он полностью перетряхнул наркомат, укомплектовав его своей группой из Закавказья.

Помимо этих боев, требовавших вмешательства Сталина, дабы ведомство не развалилось, кланы обменивались мелкими укусами, пускаясь на поистине византийские уловки. Однажды в 1936 г. Ягода, чувствуя себя зажатым в тисках между евдокимовским кланом и всюду сующим нос Ежовым, поставил руководить управлением НКВД в Ростове Г. С. Люшкова (не входившего ни в один клан) вместо

П. Г. Рудя (человека Евдокимова), которого отправили в Татарию. Тем самым он убрал ненадежного человека из своего московского окружения, а заодно снял и сослал члена евдокимовского клана. Вдобавок он теперь руками Люшкова мог устраивать Евдокимову пакости в его вотчине. Последнему понадобились месяцы, чтобы выжить Люшкова и добиться его перевода¹¹⁹.

Если члены клана становились жертвами атак со стороны Сталина или другого клана, предводители пытались защищать арестованных из «своих», а в случае неудачи – сдавали их ради спасения остальных. Фриновский, начальник Главного управления пограничных и внутренних войск, старался помочь своим, когда участились аресты среди пограничников. В октябре 1937 г. Люшков арестовал В. М. Дрекова, командовавшего на дальневосточной границе, на основании показаний его заместителя. Фриновский, стремясь предотвратить беду, приказал доставить этого заместителя в Москву для «повторного допроса», который проводили его люди. Разумеется, подследственный отказался от прежних показаний, и Дрекова освободили¹²⁰.

Начальник Ленинградского управления НКВД Л. М. Заковский, человек Ежова, спускал подчиненным квоты на массовые аресты партийных руководителей и рядовых партийцев, видимо без санкции ЦК, и к апрелю 1938 г. ленинградские тюрьмы оказались опасно переполнены. В этом случае, как и в других, Ежов пытался не допустить, чтобы о нарушениях законности его подчиненными сообщили Сталину, и доходил даже до перехвата адресованных генсеку писем с жалобами¹²¹. Стремясь защитить «перегибщика» Заковского, он перевел его в Москву, дабы убрать с места преступления. Маневр не удался. Сталин велел Заковского снять и арестовать¹²².

В конце 1937-го и в 1938 г. Ежов и Фриновский часто сдавали кого-нибудь из своих, чтобы объяснить перегибы в ходе массовых операций¹²³. Заковского сняли 14 апреля 1938 г., его помощников арестовали вместе с ним. Летом 1938 г., когда заместителем наркома внутренних дел назначили Берия, Ежов и Фриновский решили быстро расстрелять уже арестованного «своего» Заковского, а также С. Н. Миронова и других, пока Берия не занялся ими и не выбил «показаний» против предводителей их клана¹²⁴. В качестве примера порочности – и примитивности – этой межклановой борьбы упомянем, что первым, кого арестовал Берия, был М. С. Алехин, начальник специальной химической лаборатории НКВД¹²⁵.

Соперничество центра и периферии: Сталин против партийных кланов

Возвращаясь к противоборству Сталина и региональных партийных кланов, мы обнаружим споры по поводу контроля над карательной политикой, выполнения экономических планов и распределения бюджетных средств, кадровых назначений, полномочий Комиссии партийного контроля, наказания оппозиционеров и других вопросов. Борьба велась путем публичных и тайных доносов, кадровых санкций и назначений, реорганизации ведомств и изменения конституции, партийных выборов и, наконец, насилия.

Несмотря на всю свою критику в адрес кланов, Сталин очень долго с ними мирился, утверждал предложения по назначениям и большинство решений клановых «атаманов». Он имел много оснований не открывать огонь, по крайней мере публично. Ему нужны были клановые вожди: не так уж много в его распоряжении находилось руководящих кадров. В первые двадцать лет советской власти способных управленцев высшего звена отчаянно не хватало; спрос превышал предложение. Опытным высокопоставленным кандидатам, ожидавшим назначения, предлагали вакантные посты на выбор, и мы видим, что секретарей частенько перебрасывали с места на место, а кадровый резерв пополнялся весьма незначительно.

Высокопоставленные клановые предводители также имели дореволюционный партийный стаж, многие из них являлись членами ЦК, поэтому, даже если они не очень много знали о промышленности и сельском хозяйстве, огромный личный престиж (и сопутствующие ему личные связи) позволял им эффективно руководить партийными комитетами, зачастую строптивыми. В каждой области Сталину требовался кто-нибудь, кто сумеет как следует нажать, чтобы дело делалось. Кроме того, публичный подрыв репутации первого секретаря губкома/обкома сильно грозил подорвать всю контролируемую структуру режима. Между Сталиным и первыми секретарями могли существовать разногласия, однако в критические моменты они смыкали ряды перед вызовами со стороны общества и (до 1936 г.) перед простыми партийцами. Сталин и провинциальные секретари принадлежали к одному и тому же «руководству», их основные интересы и представления о партии, стоящей у власти, совпадали. Слишком открыто нападая на региональный руководящий слой, Сталин рисковал вызвать у общественности мысль о расколе в руководстве, который давно всем внушал страх и считался самым тяжким грехом. Вдоба-

вок серьезная дискредитация региональных руководителей дала бы рядовым партийцам повод не слушаться начальников, что поставило бы под угрозу стабильность вообще и власть партии в частности. Подобное вряд ли было в интересах Сталина, и, если в 1937 г. он все же начал во всеуслышание порицать сверху представителей партийной верхушки на местах, это свидетельствовало о том, насколько острой и ожесточенной стала борьба центра с периферией и какой опасной она казалась тогда Сталину.

Начиная с первой пятилетки в наших источниках содержится много упоминаний о региональных первых секретарях, не выполняющих экономические планы (и лгущих об их выполнении), скрывающих ошибки, свои и своих подчиненных, игнорирующих «неоднократные предложения» или «неоднократные предупреждения» Сталина о «грубых ошибках и болезнях» в руководстве областной партийной организации¹²⁶. И до 1937 г. им это сходило с рук. Как мы увидим в следующей главе, Сталин до тех пор охотно закрывал глаза даже на серьезные преступления, покрываемые региональными «хозяевами». Он критиковал их, по-товарищески и в основном за закрытыми дверями партийных органов, но более решительные меры считал нежелательным последним средством. При всем его могуществе, чтобы ограничить власть провинциальных кланов, ему приходилось действовать осторожно.

Провинциальные лидеры сами занимали высокие руководящие посты, имели друзей и старых товарищей в ЦК, а даже Сталину опасно было провоцировать создание там враждебного ему большинства. Чувствуя себя важными партийными деятелями, старыми большевиками, равными Сталину, они являлись влиятельными политиками, с которыми генсеку следовало договариваться.

Как показал Джеймс Харрис, с началом коллективизации и плановой индустриализации обычно учтивый тон центрально-регионального дискурса сменился сердитыми требованиями и угрозами со стороны Сталина, который добивался выполнения плана. Региональные руководители в ответ теснее спланивались со своими кликами, перекрывали поток информации в Москву и попросту ввалили насчет затрат и достигнутых результатов¹²⁷. Плановая индустриализация, с ее четкими задачами, нагляднее высветила степень исполнительности и послушания на местах, и в тот период Сталин стал все сильнее нажимать на местных олигархов.

Сталин, конечно, был централизатором. А региональные начальники ввиду своей бывлой службы в элитных отрядах большевистских

рыцарей хотели, чтобы им позволили участвовать в выработке политики и чтобы центр предоставил им решать вопросы, касающиеся их областей. В сущности, и Сталин, и региональные бароны претендовали на государственную власть¹²⁸. Их соперничество можно также рассматривать как борьбу сталинского клана с кланами партийных бояр¹²⁹.

В следующих трех главах описаны три раунда в соревновании между Сталиным и региональными партийными баронами. Хотя Сталин в конце концов победил, но лишь ценой физической ликвидации провинциальных большевистских аристократов. До этого они демонстрировали поразительную стойкость перед атаками и острое чувство самосохранения. По причинам, перечисленным выше, Сталин вовсе не жаждал столкнуться с большевиками-дворянами в открытом бою. Он действовал потихоньку, деликатно, и отнюдь не очевидно, что он намеревался уничтожить их, пока игра не перешла в последнюю стадию. Ясно только, что он двигался в направлении обуздания их власти и укрепления своей.

В первом раунде, подобно одному французскому королю раннего Нового времени, Сталин пытался засылать в провинциальные кланы собственных инспекторов, так сказать, «людей короля», однако местные партийные бонзы, как правило, подпаивали, подкармливали, подкупали, запугивали уполномоченных из центра и кооптировали их в местные кланы. Во втором раунде Сталин и региональные бароны долго и упорно спорили о контроле над летальным насилием и о новой сталинской Конституции 1936 г. Провинциальные клановые вожди осмеливались даже протестовать в частном порядке против последней и чуть ли не саботировать ее соблюдение. Этот конфликт завершился ничьей: в 1937 г. региональные большевистские нобили были вынуждены смириться с конституцией, зато снова получили право разворачивать террор в своих областях. Третий раунд проходил в словесной форме; сегодня мы назвали бы это «тактикой увещевания». Сталин отзывался о региональных партийных начальниках как о «болтунах», «князьках... которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков». Печать в 1934–1937 гг. постоянно критиковала «семейственность», «артели», «хвосты», которые руководители тащили за собой с места на место. Увещевание сопровождалось политикой централизации печати, идеологии, органов внутренних дел, судебной системы под рукой Москвы и соответствующими институциональными изменениями в начале 1930-х гг.¹³⁰ Тем не менее вербальные атаки, призванные ослабить региональных

нобилей, оказывая поддержку их подчиненным, тоже потерпели неудачу, во всяком случае на некоторое время.

Чтобы окончательно низвергнуть провинциальных владык, понадобилась еще одна кампания. После первого московского показательного процесса, состоявшегося в середине 1936 г., региональных руководителей все чаще стали обвинять в недостатке бдительности по отношению к троцкистам и другим «врагам» в их окружении. Эта новая тема оказалась роковой для «князьков», приведя к их гибели в 1937 г.

6. СТАЛИН И КЛАНЫ I:

«Люди короля»

Можете писать [про меня] в Москву, если хотите, но я не советую. Там слишком высоко, как бы ноги не переломать.

П. П. Постышев (1937)¹

Инспектора А. А. Френкеля, московского уполномоченного, направили в Куйбышев с заданием обеспечить «выполнение решений» центра областным партийным аппаратом. В 1937 г. он докладывал Москве о «плохой работе» и «чисто единоличном стиле работы» первого секретаря обкома П. П. Постышева. Постышев, могущественный региональный барон, в отместку не только не давал Френкелю выступать на партийных собраниях, но и угрожал ему лично словами, приведенными в эпиграфе, хотя тот был «человеком короля», властью Сталина внедренным в постышевскую вотчину, чтобы критиковать и налагать взыскания. В конце концов «человека короля» выпроводили вон. Не Постышева, а самого Френкеля сняли и подвергли взысканию.

Как мы видели, старобольшевистские нотабли обладали в своих областях персональной патримониальной властью, которая зиждилась на их революционном престиже и хорошо организованных патронажных сетях. Власть региональной элиты в сочетании с порой практически несокрушимой силой ее аппарата и удаленностью от Москвы давала ей значительную независимость от центра и лично от Сталина.

Ради проведения коллективизации и первого этапа индустриализации (1929–1932) Сталин был вынужден во многом пойти на уступки провинциальным баронам, однако в середине 1930-х гг. он систематически старался централизовать и вернуть себе власть посредством кампании, в которой можно усмотреть как создание и упрочение его личной деспотии, так и политику централизации, имеющую исторические прецеденты по меньшей мере с XVI в.

Процесс формирования абсолютизма в столь далеких друг от друга странах, как Россия Ивана Грозного и Франция Людовика XIV, включал ограничение и уничтожение независимости местной знати («феодалных князьков», по выражению Сталина) наряду с сосредоточением власти в политическом центре – одновременно бюрократическом и персонализированном. Этот процесс может рассматриваться как своего рода централизующая бюрократическая модернизация, но он также основывался на патримониальном представлении о власти и влиянии. Когда Людовик XIV изрекал знаменитое «государство – это я», «я» значило не меньше (если не больше), чем «государство»; люди в то время не думали о власти как о безличной и рациональной бюрократической абстракции, а отождествляли ее с конкретной личностью. Поэтому, с аналитической точки зрения, неверно проводить резкое разграничение между персональной и бюрократической составляющими процесса централизации. В нем присутствовали обе. И Иван Грозный, и Людовик XIV, и Сталин создавали личные деспотии посредством схожих процессов и тактик.

Одна из подобных тактик заключалась в том, чтобы ограничивать власть местной аристократии, засылая в ее владения «людей короля». Интенданты Людовика, наместники Грозного, сталинские уполномоченные, комиссары и инспекторы всегда имели задачу давать центру информацию, возможно, утаиваемую местными властями, расследовать экономические преступления и добиваться выполнения решений центра. Их роднит между собой то, что они являлись представителями центра, не входящими в сферу патронажа могущественных местных владык и независимыми от него. Такая тактика не нова: «Карл Великий пытался сделать эту систему регулярным механизмом центрального управления Священной Римской империей, даже подкрепляя ее *missi dominici* – избранными центром королевскими посланниками в провинциях... От *missi dominici* Карла Великого до интендантов Людовика XIV мы видим перед собой непрерывную череду подобного рода агентов, направляемых на периферию с заданием собирать информацию, докладывать о нарушениях и помогать исполнению директив центра»².

По предложению Ленина, партия в начале 1920-х гг. создала Центральную контрольную комиссию (ЦКК) для проверки деятельности партийных комитетов. Партийные вожди сделали ЦКК независимой от ЦК и его сети парткомитетов, чтобы предотвратить конфликты интересов и гарантировать членам ЦКК возможность расследовать проступки членов самого ЦК. Никому не разрешалось одновременно входить в ЦКК и в какой-либо комитет партии, ЦКК предоставили

самостоятельные полномочия «преследовать» любого партийца, обвиняемого в бюрократизме или нарушении дисциплины, невзирая на его ранг. Ее государственному аналогу – Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрину) – параллельно был вменен в обязанность надзор за действиями государственных и хозяйственных органов³.

Хотя теоретически предполагалось, что ЦКК должна хранить нейтралитет в политических диспутах, сталинская фракция довольно скоро кооптировала и прибрала к рукам всесоюзную ЦКК: раскольническая деятельность членов партии трактовалась как нарушение дисциплины. Все руководители ЦКК в 1920-е гг. (Шкирятов, Куйбышев, Орджоникидзе, Ярославский и др.) были верными сторонниками Сталина⁴.

ЦКК, впрочем, занималась также расследованием неполитических дел о личной коррупции и невыполнении хозяйственных планов. В одном из ее решений того периода перечислены ее главные задачи: контроль за качеством продукции тяжелой и легкой промышленности и сельского хозяйства, борьба с коррупцией, обеспечение выполнения планов правительства. В этих целях местные и региональные контрольные комиссии принимали и проверяли тысячи устных и письменных жалоб рядовых граждан на работу различных партийных руководителей. В 1933 г. Контрольная комиссия Западной области (ЗапоблКК) и Рабкрин рассмотрели свыше 29 тыс. жалоб. Согласно ее официальному отчету, ЗапоблКК решила 55 % дел в пользу жалобщиков. В большинстве случаев после исключения виновных из партии их дела передавались в органы внутренних дел или в суд⁵.

Несмотря на объявленную в положении о ЦКК независимость от комитетов партии, на практике местные контрольные комиссии попадали под каблук региональных партийных кланов. Члены контрольных комиссий областного уровня и ниже «избирались» на местах, то есть состав органов, призванных, по идее, следить за деятельностью парткомитетов, этими же комитетами и контролировался. Лисы охраняли курятник⁶. К концу 1920-х гг. местные КК по всей стране стали не более чем «учреждениями на побегушках» у парткомов⁷. С особой очевидностью это обнаруживалось в ходе периодических партийных чисток. Предназначенные для удаления из партии обманщиков, приспособленцев, пассивного и некоммунистического балласта чистки вместо этого превращались в орудие, помогающее местным кланам избавиться от неугодных или непослушных людей⁸.

Будущий уполномоченный Комиссии партийного контроля (КПК, преемницы ЦКК) в Смоленске писал в 1933 г., что проводимой контрольными комиссиями чисткой партийных комитетов с 1929 г. верхо-

водили главы тех самых комитетов: «Основным недостатком... было как раз то, что чистку проводила организация, выбранная членами партии, которых она чистила, то есть местными КК, избранными самой организацией. Это вносило иногда в чистку элементы местничества, местных настроений и влияний»⁹. Ленин уже в 1922 г. заметил: «Далее, для решения данного вопроса надо учесть значение местных влияний. Нет сомнения, что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культурности. Едва ли кто-либо не слышал о том, что чистка партии вскрыла, как преобладающий факт, в большинстве местных проверочных комиссий сведение личных и местных счетов на местах при осуществлении чистки партии. Это факт бесспорный и достаточно знаменательный. Едва ли кто решится отрицать, что нашей партии легче найти десяток надежных коммунистов... способных противостоять всяким чисто местным влияниям, чем найти таковых же сотни»¹⁰.

К началу 1930-х гг. местные партийные машины подчинили себе почти всю советскую деревню и не очень боялись инспекторов. Изредка, как, например, в случае смоленского скандала 1928 г., решительные представители центра могли взять под контроль местную клановую машину. Но даже тогда для этого требовались вопиющие нарушения на местах, неоднократные приезды инспекторов и непреклонное стремление центра добиться своего¹¹. Первые секретари областных, краевых, республиканских, городских и даже районных партийных организаций были могущественными людьми. Находясь зачастую далеко от Москвы, при плохом состоянии средств сообщения (а соответственно и контроля)¹² и учитывая, что Москва отчаянно нуждалась хоть в каком-то политическом присутствии в деревне, местные и областные руководители практически представляли собой автономных сатрапов. Особенно в 1929–1932 гг., когда Москва опиралась на них, проводя индустриализацию и коллективизацию, эти должностные лица стали на подвластных им территориях «маленькими Сталиными». Москва отдавала приказы, однако местные партийные органы и руководители вдали от столицы, по всей видимости, гнули свою линию, нередко вступавшую в противоречие с желаниями Москвы. Различные кампании – включая чистки – затягивались, ускорялись, срывались, велись так, как диктовали местные условия и интересы¹³. Местные органы юстиции, устраивая процессы и вынося приговоры, руководствовались отнюдь не процедурами, предписанными центром, а политическими интересами местных машин¹⁴.

В 1934 г. господство партийных комитетов над контрольными комиссиями привело к серьезной реорганизации¹⁵. Сталин сказал на XVII съезде партии: «Правильная организация проверки исполнения имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцелярщиной... Можно с уверенностью сказать, что девять десятых наших прорех и прорывов объясняется отсутствием правильно поставленной проверки исполнения»¹⁶ (имеется в виду, естественно, исполнение решений Москвы). Чтобы гарантировать исполнение, Сталин объявил о преобразовании Рабкрин и ЦКК в Комиссию советского контроля и Комиссию партийного контроля. Последнее преобразование он обосновал тем, что главная задача прежней ЦКК заключалась в предотвращении раскола в партии. Теперь же, когда оппозиция разгромлена, «имеется... настоятельная необходимость такой организации, которая могла бы сосредоточить главное свое внимание на работе по проверке исполнения решений партии и ее Центрального Комитета»¹⁷.

Новая КПК была прямо подчинена ЦК. Создание КПК *при* ЦК имело целью не столько поставить ее под контроль Сталина (он уже контролировал высшие уровни прежней ЦКК), сколько вырвать проверку из рук местных партийных руководителей, манипулировавших контрольными комиссиями. Положение при ЦК давало КПК больше власти в отношениях с местными баронами.

Соответственно XVII съезд решил, что уполномоченные новой КПК в регионах должны назначаться московской КПК и утверждаться в ЦК партии, то есть в кабинете Сталина¹⁸. Таким образом, новые уполномоченные станут совершенно независимыми от местных партийных «атаманов», отвечая только перед Москвой. Назначенный председателем КПК Каганович сказал без обиняков: «Партия создала на съезде КПК как оперативный орган нашего ленинского ЦК»¹⁹.

Подобная реорганизация означала, что «люди короля» из КПК будут агентами центральной власти внутри территориальных политических «семейств», добивающимися «исполнения решений» на местах. Она провоцировала новую «естественную» вражду, войну за влияние между отстаивающими местные интересы партийными комитетами и ориентированными на центр инспекторами КПК. Почти сразу КПК вступила в борьбу с региональными партийными руководителями из-за прерогатив, оспариваемых центром и периферией, а также из-за установочных и юридических различий между инспекторами и партийными администраторами. Региональное партийное руководство проявило немалую стойкость и силу в противостоянии этому новому вмешательству столицы.

И региональные партийные лорды, и «люди короля» из КПК имели приверженцев и защитников на всех уровнях аппарата, и по поводу необходимости принятия строгих мер часто возникали разногласия. Например, широко известно, что партийные комитеты всячески ловчили, пытаясь выполнить свои хозяйственные планы.

Уполномоченный КПК Френкель рассказал об инциденте, который демонстрирует, насколько размытой для управленцев-хозяйственников стала грань между воровством и прагматичными сделками. Однажды, когда он закончил выступление, посвященное хищениям и незаконным махинациям, к нему подошел один руководящий работник и спросил, хочет ли он услышать правду. Этот работник поведал, что у них, как обычно, получили планы строительства и приказы сверху, но без необходимых материалов: «Что делать? Пошли к снабженцам, показали им план и документы, говорим: дайте нам материалы. Они на нас поглядели и сказали, что материалов у них нет и план [по стройматериалам] уже распределен. Потом снабженцы говорят: “Иван Иванович, дай нам мясо, хлеб, деньги – есть вагон гвоздей и стекла, ты получишь всё”. Мы опять подумали, что делать? Если будем ждать, ничего не построим. Если нарушим закон, то построим. Мы решили нарушить закон»²⁰. Однако Френкель считал снабженцев, предложивших гвозди и стекло, преступниками. Враги, заявлял он, вместо того чтобы сразиться с советской властью открыто, думают замарать ее план строительства, приучая людей к тому, что «блат – большое дело», а суды к этому слишком снисходительны²¹.

Представитель КПК на Украине П. Д. Акулинушкин докладывал на пленуме КПК, что система бартера характерна для работы практически всех хозяйственных органов: «Сделки проворачивают даже в буфетах Винницкого обкома партии». Директор одного совхоза самовольно продал 450 совхозных свиней. Деньги пошли совхозу, но, возмущался Акулинушкин, важно не куда пошли деньги, а кто дал директору право продавать 450 государственных свиней? Когда КПК изучила это дело, оказалось, что райком, райсовет и районный прокурор получили свиней из совхоза, и все были довольны²².

В Смоленске два полюса конкуренции за власть олицетворяли первый секретарь Западного обкома И. П. Румянцев и уполномоченный КПК по Западной области Л. А. Папардэ. Оба они были могущественными чиновниками, но их работа, политика и в конечном счете личности весьма сильно различались.

Румянцев представлял собой типичного провинциального партийного магната. Заслуженный старый большевик пролетарского происхождения (в партию вступил в 1905 г., будучи рабочим-метал-

листом), рыцарь революции, давний член ЦК. С 1929 г. правил Западной областью с центром в Смоленске на свой собственный лад. Заводы, другие предприятия и даже целый район в области носили его имя. В местной печати то и дело появлялись большие фотографии самого Румянцева и его помощников, а его день рождения отмечали два дня, с публикацией поздравлений от народа и льстивых телеграмм от подчиненных. Постоянно подчеркивались великодушные, но при этом эффективность его правления. Демократичный Румянцев приглашал к себе на обед простых рабочих, ставя на стол дорогой хрусталь. Прихлебатели в своих выступлениях именовали его «лучшим большевиком области»²³. Как привилегированный представитель партийной элиты союзного значения он получил от Политбюро средства на заграничный отпуск в драгоценных американских долларах²⁴.

Папардэ назначили уполномоченным КПК по Западной области в 1935 г. До этого он работал председателем Западно-Сибирской контрольной комиссии (1932–1934) и уполномоченным КПК в Свердловске (1934–1935). Подобно своему предшественнику в Смоленске Я. Я. Бауэру и множеству работников органов внутренних дел и других контролирующих ведомств, Папардэ не был русским. Сын латышского крестьянина, он одним из первых вступил в 1911 г. в Латвийскую социал-демократическую рабочую партию, получив партбилет за номером 124. Воевал в гражданскую войну, заслужил орден Красного Знамени на колчаковском фронте²⁵. За два года до приезда в Смоленск написал брошюру, в которой прямо обвинял партийное руководство на местах в использовании влияния и «семейственности» для защиты своих. Словом, он представлял собой идеального «человека короля»²⁶.

Чтобы Румянцев обеспечивал результаты, ему требовалась огромная власть, но она же давала ему сравнительную независимость от Москвы²⁷. Сталин нуждался в Румянцевых, однако вместе с тем его пугали и возмущали приобретаемая ими власть на местах и вольности, допускаемые в работе. Должностные нарушения, неповиновение указаниям центра стали обычным явлением. Они дискредитировали режим в целом, но что он мог тут предпринять? Открытое обсуждение местных злоупотреблений обнажило бы недемократические основы всего режима, сделав их предметом нежелательной публичной дискуссии²⁸. Полная замена либо ликвидация дурных работников дестабилизировала бы и так уже опасную политическую ситуацию в деревне и, в любом случае, не решила бы коренную структурно-географически-политическую проблему.

Держать Румянцевых в узде было работой уполномоченных КПК. С 1934 по 1937 г. Сталин старался сохранять некую диалектическую напряженность между Румянцевыми и Папардэ, склоняя весы то в одну, то в другую сторону, чтобы иметь систему, которая давала бы результаты в деревне, не дробя властную базу партии. Эта попытка Москвы управлять хаотичной и быстро меняющейся системой хронической напряженности в качестве альтернативы контролю провалилась в 1937 г., так же как и другие мирные попытки обуздать региональные кланы.

В последний день XVII съезда партии (10 февраля 1934 г.) новоизбранные члены КПК (61 чел.) выбрали председателя (Л. М. Кагановича), его заместителя (Н. И. Ежова) и бюро (7 чел.)²⁹. На этом заседании КПК поручила своему бюро составить положение о КПК и сформировала специальную комиссию под председательством Ежова для выработки ее структуры и процедур³⁰.

Через несколько недель, в марте, появилось положение. Перед КПК ставилась задача «организовать оперативный контроль за исполнением решений» ЦК. Положение как будто давало ей широкие полномочия. Она имела право набирать на работу партийцев и руководить своим аппаратом независимо от партийных машин в деревне. Члены и уполномоченные КПК были вправе читать протоколы заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата, присутствовать на заседаниях ЦК и любой партийной организации страны. Руководителям рабочих групп КПК также предоставлялось право присутствовать на заседаниях Политбюро³¹.

На уполномоченных КПК возлагалась обязанность служить представителями центра для «оперативного контроля за исполнением решений» на местах и «систематически сообщать в центр» о ходе этого исполнения. В случае же явного нарушения директив ЦК в их власти было «давать обязательные указания всем советским и хозяйственным органам... районным комитетам партии и первичным партийным организациям»³².

Разумеется, это первое положение предусматривало возможность конфликта между представителями КПК и партийными секретарями. Оно гласило, что уполномоченные КПК должны работать и выдвигать «предложения» по обычным каналам регионального руководства. Но оно также *требовало* от местных партийных комитетов рассматривать совершенные их членами нарушения, когда о таковых доложит КПК, и принимать меры. Если комитет мер не примет, КПК надлежало уведомить об этом ЦК. В случае разногласий между упол-

номоченными КПК и местными секретарями представителям КПК предписывалось «вносить свои предложения в ЦК»³³.

Спустя три месяца КПК провела второй пленум, который состоялся 26–28 июня 1934 г., накануне июньского пленума ЦК³⁴. Самой важной темой обсуждения был разгорающийся конфликт между местными партийными боссами и представителями КПК. Поскольку пленумы КПК и ЦК проходили почти одновременно, имеет смысл предположить, что члены ЦК – региональные партийные секретари приехали в Москву и для того, чтобы изложить свою точку зрения на КПК.

Уполномоченные серьезно отнеслись к своей роли следователей, и неудивительно, что некоторые из них уже оказались не в ладах с региональными партийными организациями, за которыми должны были наблюдать. Рассказывая о стычках с местными партийными руководителями, они порой слышали от коллег понимающие иронические смешки.

Уполномоченный С. К. Шадунц (Азово-Черноморский край) упомянул могущественного первого секретаря крайкома Б. П. Шеболдаева, жалуясь, что партийное руководство края блокировало предложения КПК по снятию ряда руководителей, обвиняемых в должностных преступлениях³⁵. В одном случае председатель сельсовета незаконно арестовывал граждан, оштрафовал большое количество народу и угрожал колхозникам, размахивая перед ними револьвером. Местный прокурор завел на него дело, но был уволен людьми Шеболдаева, постаравшимися защитить «своего» председателя. Тогда вмешалась КПК, требуя восстановить прокурора в должности и сместить районное партийное начальство³⁶.

Шадунц сетовал также, что шеболдаевское руководство сознательно задерживает или запрещает публикацию решений КПК в местной печати. Крайком партии, возмущался он, хочет поставить уполномоченных КПК в положение бывшей ЦКК, во-первых, чтобы все решения КПК согласовывала с комитетом, а во-вторых, чтобы партийный контроль в своей работе зависел от комитета (в получении средств, помещений и т. д.)³⁷.

Уполномоченный Френкель из Сталинграда доложил, что критиковал Сталинградский обком. С выражением бесхитростной ангельской невинности, рассмешившим собратьев, он уверял, что старался проявлять максимум лояльности. Тем не менее председатель облисполкома публично возражал против критики Френкеля. Уполномоченный Акулинушкин (Украина) тоже испытал нечто подобное и вызвал своим рассказом сочувственный смех товарищей по КПК.

Когда он выступил с критикой местного партийного клана (Одесского обкома), первый секретарь обкома Е. И. Вегер его поддержал. Потом Акулинушкин ушел в отпуск. А когда вернулся, оказалось, что ни его выступление, ни даже присутствие на местном пленуме не записано в протоколах³⁸.

Региональные партийные бароны являлись могущественными фигурами, которые отстаивали свою власть и находили аргументы в защиту этой власти. По словам главы КПК в Киеве Р. Г. Рубенова, обкомы утверждали, что вмешательство КПК не дает им соревноваться с другими обкомами, где контроля меньше. Далее Рубенов обрисовал юридическую загвоздку: положение о КПК наделяло уполномоченных правом отдавать прямые приказы государственным и партийным органам, однако это сложно было делать в хозяйственной сфере, где КПК с ее приказами могла дублировать существующие командные цепочки. Кроме того, положение гласило, что все «важные» решения должны проходить через региональное партийное руководство. Хитрость, отмечал Рубенов, заключалась в том, какие вопросы считать «самыми важными»³⁹. Представителю КПК, сказал смоленский уполномоченный Папардэ, нужно будет немало храбрости, чтобы попытаться наладить «настоящую систему контроля»⁴⁰.

Каганович писал в партийной печати, что на пленуме много говорилось о независимости уполномоченных от областных партийных организаций. Подводя итоги дискуссии, он заметил, что споры между партийными комитетами и уполномоченными имеют и будут иметь место и это в порядке вещей. Он также назвал подобные споры, шедшие в последние три месяца, «серьезным делом».

Не вынося характер этих споров на неуместное публичное обсуждение, Каганович изо всех сил постарался сгладить трения. Он советовал уполномоченным держать комитеты партии в курсе своих расследований: секретари обкомов не должны узнавать о них из газет. Уполномоченным КПК, писал Каганович, запрещено публиковать результаты расследований в печати без санкции партийного комитета. Он рекомендовал ставить перед комитетами конкретные практические вопросы, добавляя, что обеим группам следует избегать стычек по любому поводу, поскольку у них одни цели.

Каганович предложил три неформальных «подхода» в контрольной работе. Сначала представители КПК должны просто звонить людям по телефону и указывать на проблемы. Если это не подействует, пусть пишут письма партийным секретарям, комитетам и/или комиссарам. Наконец, в качестве последнего средства уполномоченный

может обратиться в КПК и ЦК, где «товарищ Сталин лично» разрешит спор⁴¹.

Выступление Кагановича приглушило конфликт между двумя группами, обуздав активность уполномоченных. «Люди короля» чересчур зарвались, скрывая расследования от парткомитетов, публикуя в местной печати критику без их разрешения и вообще «воюя» с местными руководителями. Обиженные партийные бароны стали жаловаться. Не прислушаться к ним было нельзя, и они выиграли раунд. Каганович постарался разрядить обстановку, не лишая уполномоченных КПК независимости от местного руководства.

Региональные партийные вожди одержали верх в борьбе против «вмешательства» инспекторов КПК и завоевали преимущество.

Представитель КПК Папардэ на предыдущем месте работы в Свердловске конфликтовал с первым секретарем обкома И. Д. Кабаковым, который жаловался на его грубость. И Папардэ оттуда перевели.

Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома Б. П. Шеболдаев жаловался на своеволие и скрытность уполномоченного КПК С. К. Брикке, который, по словам Шеболдаева, действовал через его голову и наговаривал на него прямо в ЦК: «Мы узнаем, что он делает, только когда он выступает на областном пленуме партии!»⁴² Брикке перевели.

Первый секретарь Казахского крайкома Л. И. Мирзоян жаловался на уполномоченного КПК В. Ф. Шаранговича. Шаранговича тоже сняли.

Следующие несколько месяцев об усмирённой КПК ничего не было слышно. Уполномоченные, по-видимому, тратили время в основном на расследование коррупции на нижних уровнях. В первые недели 1935 г. партийный журнал в рубрике, посвященной работе КПК, описал ряд мер против преступников и правонарушителей, все они оказались местными руководителями.

Так, председатель Средне-Волжского крайисполкома бесплатно раздавал друзьям продукты под самым носом партийных комитетов и при потворстве двух секретарей исполкома. Действовать свободно ему позволяло «систематическое пьянство» в руководстве советских и партийных организаций. Местный уполномоченный КПК раскрыл эти махинации и добился наказания участников⁴³.

В Сталинградской области секретарь райкома Маслов препятствовал расследованию большого числа жалоб, направленных против «его людей». Его помощник, секретарь Пименов, ухитрился аннулировать 43 обвинительных акта за недостатком доказательств. По

указке группы Маслова-Пименова местные суды конфисковали имущество осужденных, а затем продавали их приятелям (в том числе женам судей!). Маслов, Пименов и еще один секретарь, Леонов, руководили Новоанненским райкомом, пребывая в постоянном пьяном угаре и не проводя ни одного собрания. Инспекторы КПК проникли в их круг и исключили из партии всех трех секретарей, а также судью районного суда⁴⁴.

Преступления, совершаемые или покрываемые региональными кланами, превратились в проблему всесоюзного масштаба, однако до 1937 г. Москва предпочитала не выносить сор из избы. К примеру, директор Горьковского автозавода Дьяконов и 4 его заместителя незаконно продали отдельным лицам и организациям 257 машин по завышенным ценам, нагрев руки на 3 млн руб.⁴⁵ Где бы ни случались подобные вещи (по-видимому, широко распространенные), все как будто были в курсе, кто есть кто и кто что делает. Либо человек играл по общим правилам, либо его выживали. Как писал один директор, все в группе знали, чем занимаются другие, в течение нескольких лет, защищали друг друга на партийных собраниях, в контрольных органах и т. д. Если какой-нибудь старый или молодой работник не соглашался с этими группировками или не хотел в них вступать, то у него не оставалось ни перспектив продвижения, ни поддержки⁴⁶.

Так обстояло дело повсюду. В Рязани партийные руководители и начальник местной милиции входили в разбойничьи банды по 20–25 чел. Они терроризировали деревню, грабя и убивая крестьян. Крестьяне сами с оружием в руках охраняли свои хозяйства, боясь куда-либо сообщать о преступлениях. В тех редких случаях, когда бандитов ловили, их тут же отпускали. Чтобы покончить с бандами, понадобились неоднократные визиты инспекторов из Москвы⁴⁷.

Еще один пример ярко высветил настроенность КПК против местного руководства. Один местный партийный комитет исключил проводника с Киевской железной дороги Самурина из партии за социальное происхождение из служащих и уход с работы без разрешения. Самурин опротестовал исключение в местной КПК, которая начала расследование. Оказалось, что железнодорожник, верно трудившийся 30 лет, стал жертвой «беспочвенной» вендетты, поскольку «дискредитировал члена бюро парткома». КПК отменила исключение и приняла меры против злоупотребившего властью руководства партийного клана⁴⁸.

Через год негласной деятельности КПК стала громче заявлять о себе в середине 1935 г., в связи с непрерывными партийными чистками. В отличие от проверок 1920-х гг., чистки середины 1930-х прово-

дились не контрольными комиссиями, а партийными комитетами⁴⁹. Уполномоченные КПК следили за ходом чистки и исправляли ошибки, допущенные комитетами и секретарями.

В мае 1935 г. ЦК объявил о предстоящей «проверке партийных документов». Общая идея заключалась в том, что партийные организации должны очиститься от карьеристов, оппортунистов, «врагов», пьяниц, бюрократов и тех, у кого не оформлены надлежащие партийные документы⁵⁰. Партийным начальникам предписывалось лично наблюдать за процессом, тщательно проверять партбилеты и личные дела. Для региональных партийных нобилей это стало огромным преимуществом. В 1920-х гг. проверки руководила ЦКК; теперь партийные боссы сами чистили собственные организации. 24 мая Папардэ выступил в Смоленске с речью, предостерегая партийных работников против «авантюристов» в партии и призывая отнестись к проверке ответственно и внимательно⁵¹. Призыв пропал втуне. Месяц спустя ЦК в опубликованном постановлении устроил Смоленску разнос за неудовлетворительное проведение проверки⁵². Он указал, что в Смоленске операцию доверили второстепенным работникам, а те, торопясь отделаться, пачками исключали из партии невинных людей. Второго секретаря Западного обкома Шильмана ЦК порицал конкретно, называя по имени (и угрожая ему исключением), так же как и еще нескольких местных руководителей. Через два дня после выхода постановления «интендант» КПК Папардэ произнес перед работниками смоленской городской партийной организации пылкую и весьма критическую речь. Цитируя постановление, он отметил, что дело касается не мелких ошибок, а «фундаментальных проблем» в Смоленске. Он обличал персонально секретаря Смоленского горкома (и клиента Румянцева) В. Г. Архипова, заявляя, что плохое руководство последнего позволило врагам ускользнуть от проверки. В чрезвычайно резкой речи Папардэ (которую в местной партийной газете напечатали с задержкой и в урезанном виде) утверждалось, что бюрократизм проник на высшие уровни городского партийного начальства и смоленские партийные работники, безосновательно и наспех исключая рядовых партийцев, действовали как «чиновники» (то есть презренные бюрократы царских времен)⁵³.

Вполне вероятно, что именно Папардэ навлек неудовольствие ЦК на Смоленск. Его речь была приправлена примерами плохой партийной работы по всей области; он явно изучил изъяны проверки партдокументов до разноса от ЦК. И, как мы увидим ниже, при таких же выпадах против других областей ЦК особо упоминал роль КПК во вскрытии проблем с проверкой. В данном случае КПК действовала

как информатор Москвы о бюрократическом выполнении партийных заданий.

Под нажимом КПК/ЦК члены смоленского партийного клана поспешили прикрыться покаянными речами, статьями, публичными признаниями в плохой работе, как требовал этикет. Они быстренько провели пленум и приняли шаблонную резолюцию, в которой осуждали самих себя, признавая критику ЦК «совершенно справедливой»⁵⁴. Загнанный в угол Шильман, оправдываясь, написал ряд заметок в местные газеты, так же поступили несколько секретарей райкомов⁵⁵. И Румянцев, и Шильман опубликовали статьи-покаяния во всесоюзном партийном журнале. «Бюро в целом и я как первый секретарь в частности допустили грубые политические ошибки», – бил себя в грудь Румянцев⁵⁶.

Авторы большинства таких статей, соглашаясь с критикой ЦК в адрес областного руководства, переключивали вину на нижестоящих районных работников, не входивших в областной клан. Один районный секретарь отметил, что «огонь» критики велся «особенно сильно по райкомам»⁵⁷. Кое-кто из них пытался отбиваться: храбрый секретарь райкома Ф. С. Большунов, не принадлежавший к румянцевскому клану, писал в партийной печати, что он и его товарищи, работники райкома, конечно, провинились, однако и вышестоящие представители областного руководства не без греха: «Я не хочу возлагать всю вину на обком. Я, как секретарь райкома и член бюро обкома, полностью признаю свою вину, но обком партии тоже во многом виноват». Большунов указывал, что инструктор обкома находился в его районе, когда была сорвана проверка⁵⁸.

Папардэ не унимался и в последующие месяцы. Потребовав повторной проверки в Смоленске, он затем выступил на пленуме обкома еще с одной речью, в которой указывал на вопиющий недостаток самокритики у части партийных руководителей и жаловался на неизжитый бюрократизм, перечисляя конкретно руководителей Ельнинского, Красинского и Сухиничского районов. Папардэ привел в пример одного из них, Зимницкого из Сухиничского райкома: «Тов. Зимницкий не много говорил на пленуме... Очевидно, уроки проверки не проникли в сознание тов. Зимницкого»⁵⁹.

Проверка партдокументов показала во всей красе политическую войну, идущую между региональными партийными кланами с одной стороны и «интендантами» КПК с другой. Папардэ самоутверждался за счет румянцевского клана, как только мог. Он то и дело вызывал секретарей райкомов к себе в кабинет для допросов и выговоров и порой унижал их, заставляя часами дожидаться в коридоре. (Од-

нажды он собрал нескольких румянцевских секретарей в час ночи и продержал до рассвета.) Члены партийного клана жаловались на «непартийные методы» Папардэ и долгие нудные лекции, которые он им читает; один из них после подобного собрания сказал: «Никогда в жизни у меня так не болела голова». Румянцев сетовал, что Папардэ полагается на показания недовольных, то есть людей, не принадлежащих к правящему клану, тем самым подрывая драгоценный «престиж» последнего. Папардэ, со своей стороны, отстаивал собственные полномочия и подчеркивал свою независимость от обкома (то есть от Румянцева)⁶⁰.

На одном собрании в присутствии десятков партийцев и партийных работников Румянцев и Папардэ открыто схлестнулись друг с другом:

«РУМЯНЦЕВ: Решения Пленума Центрального комитета распространяются и на органы партконтроля. Изображать из себя безгрешных, не делающих ошибок – не следует.

ПАПАРДЭ: В чем конкретно?

РУМЯНЦЕВ: Надо было бы ответить по существу на ту критику, которая здесь была, хотя бы по вопросу пятичасовых речей при вызове к себе секретарей РК.

ПАПАРДЭ: Я не ответил разве?

РУМЯНЦЕВ: Я бы на Вашем месте не стал также притягивать учение Ленина к проступкам Головащенко, Тищенко и др. контролеров, которые применяли явно неправильные методы в своей следовательской работе. Такие методы обследования можно объяснить только предвзятым недоверием к руководству.

Было несколько случаев, когда секретари попадали в КПК только за то, что они ко мне пришли, пожаловались...

Тут говорят «престиж Обкома»! Да – престиж нужен.

ПАПАРДЭ: Тов. Румянцев обвиняет меня в неуважении к критике... Я считаю, что такое отношение к критике неправильное... критика должна быть деловая.

РУМЯНЦЕВ: «Деловая». Творческая – Сталинское слово...

ПАПАРДЭ: Я считаю, что статья на мелочной, беспринципный путь, на путь всяких придилок формального порядка, когда речь идет об серьезном вопросе – очищении партии от двурушнических элементов – никуда не годится»⁶¹.

Столь откровенный спор, так сказать, «при детях» показывает глубину конфликта между инспекторами КПК и областным партийным начальством.

Региональные уполномоченные вроде Папардэ не были способны напрямую атаковать могущественных первых секретарей обкомов, многие из которых являлись членами ЦК. Поэтому уполномоченные прибегали к двум способам. Во-первых, как мы видели, они нападали на руководителей райкомов, тем самым бросая тень на работу всей партийной организации области. Во-вторых, по секрету докладывали о деятельности всесильных региональных лордов в ЦК. Иногда, как в Смоленске, областное руководство отступало и публично каялось.

Но в других случаях, бывало, руководители боролись против «вмешательства» КПК и даже ЦК. Например, в Саратове пост первого секретаря крайкома занимал влиятельный коммунист А. И. Криницкий. Во время проверки 1935 г. местный уполномоченный КПК А. И. Яковлев жаловался Криницкому и его крайкому на чрезмерное количество исключений из партии. Криницкий жалобы проигнорировал, и уполномоченный написал докладную в ЦК. Поскольку Криницкий был членом ЦК и ранее заведовал одним из его отделов, против него требовалась тяжелая артиллерия. Политбюро образовало комиссию под председательством Ежова и направило в Саратов разбираться секретаря ЦК А. А. Жданова⁶².

Жданов, собрав членов Саратовского крайкома, обвинил местное руководство в «массовых репрессиях»⁶³. Он указал, что Криницкий самовольно сменил 26 из 37 секретарей райкомов, не посоветовавшись с ЦК, а также снимал других партийных работников, теоретически входивших в номенклатуру ЦК. В данном конкретном случае Жданов, помимо обличения местных злоупотреблений, защищал действия и полномочия местных представителей КПК. Подтвердив правоту уполномоченного Яковлева, представившего в Москву материал, который «использован в решении ЦК как основной», он упрекнул Криницкого в ложном самолюбии и зазнайстве перед КПК: «Отношение Саратовского крайкома ВКП(б) и первого секретаря крайкома тов. Криницкого к представителю партийного контроля в Саратовском крае, который вскрыл и своевременно поставил вопрос об ошибках крайкома перед ЦК ВКП(б), не отвечает интересам дела»⁶⁴. Криницкий, отстаивая прерогативы крайкома, заявил, что деятельность КПК в крае «создает второй центр» политической власти, конкурирующий с парторганизацией. В заключительных замечаниях Жданов назвал подобные жалобы на КПК «необоснованными разговорами», игнорирующими правильные предложения представителя партконтроля, и добавил: «Необходимо указать на наличие ряда личных недостатков тов. Криницкого как руководителя, которому ЦК доверил руководство одной из крупных организаций партии»⁶⁵.

Криницкий был пристыжен, но не раскаялся. Несколько недель спустя, осенью 1935 г., он написал традиционное признание в грехах, которое всегда следовало после публичной критики крупного деятеля во всесоюзном масштабе⁶⁶. Однако это вряд ли можно назвать покаянием. Криницкий заявил, что после визита Жданова многое сделано для исправления ошибок и что таковые ошибки имелись только в районах; теперь все стало лучше. Он явно злился; его статья не содержала обычной формулировки насчет того, что ЦК «совершенно справедливо» его критиковал. В ней также ничего не говорилось ни о его личных ошибках, ни о великом споре по поводу юрисдикции между парторганизациями и КПК (о последней Криницкий вообще не упоминал), и очень мало – о необходимости критики/самокритики для крайкома⁶⁷.

Несмотря на то что Москва вступилась за своего «интенданта» Яковлева, Криницкий не сложил оружия. В апреле 1937 г. он нарыл на Яковлева кое-какой компромат: обнаружил, что последний «колебался» во время борьбы с троцкистами в 1923 г., и потребовал его отзыва. Отступив от общей линии потакания провинциальным партийным баронам, Сталин поддержал Яковлева и написал Криницкому, что тот «поступил неправильно, ставя вопрос о политическом доверии т. Яковлеву»: «Центральному комитету известно о бывших колебаниях т. Яковлева в 1923 г. Эти колебания ликвидированы были уже в 1924 г., и с тех пор т. Яковлев не давал оснований для каких-либо сомнений насчет его большевистской стойкости. ЦК доверяет т. Яковлеву и предлагает [Саратовскому] обкому считать на этом вопрос исчерпанным»⁶⁸.

Заручившись поддержкой ЦК, уполномоченные КПК во время проверки партдокументов 1935 г. пошли в атаку на региональных партийных руководителей. Однако не стоит думать, будто эти партийные секретари, от послушного Румянцева до воинственного Криницкого, не обладали значительным влиянием на союзном уровне. В начале 1936 г. они нанесли ответный удар, используя 3-й пленум КПК в марте, чтобы задать ей большую трепку.

Предыдущий (второй) пленум КПК в июле 1934 г. призвал проводить всесоюзные пленумы этого органа раз в три месяца, так что третий запоздал на полтора года. И когда он все-таки состоялся 7–10 марта 1936 г., о нем объявило лишь коротенькое «сообщение» в сорок слов. Выступления, звучавшие на пленуме, не публиковались и даже не упоминались в печати, лаконичное объявление не сопровождалось ни обычными редакционными передовицами, ни разъяс-

нительными статьями. Окутанный завесой секретности, 3-й пленум КПК выпустил только две резолюции.

Одна из них касалась работы партийных коллегий КПК – подразделений, рассматривавших рутинные случаи исключения и апелляции членов партии⁶⁹. За техническими пунктами резолюции скрывалось изложенное весьма двусмысленно ограничение прав КПК по расследованию работы партийных организаций. Очевидно, в придачу к обычной апелляционной работе коллегии КПК расследовали действия партийных руководителей. Очередной пункт гласил: «Запретить партколлегиям КПК заниматься всякой другой работой, которая не имеет прямого отношения к основной их работе по разбору апелляций и поступающих по ним заявлений о партийных проступках отдельных членов партии».

Иными словами, партколлегиям надлежало заниматься апелляциями, а не жалобами на партийных руководителей. Если они такие жалобы получали, они могли их «рассматривать»... или не рассматривать. Единственная их обязанность в данном случае заключалась в том, чтобы передать жалобу в соответствующую партийную организацию. Подобная процедура, при всей ее неопределенности, служила интересам руководителей, защищая их от расследования со стороны партколлегий КПК и гарантируя, что все жалобы на них к ним же и попадут. Другой пункт резолюции, требующий от партколлегий «всю свою работу теснейшим образом увязывать» с обкомами, крайкомами и ЦК нацкомпартий, подчеркивал явную победу партийных секретарей.

Еще больше очков секретари набрали в игре против уполномоченных. Вторая резолюция 3-го пленума КПК прямо относилась к ним⁷⁰. После вступления, где превозносилась независимость уполномоченных КПК и отмечалась их хорошая работа в Саратове и других местах, резолюция критиковала их деятельность, устанавливая все новые и новые ограничения их полномочий.

Суть резолюции состояла в попытке заставить уполномоченных работать в «теснейшей связи» с обкомами и крайкомами. Трудно понять, как это могло сочетаться с подлинной независимостью. Резолюция гласила: «Пленум КПК обязывает всех уполномоченных регулярно информировать первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий о планах своей работы...» (положение 1934 г. лишь *предлагало* так делать). Нежелание своевременно и удовлетворительно выполнять данное требование «ничего общего не имеет с правильным пониманием независимости уполномоченных от местных партийных органов» и вредит общему делу. Далее шли довольно

пустые слова: «Эта мера ни в коей мере не ограничивает самостоятельности и независимости уполномоченного...» В утешение ему обещали, что «он в любое время и любой вопрос может поставить на разрешение в бюро КПК или ЦК ВКП(б) в случае несогласия с его предложениями обкома, крайкома или ЦК нацкомпартии». В качестве последнего удара, несомненно по просьбе региональных партийных баронов, резолюция завершилась призывом к московскому руководству КПК пересмотреть штаты уполномоченных, дабы убедиться в их квалификации.

Судя по этим резолюциям, вожди партийных кланов с новыми силами поднялись на бой и сумели настоять на своем. В результате работники КПК практически подверглись порке; им явно пришлось отступить. В материалах печати, освещавших пленум, отмечалось, что Н. И. Ежов (новый председатель КПК, который вскоре возглавит НКВД) там выступал и подчеркивал «независимость» уполномоченных КПК, но общий тон резолюций – прямо противоположный⁷¹. На самом деле Ежов бранил уполномоченных, которые чересчур беспокоятся о независимости и думают, будто их работа заключается только в том, чтобы критиковать парторганизации: «Это, конечно, совершенно неправильно». Он пошел и еще дальше: внес предложение сделать уполномоченных КПК (а не партийные и хозяйственные органы) ответственными за выполнение экономических планов. Уполномоченные и группы КПК, сказал он, должны понимать, что отвечают перед Центральным комитетом и бюро КПК за правильное и своевременное исполнение решений ЦК⁷². По словам Ежова, дело КПК – не критиковать и не «тратить время, придумывая, какие новые вопросы поставить перед ЦК». Она должна проверять исполнение, и ничего больше⁷³.

Чувствуя, что ветер переменился, и оказавшись под обстрелом критики сверху, уполномоченные на пленуме каялись и оправдывались. Брикке из Азово-Черноморского края вспомнил, сколь справедливо порицал его первый секретарь крайкома Шеболдаев за действия за спиной крайкома и жалобы в ЦК. Он даже не столько защищал себя, сколько подчеркивал гладкие отношения между КПК и крайкомом. Рубенов, один из самых громогласных ораторов на предыдущем пленуме, заявил, что у него нет трений с обкомом. И Шарангович из Казахстана проникновенно уверял, что между краевой партийной организацией и КПК не было серьезных разногласий по конкретным вопросам работы последней. Шадунца и Френкеля, ревностных критиков партийных организаций, прямо упрекали в чересчур суровом «стиле работы»⁷⁴.

В самой провинции КПК тоже сдала позиции. В Смоленске пленум КПК получил обязательное освещение в партийных печатных органах, однако местные «интенданты» вроде Папардэ молчали. Тексты резолюций были опубликованы в областном партийном журнале с комментариями, которые ясно показывали, что основной смысл этих документов – не дать КПК посягать на прерогативы партийных секретарей, рассматривать вопросы, по праву подлежащие ведению комитетов партии, и вообще переступить отведенные ей пределы⁷⁵. Стыд, злость или страх тому виной, но в печати Западной области не появилось ни одной статьи о решениях 3-го пленума, написанной работником КПК. В конце концов, всесоюзная пресса сообщила, что решения были приняты по личной инициативе Сталина⁷⁶.

Провинциальные партийные нотабли все еще обладали значительной пробивной силой и влиянием в Москве. Пусть в ходе проверки партдокументов 1935 г. их немного потрепали, однако в 1936 г. они смогли добиться порицания и обуздания КПК. Ушли в прошлое правила 1934 г., позволявшие представителям КПК давать обязывающие указания райкомам; предложение сотрудничать с местными партийными баронами превратилось в приказ. Отныне уполномоченные КПК были обязаны говорить партийным секретарям, на кого они завели дело, и открывать планы будущих расследований. Они несли теперь ответственность за исполнение решений, не имея власти ни критиковать различные организации, ни искать среди них виновных.

Больше года после своего 3-го пленума КПК почти не попадала в поле зрения всесоюзной и местной печати. Папардэ как будто притих. На смоленском пленуме, состоявшемся вслед за 3-м пленумом КПК, он воздержался от обычных нападков на местных партийных руководителей, предпочитая говорить на более «безопасную» тему июньского пленума ЦК – о сельском хозяйстве⁷⁷. Иногда короткая заметка в газете извещала об исключении из партии пьяниц, растратчиков, мошенников, но борьба партийных секретарей и уполномоченных КПК некоторое время была скрыта от глаз публики.

Однако весной 1937 г. война между местной КПК и партийными комитетами оживилась, вылившись в драматичное столкновение Румянцева с Папардэ. Произошло это в контексте февральского пленума ЦК 1937 г., который помимо осуждения Бухарина, Рыкова и других членов «правой оппозиции» критиковал региональных партсекретарей за «бюрократизм». Опираясь на резкий основной доклад Жданова, одобренный Сталиным, пленум разнес в пух и прах деспотические, авторитарные, «недемократические» методы, которые сле-

ляли местных руководителей столь могущественными магнатами. Заигрывая с рядовыми партийцами, дабы заручиться их поддержкой против «феодалных князьков», ЦК обвинил секретарей в отсутствии самокритики и наметил на весну 1937 г. новые партийные выборы⁷⁸. Предложение по выборам свидетельствовало, что Сталин и его руководство всерьез намерены ослабить местных секретарей. Выборы должны были проводиться при тайном голосовании, с несколькими кандидатами, выдвигаемыми снизу, и поэтому представляли собой прямое посягательство на патронажную власть региональных баронов⁷⁹. И Жданов, и Сталин призвали партийных боссов усилить критику и самокритику.

Возобновление нападков на партийных шишек тут же отразилось на деятельности местной КПК. Февральский пленум ЦК воодушевил тех, кто жаждал поквитаться с «феодалными князьками» на местах, и дал им зеленый свет. Впервые могущественные секретари обкомов подверглись прямой атаке. Пленум обкома в Смоленске обсуждал февральский пленум три дня. Заслушав доклады областных руководителей, Папардэ прервал секретаря Смоленского горкома Архипова, желая узнать, почему не принимаются практические меры по сокращению бюрократизма. Затем несколько ораторов контратаковали, защищая Архипова и Румянцева и критикуя самоуправство Папардэ.

Тот открыл огонь лично по Румянцеву при помощи дела некоего Резникова – работника обкома с 1934 г., члена румянцевской «команды». КПК рассказала Румянцеву, что у нее есть компрометирующий материал на Резникова, и получила у местного прокурора санкцию на его арест. Румянцев позвонил в штаб-квартиру НКВД в Москву, где ему ответили, что у них на Резникова ничего нет; то же самое подтвердили смоленские сотрудники НКВД. Отказавшись увольнять своего клиента, Румянцев назначил собрание бюро обкома для обсуждения этого вопроса. Тем временем Папардэ через голову Румянцева исключил Резникова из партии. Румянцев выразил Папардэ протест против узурпации полномочий правящего клана⁸⁰.

Пока шел раунд местных партийных собраний по итогам февральского пленума ЦК, Папардэ напустился на секретарей в областной партийной печати: «Очевидно, партийный актив не признает и не понимает главного смысла решений пленума ЦК... Необходимо критиковать прямо, правдиво, невзирая на лица»⁸¹. Он вел огонь по нескольким районам, однако наиболее громкой получилась атака на верхушку Монастырщинского района. Папардэ лично побывал там на партийном собрании и жаловался, что местные руководители все время говорят о том, как получить хорошие квартиры, и не обраща-

ют внимания на предложения работников. «В Монастырщинском районе есть грубые нарушения указаний и руководства партии», – утверждал Папардэ. Конкретно по имени он назвал секретаря райкома Косых, обвиняя его в грубости и высокомерии по отношению к подчиненным⁸².

При всей суровости критики, направленной против секретарей обкомов, большого воздействия она не оказывала. В Смоленске Румянцев занял против Папардэ и КПК круговую оборону. Своим приближенным он говорил, что Папардэ – «мелкий интриган», «не наш». Однажды Румянцев осадил одного из своих секретарей райкомов, побеседовавшего с Папардэ: «Кто для тебя руководитель, Папардэ, или тобой руководит Обком партии?» По словам члена румянцевского клана, его патрон начал «открытую борьбу» против Папардэ⁸³.

Приняв бой, Румянцев сдержал натиск Папардэ на монастырщинского секретаря Косых. Его довольно долго полоскали публично, однако с поста не сняли (его помощник, второй секретарь Желтов так *был* снят). Клановая защита оказалась достаточно сильна, чтобы спасти и даже продвинуть Косых. Несмотря на нападки Папардэ, в мае 1937 г. Косых все еще оставался секретарем Монастырщинского райкома, и тогда же его «избрали» на пленум обкома. В июле он руководил областным земельным управлением (Облземустройем), а в январе 1938 г. по-прежнему являлся членом обкома⁸⁴.

* * *

Региональные партийные кланы успешно отражали вторжения «людей короля» из КПК. Партийные бароны проявили способность защищаться от централизуемых институтов, хваленые полномочия и независимость уполномоченных центра были сведены на нет чуть ли не с самого начала. Всё как в прошлом, «от *missi dominici* Карла Великого до интендантов Людовика XIV»: «В подавляющем большинстве докладов делается заключение, что они редко добивались ожидаемых результатов: эмиссарам центра, чтобы выполнять задачи, на основании которых власти оценивают эффективность их работы, необходимо сотрудничество на местах, а оно никогда не обходится дешево... Таким образом, эти якобы агенты центрального контроля в конечном счете попадают в паутину местной солидарности и взаимной защиты, которую не могут, а зачастую и не хотят разорвать... Местные властные элиты были вынуждены сотрудничать с интендантами, но нередко успешно обходили их, нейтрализовали, привлекали на свою сторону или подкупали»⁸⁵.

В конце концов Сталин, мысливший примитивно и без воображения, пришел к выводу, что региональные кланы можно только раздавить путем развязывания безудержного террора. Он доказал, что в стремлении к централизации власти способен перебить массу народа. Правда, непослушных баронов он мог бы убить гораздо раньше, тайными способами, не столь опасными для его государственного строя, если бы изначально собирался это сделать. Очевидно, он таких планов не имел; его борьба с баронами носила постепенный, реактивный, порой даже оборонительный характер. Возможно, потому, что Сталин и его приближенные сами составляли клан, они не сумели создать упорядоченные процедурные механизмы неизбежной централизации и кооперации, в той или иной степени существующие во всех современных государствах⁸⁶. Собственно, нет уверенности, что Сталин вообще этого хотел, во всяком случае настолько, чтобы ограничить свою личную патримониальную власть. Может быть, речь шла просто о конкуренции Сталина и его клана с боярскими кланами. И данный раунд бояре выиграли.

7. СТАЛИН И КЛАНЫ II: Кому можно голосовать? Кому можно расстреливать?

...из ряда областей все еще продолжают поступать требования о... применении острых форм репрессии.

*И. В. Сталин (1933)*¹

Выборы, за и против

До 1937 г. выборы в СССР проводили с одним кандидатом на место, подобранным местным партийным кланом, и при открытом голосовании². Это означало, что региональные кланы легко могли контролировать выборы и обеспечивать избрание своих людей. Сталинская Конституция 1936 г. создала новую избирательную систему: выборы в советы должны были быть всеобщими, равными, прямыми и тайными, с несколькими кандидатами на каждый пост. «Самую демократическую в мире» (согласно советской пропаганде) конституцию обычно рассматривают как пиар-ход с целью сделать Советский Союз в глазах западных стран приемлемым союзником против нацистской Германии, вопреки общему мнению, что он представляет собой недопустимую диктатуру.

Но помимо пиар-эффекта и возможной демократизации системы, конституция имела серьезные внутривнутриполитические последствия. Что бы ни думал Сталин о демократизации, он видел в новой конституции оружие для своей борьбы с региональными боярами. И они считали так же.

Например, ведя охоту на «врагов», Сталин сомневался, что региональные партийные руководители будут с энтузиазмом разоблачать «троцкистов». В материалах февральско-мартовского пленума множество упреков подобного рода. Это главная тема замечаний Сталина, и свое первое выступление он посвятил обличению «гнилых теорий» некоторых руководителей, преуменьшающих опасность врагов³. Месяцем раньше П. П. Постышев был освобожден от должности первого

секретаря Киевского обкома за то, что не обращал внимания на «сигналы снизу», например насчет недавно избранного «врага» Радкова; на настоящих выборах он якобы наверняка провалился бы: «ПОСТЫШЕВ: [...] Не проверяли людей по работе, на деле... Я уверен, что, если бы только сейчас назначить перевыборы, Радков не прошел бы ни в один партийный комитет. (СТАЛИН: *В том-то и дело, в том-то и дело!*)»⁴

Сталин фактически не раз повторил, что новая система голосования будет средством нажима на местных и региональных руководителей в целом. Владельцу газетного концерна «Скриппс-Говард» Рую Говарду он признался, что в Советском Союзе немало учреждений, которые работают плохо. Должностные лица игнорируют «вопросы практические, имеющие первостепенное значение для народа». «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР, – сказал он Говарду, – будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»⁵. Спустя несколько дней «Правда» написала: «Проверка массами советских органов на выборах будет вместе с тем проверкой партией каждой партийной организации, проверкой того, насколько тесно связана та или иная организация с массами...»⁶ Мысль, будто должностные лица нуждаются в проверке, а тем более в «хлысте», служила удобным демагогическим приемом, позволяющим винить местных руководителей в дефиците и других проблемах повседневной жизни. Но в то же время она представляла собой довольно мощную атаку центра в его борьбе 1930-х гг. с периферией, и региональные бароны не оставили ее без ответа.

Сталин серьезно относился к избирательным реформам и публично подчеркивал свое в них участие. В феврале 1935 г. VII съезд советов и ЦК партии объявили о необходимости внесения изменений в Конституцию СССР 1924 г. Упоминались равные, прямые, тайные выборы, а также общее укрепление законности⁷. Сталин возглавил Конституционную комиссию и 2 из 12 ее подкомиссий (по общим вопросам и редакционную), лично председательствовал на их заседаниях; его подпись красуется на многих протоколах этих заседаний⁸. В середине апреля 1936 г. черновой проект был представлен в секретариат Конституционной комиссии, который выработал третью редакцию («новый вариант») конституции⁹. Затем этот вариант проштудировал и «исправил» сам Сталин, в первых черновиках прямо вычеркнувший определение «открытые» (перед словом «выборы») и написавший «тайные»¹⁰.

В глазах региональных нобилей, даже не считая дополнительной угрозы демократических выборов в родных партийных коми-

тетях (которые Сталин навязет им в следующем году), свободное голосование на выборах в советы означало «потерю одного из двух постов – советского, обеспечивавшего им пребывание в широком руководстве»¹¹. Для них самый привычный (и самый легкий) способ руководства всегда представляла сила. Сила и террор, который Сталин разрешал им применять во время и в первые годы после коллективизации, упрочили их власть и превратили «семейства» 1920-х гг. в крепкие политические кланы 1930-х. Местные руководители считали преследования «инструментом управления в деревне»¹². Достаточно плохо было уже то, что Сталин явно стал утрачивать интерес к неограниченным репрессиям, по крайней мере с 1933 г. Теперь же новой избирательной системой он как будто угрожал самим структурным основам власти местных баронов. Они продолжали защищаться с помощью единственного имеющегося в их распоряжении оружия – молчания.

В начале июня 1936 г. пленум ЦК утвердил текст новой конституции, с основным докладом по данному вопросу выступил сам Сталин. Высокопоставленным партийным руководителям, включая баронов из провинции, впервые представилась возможность ознакомиться с избирательными реформами. Возможно, предвидя холодный прием со стороны региональных лидеров, Сталин распространил текст проекта лишь в первый день заседаний, не дав членам ЦК времени подумать, наметить стратегию, обсудить вопрос и организовать.

Обычно любая речь крупного представителя центрального партийного руководства, особенно Сталина, тут же горячо приветствовалась ораторами, которые быстренько отмечались в президиуме, чтобы подняться на трибуну и «полностью одобрить» «абсолютно правильное» предложение, в чем бы оно ни заключалось. Однако на сей раз ни один региональный руководитель слова не взял. Молотову, который вел заседание, пришлось специально обратиться к аудитории: «Кто-нибудь хочет выступить? Прошу записать». Никто не записался, никто из региональных руководителей не поспешил высказаться в поддержку конституционных реформ. Вместо этого раздался «голос»: «Давайте сделаем перерыв. Нужно подумать». Общественности, да и партии в целом не подобало знать о разногласиях в руководстве или хотя бы о том, что членам ЦК понадобилось «подумать», как ответить Сталину, поэтому в окончательной редакции стенограммы пленума, предназначенной для широких партийных масс, написано, будто «голос» произнес: «Вопрос ясен. Обсуждать нечего. Давайте лучше перерыв»¹³.

Вопрос отнюдь не был ясен, и обсудить следовало очень многое, однако господствующая культура не позволяла этого. Партийные нормы того времени, подчеркивавшие «железное единство», не давали возможности открыто выступать против предложения руководства. Настоящие дебаты, вероятно, стали бы ожесточенными, напоминая бои с оппозицией в 1920-е гг. Но теперь, если партиец брал слово, он мог разве что «регулировать» уровень энтузиазма с помощью лексики, выражая, скажем, не «горячее одобрение», а вялую «поддержку»; многие так и поступали. А единственный способ действительно воспротивиться предложению для региональных руководителей заключался в том, чтобы хранить молчание, когда обычай требовал от них говорить. Это произвело эффект взрыва бомбы или, как выразился один историк, «бойкота»¹⁴.

Проект конституции 12 июня 1936 г. был опубликован в советской печати и представлен для «всенародного обсуждения». Летом и осенью в газетах не иссякал поток передовиц, заметок, цитат высказываний советских граждан о достоинствах и недостатках документа. Имеющийся материал свидетельствует, что московское руководство относилось к делу серьезно и уделяло этому процессу пристальное внимание, а региональное – игнорировало и саботировало его. Несколько недель после июньского пленума (на котором вдобавок Сталин и Ежов бранили региональное начальство за перегибы, некомпетентность и репрессии в ходе недавней проверки партдокументов, причем в данном случае также понадобилось подправлять протоколы, чтобы скрыть конфликт)¹⁵ местные руководители избегали писать в газеты традиционные положительные отклики о конституции. Вместо одобрения нового документа, их статьи и передовицы, скорее, отвлекали от него внимание, описывая экономические успехи. Только представители центра высказывались в поддержку новой избирательной системы¹⁶.

Злило центр и небрежное отношение местного руководства к организации всенародного обсуждения конституции. И. А. Акулов из ЦИК забрасывал местные органы власти гневными и угрожающими посланиями. Сохранились подробные материалы о принятых на местах мерах по созыву собраний, посвященных обсуждению, их масштабах и частоте. Центральное руководство пользовалось случаем, чтобы покритиковать и припугнуть должностных лиц на периферии за лень и халатность при проведении обсуждения¹⁷. Когда кампания как будто затормозилась, председатель ЦИК М. И. Калинин 14 августа 1936 г. направил всем местным советам и исполкомам страны телеграмму. Он указал, что многие советы, исполкомы не помога-

ют, не содействуют всенародному обсуждению, не организуют учет и систематизацию предложений и поправок и такое положение недопустимо: председатели советов и исполкомов обязаны обеспечить подлинное обсуждение проекта конституции всеми гражданами. Работникам местных советов велели дважды в месяц присылать в Президиум ЦИК отчеты о ходе обсуждения вместе со сводками предложений от населения¹⁸. Они не послушались. 23 сентября Акулов снова писал местным руководителям, что те, несмотря на телеграмму Калинина, слабо докладывают результаты. Огонь критики велся центром по местным бюрократам всю осень, и в печати, и в секретной переписке¹⁹.

Информация, которую с мест все-таки посылали в Москву, отражала двойственное отношение народа к избирательным реформам; возможно, такое впечатление специально создавали региональные работники, составлявшие сводки. В сельской местности и вообще по СССР около 17 % всех замечаний представляли собой протест против разрешения голосовать прежним лишенцам (кулакам, священникам, бывшим белогвардейцам и т. д.); в Смоленске это второе по популярности замечание. Во внутреннем меморандуме ЦИК от 15 ноября 1936 г. нарекания на ст. 135 (система голосования) превосходили числом замечания по всем остальным пунктам, за исключением пунктов о правах и привилегиях граждан²⁰.

Подавляющее большинство высказавшихся в Павловском районе Горьковского края, Оршанском и Борисовском районах Белоруссии не хотели, чтобы голосовали священники. Крестьянин из Калининской области считал, что дети попов и кулаков, может быть, и должны голосовать, но самим кулакам и попам нельзя давать избирательные права. С. Белканов, ворчливый крестьянин из Огнево Челябинской области, сказал: «Мы, колхозники, приветствуем новую конституцию. Но у нас есть вопросы. Как с попами? Смогут они голосовать или не смогут?»²¹ Это звучало музыкой для ушей предводителей региональных «семейств», которые сообщали о подобных настроениях «масс» в Москву.

Следующий случай поговорить о новой избирательной системе представился элите в ноябре 1936 г., когда Сталин выступил на чрезвычайном VIII съезде советов, созванном для ратификации конституции. Сталин отклонил все предложения лишить права голоса представителей «чуждых классов», цитируя слова Ленина, что когда-нибудь всеобщее избирательное право будет восстановлено. Он постарался преуменьшить опасность допуска на выборы «бывших белогвардейцев, кулаков, попов и так далее». Вместо того чтобы жа-

ловаться на новые выборы или применять репрессии, надо работать, чтобы убедить население голосовать за тебя, насмеялся над критиками Сталин: «Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и так далее. Но чего тут, собственно, бояться? Волков бояться – в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо и мы вполне заслужили такой позор»²².

Региональные руководители, как и после июньского пленума, встретили предложение в штыки. На сей раз у них было время подумать, и вместо молчания они предпочли предостерегать, что выборы станут удобным подспорьем для «враждебных элементов», либо вообще избегать разговоров на эту тему, хвастаясь своими экономическими достижениями²³.

Однако на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г. дошло до открытого спора по поводу предстоящих выборов и нового предложения распространить принцип тайного голосования на комитеты партии. На этом пленуме призвали к ответу и осудили Бухарина и Рыкова, и, поскольку все внимание историков привлекают две знаменитые трагические жертвы, мы упускаем из виду другой важный пункт повестки, касавшийся текущих партийных дел. Сталин и Жданов здесь обрушились с критикой на региональных партийных руководителей, которые используют патронаж, дабы получить «некоторую независимость от ЦК». Жданов, выступая с основным докладом о выборах, отметил, что в 1937 г. пройдут выборы нового Верховного совета, и призвал распространить новую соревновательную систему с тайным голосованием на выборы партийных комитетов²⁴. Собственно, первым посвященным пленуму материалом в печати стала именно резолюция по ждановскому докладу, опубликованная за несколько дней до материала о Бухарине и Рыкове и даже до выступлений Сталина²⁵.

Пришло время для большого поворота, сказал Жданов. Вера народа в коммунистов не дается даром за былые заслуги, ее нужно завоевывать, демократизируя партийные органы снизу доверху. Это означает свободные и тайные выборы парткомитетов, строгую дисциплину, подчинение комитетов вышестоящим инстанциям на всех уровнях, прекращение практики «кооптации», когда коммунисты назначаются в руководящие органы без выборов, по решению самих этих органов.

Жданов осудил «семейственность», при которой все решается за закрытыми дверями, небольшими группами, имеющими общие интересы, в том числе в области самозащиты. Сталин с ним согласился²⁶. Большинство клановых вождей комплектовали свои бюро и комитеты путем кооптации, а не выборов. В заключение Жданов призвал осуществить две крупные реформы. Во-первых, заявил он, партия должна «ликвидировать безусловно» практику кооптации и следовать собственному уставу, требующему выборности всех руководящих органов. Во-вторых, необходимо запретить голосование списком и «перейти от открытого голосования к тайному и персональному голосованию», обеспечивая «неограниченное право отвода членами партии выдвигаемых кандидатур и неограниченное право критики этих кандидатур». Тем самым конфликт центра с периферией получил мощный толчок к эскалации. Перенос принципов тайного голосования и конкуренции кандидатов из советских организаций в партийные означал покушение на способность клановых предводителей оказывать покровительство клиентам, мало того – об этом говорилось публично.

Жданов закончил выступление в гробовой тишине. «Длительных аплодисментов», порой отмечавших завершение речи высокопоставленного руководителя, не последовало. Подобное проявление недовольства аристократической аудитории усугубилось тем, что опять никто не пожелал записаться, чтобы взять слово. Председательствовавший на заседании А. А. Андреев пришел в замешательство:

АНДРЕЕВ: У меня пока нет записавшихся. Записываться надо.

ШКИРЯТОВ: Надо подготовиться ораторам.

АНДРЕЕВ: Тов. Эйхе, давайте.

ЭЙХЕ: Я не могу, не готов, я буду завтра выступать.

СТАЛИН: Надо сделать пробный выход.

ЯРОСЛАВСКИЙ: Я прошу записать меня.

СТАЛИН: Вот, Ярославский.

АНДРЕЕВ: Слово имеет т. Ярославский»²⁷.

Е. М. Ярославский задал курс, которого придерживались и остальные ораторы: не говорить слишком много о *партийных* выборах, объявленных Ждановым, сосредоточившись на выборах *в советы* и сопряженных с ними опасностях. Вслед за Ярославским выступили всего пятнадцать человек (гораздо меньше, чем обычно), и почти все они главное внимание уделяли экономическим достижениям (и трудностям), опасному возрождению религии, угрозе со стороны «враждебных элементов» (особенно проблемам в связи с возвращением ярых антисоветчиков-кулаков из ссылки) и недостаткам в пар-

тийной работе. Никто не похвалил открыто новую избирательную систему, и большинство не особенно задерживалось на центральных пунктах доклада Жданова – о «семейственности» и кооптации партийных секретарей вместо выборности. Сталин прерывал нескольких выступавших, пытаясь вернуть их к проблеме кооптации: «С кооптацией как у вас дело? [...] Кооптация остается?» И. М. Варейкиса ему пришлось прервать дважды. Сначала он спросил: «Тов. Варейкис, а все-таки без кооптации можно обойтись?» Тот проигнорировал вопрос, и через несколько минут Сталин повторил: «Все-таки обойтись можно без кооптации? (*Веселое оживление в зале.*)»²⁸

Андреев с председательского кресла вынужден был настаивать, чтобы ораторы, увлекшись рассуждениями о врагах, не отклонялись от темы: «Товарищи, прежде чем дать слово другому товарищу, я должен предупредить, что некоторые из ораторов не на тему выступают, у нас ведь еще третий пункт порядка дня и четвертый пункт, а вопрос выборности, вопрос демократизма внутри партии выступающие ораторы обходят, – неправильно делают»²⁹.

В заключительном слове Жданов особо выделил выступление первого секретаря Свердловского обкома И. Д. Кабакова: «...т. Кабаков обо всем говорил. Говорил о киномеханике, о материальной части, о радио, все это очень важные и очень существенные вещи... Но когда был поставлен т. Молотовым перед т. Кабаковым вопрос, как с кооптацией, он говорит: "Я потом скажу". То есть любую тему затрагивает, на любой теме останавливается, а коренные вопросы, которые были поставлены, очевидно, не являются такими важными и существенными»³⁰.

Сам Сталин придирчиво допрашивал П. П. Постышева, недавно освобожденного от руководства киевской партийной организацией:

«СТАЛИН: Ну, а вообще-то выборы [в Киеве] бывали когда-нибудь?

ПОСТЫШЕВ: Да, т. Сталин, новые выборы у нас были почти всегда накануне съезда партии.

СТАЛИН: Накануне съезда партии бывали, тут ведь зависимость прямая. [...] В чем же дело?

ПОСТЫШЕВ: Ждали распоряжения сверху. (*Много реплик.*) Да, да, ждали, что придет распоряжение сверху.

СТАЛИН: А устав?

ПОСТЫШЕВ: Устав забыли, т. Сталин.

[...]

СТАЛИН: Это получилось так – дескать, линия у нашей партии правильная, ЦК неплохой, успехи есть, какого рожна еще вам нужно, какие еще выборы? Некогда!»³¹

В риторическом конфликте центра с периферией на февральско-мартовском пленуме применялась не только тактика избегания и отвлечения. В рамках партийной дисциплины, дискурса и декора (а порой и выходя за эти рамки) региональные руководители практически взбунтовались. Между председателем ЦИК Калининным и несколькими секретарями обкомов и крайкомов вспыхнул непристойный спор из-за технических аспектов выборов. Секретари требовали включения в процесс. Эйхе, Мирзоян, Любченко, Постышев, Косиор, даже Берия горячо разглагольствовали, подшучивая над Калининным; обе стороны продемонстрировали глубину разногласий, прибегая к нетоварищескому разделению на «нас» и «вас», тогда как о едином руководстве следовало всегда говорить «мы».

Тем самым дискурс приобрел радикальный характер. В последний раз подобное случилось на декабрьском пленуме ЦК 1930 г., когда Бухарин назвал руководство «вы». Молотов и Шкирятов тут же одернули его, поскольку такое разделение подразумевало раскол в руководстве. Шкирятов спросил: «Почему так говорите?» А Молотов сердито бросил: «Глядите-ка!» Лексика имела большое значение³². Вернемся к февральско-мартовскому пленуму:

«КАЛИНИН: И вот т. Эйхе здесь говорит, что, дескать, нужно было бы поскорее иметь избирательный закон. Между тем всем известно, что избирательный закон будет обсуждаться на сессии ЦИК Союза, проект закона подготавливается. Но ведь избирательный закон касается выборов только в Верховный совет Союза.

ЭЙХЕ: Вот *мы* просим, чтобы вы *нас* привлекли для этого дела.

КАЛИНИН: Я думаю, что т. Эйхе напрасно думает, что избирательный закон даст ему полную ориентировку в подготовке к выборам. Ведь Конституция РСФСР дает вам все...

МИРЗОЯН: От округа может быть один кандидат или будет допущено выставление 2–3?

[...]

ЛЮБЧЕНКО: Что будет в пределах области?

КАЛИНИН: Округа. Я уже сказал, что округа не выходят из пределов области. Понятно *вам* это или нет?

[...]

ЛЮБЧЕНКО: Их может быть несколько?

КАЛИНИН: Не только может, а должно быть несколько... Каждый кандидат выставляется только одним округом и голосуется в этом округе отдельно. Иначе говоря, французская система выборов.

ПОСТЫШЕВ: Это ясно теперь, тут французов много. (*Веселое оживление в зале.*)

[...]

КАЛИНИН: Поэтому, когда *вы* говорите, почему не готов избирательный закон...

КОСИОР: *Мы* не говорим этого.

КАЛИНИН: Вот Эйхе говорит.

КОСИОР: Что же *ты* на нас киваешь?

[...]

КАЛИНИН: Я же *вам* говорю, что все эти вопросы будут разрешены, когда будет обсуждаться проект, тогда *вы* будете говорить...

БУДЕННЫЙ: А если разослать раньше?

КАЛИНИН: А как же *мы* будем рассылать неутвержденный проект?

ЭЙХЕ: Только партийным организациям.

КАЛИНИН: Это можно.

ПОСТЫШЕВ: Это будет не вредно.

КАЛИНИН: Если Эйхе, Постышев и другие захотят получить проект, так они же всегда его получают...

БЕРИЯ: Надо разослать.

ЛЮБЧЕНКО: И своевременно³³.

[...]

КАЛИНИН: Вот Эйхе пришел сюда и хотел свалить: нет выборного закона.

ЭЙХЕ: Это зажим, Михаил Иванович.

КАЛИНИН: Конечно, я *вас* зажимаю. Я считаю, что *вы* имеете все возможности для полной подготовки»³⁴.

Даже некоторые представители центра испытывали сомнения относительно тайного голосования. Глава профсоюзов Н. М. Шверник был застигнут врасплох:

«ШВЕРНИК: ...я считаю, что эти перевыборы необходимо провести в профсоюзных организациях.

КАГАНОВИЧ: Тайным голосованием?

ШВЕРНИК: Насчет тайного голосования я не знаю. (*Смех.*)

ГОЛОС С МЕСТА: Испугался.

ШВЕРНИК: Насчет тайного голосования у *нас* вносили предложение. Но я не знаю, в свое время *нам* т. Сталин разъяснял, что *вы*

являетесь профсоюзной организацией. Я считаю, что это было бы неплохо. Можно выборы провести тайным голосованием. (*Смех.*)»³⁵

Региональные партийные секретари вырвали у сталинского центрального руководства одну уступку – отсрочку партийных выборов. Первый секретарь украинского ЦК С. В. Косиор сказал, что проводить их в апреле, как предлагалось, трудно, поскольку это разгар весеннего сева и вся партийная организация будет на него мобилизована. Он попросил отложить выборы до мая. Жданов заподозрил, что Косиор просто тянет время: «Станислав Викентьевич, после весны лето пойдет, а потом осень». Нет, возразил Косиор, в мае все-таки есть время провести областные конференции и республиканский съезд: «Но этого никак невозможно сделать в апреле. В апреле мы не в состоянии этого сделать»³⁶. Икрамов, Хатаевич, Мирзоян и другие секретари поддержали предложение Косиора, и Жданов в конце концов согласился внести в резолюцию поправку – назначить выборы на май³⁷.

После пленума региональные партийные боссы не прекратили попыток отвертеться от тайных выборов и в партийных, и в советских учреждениях. Хотя сталинская группа четко обозначила на пленуме свою позицию, Косиор через две недели снова пристал к Сталину с расспросами по уже выясненному пункту: «...прошу ускорить дачу указания по неясным еще вопросам: выбирать ли открытым либо тайным голосованием партторгов и делегатов на партконференции и членов бюро парткомов». Сталин тут же ответил: «Все выборы проводятся путем тайного голосования»³⁸. Чтобы хорошенько вдолбить этот ответ в головы секретарей обкомов, крайкомов и республиканских ЦК, он разослал им решение Политбюро: «Воспретить при выборах партийных органов голосовать списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом всем членам партии неограниченное право отвода кандидатов и критики последних. Установить при выборах партийных органов закрытое (тайное) голосование...»³⁹ В июле 1937 г. демократические правила выборов были опубликованы⁴⁰.

Центр не питал иллюзий насчет проведения на местах выборов в Верховный совет в соответствии с новыми процедурами. Текст избирательного закона содержит подробные указания по охране бюллетеней и защите от открытой фальсификации. Ю. Н. Жуков отмечает: «Трудно усомниться против чьих возможных действий по фальсификации результатов были направлены все перечисленные выше меры. Только первые секретари – райкомов, горкомов, обкомов и крайкомов – обладали возможностью и неофициальными правами, которые

позволили бы в случае острой необходимости подтасовать число поданных за того или иного кандидата голосов»⁴¹.

Москву действительно беспокоила возможность подделки результатов выборов региональными должностными лицами. Позже, за несколько недель до декабрьских выборов 1937 г. в Верховный совет, Г. М. Маленков, работник ЦК и главный помощник Ежова, потихоньку взял в свои руки дело, которым всегда занимался ЦИК, а не партия. В секретной телеграмме местным избирательным комиссиям Маленков, только что назначенный председателем Центральной избирательной комиссии, приказал соблюдать на выборах особые процедуры⁴². Как только бюллетени будут получены и подсчитаны, распорядился он, местные работники обязаны немедленно по телефону или телеграфу поставить Центризбирком в известность об имени избранного кандидата, числе избирателей в округе, числе проголосовавших за и против этого кандидата и числе голосов, поданных за кандидата, которого нет в списке. Эту информацию нужно сообщать Москве до заполнения официальных протоколов местных избирательных комиссий, а местные руководители не должны ничего сообщать в печати о результатах голосования (за исключением имени победившего кандидата) без согласования с Москвой. Оригиналы бюллетеней, ведомостей и протоколов надлежит посылать в Москву фельдъегерской связью НКВД⁴³.

Провинциальные руководители все равно пытались воздействовать на электоральный процесс, не прибегая к прямой фальсификации. На партийных выборах местные секретари иногда не желали открывать, сколько голосов подано против отдельных кандидатов. Политбюро резко осудило подобную практику в специальном постановлении⁴⁴. В некоторых местах на выборах в советы незаконно ограничивали право голоса, заявляя, что голосовать не могут «находящиеся под следствием» (а к таковым, бывало, принадлежали целые категории местного населения). Списки избирателей фальсифицировались, границы избирательных округов так и не были четко установлены, и многие люди, вопреки конституции, в списки не попадали. Постановление призвало местную прокуратуру и суды возбуждать дела по таким нарушениям. В довершение всего, председатель ЦИК Калинин на следующий день выпустил постановление, уточнявшее, что право голоса имеют все граждане, если они прямо не лишены избирательных прав⁴⁵. В другой «срочной» телеграмме он требовал немедленного выполнения распоряжений и порицал «недостаточную работу» по составлению списков избирателей, созданию избирательных округов, предоставлению бумаги и оборудования для печати

списков и бюллетеней, подготовке предвыборных собраний. В тех случаях, когда местные советские работники ничего не делали или делали недобросовестно, местная прокуратура их арестовывала⁴⁶.

ЦИК РСФСР в апреле 1937 г. жаловался в секретной докладной Калинин, что местные исполкомы и советы в ряде мест не только не исполняют решений Президиума, но и игнорируют вопросы и напоминания из ЦИК. В той же докладной рассказывалось, что исполком Западной области не исполнял рутинную просьбу ЦИК два года. 11 напоминаний Москвы остались без ответа, и только после того, как послали на место инструктора, было установлено, что для исполнения этого распоряжения *не сделано ничего*: «Совершенно очевидно, что такой беспорядок терпеть нельзя»⁴⁷.

Вопреки тому, что мы привыкли думать, официальные лица и рядовые граждане на всех уровнях серьезно отнеслись к выборам 1937 г. Центральное руководство, не ограничиваясь спором с региональными начальниками, столь острым, что протоколы пленума ЦК пришлось подправлять, дабы утаить его, пристально следило за событиями, связанными с выборами. Крестьяне в регионах тоже подошли к делу всерьез. О нарушениях докладывалось на самый верх. В Саратовской области кто-то поджег помещение, где заседала избирательная комиссия⁴⁸. В Одесской – колхозник-активист возражал против двух местных кандидатов, и те его убили⁴⁹. Подобные инциденты привлекали внимание прокурора СССР А. Я. Вышинского. На более высоком уровне нарком лесной промышленности В. И. Иванов не предоставил достаточно бумаги для бюллетеней. 111 партий бумаги пропали при транспортировке, что представляло собой «преступно халатное выполнение этой важной задачи». Иванова сняли и вместе с заметителями привлекли к уголовной ответственности⁵⁰.

На февральско-мартовском пленуме ЦК, как мы видели, многие ораторы предупреждали об «активизации» антисоветских элементов: религиозных групп, бывших белогвардейцев и особенно вернувшихся из ссылки кулаков. Региональных начальников тревожило не столько само голосование (которым, конечно же, можно «управлять», манипулируя подсчетом голосов), сколько предвыборная кампания, дававшая «врагам» право организовать и площадку, где они могли выступать против партийного списка и стоящего за ним руководства. В конечном счете Сталин тоже беспокоился, как бы это не привело к кризису.

Откровенно антисоветские замечания начали звучать еще несколькими месяцами раньше, во время всенародного обсуждения Конституции 1936 г., и стали не такой уж редкостью. Украинский

крестьянин и бывший эсер Григорий Горбунов сказал: «Новая конституция говорит, что будет Верховный совет: я думаю, что партии тогда больше не будет или она сольется с Верховным советом. Конституция разрешает организацию партий помимо ВКП(б). Следовательно, мы организуем свою партию, свою печать и будем вести свою линию»⁵¹. Многие соседи Горбунова с ним соглашались. Другие полагали, что благодаря новой конституции крестьяне-единоличники смогут «жить как прежде». Кулаки, возвращающиеся из ссылки, распускали слухи, будто выборы означают поражение социализма, и требовали вернуть им прежнюю собственность. «Попы и проповедники» настаивали на открытии молитвенных домов, крестьяне тоже просили открыть закрытые церкви. Даже бедняки и колхозники выказывали признаки нестойкости. Колхозница Канюшина из Ленинградской области заявила: «Кулаки нас никогда не угнетали. Они нам помогали... Сейчас мы самый лучший хлеб отдаем государству... а цену получаем плохую»⁵². Враждебностью к советской власти веяло и от других замечаний, сделанных в ходе обсуждения конституции. Вот, например, слова колхозника П. Калинина (которого тот, кто их передал, назвал «лодырем»): «Не нам обсуждать конституцию. Не мы ее писали». Некий безымянный колхозник утверждал: «Если Украина сможет отделиться от СССР, она опять будет очень богата»⁵³.

Местные должностные лица были растеряны, а порой и напуганы возвращением крестьян, сосланных во время коллективизации. Президиум одного сельсовета в Курской области предложил «немедленно возратить дом бывшему кулаку Зозуле». В другом районе той же области «бывший кулак Рогозин, возвратившийся из ссылки... самовольно занял ранее отчужденный у него дом, выселив из него колхозные ясли», а сельсовет и райисполком, «зная об этом, никаких мер не приняли»⁵⁴.

В январе стали задавать вопросы сотрудники региональных органов внутренних дел. Начальники отделов из Управления НКВД по Татарской АССР писали в Москву: «Для нас неясна линия нашего поведения во всех этих случаях, в связи с новой Конституцией. Просим разъяснить, остаются ли в силе все данные ранее по этому поводу указания НКВД СССР или нам надлежит руководствоваться соответствующими статьями Конституции в части применения их к этим лицам [бывшим ссыльным кулакам], как к гражданам СССР, пользующимся всеми правами гражданства»⁵⁵.

Местные руководители понимали, что их самоуправство и произвол не прибавили им друзей среди электората. В одном докладе ЦИК Калинин у в апреле 1937 г. отмечалось: «Много раз произвол и без-

законие, совершенные органами власти и работниками в центре и на местах, играли на руку классовому врагу, дискредитируя наш государственный строй и ослабляя власть в стране»⁵⁶. В Бельском районе под Смоленском некто Иванов красноречиво охарактеризовал партийную работу своей организации в деревне. Он писал, что если она так будет действовать на выборах, то, несомненно, потерпит поражение. Все лето 1937 г. местное руководство пыталось убедить Москву в опасности соревновательных выборов, безапелляционно утверждая: «Либо переизберут нас, местных работников, либо победят открытые антикоммунисты». В Смоленске активисты предупреждали, что могут быть избраны «чуждые элементы», «враги», попы и даже «друзья Гитлера»⁵⁷.

В октябре 1936 г. заместитель наркома внутренних дел Г. А. Молчанов рассказал членам Политбюро, что кулацкие и антисоветские элементы срывают предвыборные собрания. «Кулацко-мулльские элементы», писал он, распространяют «в связи с опубликованием и обсуждением проекта Конституции» провокационные слухи о роспуске колхозов, открытии мечетей и церквей. Молчанов приводит слова одного колхозника: «Нужно ждать съезда [советов]. Как только утвердят новый закон, сейчас же выйдет распоряжение расколоться из колхозов, так как в Конституции прямо сказано: каждый может жить, как хочет». Другой колхозник надеялся: «Скоро и к нам придет распоряжение о выходе из колхозов, коммунистам приходит конец»⁵⁸.

В январе 1937 г. в спецсообщении НКВД отмечалось: «Заслуживают внимания тенденции среди трудпоселенцев вернуться на родину и потребовать от колхозов возвращения имущества, изъятого у них при раскулачивании... Отдельные трудпоселенцы высказывают террористические настроения по отношению сельских активистов, принимавших участие в их выселении». В сообщении цитировались подобные высказывания, в том числе: «По новой Конституции всем трудпоселенцам дали такие же права, как всем гражданам СССР. Через несколько дней все поедem домой. Дома в первую очередь расправимся с теми активистами, которые нас раскулачивали и выслали, а потом поедem в такое место, где бы нас не могли найти»⁵⁹. Первый секретарь Омского обкома Булатов говорил о 50 тыс. ссыльных крестьян на севере области: «Все они ждут, когда им разрешат опять ехать на родину. Некоторые настроены положительно к Советской власти, некоторые настроены враждебно против Советской власти. Есть некоторые настроены террористически. Они рассуждают примерно так: вот сейчас по новой Советской Конституции уезжаю я на ро-

дину, вернусь домой, откуда меня отправили в ссылку, и там уже я расправлюсь с теми, кто меня высылал. (Голос: *Некоторые не ждут разрешения, а приезжают уже сейчас.*)»⁶⁰

Из Сталинграда в январе 1937 г. сообщали, что контрреволюционные группы пытаются взять верх на предвыборных собраниях. Антисоветски настроенные крестьяне, обычно именуемые кулаками, незаконно проводили собрания в селах. В Омске беспокоились: «Контрреволюционные элементы могут украсть у нас наших советских избирателей и использовать их против нас»⁶¹. Сектанты ходили из села в село, сея смуту⁶². «Исходя из этой задачи, контрреволюционные враждебные элементы уже сейчас предварительно намечают кандидатуры из своей среды для протаскивания их при перевыборах в советские органы, обрабатывают колхозников, чтобы они при предстоящих перевыборах голосовали против коммунистов», – предупреждало Управление НКВД по Сталинградской области⁶³. В следующем месяце и Ленинградская область докладывала об опасных настроениях и высказываниях: «Хлеба нет, сидишь голодная. Во всем виноваты Советская власть и Сталин». Конфискованная листовка призывала рабочих и крестьян: «Давно вы согласны восстать и бунтовать за хлеб. Товарищи крестьяне, рабочие, мы голодаем. Давайте бунтовать, громить сельсоветы, магазины и хлебные склады. И мы, а нас по счету 1005 чел., если не будет хлеба, смело восстанем, и мы победим... Ленинград мы возьмем, там братья и сестры, отцы и сыновья. Красная Армия наша, там наши братья и сынки не будут братьев, отцов убивать, они за нас – бунтовать, громить. Даешь хлеба! Смелей, товарищи, все собирайтесь»⁶⁴.

Местных партийных руководителей охватывала паника при мысли о возможности открытой предвыборной кампании в деревне. На партийных собраниях от Смоленска до Владивостока секретари твердили об опасности. Вот лишь один пример: на Каракалпакской областной конференции секретарь райкома Панкратов заявил: «Вот сейчас в связи с новым правом для лишенцев эти самые штабы свою агентуру пустили по всей республике. У них больше агентуры, чем в наших партийных организациях»⁶⁵.

Сообщения органов внутренних дел об угрожающей ситуации в деревне не представляли собой ничего нового. В конце концов, они были заинтересованы в том, чтобы обнаруживать всюду побольше угроз и преувеличивать реальную опасность, дабы оправдывать собственное существование, рост своего бюджета и расширение полномочий. С начала 1920-х гг. они регулярно составляли сводки о настроениях населения, в основном негативного характера. С другой

стороны, в некоторые годы действительно имели место серьезная оппозиция и сопротивление, и чекисты порой предпочитали преуменьшать их, чтобы показать, как хорошо они работают⁶⁶. Теперь же, в середине 1937 г., они забили тревогу. Новая конституция грозила дать волю и голос затаенной враждебности народа, которая с возвращением кулаков становилась все менее затаенной. И кто мог сказать, к чему приведут свободные выборы?

17 июня 1937 г. начальник Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю С. Н. Миронов прислал своему шефу Ежову «Справку по делу эсэро-монархического заговора в Западной Сибири». По словам Миронова, сотрудники его управления раскрыли заговор ссыльных князей, дворян и бывших белогвардейцев, которые вместе со ссыльными кулаками образовали повстанческое движение и «готовили вооруженный переворот и захват власти». Упоминались также правые и троцкисты. «Если учесть, что на территории Нарымского округа и Кузбасса расселено 208 400 человек высланного кулачества и находящихся в административной ссылке 5 350 человек бывшего белого офицерства, активных бандитов и карателей, станет ясно, на какой широкой базе была построена повстанческая работа», – писал Миронов⁶⁷.

Он просил санкции на применение двух мер. Во-первых, он хотел перебросить в Нарым дивизион войск НКВД «с большой оперативной группой». Во-вторых, предлагал Москве прислать в Западную Сибирь выездную сессию военного трибунала для осуждения 500 чел., на которых «в ближайшие дни дела будут оформлены», и разрешить ему создать внесудебную тройку, чтобы рассматривать дела остальных «в упрощенном порядке» (это выражение предвосхищало лексику будущего приказа № 447, о котором пойдет речь ниже). В заключение Миронов отмечал, что первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Эйхе поддерживает его и «собирается в директивных инстанциях [т. е. в Политбюро] просить согласия на создание тройки».

Мироновская справка, типичная в своем роде, наряду с указанием на ряд конкретных заговорщиков и опасных кулаков содержала расплывчатую фразеологию, которая могла относиться к кому угодно, и просьбу к московскому руководству о разрешении расстреливать массы людей без прокурорского и судебного надзора. Подобно всем успешным бюрократам сталинской эпохи, Миронов знал, на какие кнопки нажимать. Гремучая смесь из коварных кулаков-диверсантов, повстанцев, классовых врагов и бандитов не могла не вызвать реакции, и в последующем приказе № 447 о проведении «массовой операции» отразился именно этот обобщенный образ «врага».

Изготовление той же самой смеси наблюдалось повсюду. В Омске партийные руководители еще в феврале 1937 г. толковали о «гнездах контрреволюционного актива», имея в виду и бандитов, и повстанческие элементы, и дворян, и торговцев, и бывших белых офицеров, и священников, и сектантов⁶⁸. В июне начальник Управления НКВД по Омской области Салынь объединил бандитов, фашистов, белогвардейцев, ссыльных кулаков, эсеров, меньшевиков, анархистов, зинovieвцев и троцкистов «в единый фронт» врагов⁶⁹. Примерно в то же время секретарь Воронежского райкома Круглов обращал внимание руководства на тот факт, что 20 церковников, сектантов и попов активизировали контрреволюционную деятельность в области при помощи бывших монахов, торговцев, кулаков и троцкистов⁷⁰.

Миронов просил разрешения на массовую операцию. В ряде областей такие операции шли полным ходом раньше, чем Сталин отдал соответствующее распоряжение. В Западной Сибири 382 чел. уже были арестованы, еще 1 317 – «выявлены» секретной агентурой НКВД. Начальник омского управления Салынь (которого часто ошибочно считают противником массовых операций) тоже приступил к собственной операции. На областной партконференции он сказал, что в прошлом году его ведомство раскрыло огромные повстанческие организации⁷¹.

Ежов передал просьбу Миронова Сталину через пять дней, со своей рекомендацией: «Считаю необходимым разрешить образование в ЗСК тройки по внесудебному рассмотрению дел по ликвидированным антисоветским повстанческим организациям»⁷². Хотя Сталин получил пакет от Ежова 22 июня, Политбюро одобрило предложение Миронова и санкционировало создание тройки в Западной Сибири почти неделю спустя, 28 июня⁷³.

С этого момента и практически до конца 1938 г. НКВД осуществлял массовый террор против рядовых граждан⁷⁴. На эту массовую операцию приходится около половины всех казней в ходе «большого террора» 1937–1938 гг. Ко времени ее окончания в ноябре 1938 г. тройки осудили 767 397 чел.; из них 386 798 были приговорены к смерти, остальные – к заключению в лагеря⁷⁵. Процесс сопровождался систематическими физическими пытками (одобренными лично Сталиным) самого дикого характера и в устрашающих масштабах, фабрикацией заговоров, ложными обвинениями и массовыми расстрелами. Операцию 1937–1938 гг. как таковую следует отнести к величайшим бойням кровавого XX столетия⁷⁶. Кажется ясным, что на решение Сталина санкционировать массовую операцию подействовал страх на местах перед оппозицией в деревне, которую подстегну-

ла и легитимировала новая конституция, столь непопулярная среди местных баронов.

Удовлетворяя просьбу Миронова и распространяя предложенные им меры на другие области, Сталин совершал резкий поворот к политике, от которой с 1933 г. отказался, запретив летальный массовый террор такого рода. Массовые операции (не политического свойства) и до, и после 1933 г. проводила милиция, чаще всего с целью очистки городов от уголовников-рецидивистов, лиц без прописки и паспортов и других категорий обычных преступников⁷⁷. Наказывали их, как правило, высылкой или заключением в лагерь на короткий срок. Поэтому такие чистки не имели смертельных последствий и как нельзя лучше демонстрировали неспособность милиции поддерживать порядок без периодических топорных облав.

Миронов имел в виду (а Сталин одобрил) операцию совсем другого рода. Хотя некоторые мишени были те же, проводили ее органы госбезопасности, применяя в качестве наказания либо расстрел без суда и следствия, либо длительное заключение в лагерях строгого режима. Именно такие массовые операции были запрещены с 1933 г., и в сравнении с милицейскими чистками они имели совершенно иную историю и родословную. Чтобы понять это, мы должны вернуться на несколько лет назад и рассмотреть еще один аспект борьбы Сталина с провинциальными кланами: историю соперничества из-за расстрелов и права их осуществлять.

Региональные партийные бароны привыкли править на своей территории с помощью силы, а не выборов. Теперь Сталин принуждал их к выборам. Ограничить их прерогативы по применению силы он старался годами.

С начала 1920-х гг. Сталин пытался завладеть монополией на вынесение смертных приговоров, лишив местные кланы такого права. В гражданскую войну и первое время после нее врагов принято было расстреливать на месте. Но в середине 1920-х гг. Сталин и центр предприняли попытку вырвать право на смертные приговоры из рук местных партийных работников и органов внутренних дел, которые желали по-прежнему обладать и пользоваться им. Апрельское решение Политбюро 1924 г. (подтвержденное в марте 1926 г. и еще несколько раз позже) установило долго действовавшее правило не позволять местным судам выносить смертные приговоры по политическим делам без предварительной санкции ЦК⁷⁸.

Позже, в 1926 г., Политбюро учредило Комиссию по политическим (судебным) делам и обязало местные советские и партийные организации направлять в нее обвинительные акты по всем делам

«общественно-политического значения», включая смертные приговоры. Кроме того, местным партийным организациям запретили давать какие-либо «директивы» судебным и следственным органам по этим делам до предварительного рассмотрения их в Политбюро⁷⁹.

Но, как отметил В. П. Данилов, с началом принудительных хлебазаготовок в 1927–1928 гг. местные органы ОГПУ «вполне самостоятельно (хотя и по согласованию с парт- и госруководством соответствующего уровня)... проводили аресты, конфискации имущества и выносили приговоры о тюремном заключении или высылке и т. п.»⁸⁰ В 1929–1930 гг. в деревне шла настоящая гражданская война, круговорот официальных массовых репрессий и крестьянского сопротивления. Кулаков арестовывали, расстреливали и депортировали по категориям. Тогда Сталин, разумеется, не запрещал применение в деревне смертельного насилия, однако настаивал на своем праве санкционировать и контролировать его.

В мае 1928 г. Сталинградский губком написал в ЦК, что ситуация требует применения к кулакам, занимающимся спекуляцией продуктами, статьи 107⁸¹. Статью обещали применять в очень ограниченном масштабе, только в отношении кулаков и просили санкции ЦК. Сталин согласился⁸². В сентябре 1929 г. Политбюро удовлетворило просьбу первого секретаря Нижне-Волжского крайкома Б. П. Шеболдаева о разрешении расстрелять до 50 вожakov предполагаемой эсеров-кулацкой повстанческой организации. Тем не менее в своем ответе оно указало, что, за исключением тяжких преступлений против советских и партийных работников, «антисоветские действия» лучше рассматривать «в судебном порядке». В следующем месяце, отвечая на другую телеграмму Шеболдаева, Политбюро «разрешило» Нижне-Волжскому крайкому «под свою ответственность» осуществлять наказания лиц, обвиняемых в кулацком терроре. Но Шеболдаева обязали вместе с тем передавать информацию об этом в Комиссию по политделам⁸³.

Во время коллективизации и раскулачивания из областей потоком хлынули телеграммы с просьбами о предоставлении права осуществлять внесудебные репрессии с помощью троек. В октябре 1929 г. Политбюро признало необходимость «решительных и быстрых мер репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников». Однако в той же директиве оно велело проводить «соответствующие меры, как правило, через судебные органы, в отдельных случаях, когда требуется особая быстрота, карать через ГПУ... по согласованию с областными ВКП(б), а в более важных случаях по согласованию с ЦК ВКП(б)»⁸⁴.

Шесть дней спустя Коллегия ОГПУ в Москве выпустила разъяснение директивы Политбюро, уточняя, что вынесенные тройками приговоры могут приводиться в исполнение только после получения по телеграфу санкции от московской штаб-квартиры ОГПУ, и устанавливая 3-месячный срок действия репрессивных полномочий троек⁸⁵.

В декабре 1929 г. участие центральной Комиссии по политделам в контроле над процедурами вынесения и исполнения смертных приговоров было расширено. Политбюро постановлением обязало суды присылать копии приговоров в комиссию до начала кассационного процесса. Комиссия давала кассационному суду свои «указания» и после решения суда сама выносила окончательное заключение по делу⁸⁶.

«Особые папки» Политбюро свидетельствуют, что схема, установленная в 1920-е гг., действовала и в 1930-е. Инициатива и просьбы о массовых летальных операциях исходили от провинции. Местные партийные работники и чекисты просили разрешения на исполнение смертных приговоров, ЦК мог его дать или не дать и зачастую давал с определенными ограничениями. Сталин настаивал на своем праве контролировать репрессии и, хотя охотно санкционировал массовые расстрелы, предпочитал, чтобы такие вещи делались «в судебном порядке». Мотивы нравственности и гуманности к его политике отношения не имели, она стояла на двух «китах»: стремлении сосредоточить власть в собственном кабинете и соображениях целесообразности.

В феврале 1930 г. ОГПУ получило право «на время проведения кампании ликвидации кулачества» передоверять своим полномочным представителям в краях и областях внесудебное рассмотрение дел. Правда, постановление требовало производить такое рассмотрение с участием представителей крайисполкомов (облисполкомов) и прокуратуры⁸⁷.

Судебный надзор, увы, приносил плоды отнюдь не всегда. В марте 1930 г. Верховный суд РСФСР в директивном письме сетовал: «Кассационная и надзорная работа УКК за последние месяцы по контрреволюционным делам дает основания утверждать, что суды... по ряду дел допустили грубые отклонения от... правильной линии уголовно-судебной политики... осуждение значительного количества середняков и даже бедняков... Между тем, по ряду контрреволюционных дел, требовавших проверки весьма существенных для дела фактов и обстоятельств и окончившихся вынесением подсудимым высшей меры социальной защиты, судебное следствие фактически не имело места...»⁸⁸

В апреле 1931 г. Политбюро снова пришлось «категорически подтвердить прежнее решение ЦК о том, что приговоры по политическим делам с высшей мерой наказания не должны выноситься... без санкции ЦК (и указать Верховному Суду и Верховной прокуратуре на их обязанность строго соблюдать этот порядок)»⁸⁹. Через три месяца Политбюро еще раз постановило: все смертные приговоры, даже вынесенные Коллегией ОГПУ, подлежат утверждению в ЦК. А граждан, арестованных по политическим делам, нельзя держать без допроса дольше двух недель и под следствием дольше трех месяцев⁹⁰. По-видимому, провинциальные кланы не повиновались этим запретам, раз Политбюро считало необходимым повторять их.

Как мы видели, все смертные приговоры по политическим делам должны были утверждаться Комиссией Политбюро по политическим делам (в разное время носившей также название Комиссии по судебным делам и Комиссии по делам о высшей мере социальной защиты). К сожалению, ее архивы до сих пор закрыты, но, по счастью, отдельные решения комиссии относительно 79 смертных приговоров, вынесенных в областях и республиках за март–август 1932 г., есть в архивах Политбюро, которое обычно эти решения утверждало. Половину (39) приговоров комиссия сочла чрезмерными и заменила на 10 лет заключения⁹¹. Провинция проявляла больше суровости, нежели центр.

В 1932–1933 гг. местные и региональные партийные руководители продолжали добиваться права на смертные приговоры. В условиях неурожая и голода Политбюро, как правило, разрешало выносить их по делам об утаивании продуктов и повстанческих организациях, но с ограничениями. 22 ноября 1932 г., в ответ на телеграмму украинского руководства, оно предоставило специальной комиссии на Украине (Косиор, Реденс, Киселев) на период хлебозаготовок полномочия принимать окончательные решения о применении высшей меры – только во время уборки урожая. ЦК КП(б)У был обязан отчитываться перед Москвой о своих решениях раз в 10 дней. Полномочия продлевались 10 и 20 марта 1933 г.⁹²

9 февраля 1933 г. Политбюро удовлетворило просьбу белорусского ЦК распространить на тройку ОГПУ право применения высшей меры наказания в делах контрреволюционных организаций, групп кулаков и белогвардейских элементов⁹³. В апреле оно точно так же «распространило» право рассмотрения дел о восстаниях и контрреволюционной деятельности (с применением высшей меры) на тройки в Средней Азии и Ленинграде (в ленинградскую тройку входили Киров, Медведь и Кодацкий)⁹⁴.

Язык этих документов проливает свет на взаимоотношения центра и периферии. Предводители региональных кланов домогались права на применение массового летального насилия, каковым сами по себе не обладали. И во время кризиса хлебозаготовок 1930–1933 гг. Сталин «предоставлял» такое право, «удовлетворяя просьбы» местных руководителей. Конечно, он санкционировал суровые репрессии и отстаивал их перед противниками коллективизации. Однако документы свидетельствуют, что почти каждый раз данный вопрос понимали региональные бароны. Местной знати права расстреливать приходилось добиваться, а Сталин старался защищать его и сохранять в своих руках.

К середине 1930-х гг., однако, хлебный кризис как будто пошел на спад, и Сталин натянул вожжи. 2 мая 1933 г. он встретился с руководством ОГПУ, и его заметки с этого совещания свидетельствуют о намерении сократить число людей, уполномоченных производить аресты, чтобы «разгрузить тюрьмы», уточнить систему полномочий и освободить значительное количество арестованных⁹⁵. Через пять дней Политбюро лишило все тройки (кроме дальневосточной) права на применение высшей меры⁹⁶.

На следующий день Сталин и Молотов распространили директиву-инструкцию о прекращении массовых арестов в регионах. Директива утверждала: «...наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях... Правда, из ряда областей все еще продолжают поступать требования о массовом выселении из деревни и применении острых форм репрессии. В ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из областей и краев около ста тысяч семей. В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников... Арестовывают все, кому только не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать». В директиве порицались «массовые беспорядочные аресты», «разгул практики арестов», при котором местные работники «теряют чувство меры». Массовые аресты стали не только неэффективными, но и вредными, поскольку настраивали население против режима: «Эти товарищи не понимают, что метод массовых и беспорядочных арестов, если только можно считать его методом, в условиях новой обстановки дает лишь минусы, роняющие авторитет Советской власти, что производство арестов должно быть ограничено и строго контролируемо соответствующими органами...» Директива требовала производить аресты только с предварительной санкции прокурора и довести общее число заключенных по СССР с 800 тыс. до 400 тыс. чел.⁹⁷

Политбюро и после майских решений 1933 г. удовлетворяло просьбы с мест о праве на применение высшей меры, однако гораздо реже и всегда с ограничениями. В июле оно предоставило тройке ОГПУ Западно-Сибирского края право применять высшую меру в отношении бандитов, терроризирующих местное население, но под личную ответственность краевого полномочного представителя ОГПУ. В августе «временно» разрешило тройкам Украины, Северного Кавказа, Средней Волги, Белоруссии, Урала, Западной Сибири и Казахстана выносить смертные приговоры – тоже активно действующим бандитам⁹⁸. И только через год с лишним, в сентябре 1934 г., Политбюро одобрило предложение наделить на два месяца правом утверждать приговоры к высшей мере первого секретаря Западно-Сибирского крайкома Р. И. Эйхе. В данном случае решение было принято по инициативе члена Политбюро В. М. Молотова⁹⁹.

Между тем, как говорилось выше, весной 1934 г. ОГПУ упразднили, а его полицейские функции передали Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) СССР. В отличие от ОГПУ и его предшественников, НКВД не имел права выносить смертные приговоры, даже тем, кто уже находился на его попечении в тюрьмах и лагерях¹⁰⁰.

Вскоре Политбюро учредило Судебно-надзорную коллегия Верховного суда. Притом оно все же сочло необходимым повторить: все смертные приговоры, даже поступающие в новую коллегия, подлежат утверждению Комиссией Политбюро по политделам¹⁰¹.

Спустя три месяца Каганович телеграфировал Сталину из Челябинска: «Считал бы возможным предоставить право на один месяц тройке в составе Рындина, Чернова и Шохина утверждать приговоры суда о высшей мере наказания. Прошу сообщить ваше мнение». Сталин ответил: «Не пойму, в чем дело. Если можете, лучше бы обойтись без тройки, а утверждать приговора можно в обычном [судебном] порядке»¹⁰².

Следующие три года карательные тройки и массовые операции были в Москве на плохом счету. Так, в октябре 1935 г. заместитель Прокурора СССР Г. К. Рогинский заявил Молотову и Кагановичу протест против действий тройки на Северном Кавказе, которая приговорила к смерти двух человек за дачу и получение взяток по статьям уголовного кодекса, предусматривавшим в качестве наказания 5–10 лет лишения свободы. Обвиняемых тут же расстреляли, прежде чем приговоры могли быть обжалованы¹⁰³. Учитывая все, что нам известно о чекистских кланах на Северном Кавказе, это и неудивительно.

Поэтому в тот период, как правило, местные партийные «атаманы» проявляли больше склонности к смертельным массовым репрессиям, нежели Москва. Сталин говорил, что такие операции неэффективны, отталкивают население, и настаивал на необходимости получать на них разрешение в каждом отдельном случае.

Однако в 1937 г., в ответ на июльскую телеграмму Миронова, просившего о новой массовой операции, Сталин утвердил приказ НКВД № 447, который организовал и санкционировал самую крупную из них. Это был внезапный отказ от линии, направленной против летальных операций. Ежов совсем недавно на пленуме ЦК осудил их, указав, что «эта практика [массовых арестов] сейчас является вредной». ЦК, сказал он, критикует массовые чистки с 1933 г., потому что они не помогают выявлять настоящих врагов¹⁰⁴. Еще позже, на совещании с руководством НКВД 19 марта 1937 г., он снова напомнил об инструкции 8 мая 1933 г. («все вы о ней знаете»), в которой содержится «резкая критика» массовых арестов¹⁰⁵. А теперь НКВД получил распоряжение приступить к ним. Сотрудники, наблюдавшие, как их шеф Ежов дважды за один месяц порицает массовые операции, были, возможно, озадачены, но вряд ли огорчены, услышав от Сталина об их возобновлении.

Мы никогда не узнаем, почему Сталин выбрал именно этот момент, чтобы передумать. Видимо, он внял наконец предупреждениям региональных баронов насчет опасности в деревне. В течение следующих пяти дней он решил создать тройки по всему СССР. Его телеграмма, разосланная в регионы 3 июля, указывала, что «большая часть бывших кулаков и уголовников», вернувшихся в родные края по истечении срока высылки, «являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений». «Наиболее враждебных» из них надлежало расстреливать, «менее активных, но все же враждебных» – высылать в отдаленные районы. Регионам предписывалось в пятидневный срок назвать состав троек и количество лиц обеих категорий¹⁰⁶.

Между сталинской телеграммой от 3 июля и оперативным приказом НКВД № 447, который положил фактическое начало массовой операции, произошли некоторые изменения, еще больше свидетельствующие о региональном влиянии. Ежов организовал в Москве 16–18 июля ряд оперативных совещаний региональных сотрудников НКВД. Значительные различия между телеграммой Сталина и приказом № 447 отражают вклад и интересы местных работников.

В телеграмме шла речь только о «возвратившихся на родину кулаках и уголовниках». Однако приказ, после совещаний с местным

руководством, расширил список, включив туда церковников и сектантов, членов «антисоветских» политических партий, фашистов, бывших белых офицеров, царских чиновников и жандармов, шпионов, террористов, бандитов, уголовников-рецидивистов, даже конокрадов. Получился куда более широкий круг лиц, чем те, кто вернулся домой по истечении срока приговора, как указал Сталин. Приказ № 447 касался также беглых, уголовных элементов, находящихся в лагерях и трудпоселках, и тех, кто «скрылся от репрессий». Сталин в телеграмме предлагал высылать «менее активные» элементы, приказ же требовал отправлять их в лагеря.

В июле 1937 г. многие региональные руководители наметили *большее* количество объектов репрессий, нежели то, с которым Политбюро в итоге согласилось: оно уменьшило предложенное число более чем наполовину. В начале июля 40 из 64 областей, краев и республик представили свои цифры в ответ на телеграмму Сталина. В общей сложности на местах планировали 207 345 арестов. В конце июля, после совещаний с местными представителями, приказ № 447 сократил это «предложение сорока» примерно на 20 000 чел. – до 187 450. 95 % сокращения (18 770 чел.) пришлось на категорию подлежащих расстрелу. По 40 регионам, откликнувшимся на сталинскую телеграмму, приказ уменьшил количество подлежащих расстрелу для 19 из них, увеличил для 17 и оставил без изменения для 4. Количество подлежащих заключению в лагерь было уменьшено для 22 регионов и увеличено для 18. Некоторые «расстрельные заявки» с мест претерпели весьма существенное сокращение: по Белоруссии – с 3 000 до 1 000 чел., по Азово-Черноморскому краю – с 6 600 до 5 000, по Западно-Сибирскому – с 11 000 до 5 000, по Московской области – с 8 500 до 5 000¹⁰⁷.

Мы видели выше, что евдокимовский чекистский клан на Северном Кавказе привык и любил проводить массовые операции. На июльских совещаниях все работники, которых мы можем идентифицировать как членов северокавказской группы, предлагали по объектам массовой операции большие цифры, на совещаниях же и сокращенные¹⁰⁸.

Молотов вспоминает, как Хрущев, будучи первым секретарем Московского обкома, принес Сталину свои списки врагов народа. Сталин усомнился: «Неужели так много?» – «Их гораздо больше, товарищ Сталин, вы не представляете, сколько их!»¹⁰⁹

Приказ № 447 устанавливал «лимиты», а не «квоты»; максимум, а не минимум. Как мы видели, наложение ограничений на проведение массовых операций на местах имело долгую историю, и ежов-

ский приказ вполне согласовался с давней боязнью Сталина упустить власть над спонтанными местными репрессиями. Он предупреждал региональных начальников, что они «не имеют права самостоятельно их [лимиты] превышать», а буде «обстановка» того потребует, «обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства». Возможно, как утверждают некоторые, Сталин и Ежов хотели и ждали просьб об увеличении лимитов и Сталин прекрасно предвидел перегибы¹¹⁰. Документов, подтверждающих это мнение, нет; ему противоречат и употребляемая лексика, и то, что слово Сталина, насколько нам известно, являлось законом, и вся история отношений центра с периферией. В свете этой истории, если Сталин в тот момент ждал или хотел беспредельного террора, у него не было причины говорить о каких-либо «лимитах». Слова для Сталина много значили, а подобные высказывания играли бы контрпродуктивную роль, если бы он желал более масштабного террора, который предпочитали многие местные гранды. Сталин и Ежов считали необходимым предупредить об обратном и настаивать на своем праве контролировать террор. Отражая опасения Сталина, как бы местные работники не вышли из-под контроля (или, точнее, из-под *его* контроля), приказ № 447 дважды повторял, что «самостоятельность» при проведении операции на местах недопустима. Тем самым он опять-таки переключался с упреками и предостережениями майской инструкции 1933 г., запрещавшей массовые операции. Сталин хотел и рыбку съесть, и косточкой не подавиться: осуществить централизованно управляемую кампанию, не платя цену, которой такие кампании требуют.

Весь процесс принятия решения явно не выглядел как навязывание Сталиным давно подготовленного плана. За десять дней 2–12 июля Сталин сначала в принципе вернулся к идее массовых операций, затем одобрил сильное *расширение* категорий репрессируемых и ужесточение наказаний, вместе с тем *сокращая* заявленное число арестов и ставя ему пределы. На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов кажется логичным предположение, что расширения категорий и повышения меры наказания добивались местные представители. И Сталин наконец согласился. Это были переговоры. В обмен на более широкий список мишеней Сталин настоял на сокращении многих предложенных с мест лимитов и своем праве утверждать масштабы операции в каждой области. Точно так же он поступал, взаимодействуя с региональными центрами власти, с начала 1920-х гг.

Таким образом, приказ № 447 не нарушал давно существующей динамики отношений центра и периферии, создавшей в 1920–1930-х гг.

прецеденты для массовых операций 1937 г. В 1920-е гг., как и в 1937-м, о массовых операциях просило местное партийное и чекистское руководство. Сталин удовлетворял просьбы в виде исключения, с ограничениями, требуя отчетности перед Москвой. Как мы видели, в тот период он старался контролировать, сокращать, держать в рамках массовые операции и в конце концов запретил их. Если не говорить об опасных ситуациях мятежа, они велись беспорядочно, бесконтрольно и по большому счету столько же дискредитировали режим, сколько помогали ему. Практически все элементы приказа № 447, по сути, имели прецеденты в 1930–1933 гг. Просьбы и наущения с мест, разбивка подлежащих аресту лиц на категории, весьма расплывчатое определение местными руководителями круга объектов репрессий, установление лимитов на аресты и конкретных сроков проведения операций – все это характерно для соперничества центра и периферии за право на репрессии в предыдущие годы.

Массовые операции 1937 г. во многом напоминали репрессии, осуществлявшиеся по распоряжению Сталина во время коллективизации. В 1929 г., так же как в 1937-м, репрессивные меры применялись не по обычным судебным каналам¹¹¹. Центр в ходе коллективизации тоже намечал лимиты по двум категориям жертв (подлежащих расстрелу и высылке), устанавливал конкретные сроки, выбор жертв оставлял местным властям и для осуществления насилия создавал специальные тройки. Группы объектов репрессий и в 1929 г. определялись очень расплывчато. Кто такие кулаки, могли решать и решали местные партийные работники и органы внутренних дел.

Террор и насилие представляли собой главное оружие региональных партийных «атаманов». «Среди местных работников системы управления как в партийном, так и в государственном аппарате, – пишет В. П. Данилов, – было немало горячих голов, внутренне расположенных к командно-репрессивным действиям»¹¹². Ю. Н. Жуков замечает, что «широкомасштабные репрессии, да еще направленные против десятков и сотен тысяч крестьян, были выгодны прежде всего первым секретарям обкомов и крайкомов»¹¹³. Сталин в мае 1933 г. сетовал на требования о «применении острых форм репрессии», продолжающие поступать «из ряда областей», где «товарищи готовы подменить и уже подменяют политическую работу в массах в целях изоляции кулацких и антиколхозных элементов административно-чекистскими операциями». Постышев охарактеризовал тот период следующим образом: «Надо прямо и совершенно определенно сказать, что репрессии были в эти прорывные годы решающим методом “руководства” многих партийных организаций...»¹¹⁴

Сталин и Ежов предостерегали местных партийных работников и чекистов против «перегибов». Приказ № 447 и последующие известные увеличения лимитов дали разрешение на расстрел около 236 тыс. жертв. На местах расстреливали намного больше. Мы удостоверились, что в действительности были расстреляны 386 798 чел., то есть 151 716 из них – без документально подтвержденной на текущий момент санкции центральных органов НКВД или Политбюро¹¹⁵. Например, по Туркмении нам посчастливилось иметь полные данные обо всех санкциях, и мы знаем, что Политбюро утвердило расстрел 3 225 чел., а местные власти расстреляли 4 037, превысив установленный лимит на 25 %¹¹⁶. Смоленску Москва определила лимит на 4 000 чел., однако там казнили 4 500 чел. и продолжали делать это даже после ноябрьского постановления 1938 г., категорически требующего прекратить операцию, – попросту датируя соответствующую документацию задним числом¹¹⁷.

Некоторые региональные боссы относились к массовым операциям с большим энтузиазмом. Среди партийных руководителей есть множество примеров настоящей кровожадности. Первый секретарь ЦК КП(б) Туркмении Я. А. Чубин так увлекся массовыми убийствами, что в 1938 г. пытался добиться отзыва нового республиканского наркома внутренних дел, присланного их прекратить¹¹⁸. Первый секретарь Ивановского обкома В. Я. Симочкин любил смотреть на расстрелы и любопытствовал, почему его подчиненные предпочитают этого не делать¹¹⁹. Если говорить о чекистах, то нет свидетельств, что кто-нибудь из руководителей НКВД возражал против массовых операций, а некоторые были рьяными палачами¹²⁰. В ряде сибирских районов арестованных зачастую пытали и расстреливали, вообще не утруждая себя составлением какой-либо документации. Когда мороз не позволял рыть могилы, трупы сваливали в реки, и весной они плыли мимо находящихся на берегу людей. Иногда местные чекисты душили свои жертвы или забивали насмерть¹²¹. Вот вам и сталинские предупреждения насчет «перегибов»!

Кажется, нет особых оснований сомневаться, что к столь кровавому решению центр подтолкнули осознание непредвиденных опасностей, таившихся в новой конституции, и своенравные региональные партийные руководители, почувствовавшие, как им сковывают руки. В то время почти все видели связь между массовыми операциями и новой конституцией¹²².

У нас есть документы, свидетельствующие об установлении этой связи и крестьянами, и оппозиционерами, и членами ЦК. Помимо элиты, охваченной очевидной паникой перед лицом мятежных на-

строений возвращающихся кулаков (о чем говорилось выше), ее явно ощущали прочие современники. Арестованные в Татарии считали, что большевики боятся выборов и наносят упреждающий удар, чтобы враги не взяли под свой контроль голосование в районах¹²³. В Оренбургской области сын кулака заявил: «...пусть коммунисты не думают, что это им пройдет даром; скоро мы с ними рассчитаемся, при голосовании кандидатов в депутаты в Верховный Совет покажем кто кого»¹²⁴.

Понимали что к чему и крестьяне Орджоникидзевского края. «Проходят массовые аресты – это на время выборов изолируют нашего брата – боятся, чтобы мы в советы не пролезли. Заранее знают, что коммунисты на выборах провалятся», – говорил один. «Арест людей, в прошлом активных белогвардейцев, местных казачьих авторитетов – кулаков – вызван в связи с предстоящими выборами в Совет, чтобы не допустить их к выборам», – вторил ему другой. «Сейчас арестовывают кулаков потому, что скоро будут перевыборы, и вот, чтобы они не голосовали – их и спрятали по Новой Конституции», – добавлял третий¹²⁵.

С ними соглашались украинские меньшевики (зачастую весьма проникательно постигавшие ход мыслей большевиков). По словам одного из них, «если бы не этот террор, то выборы не всюду прошли бы гладко». Другой сказал: «В стране террор, арестовывают и расстреливают невинных людей – это предвыборная горячка, думают террором заглушить инициативу масс, чтобы она слепо голосовала за кандидатуры коммунистов»¹²⁶. Н. И. Бухарин писал в своем последнем письме Сталину, что всеобщая чистка отчасти связана с «переходом к демократии»¹²⁷.

Наконец, партийный барон Архангельска, первый секретарь обкома Д. А. Конторин, открыто заявил на пленуме ЦК в октябре 1937 г.: «Мы просим, и будем просить Центральный комитет увеличить нам лимит по 1 категории [расстрелы], в порядке подготовки к выборам»¹²⁸.

Возможно, это простое совпадение, но в тот же день, когда было опубликовано положение о выборах с открытым соревновательным голосованием, против которого провинциальные бароны так возражали, Политбюро санкционировало массовую операцию против тех, кого боялось региональное начальство. Несколько часов спустя Сталин разослал партийным руководителям областей, краев и республик телеграмму с распоряжением осуществить «кулацкую операцию» и позволением расстреливать те самые «элементы», на которые они жаловались как на угрозу в случае выборов¹²⁹. Требуя от региональ-

ных грандов провести соревновательные выборы, Сталин одновременно дал им (в буквальном смысле) оружие для защиты. Даже без такого совпадения (если речь вообще о совпадении) есть множество доказательств того, что выборы 1937 г. в Верховный совет сыграли решающую роль в появлении приказа № 447 и разрабатывался он в контексте борьбы Сталина с провинциальными баронами и их кланами.

Региональные партийные и чекистские руководители, наперебой твердя об угрозе со стороны возвращающихся кулаков и антисоветских элементов, рисовали все более мрачную и тревожную картину существующего положения. И Сталин в конце концов снова обратился к массовому насилию, приняв решение о летальной массовой операции по всей стране. Он не изменил новую электоральную систему с тайным голосованием: уж слишком она была удобна для поджаривания пяток бюрократам. Но к июлю 1937 г. он уверился, что народная оппозиция, обретя голос, будет представлять достаточно серьезную опасность, чтобы не возражать против массовых убийств.

Региональные бароны выиграли битву за массовые операции, а в конечном счете и спор по поводу выборов – когда Сталин через несколько месяцев потихоньку отставил опасную идею соревновательных выборов и вернулся к принципу выдвижения одного кандидата¹³⁰.

Но, как покажет следующая глава, войну региональные бароны проиграли. Сталин предоставил им и региональным органам внутренних дел право на репрессии как раз в тот момент, когда на другом фронте против них развернулась целая отдельная кампания. Генсек не видел никакого противоречия в том, чтобы в один прекрасный день назначить секретаря обкома в тройку, отдав ему на откуп вопрос жизни и смерти тысяч людей, а на следующий – его же и арестовать. По сути, в данных конкретных обстоятельствах массовые операции защищали институт региональных партийных клановых вотчин – который он считал неизбежным злом, необходимым для режима, – а не самих руководителей регионов, вышедших у него из доверия.

8. СТАЛИН И КЛАНЫ III: Последний рубеж кланов

У нас нередко решаются вопросы не только на местах, но и в центре, так сказать, в семейном порядке, домашним образом... Сегодня я его, Ивана Ивановича, пощажу. Завтра он меня, Ивана Федоровича, пощадит... Чинно и хорошо. Мир и благоволение.

И. В. Сталин (1931)¹

Как повелось еще с 1920-х гг., новоприбывший руководитель, назначенный центром, почти всегда оказывался в гуще уже существующей партийной организации. Местные коммунисты по большей части здесь же и родились, давно обросли паутиной дружеских привязанностей, клановых связей, обязательств верности и, естественно, встречали пришельца с подозрением и досадой. Пока и если новый начальник не завоевывал доверие старожилов, не создавал из них собственную функционирующую клиентскую группу или не привозил своих друзей и сторонников, он оставался чужаком. С начала 1920-х гг., получая босса со стороны, местные работники жаловались, что их обходят. Среди них часто звучали язвительные замечания типа: «Приехали варяги нас учить!» Пассивное сопротивление, пререкания, склоки по окончании гражданской войны стали скорее правилом, чем исключением. Любого новичка, невзирая на благословение ЦК, могли выжить, в Нижнем Новгороде подобное проделали даже со столь видной фигурой, как А. И. Микоян, личный друг Ленина и Сталина².

Сталин нуждался в местном руководстве такой конфигурации, которая позволяла бы последнему в относительном единстве работать над выполнением хозяйственных и политических заданий ЦК. Однако, учитывая традицию местных склок (и связанных с ними оппозиционных движений), это легче было сказать, чем сделать. Чаще

всего никто из местных, «доморощенных» большевиков не обладал ни качествами, ни опытом, необходимыми для руководства областью. Сталинские эксперименты 1920-х гг. с выдвиженчеством показали, что возвышение какого-нибудь любимца местного клана до уровня областного руководства ведет к усилению местечковых нравов, а поскольку укрепляет существующие местные сети фаворитизма – то и к распространению преступности.

Классический пример представлял собой смоленский скандал 1928 г. Местного коммуниста Д. А. Павлюченко поставили во главе Смоленской губернии в качестве первого секретаря губкома, и за короткое время его друзья и родственники образовали замкнутую мафию губернского масштаба, прославившуюся экстравагантными частными банкетами, взяточничеством, растратами, откровенным воровством и оргиями на государственных дачах. Сталин понял свою ошибку и разгромил смоленскую «семью». Девять наиболее злостных преступников из высокопоставленных ответственных работников губернии были арестованы, еще десятерых, включая Павлюченко, сняли с работы и «вернули на производство»³. Кое-кто думал, что наказания заслуживает больше народу, однако нехватка надежных партийных кадров перевесила эту мысль⁴.

Позже с целью предотвращения местечковости и сопутствующего ей разложения была принята на вооружение (особенно в экономически важных областях) новая практика: ставить высшего руководителя со стороны и всемерно его поддерживать. Во избежание ошибки с Микояном (когда назначенца центра оставили барахтаться в одиночку), новому начальнику предоставляли полную волю подбирать на ответственные посты людей по его усмотрению, контролировать советский и карательный аппараты, подавлять местные склоки и сопротивление и держали его на посту, пока он давал результаты. Правда, как мы видели, склоки в большевистской партии были нормой жизни, так что местная групповщина и сопротивление областным боссам и их командам не прекращались.

Хотя Сталин и его московские коллеги, ведавшие распределением кадров, решительно поддерживали своих назначенцев, порой на местах все же складывалась чересчур конфликтная ситуация. Первых секретарей переводили, заменяли, перебрасывали в соответствии с конкретными партийными нуждами. Когда обстановка в области накалялась и обе стороны жаловались в ЦК, Сталин вызывал и тех и других в Москву на совещание, которое вел он сам или другой высокопоставленный член его клана⁵. Обычно он становился на сторону назначенного им первого секретаря, однако если хотел подкопаться

под кого-то из областных руководителей, то, как мы еще увидим, всегда мог воспользоваться подавляемым, но по-прежнему сильным духом групповщины, мобилизуя его против регионального босса.

* * *

В марте 1936 г. ЦК разделил Ивановскую Промышленную область на две части: Ивановскую область и новую Ярославскую область. Для этой новой самостоятельной единицы требовалось найти руководство. Организационное бюро ЦК по Ярославской области⁶ возглавил А. Р. Вайнов. После года подготовительной работы в Ярославле он был назначен первым секретарем новообразованного Ярославского обкома ВКП(б).

39-летний Вайнов приехал через Москву из Донецка. На 4 года младше Н. С. Хрущева, он тоже вступил в партию в 1918 г. В начале 1930-х гг. занимал пост второго секретаря Донецкого обкома, отвечал за металлургию, с 1934 г. был членом ЦК КП(б)У. В 1936 г., к моменту своего назначения в Ярославль, работал под началом А. А. Андреева заместителем заведующего промышленным отделом ЦК. За две первые пятилетки три крупнейших города новой области – Ярославль, Кострома и Рыбинск – наряду с ее 36 районами пережили стремительную промышленную экспансию. Эти города вдобавок представляли собой важные перевалочные пункты на Волге и новой сети каналов и водохранилищ, образовавших северные речные транспортные пути. Специалист по промышленности Вайнов казался превосходной кандидатурой на пост здешнего руководителя.

И вот в 1936 г. товарищ Вайнов переехал в Ярославль на работу, как нельзя лучше ему подходившую. Ничего не зная про область и ее коммунистов, он попал в сложившуюся партийную организацию, которая до тех пор составляла часть ивановской «машины» И. П. Носова. На новой территории «ивановцы» сгруппировались вокруг И. А. Нефедова, работавшего здесь по крайней мере с 1932 г. Вайнов оказался в положении губернатора царских времен: «По прибытии в «свою» губернию губернатору приходилось работать с чиновниками, которые являлись клиентами его предшественника и которых следовало либо убрать, либо превратить в новую сеть, верную новому губернатору. Отсюда проистекают сильное недоверие и враждебность чиновничества к новому губернатору при первой встрече. Последнему нужно было также регулировать сложные взаимоотношения с конкурирующей сетью в лице местных дворян во главе с предводителем дворянства»⁷.

Вероятно, пытаясь победить недовольство старожиллов вторжением «варяга», Вайнов сделал местного «предводителя дворянства» Нефедова вторым секретарем Ярославского обкома. Таким образом он кооптировал его, превращая из противника в союзника. Вначале Нефедов относился к Вайнову с настороженностью и досадой. По воспоминаниям одного партийного работника, прежде в Ярославле было «феодалное княжество», которое думало, что ЦК далеко. Жили припеваючи, на собраниях актива горячие аплодисменты, на партийных собраниях горячие аплодисменты, и вдруг мирную жизнь феодальных князьков испортила организация новой области. Нефедов вызывающе язвил по поводу прибытия Вайнова: «Приезжает секретарь из Донбасса, пусть попытается наладить дело, пусть покажет, что он может сделать, работая в Ярославской области!»⁸ Но Вайнов его переиграл. Он ввел Нефедова в узкий круг бюро обкома, доверил ему ответственный пост с большими полномочиями, включая идеологический надзор. Позже, когда Нефедов попал под перекрестный огонь со стороны местных партийцев и самого ЦК, Вайнов, как надежный патрон, старался его защитить.

Возможное сопротивление Нефедова Вайнову было полностью нейтрализовано. Нефедов стал верным клиентом, о котором говорили, что он ничего не решает, не спросив хозяина. Секретарь райкома Репкин передавал свой разговор с ним: «[Я спросил:] Не надо ли провести партийное собрание, чтобы сориентировать коммунистов? Вместо ответа Нефедов сказал: “А как вы думаете? Что мы, по-вашему, должны ответить? Что нам делать?” Что же это за руководство?»⁹ Члены клана, избегающие решений, чтобы не ссориться с правящей знатью, – обычное явление в провинциальных кланах. Дагестанский партиец, например, отзывался о главе республиканского Совнаркома так: «Там есть уважаемый т. Мамедбеков – председатель Совнаркома. Он о фактах очковтирательства знал давно, еще 6 октября 1936 г. А когда мы 13 февраля 1937 г. на заседании бюро обкома спросили, какие он меры принял и что он сделал как председатель Совнаркома, он сообщает: “Я, – говорит, – доложил секретарю крайкома, крайком взял все это дело под особое наблюдение, и я успокоился”... Мамедбеков представляет из себя какого-то постороннего наблюдателя, он сигнализирует, он информирует, а потом успокаивается. Это относится и к другим дагестанским работникам. Есть у них такой молчальник (*смех*) – председатель ЦИКа Далгат, который ничего не говорит и даже не сигнализирует, а Мамедбеков, как видите, сигнализирует и информирует. (*Смех в зале.*)»¹⁰

Вайнов также сделал то, что делали все высокопоставленные руководители, перебираясь в другую область: привез с собой друзей и людей, которым доверял, поработав с ними на предыдущих должностях¹¹. В его «артель» или «хвост» входили 23 ответственных работника, в том числе 9 из Донбасса, где он трудился до 1936 г. Хотя для крупной партийной организации это вроде бы не так много, следует помнить, что у каждого члена вайновской «артели» имелся собственный «хвост». Один заводской парторг сказал: «Т. Вайнов привез областной актив, но и другие руководители, по его примеру, начали привозить работников. Даже у нас на фабрике директор фабрики привез с собой 5 человек, просто мастеров, которые с ним работали в Костроме, и что получилось – привез этих людей, платит им огромные средства за их квартиры, их можно было вполне заменить местными работниками»¹².

В Горьком секретарь райкома «притащил за собой из Кологрива целый куст людей»: «А спросите, зачем он тащит? А для того, чтобы создать себе опору, чтобы иметь своих людей, которые в трудный момент его не выдадут»¹³. Тоже из Горького: «Т. Додонов, председатель Сталинского райсовета, просит все-таки разъяснить, что не его родственники и не 30 чел. работали в райсовете. Товарищи, возможно, что дело обстояло именно так, как говорит т. Додонов... Но факт, что там была большая семья родственников и что тов. Додонов это дело просмотрел и немножко прикрывал. Для справедливости я вношу поправку. (*Смех в зале.*)»¹⁴

Вернемся, однако, в Ярославль. Вайнов, не тратя времени даром, взял бразды правления в свои руки и сформировал оперативный клан. Успешная кооптация Нефедова ослабила «ивановцев». Вайнов поставил своих людей в бюро обкома, отделы обкома, в руководство важнейших районов.

Клан управлял областной партийной организацией железной рукой и не терпел критики. Грубость членов клана с подчиненными и реакция последних вызывают в памяти жалобы рабочих на администрацию еще в 1917 г. Коммунист Наумов сказал впоследствии на партийной конференции: «Разве мы не помним десятки пресловутых названий, которыми вознаграждались секретари райкомов партии, начиная от слова “хулиган” и кончая самыми издевательскими названиями»¹⁵. Секретарь райкома Федоров, не принадлежавший к вайновскому клану, возмущался: «Я не могу не напомнить не совсем лестные эпитеты, которыми награждались районные работники, как “саботажник”, “болтун”, “аллилуйщик”, “оппортунист”... А когда я попробовал однажды робко возразить против сплошной ругани по

отношению к секретарям райкомов и, в частности, ко мне, то знаете ли, какую я баню получил на совещании секретарей райкомов... Мое заявление, что нельзя все время ругать, было Заржицким, при молчаливом согласии т. Вайнова, квалифицировано как троцкистская клевета против партийного руководства»¹⁶.

Так обстояло дело повсюду. В Горьковской области первичная парторганизация Ардатского района жаловалась на парторга Колесова: «Вместо помощи мы от него получаем одну ругань: обругать, накричать он мастер, много хвастается». О другом парторге рассказывали: «Он груб. Удивительно груб... Если парторг такую грубость допускает, то он, очевидно, слышал, что секретарь райкома также груб и что он в этом духе воспитывает людей. А ведь это очень быстро воспринимается». Еще один горьковский партработник отмечал: «...жалуются, что секретарь Работкинского райкома т. Пушков груб, невероятно груб, причем сам Пушков говорит, что он груб не ко всем, а что он имеет в отношении грубости дифференцированный подход. (Смех)»¹⁷

В Смоленске: «Приходит человек, обращается к секретарю нашего отдела ОРПО т. Макаренко, новому работнику, обращается к нему с вопросом, где тут Отдел партийной пропаганды и агитации. Он ему всей пятерней показывает – “там”. Тот смотрит вытаращенными глазами»¹⁸. Партийные работники нескольких регионов жаловались на высокомерное и пренебрежительное поведение руководителей. В Ростове: «Я пришел к Шарикяну, он, знаете, принял позу Наполеона и стал на меня орать, что за порядки, как смели вы выносить такое решение, мы вас научим работать и т. п.»¹⁹ В Краснодаре партиец Увацан поведал на пленуме крайкома: «Когда Березин стал секретарем Краснодарского горкома, он прямо признался, что на него нет личного дела, и нам пришлось заставить его составить личное дело. Работники обращаются к т. Березину, тебе нужно личное дело заполнить, а он говорит: “Что, я батрак вам, что буду заполнять личное дело?”»²⁰

Высокомерию, естественно, сопутствовал зажим критики снизу. «Товарищи... т. Вайнова, – рассказывал Репкин в Ярославле, – приехали сюда спасать положение руками завозных людей... встали на совершенно неправильный путь – голого администрирования в отношении местных кадров... создали в аппарате обкома партии (или бывшего Оргбюро ЦК ВКП(б) по Ярославской области) обстановку отсутствия какой-либо коллегиальности... Система переключек буквально терроризировала работников. По сути дела, создавала такую

обстановку, когда было невозможно выступать и говорить о недостатках областного партийного органа»²¹.

Дагестанский партиец сказал, что «в Дагестане не кинжала бояться, а самокритики бояться больше, чем кинжала»²². В Сталинграде «коммунистическую критику называли групповщиной и происками»²³. Активист из Ростова-на-Дону вспоминал: «Вернее, зажали всякую критику в организации. Мы время от времени пытались делать это [критиковать], но нам грубо затыкали рот, а в ряде отдельных случаев мы оказались раздавлены, словно в тисках»²⁴. Другой на Орджоникидзеvской краевой конференции жаловался: «В свое время – за то, что я критиковал, мне дали кличку “склочник”. За критику свою я немало пострадал, мне очень много приходилось переживать»²⁵.

Вайновский клан, как и многие другие в стране, был настолько силен, что полагал, будто добился, по выражению Сталина, «некоторой независимости от ЦК»²⁶ и может безбоязненно игнорировать политические сигналы из Москвы. Даже в конце января 1937 г., когда Москва уже прямо и ясно призвала к выявлению врагов-троцкистов, развитию критики и самокритики и усилила политизацию партийных собраний, доклад Вайнова на I Ярославской областной партийной конференции содержал только традиционные разделы вроде «Руководство стахановским движением» и «Советская торговля: наше родное большевистское дело». «Избирая» руководство обкома, Вайнов пренебрегал призывами Москвы к демократии и настоящим обсуждением кандидатур. Когда в январе 1937 г. наступило время выборов нового обкома, он провел эту процедуру стремительно. Всех кандидатов выдвинула руководящая группа, по каждому Вайнов говорил одно и то же: «Следующий. Есть возражения? Вопросы, замечания? Нет. Голосуем. Кто за товарища _____, прошу поднять мандаты. Следующий». Несколько отважных товарищей подвергли резкой критике вайновского кандидата Хлыбова, имевшего сомнительных родственников и в прошлом защищавшего подозрительных людей. Вайнов и его клан, сомкнув ряды, тут же вступились за него. Хлыбов получил менее 50 % голосов (меньше, чем все остальные), но, как выдвинутый Вайновым, все же был избран²⁷.

То же самое происходило по всей стране. Секретарь райкома Ивницкий в Ростове-на-Дону вспоминал, как первый секретарь крайкома Шеболдаев давил на райком, чтобы избрали его кандидата: «Когда мы приняли такое решение и когда узнал об этом Борис Петрович Шеболдаев, он вызвал меня и бывшего секретаря обкома Гуревича и заявил, что вы за руководители такие, что допустили провал Овчинникова. Я ему нетвердо заявил, что, может быть, его и не нужно было

проводить. Недостаточно резко сказал. Затем было созвано собрание делегации. Делегацию спешно провозили на машинах, так как скоро должна была состояться конференция. Борис Петрович Шеболдаев лично явился на нашу делегацию и защищал там Овчинникова в течение полутора часов»²⁸. Шеболдаев славился заступничеством за свой клан. На одной партконференции в июне 1937 г., где его клиентов стали попрекать сомнительным прошлым, он сказал: «Давайте не будем нападать друг на друга за то, что делали наши отцы и деды. Товарищи, мы не можем этого делать. Нам надо обсудить главные вопросы»²⁹. В Ростове-на-Дону говорили, что, когда член партии выступает на партийном собрании с критикой или разоблачает врага партии, на следующий же день руководство дает этому врагу положительную характеристику³⁰.

Могущественный И. М. Варейкис в Воронеже тоже всячески отстаивал своих. Когда Черников из Острогожского райкома сказал ему, что некий Алферов не достоин работать там, потому что «проявлял антигосударственные тенденции», Варейкис ответил: «Что ты, товарищ Черников? Вы, очевидно, начинаете заниматься склочными делами, он работал в рабфаке, в институте, мы его достаточно изучили и доверяем ему руководство партийной организацией»³¹. Варейкис оказывал протекцию клиентам и позже, на новой должности первого секретаря Дальневосточного крайкома. Директор завода Кузнецов попал под обстрел критики за невыполнение плана и неприветливое поведение («оторвался от масс»). Варейкис выступил в его защиту на краевой партконференции: «Кузнецов, безусловно, производит впечатление очень крупного и, пожалуй, одного из лучших хозяйственных работников нашего края». Несмотря на заступничество Варейкиса, Кузнецова избрали в крайком ничтожным перевесом голосов (222 «за», 217 «против») ³².

Вскоре после январской предвыборной конференции 1937 г. в Ярославле передовица «Правды» публично устроила Вайнову с его кланом разнос за зажим критики, «подхалимство» и отсутствие самокритики. Вайнов и его клика совершили почти роковую политическую ошибку: воспрепятствовали обсуждению статьи на партийных собраниях, не приняли обычную покаянную резолюцию и не допустили традиционной перепечатки передовицы «Правды» в областных газетах. Они думали, что прочно держатся у власти, но их решение им впоследствии аукнулось. Наверное, им стоило последовать совету одного из «саратовских свояков» Шеболдаева: «Его первая директива инструкторам, когда он их собрал, была: “Следите, чтобы вас не проработали в газете”»³³.

В последние дни 1936-го и первые – 1937 г. Сталин пошел в наступление на кланы, затеяв кадровую перетасовку, призванную разлучить высокопоставленных партийных начальников с их приближенными. И. М. Варейкиса перевели из Сталинграда на Дальний Восток. В Сталинграде его сменил Б. А. Семенов, переехавший из Крыма. Пост в Крыму занял Л. И. Картвелишвили, направленный туда с Дальнего Востока по приезду Варейкиса. С. А. Кудрявцева перебросили из Харькова в столицу Украины, а на его место в Харьков пришел Н. Ф. Гикало, переведенный из Белоруссии. В этих и других случаях клановым вождям теперь прямо запрещали брать с собой кого-либо из своего «хвоста».

Самые громкие переводы, которые Сталин предал широкой огласке в назидание остальным, – Б. П. Шеболдаева из Азово-Черноморского края в Курск и П. П. Постышева из Киева в Куйбышев. И. У. Иванов из Курска обменялся с Шеболдаевым регионами, перебравшись в Азово-Черноморский край вторым секретарем крайкома вместо арестованного шеболдаевского клиента М. М. Малинова. Постышев сменил в Куйбышеве В. П. Шубрикова, которого отправили в Западную Сибирь. Целью перемещений не всегда открыто называлась ликвидация «артелей»: Шеболдаев и Постышев провинились тем, что легкомысленно набрали в свое окружение троцкистов, ныне разоблаченных как «враги». Однако не надо обладать богатым воображением, чтобы увидеть в этих переводах (причем без «хвостов») резкий выпад Сталина против кланов вообще: он отделял их от предводителей.

Одна из проблем с нашими источниками заключается в том, что мы имеем в своем распоряжении лишь половину разговоров между централизаторами и региональными партийными руководителями. У нас нет недостатка в высказываниях Сталина и других московских централизаторов с критикой «феодалных князьков», но голосов региональных нобилей мы, за редкими исключениями, не слышим, если оставить в стороне показания, сфабрикованные после их арестов. Первое очевидное объяснение: Сталин в конце концов уничтожил региональных руководителей, а историю всегда пишут победители.

Но есть и более существенная причина, связанная с традициями и культурой партийной дисциплины. Со времен боев с левой и правой оппозициями в 1920-х гг. публичная (имеется в виду: среди рядовых членов партии) критика ЦК (и Сталина) приравнивалась к предательству. Ведь грех левой оппозиции в этом и состоял, а сталинская

коалиция во всесоюзном масштабе – в которую вошли и региональные руководители – сложилась, сплотившись вокруг ЦК против левых. Мы, правда, знаем, что с глазу на глаз с ближайшими соратниками региональные начальники поругивали московский центр. Например, кое-кто слышал от горячего И. П. Румянцева «непартийные высказывания и лозунги», истолкованные как «нападки на линию ЦК». И даже в 1937 г., когда арестовали его заместителя Шильмана, Румянцев занял «антипартийную позицию в отношении ареста Шильмана», пытаясь «доказать необоснованность обвинений»³⁴. Подобные откровения можно найти в стенограммах местных и региональных партийных пленумов и конференций, к ним мы и обратимся, чтобы составить подробную картину падения Вайнова в Ярославле в 1937 г.

Сразу же вслед за хорошо стенографированной Ярославской областной партийной конференцией, упоминавшейся выше, где Вайнов выступал на банальные аполитичные темы и строго проконтролировал выборы, «Правда» напечатала статью с резкой критикой культурного и патримониального вайновского режима. Отмечая угодническое обсуждение основного доклада Вайнова, содержащее выражения типа «в своем блестящем докладе», «достижения области», «особые успехи под руководством т. Вайнова», «под руководством т. Вайнова мы достигнем еще больших успехов», «Правда» выражала сожаление о недостатке самокритики на конференции и указывала, что ораторы не осуждали ни подхалимство защитников обкома, ни плохую работу обкома и его отделов. Впрочем, в конце своего выступления Вайнов сказал, что его слишком слабо критикуют, а бюро обкома не критикуют вообще. Но «Правда» заметила: «Приходится только сожалеть, что это правильное замечание было сделано не в начале, а лишь в конце»³⁵.

Бюро обкома, ближний круг Вайнова, немедленно собралось – и ничего не сделало. Партийный этикет и практика требовали обсудить статью в «Правде», признать ее «абсолютно правильной», перепечатать вместо с покаянием бюро в местных газетах, организовать ее критическое обсуждение во всех партийных комитетах области. Вместо этого бюро обсудило статью приватно и предпочло обойти ее молчанием. На трех февральских собраниях оно огласило постановления о проекте плана своей работы, неудовлетворительном состоянии хлебной торговли, обращении с жалобами колхозников, Международном женском дне, заявлениях от необоснованно исключенных членов партии и прочих рутинных вопросах, не сказав ни слова о критическом залпе со страниц «Правды»³⁶. Это было с его стороны глупо и самонадеянно. «Правда» распространялась в крупных городах области.

члены партии все равно могли прочесть статью, обратить внимание на молчание обкома и усмотреть в нем не только самонадеянность, но и явный признак сопротивления вайновского клана ЦК. Да и «Правда» еще не закончила песочить Ярославль³⁷.

Вскоре последовало новое, более широкое наступление ЦК. 6 марта 1937 г. «Правда» напечатала речь А. А. Жданова на февральско-мартовском пленуме³⁸ – первым из материалов пленума (даже раньше сталинских выступлений). Речь была произнесена 26 февраля, и двухнедельная задержка публикации, скорее всего, объясняется неприятным столкновением, которое она вызвала между руководителями обкомов и центром. Как мы видели выше, Жданов призвал к «демократизации» партийных организаций в регионах. Это означало перевыборы всех партийных органов сверху донизу с тайным голосованием, периодическую отчетность партийных органов перед своими организациями, строгую партийную дисциплину и подчинение меньшинства большинству, безусловную обязанность всех членов партии исполнять решения вышестоящих органов³⁹.

Через день после публикации выступления Жданова «Правда» опять раскритиковала Ярославль. В статье под названием «Не ущемлять прав члена партии!» газета устроила нагоняй лично Вайнову: «Так, например, секретарь Ярославского обкома тов. Вайнов не успел еще приехать в новую область, как стал стягивать к себе на работу своих знакомых, друзей со всех концов страны. Заведующими многими отделами обкома, секретарем Ярославского горкома, секретарями райкомов и даже заведующим горторгом были посажены свои люди, которых совсем не знает организация, которые выдвинуты исключительно по знакомству, по старым связям»⁴⁰.

Ярославский клан Вайнова уже не мог игнорировать нарастающий вал критики из Москвы. На следующий день после выхода второй статьи он распорядился в недельный срок провести собрание городского партийного актива и секретарей райкомов, чтобы «обсудить февральский пленум ЦК». И наконец принял запоздалую резолюцию по разному в «Правде»: «Считать абсолютно правильным сказанное в “Правде” от 7 марта об опасности небольшевистской практики подбора и продвижения партийных кадров, которая порождает в организации подхалимство, чиновничество, сдерживает рост местных кадров, создает разрыв между руководством и массами и способствует нарушению основных принципов устава. Бюро Обкома ВКП(б) признает, что оно несвоевременно и неправильно реагировало на корреспонденцию “Правды” от 5 февраля, в результате чего у парторганизаций области при обсуждении итогов работы областной партконференции

была недостаточно развернута критика и самокритика. Принять к сведению заявление тов. Вайнова, что он признает своей ошибкой нарушения большевистских принципов в подборе кадров, особенно в части выращивания местных работников, и то, что он несвоевременно реагировал на проявления подхалимства»⁴¹.

Спустя три недели в печати появилось выступление Сталина на февральско-мартовском пленуме, в котором он тоже распекал секретарей обкомов и крайкомов за подбор кадров «в семейном порядке». Вайнову, должно быть, стало неуютно оттого, что его (вместе с Л. И. Мирзояном) отметили особо: «...Вайнов... взял себе людей из других областей... 23 человека. Их там гораздо больше, потому что много людей еще в советском аппарате имеется. 9 человек взял из Донбасса: Журавлева, Вайсберга, Кримера, Иванова, Каца, Понукалова, Юрлова, Александрова и Исаева... не может без них работать. И эти люди занимают важнейшие посты. Для чего это понадобилось Вайнову? Каково должно быть отношение к этим людям, прибывшим со стороны, отношение местных кадров? Конечно, настороженное. Что это значит – брать к себе людей, составлять себе группу лично преданных людей – со стороны? Это значит выражать недоверие к местным кадрам. Какие имеются основания у Мирзояна или Вайнова выражать недоверие местным кадрам – пусть скажут нам»⁴².

«Правда» через три дня разразилась очередной статьей об «артельности» и плохом подборе кадров в Ярославле, на сей раз приводя высказывания по этому поводу рядовых работников⁴³.

Официальное благословение в виде статей «Правды» и речей Сталина и Жданова предоставило людям, не допущенным в ярославский клан, шанс невозбранно нападать на него. Когда Вайнов был вынужден созвать пленум всего обкома, сдерживаемый раньше гнев бурей обрушился на руководителей, которые всячески пытались обороняться. Критика снизу и со стороны касалась больных вопросов, существовавших двадцать с лишним лет: навязывания начальников-чужаков, фаворитизма, чванства и грубости руководства. Сталин поощрил и санкционировал критические выступления партийцев, однако обвинения он за них не придумывал и собственные слова в их уста не вкладывал. В этом смысле критика снизу представляла собой самостоятельный политический процесс, используемый Сталиным в своих целях, но не созданный им.

Атакуемый клан, защищаясь, прибегал к разным тактическим приемам. Один из них заключался в том, что сами же руководители пытались встать в авангард критики руководства. Заведующий промышленно-транспортным отделом обкома Н. С. Журавлев (упомяну-

тый Сталиным в составе вайновского «хвоста») лицемерно осуждал «восхваление и подхалимство на прошлой конференции», хотя сам был тогда среди главных подхалимов. Но не принадлежавшие к клану не дали ему отвертеться. Журавлева грубо прервали⁴⁴. В. М. Шеханов заявил, что задан нездоровый тон подхалимства: «Этот тон особенно рьяно все время поддерживал один из “хвостов” т. Вайнова – Журавлев, у которого подхалимство и угодничество засело в плоть и в кровь: “Товарищ Вайнов сказал то, товарищ Вайнов приказал это, товарищ Вайнов определил и т. д.” ...это вождизм»⁴⁵.

Обвинение в «подхалимстве» было направлено также против культов личности, создаваемых руководителями или их приспешниками. Региональная печать, конечно, находилась в руках правящего клана. Один партиец саркастически рассказывал: «В “Дагестанской правде” публикуется, что т. Самурский... выехал в Хунзахский район, где сделал доклад о безобразиях и издевательствах над колхозниками в этом районе и что крестьяне от доклада пришли в неопишувемый восторг. Я спрашивал того редактора, в какой восторг можно прийти, если там творятся все эти безобразия?»⁴⁶

Второй тип оборонительной тактики состоял в том, что некоторые члены клана будто бы покидали его ряды, отводя от себя критику в сторону остальных. Когда обстановка совсем накалилась, они повернули друг против друга, и клан снова раскололся на «ивановцев» и людей из Донецка. Журавлев кивал на Нефедова: «Нефедов ничего не делал по проблемам в районах. Прятал голову в песок, как страус... это неправильное руководство... я говорю тов. Нефедову: “Есть сведения, что Сипер – троцкист”. А он говорит: “Ты что? В уме ли? Это кандидат в пленум Ивановского обкома, это лучший большевик в нашей организации»». Участники пленума опять не позволили Журавлеву увильнуть. Сначала его прервали реплики из зала:

«ГОЛОС: Почему ты не сказал об этом на партийной конференции??»

ГОЛОС: Поздновато.

ЖУРАВЛЕВ: Верно, но лучше поздно, чем никогда. Я думаю, что опоздание безусловно имеется.

ГОЛОС: Лучше поздно, чем никогда – это старая отговорка»⁴⁷.

А секретарь заводского парткома Телегина вывела его на чистую воду: «Но я должна сказать, что т. Журавлев в своем выступлении сделал очень ловкий маневр – сосредоточил внимание на ошибках Нефедова для того, чтобы отвести критику от серьезных ошибок обкома и т. Вайнова»⁴⁸.

Множество ораторов осуждали Вайнова и его приспешников за попытку замалчивания февральской статьи «Правды». Секретарь райкома Репкин сказал: «Статья в “Правде” была 5 февраля, а до марта месяца до 8–10 числа не было никакого решения областного комитета, и эта заметка не была опубликована в местной печати? Здесь имела место попытка скрыть от областной партийной организации материалы “Правды”»⁴⁹.

Гуляев, заведующий отделом торговли Ярославского обкома, еще один член вайновского клана, сетовал: «Мы так же, как и бюро, ждали, кто-то за нас что-то скажет, когда перед нами передовой “Правды” был вплотную поставлен этот вопрос. Мы неправильно и несвоевременно реагировали на эти сигналы “Правды”». Его тоже грубо прервали:

«ГОЛОС: Ты говоришь так, как будто бы живешь на 100 клм. от бюро.

ДРУГОЙ ГОЛОС: Агнец маленький»⁵⁰.

«Партийная организация обкома, – поддакивал еще один секретарь райкома, – даже не обсуждала статью “Правды”». Секретарь обкома ВЛКСМ Павлов, член бюро, замалчивавшего эту публикацию, признал: «На бюро обкома мы обсуждали статью “Правды”, и было несогласие, мы замазывали свои ошибки». Первый секретарь Рыбинского горкома Бусянков подытожил:

«БУСЯНКОВ: Прежде всего, я считаю, что крупнейшей ошибкой Бюро обкома партии было то, что решение Бюро по поводу несогласия с критикой “Правды” было скрыто от членов пленума обкома партии и, к сожалению, это решение тов. Вайнов даже не счел нужным огласить на пленуме.

ВАЙНОВ: Не было никакого решения Бюро.

БУСЯНКОВ: А это оформилось с определенным мнением о несогласии с той критикой, которая была дана в “Правде”»⁵¹.

Настоящей мишенью, конечно, служили замкнутая клика Вайнова, его клан и железная рука, которой он правил в области. Раньше страх делал критику невозможной; теперь же, имея разрешение и поддержку Москвы, ораторы накинулись персонально на Вайнова и его людей. «Внеклановый» секретарь райкома Дьяков так и сказал: «Я думаю, что здесь конкретные недостатки заключаются в том, что со стороны областного руководства, главным образом тов. Вайнова, был зажим самокритики»⁵².

Верховных предводителей клана лично обвиняли в том, что они не продвигают и тем самым обижают местные кадры. Еще один внеклановый аутсайдер Федоров говорил от лица «ивановцев»: «Случайно ли у нас в области отсутствовал рост местных кадров? Нет,

Культивировалась целая теория о том, что наши кадры не прошли той школы, которую прошли кадры южных областей. Я имею в виду выступление тов. Вайнова на одном из совещаний секретарей районных комитетов партии»⁵³.

В Ростове-на-Дону наблюдалась та же картина:

«Выбрали в крайком работников с производства, и действительно это лучшая часть производственной рабочей части нашей первичной парторганизации. И что с ними произошло? Их единственная связь с крайкомом это вызовы, и то не всегда, на пленум. Никаких других ни поручений, ни попыток их использовать... Не растут новые люди, не растут местные люди.

ГОЛОС: Почему не растут?

Почему? Потому что политика Краевого комитета, сознательно или бессознательно со стороны т. Шеболдаева»⁵⁴.

Руководители оправдывались нехваткой местных талантов, им пеняли, что плохо ищут. В Горьком секретарю райкома Островскому пришлось признать, что кандидатуры на местах имеются:

«ОСТРОВСКИЙ: У нас на сегодняшний день нет резерва председателей райкомов... Нет такого положения, чтобы у нас была группа подготовленных людей, которых мы могли бы рекомендовать на эту работу... Вот мы на днях должны были найти человека для руководства областным отделом. Искали, не нашли, позвонили в Москву в наркомат; он прислал человека. Мы с Алексеем Николаевичем с этим человеком поговорили, посмотрели его и увидели, что такого счастья у нас хоть отбавляй. Хорошо, что он уехал в Москву и отказался приехать. Мы назначили своего товарища. Своего не в том смысле, что это "свой парень", а своего в том смысле, что он из г. Горького.

ЛУЧИНИН: Тов. Островский, стало быть, не нет кадров, а кадры есть все-таки?»⁵⁵

На Дальнем Востоке московский эмиссар, распекая секретарей райкомов, даже цитировал Эзопа:

«БУКАУ: Я думаю, что т. Шкирятов нам поможет укомплектовать наш аппарат.

ШКИРЯТОВ: Какой беспомощный народ, все ждут из Москвы. Что, вы здесь не можете подобрать людей?

БУКАУ: Конечно, мы здесь можем подобрать людей, но вот мы просили у крайкома партии дать нам пять человек, но пока мы получили только одного. Нужно желание крайкома партии, и тогда мы это сделать сможем и не будем плакать. Я думаю, что т. Варейкис нам поможет и мы выйдем из этого положения.

ШКИРЯТОВ: Хотя и по религиозным соображениям эта поговорка не подходит – бог-то бог, но сам не будь плох. Тов. Варейкис да т. Варейкис, а если сами ничего не будете делать, [ничего] не выйдете»⁵⁶.

Нежелание назначать на руководящие посты местных работников – лишь одна из причин общего недовольства рядовых партийцев руководителями, которые держались от них в отдалении и никак с ними не контактировали, на партийном языке – «оторвались от масс». Островский из Горького говорил:

«У нас есть ряд секретарей парткомов, которые связываются с массами иногда по телефону... Комсомольцы очень усиленно просили секретаря райкома партии тов. Овсянникова, чтобы он выступил на комсомольской конференции. Тов. Овсянников нашел очень оригинальный способ: в кабинете своем написал приветствие конференции и поручил передать его телефонограммой на конференцию, которая проходила в клубе, рядом с райкомом.

КАГАНОВИЧ: В нескольких шагах от райкома партии»⁵⁷.

Эмиссар ЦК Г. М. Маленков указывал на пленуме Азово-Черноморского крайкома:

«Многие секретари райкомов, секретари большевистских комитетов наших, они по 3–4 года не могли поговорить со своим старшим товарищем. Разве это большевистская работа большевистского аппарата? Я позволю себе спросить т. Шеболдаева, как бы он себя чувствовал, если бы он, первое доверенное лицо в крае, прибыв в Центральный комитет, не смог бы там поговорить, разрешить вопросы, которые стоят перед ним, а здесь люди 3–4 года бьются, не могут поговорить.

ГОЛОС: 5–6 лет!»⁵⁸

Первый секретарь Горьковского обкома Прамнек оправдывался: «Многие товарищи говорили о поездках руководителей, их визитах на заводы, в районы и т. д. ...Многие из нас ездят в районы и проводят на местах массу времени. Я не могу себя упрекнуть. Может быть, другие не так скромны, но я могу открыто сказать, что я лично думаю, что они много ездят и используют все средства сообщения, чтобы побывать в районах и на заводах. Мы не считаем себя кабинетными работниками... Кроме этого, я считаю, что руководитель области не может везде побывать... Что бы получилось с обкомом? На следующей конференции Вы стали бы по-другому говорить, что это за руководители, разъезжают, шляются все время, никогда их не застанешь в обкоме, очереди, бюрократизм. Так бы получилось»⁵⁹.

В Дагестане некоторые ораторы винили наряду с первым секретарем обкома Самурским всю сложившуюся систему: «Я вовсе не скажу, что Самурский не умеет работать или не хочет, он работает усердно, крепко, но бумажная паутина так и Самурского, и Сорокина заплела, что они буквально смотрят через бумагу, как через светлое окно, и не могут из-за этой бумаги выбраться на свет. Отделы обкома – это пустое место, там сидят люди, которые доживают последние дни. Наркомы – это не наркомы, а люди, которых никогда народ не видит»⁶⁰.

А в Ярославле, между тем, громоотводом для критики, отчасти усилиями Журавлева, стал Нефедов. Один не входивший в клику секретарь сказал, что тот «активно содействовал замазыванию всех политических ошибок в связи с контрреволюционным гнездом, вскрытым в Ярославле»: «Он был активнейшим защитником Сипера, Леонова и других. Об этом ни звука, никто ничего не говорил, а т. Вайнов об этом знал»⁶¹.

Предвидя нападки на Нефедова, возможно, даже со стороны собственной донбасской «артели», Вайнов позволил тому уехать из города, якобы на лечение, и не присутствовать на пленуме, как от него ожидали (кем-кем, а недобросовестным патроном Вайнова не назовешь). Когда его этим попрекнули, он ответил: «Я думаю, что здесь немножко демагогия по поводу отсутствия Нефедова... У него в прошлом был сердечный приступ. Я не замазываю его ошибки, но мы с вами достаточно серьезные люди, чтобы избегать демагогических заявлений». Секретарь Костромского горкома Полумордвинов, один из приближенных Вайнова, нанес встречный удар Бусьянкову: «Т. Бусьянков, который на областной конференции выступал – признать работу Оргбюро вполне удовлетворительной, а сейчас сразу – снять секретаря... Ты должен проводить демократию, а сам ее нарушаешь». Вайнов, стараясь оставить решение судьбы членов клана в руках самого клана, заявил: «Я не согласен с товарищами, что мы можем считать все факты, приведенные здесь, установленными и надо этот вопрос решать в отсутствие т. Нефедова. Я предлагаю этот вопрос решить в его присутствии. Поэтому я предлагаю поручить бюро обкома партии разобраться во всех обвинениях тов. Нефедова... после чего доложить на очередном пленуме обкома партии»⁶². О преследуемом Нефедове мы еще услышим.

Вайнов затронул также вопрос о своем клане. Поскольку сам Сталин привлек к нему внимание, Вайнову не оставалось ничего другого, как в принципе согласиться. Он заявил, что допустил серьезную ошибку в подборе кадров: «Я из Донбасса, из той организации, где я

работал длительное время, привез с собой так называемые “хвосты” нескольких работников, и не просто рядовых работников, а посаженных по моему предложению на руководящую партийную работу». Как сказал Сталин, руководители, которые так делают, хотят получить независимость от ЦК и от широких партийных масс, признал Вайнов. «У нас, – продолжал он, – многие из областного партийного актива – я говорю об областных работниках, приехавших из Иванова, Москвы, Донбасса и других областей и районов Советского Союза, – страдали одной нехорошей болячкой: изображали из себя спасителей. Как же, приехали в новую область, “вот мы здесь спасать будем”. (Голос с места: Правильно.)» Он также взял на себя ответственность за грубость и подхалимство Журавлева: «Почему именно Журавлев ярче всех выразил самое подхалимство и угодничество на областной партийной конференции? Только потому, что он со мной работал несколько лет в Донбассе. Подхалимство и угодничество – которое конкретно выражалось в восхвалении якобы имеющихся за мной заслуг по развертыванию стахановского движения в Донбассе – проявилось у Журавлева потому, что он является, выражаясь грубо или образно, моим хвостом... если бы заведующим промышленно-транспортным отделом обкома работал другой товарищ, такое выступление было бы? Конечно, его не было бы»⁶³.

Когда стали обсуждать проект резолюции пленума, Вайнов пошел на самопожертвование. В проекте осуждался обком вообще, а не отдельные руководители. Органов, секретарь райкома не из вайновского клана, заметил: «Тут необходимо выразиться более конкретно. Необходимо сказать о конкретных лицах – кто виноват и о нарушении большевистских принципов в подборе кадров. Получается так – “Правда” критиковала т. Вайнова. Газета “Северный рабочий” критиковала т. Журавлева, а пленуму предлагается проект постановления, в котором записано, что эти ошибки допустил обком партии»⁶⁴.

Впрочем, Вайнов все-таки защищался и снимал с себя часть ответственности, доказывая, что не в состоянии уследить за всеми: «Вы знаете, что передовая “Правды” говорит о целом ряде работников. Если подходить с простой арифметикой, получается 7–9 человек. Но не в этом даже дело. Ярославская область новая, сюда приехали десятки людей с разных концов советской страны... разве я отвечаю за работу в том числе и тех, кого сюда прислал ЦК? Что освободит меня? Ничего»⁶⁵.

Прочие предводители и члены провинциальных кланов оборонялись по-другому. Одни, сталкиваясь с упреками по поводу наличия в их окружении врагов, призывали к осторожности. Например,

Э. К. Прамнек в Горьком: «Т. Лучинин допустил такое выражение: “Обком должен лучше помогать очищать ряды партии от всяких врагов”. В общей постановке это правильно... Но... не забывайте предупреждение товарища Сталина, не зачисляйте в троцкистов и правых каждого, кто здоровался за руку с врагом... подходить к этому вопросу надо внимательно, чутко, с разбором, чем мы более метко ударим, тем лучше будет»⁶⁶.

Другие, скажем, первый секретарь Татарского обкома Лепа, каялись во всем, как Вайнов, и пытались уладить дело обещаниями исправиться в будущем: «О моем так называемом ташкентском хвосте. Я говорил на областном пленуме, на активе Казанской партийной организации о политических ошибках. Я признал свои ошибки. Нет необходимости снова касаться этой темы. Мы ведем борьбу с артелями и семейственностью. Руководствуясь указаниями пленума ЦК, мы встали на путь решительного, смелого продвижения работников»⁶⁷.

Третьи пользовались отговоркой: «Я не знал». Малинов, один из подручных Шеболдаева в Ростове, уверял: «Товарищи, кто не знал о “саратовских свояках”, об этом разговоры ходили по организации... Разве я не знал, что у нас в аппарате замкнутость и что член партии и беспартийный к секретарю крайкома не допустится, но как я подошел к этому вопросу и как должен был, как большевик, подойти к нему, но я этого не сделал»⁶⁸.

В Воронеже у Темникова из «клановой» ревизионной комиссии тоже оказалась плохая память, но слушатели ему спуска не дали: «ТЕМНИКОВ: И не случайно, что они были в числе завсегдатаев на квартире Анчикова, которая, кстати сказать, превратилась в своеобразный клуб, где собиралась для «развлечения» целая группа близких друзей Анчикова. (Голос: Назовите имена.) Евгений Иванович вчера сказал в своем докладе, что у Анчикова собиралась целая группа ответственных работников... (Шум в зале. Голос: Назовите всех.) Я сказал, что Анчиков собирал у себя на квартире людей из обкома. (Голос: Кого?) Список я не помню. (Голос: Что вы говорите? Вы должны помнить.) Это длинный список. (Шум в зале. Голос: Назовите имена!) Товарищи, я уже сказал, что Анчиков собирал группу руководящих работников. (Голос: Кого?) Я сказал, что некоторые руководящие работники обкома бывали у Анчикова. (Голос: Имена!)»⁶⁹

Одни вообще отрицали, что у них есть «хвост», или заявляли, что если раньше и был, то теперь нет. На Северном Кавказе Рябоконт бил себя в грудь: «Должен сказать, что у меня не было хвоста, я никогда не подбирал кадры по артельному принципу. Хотя товарищи и не привели реальных фактов, пусть люди знают на будущее: во время моей

работы здесь, на Северном Кавказе, я абсолютно никого не привозил в край из Ростова или откуда-нибудь еще, где раньше работал»⁷⁰. В Татарии Лепа возмущался: «Т. Зайцев поставил так: что изменилось после пленума ЦК. Баскин, Андерсон и Курников остались на своих местах. А почему он делает вывод, что, в частности, я не выполнил решения ЦК? А разве в решениях пленума ЦК сказано, что надо снимать этих работников?.. Нет. Так будьте последовательны до конца... Давайте материалы, в чем заключается теперь артельщина, разве к этим работникам я отношусь “мягче”, чем к другим, разве я нетребователен к ним?»⁷¹

Другие пытались умалить размеры своих «хвостов», как Вайнов с его «получается 7–9 человек». Но местные работники знали, кто есть кто, и не давали себя провести. Когда Шеболдаев попытался преуменьшить количество «саратовских свояков», Брикке его тут же разоблачил: «Вечером тов. Шеболдаев говорил, что он с трудом может вспомнить 8–10 человек. Это неверно, тов. Шеболдаев, вот у меня список 22 чел., и то он неполный. Все эти даже второстепенные работники были импортированы и рассажены на разных участках, и наряду с этим или в прямой связи с этим шло бюрократическое недоверие, отживание и выживание лучших местных кадров (*голос: Правильно*)...»⁷² Некоторые клановые предводители прибегали к испытанному и верному методу – набрасываться в ответ на своих критиков. В Татарии Айвазов и Гафуров, критиковавшие обком, получили нагоняй от одного из его членов:

«АЙВАЗОВ: Таким образом, задача, поставленная перед нами тов. Сталиным, еще не выполнена. Я должен прямо заявить, что отдел агитации [и] пропаганды ОК партии и ОК в целом, к сожалению, ничего по этому вопросу не сделал.

БЕЙЛИН: А почему вы не делаете? Почему вы все время киваете на обком?

АЙВАЗОВ: Я уже о себе сказал, тов. Бейлин.

БЕЙЛИН: Зачем же в таком случае все время говорить об обкоме, нужно самим работать...

БЕЙЛИН: Слушай, Гафуров, ты очень хорошо критиковал обком и тов. Лепа, а вот почему ты ничего не сказал в порядке самокритики о самом себе?

ГАФУРОВ: Самокритика у меня на сегодняшний день ограничена 10-ю минутами. Я оставлю ее до следующего раза (*смех*)»⁷³.

На Северном Кавказе Рябоконт пришел в негодование, когда один из выступавших стал критиковать его «артель», наличие которой он отрицал: «Раз возникает, товарищи, законное сомнение в том, каки-

ми мотивами руководился тов. Пивоваров в своем выступлении, мы должны с этим делом разобраться, и разобраться, конечно, политически. И я думаю, что, разбираясь политически, мы должны будем сказать, что это была попытка отвести себя от ударов самокритики. Это не удалось, тов. Пивоваров. Не удалось! Почему понадобилась тов. Пивоварову эта попытка? Какие политические причины этого? Политические причины, товарищи, те, что у т. Пивоварова есть основания к тому, чтобы сказать о своих серьезных партийных ошибках в прошлом, на что все время его понуждали т. Калмыков и другие товарищи и от чего он уклонился и уклоняется... Но обязанность наша, товарищи, критиковать т. Пивоварова, и мы будем критиковать т. Пивоварова и дальше, чтобы помочь ему исправить его ошибки, если он способен это сделать. Что же касается бытовых разговоров насчет того, кому чей нос не нравится, так все это в партийном деле может быть спокойно отброшено в сторону, как ненужный хлам (*голоса: Правильно!*)»⁷⁴.

Вайнов признал проблему «артели» и ее последствия для старожилы и стал уверять, что давно с ней тайно борется: «Я никогда об этом не говорил, но я должен сказать вам, что потратил массу энергии, нейтрализуя настроения, которые появились с самого начала, когда приехали работники, из-за неправильных отношений моего хвоста и других с так называемыми ивановцами... Ивановцы приходили жаловаться на неивановцев. Каменский, Руднев и Журавлев жалуются на ивановцев. Я потратил массу времени, нейтрализуя это».

Вайновский клан ушел с мартовского пленума обкома потрепанным, но непобежденным. Вайнов успешно спас Нефедова, предложив, чтобы бюро собрало больше информации и тогда приняло решение. Новое заседание бюро состоялось через три с лишним недели, 19 апреля. Оно постановило «поручить т. Вайнову составить докладную записку в ЦК ВКП(б) о невозможности оставления т. Нефедова вторым секретарем Ярославского обкома ВКП(б) в связи с допущенными им ошибками»⁷⁵. Нефедову поставили в вину подхалимство, чиновничество, то, что он избегает неудобных вопросов и бьет баклуши, защищает разоблаченных врагов, вместо того чтобы заниматься самокритикой. По словам уполномоченного КПК Грузеля, когда Оргбюро назначало Нефедова, он был опытным, думали, что он может помочь, но он «не оправдал доверия». Нефедов, сказал Грузель, не может оставаться вторым секретарем, поскольку у него нет никакого авторитета. Секретарь райкома Руднев напомнил бюро, что вопрос об ошибках Нефедова поставлен не по инициативе райкома, а, скорее, снизу, и только после этого его начали обсуждать.

Вайнов шел против течения, продолжая защищать Нефедова: «Я не хочу сказать, что все сказанное вами правильно». Хотя многие спрашивали Вайнова, что он намерен делать с Нефедовым, тот «отложил вопрос и счел необходимым в первую очередь дать всем товарищам время его обдумать». Он также оправдывал свое разрешение Нефедову пропустить пленум обкома: «Я никогда не думал, что и актив, и пленум будут так сильно критиковать Нефедова, иначе ни за что не разрешил бы ему уехать». Благодаря верности Вайнова мы обнаруживаем Нефедова на своем месте и во время двух последующих заседаний бюро, 20 апреля и 8 мая⁷⁶.

Большинство провинциальных баронов упорно отстаивали своих вассалов, даже когда сами подвергались ожесточенной атаке. Смоленский Румянцев вступался за своего человека Шильмана и после ареста последнего. Почему? Во-первых, добрые клановые традиции требовали, чтобы господин показывал себя верным защитником, надеждой и опорой тем, кто в будущем захотел бы присоединиться к его клану. Во-вторых, если один из вассалов оказывался «черной овцой» или, того хуже, «врагом», патрон тоже становился причастным к сомнительной или преступной деятельности, поскольку дал врагу работу. В-третьих, если подчиненного исключали из партии и арестовывали, его могли заставить дать показания против патрона. Наконец, даже в столь серьезной политической ситуации, когда игра шла на выживание, нельзя исключать возможности, что патрона толкали на защиту клиентов и простая порядочность, чувство справедливости, личная привязанность.

В последующие несколько недель ярославская партийная организация провела новые партийные выборы с тайным голосованием, санкционированные Ждановым в его выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК, и результаты для вайновского клана получились не слишком утешительные. 726 из 1 272 первичных партийных организаций области (57 %) на выборных собраниях признали партийную работу «неудовлетворительной», а в самом Ярославле даже больше – 67 %. По области получили отвод 26 % предложенных кандидатов (в Ярославле – 32 %). Тем не менее высшие позиции вайновский клан удержал. Хотя 36 % новых секретарей важнейших парторганизаций являлись новыми кадрами, избранными впервые, в крупных партийных организациях сохранились старые кадры⁷⁷. Вайнов позже признал, что в ведущих организациях были заменены всего 6 секретарей⁷⁸.

Последняя для Вайнова партийная конференция прошла в начале июня 1937 г. С начала года его непрерывно атаковали, но, несмотря ни

на что, он держался у власти. Однако на сей раз на конференции присутствовали два высокопоставленных гостя из Москвы – Л. М. Каганович и Г. М. Маленков. Вайнов открыл заседание самокритичным повествованием о своих ошибках в подборе кадров и о том, как принцип подбора в заисимости от личных связей помогал троцкистам: «Не случайно, что у нас в состав областных и городских руководящих советских партийных органов очень мало выдвинуто на руководящую работу местных ярославских кадров... Вот т. Нефедов, который оказался гнилым либералом, который все время был пассивен в борьбе с врагами народа... Почему мы не обнаружили раньше всех этих фактов?»⁷⁹

«Внеклановый» партсекретарь Наумов назвал вайновский клан «прогнившей артелью», которая с самого начала третировала местные кадры и оказывала нажим на не ею назначенных секретарей райкомов. Его поддержал выкрик из зала: «Верно!»⁸⁰

Злосчастного Нефедова со времен последнего пленума прямо обвиняли в укрывательстве врагов. Несмотря на трехмесячной давности резолюцию о его снятии, он все еще работал на прежнем месте под крылом Вайнова. Теперь он поднялся на трибуну и признался в «грубых политических ошибках» с начала своей работы в Иваново в 1933 г.⁸¹ Это не помогло. На следующий день Вайнов объявил, что Нефедов арестован НКВД⁸².

Выступавшие один за другим обличали вайновскую «артель» и вытеснение ею местных кадров. Обстрел продолжил низовой заводской партийный работник Крылов:

«КРЫЛОВ: У нас на заводе 3 месяца не могли мы избрать председателя фабрично-заводского комитета. Почему? Потому что нам прислали, и мы не знаем, как он будет работать. Неужели, товарищи, не могли мы у себя вырастить людей на работу председателем фабричного комитета в таком большом заводе.

КАГАНОВИЧ: Откуда прислали вам председателя?

КРЫЛОВ: Из ЦК Союза.

КАГАНОВИЧ: А нельзя было найти у вас председателя?

КРЫЛОВ: Можно было»⁸³.

Многих первых секретарей обвиняли в том, что они игнорируют и не продвигают местных людей. Как мы видели, в начале 1937 г. при перетасовке ряда крупных провинциальных магнатов им прямо запретили брать с собой «хвосты». Шеболдаев, едва вступив на новый пост в Курске, вместо выдвижения местных потребовал 30 новых секретарей у ЦК. Это было расценено как попытка «дискредитировать Курскую область»⁸⁴.

На последней конференции Вайнова Каганович галантно всячески поощрял говорить женщин. Некая Валева, взяв слово, начала: «Товарищи, я выступаю в первый раз, примите это во внимание». Каганович тут же подал реплику: «Женщины выступают лучше и острее, чем мужчины»⁸⁵.

Резолюция конференции была к Вайнову сурова. В ней отмечались его «грубые политические ошибки» и «недопустимо семейственный подбор кадров». Указывалось, что после февральско-мартовского пленума ЦК «т. Вайнов не перестроил свою работу в соответствии с решениями пленума ЦК и вместо большевистской мобилизации допустил в руководстве парторганизацией мелко-буржуазную растерянность, что привело к новым провалам работы»⁸⁶.

Даже теперь Вайнов не сдался без боя. Он попросил слова, сопаривая формулировку, предложенную комиссией по выработке резолюции: «Прошу сделать одну поправку... там, где говорится “признать всю политическую и практическую деятельность и руководство обкома совершенно неудовлетворительными”, предлагаю выбросить слово “совершенно” и сказать “признать руководство и работу обкома неудовлетворительными”». Дело не выгорело:

«ТОВ. ЗИМИН: Комиссия ничего не меняла. Это точная формулировка, что была предложена...

ТОВ. ПАВЛОВ: Кто за то, чтобы принять предложение т. Вайнова, прошу поднять мандаты? – 2 чел. Принимается предложение комиссии»⁸⁷.

В последний день конференции, 8 июня 1937 г., ее участники сняли Вайнова с поста первого секретаря и вывели из состава Ярославского обкома.

* * *

Держать в узде партийных клановых вождей было трудно даже такому диктатору, как Сталин. До 1937 г. он перепробовал разные методы: приватную, а затем и публичную критику, перемещение баронов на новые посты, внедрение в их группировки «людей короля», нажим на них с помощью избирательных кампаний и выборов партийных органов, которые ставили под угрозу их патронаж (как будет и в хрущевские времена). Предпоследним в этом ряду стало поощрение и ограждение от последствий открытой критики снизу (так поступит Мао в 1960-е гг.). Данный метод представлял особую опасность (и Сталин прибег к нему как к последнему средству, прежде чем перейти к насилию), поскольку мог породить дискурсы, критикующие не

только отдельных вельмож, но и руководство в целом, угрожая стабильности самого режима (что и случилось при Мао).

Но клановые вожди не сдавались. В собственных вотчинах они были достаточно могущественны, чтобы держать под жестким контролем свои организации и не уступать значительному давлению сверху и снизу. Дабы полностью сломить их, требовались личные визиты и вмешательство еще более высоких персон и, наконец, насилие.

Они олицетворяли персонализированное, патримониальное руководство, при котором личный престиж значил больше, чем правила и официальный ранг. Конечно, и такого могущественного князя, как Вайнов, можно было попросту арестовать. Но согласно патримониальным понятиям свергать его с престола следовало (в глазах как его слуг в области, так и равных ему в ЦК) лишь в присутствии еще более могущественного лица – представителя господствующего сталинского клана. Особу феодального князька могла низложить и отстранить только шишка поважнее, «человек короля» вроде Кагановича, лично. Помимо Ярослава Каганович побывал в Смоленске, председательствуя при снятии Румянцева⁸⁸. Маленков ездил в Курск смещать Шеболдаева. А. А. Андреев навестил Ташкент (убирая Икрамова), Саратов (низвергая Криницкого), а также Челябинск, Свердловск и Воронеж⁸⁹.

Обезглавливание сплоченного клана, обладавшего непрерываемой властью в области, было тяжелым делом. После смещения предводителя областные партийные собрания погрязали в хаосе и взаимных обвинениях: члены клана, пытаясь защитить себя, набрасывались на бывшего босса и друг на друга; те, кто не входил в клан, почуяв запах крови, старались уничтожить любого, имевшего хоть малейшую связь с разгромленной фракцией. Еще одна задача высокого гостя из Москвы состояла в том, чтобы придерживать этот процесс.

В Курске, куда Андреев прибыл наблюдать за низложением Шеболдаева, мы можем видеть попытку московского эмиссара утихомирить толпу линчевателей:

«АНДРЕЕВ: Мне кажется, что товарищ, подавший записку, проявляет слишком большую торопливость... Теперь кое-кто предлагает его причислить к врагам народа. Есть у вас основания для этого?

ГОЛОС: Нет.

АНДРЕЕВ: Есть факты?

ГОЛОС: Нет.

АНДРЕЕВ: Если нет – какое же вы имеете основание возбуждать этот вопрос – так нельзя... Если у вас есть факты, то дайте мне, я счи-

таю, что мы разберем это не менее правильно, чем вы разберете на конференции...»⁹⁰

Маленков то же самое делал в Ростове:

«КАМЕНСКИЙ: Надо сказать прямо перед ЦК партии, что т. Брике не обеспечивает, что его надо также освободить и укрепить аппарат уполномоченного партийного контроля.

[...]

МАЛЕНКОВ: Товарищи, в проекте решения дана оценка деятельности уполномоченного КПК. Центральный комитет учтет это дело, и это дело уже будет Центрального комитета.

ГОЛОСА: Но просить мы можем? (Смех.)»⁹¹

Нам неизвестно, почему Сталин выбрал лето 1937 г. для уничтожения региональных князьков. Может быть, боялся заговора. Старые большевики вообще почувствовали себя обойденными и невосстребованными, когда Сталин стал продвигать работников помоложе. Некоторые члены ЦК «не умели держать язык за зубами» и задавались вопросом, является ли Сталин единственным возможным руководителем⁹². Из тех, кого мы встречали на этих страницах, Вайнов, Шеболдаев, Рябоконт и Румянцев удостоились официального визита членов Политбюро и торжественного церемониала снятия с 6 по 23 июня 1937 г. Лепу и Самурского та же участь постигла в сентябре и октябре, Постышева и Прамнека – в начале 1938 г. За снятием вскоре следовал арест. Вайнова расстреляли 10 сентября 1937 г.; Шеболдаева и Румянцева – 30 октября; Рябоконтя, Лепу, Прамнека, Самурского и Постышева – в разные дни 1938 г. С середины 1937 г. до начала 1938 г. из 71 предводителя региональных партийных кланов были смещены и арестованы все кроме двоих – Хрущева и Берии, функционально принадлежавших к собственному клану Сталина.

Сталин и его подручные, видимо, верили в существование широкомасштабного заговора с целью их свержения. Много лет спустя, в 1970–1980-е гг., и Каганович, и Молотов признали свою ответственность за террор против элиты. Но, не снимая с себя вины, оба утверждали, что террор был необходим для предотвращения переворота. Каганович вспоминал: «Видите... иметь в условиях нашего окружения капиталистического столько [теневых] правительств на свободе, ведь они все были членами правительств. Троцкистское правительство было, зиновьевское правительство было, рыковское правительство было, это было очень опасно и невозможно. Три правительства могло возникнуть из противников Сталина... Они составляли организацию... встречались... они организовывали восстания против Советской власти, и возглавили бы восстание... И в армии они имели своих

людей, и всюду имели своих людей. Они создали распространенную цепь организаций. И докладывали друг другу, и связь организовали... Как же можно было их держать на свободе?.. они рассматривали себя как правительство, как подпольное нелегальное правительство... мы заранее знали, что это была организованная, сильная группа... такие противники, которые могли и террор устроить, и убить... Все, что угодно. Мы видим теперь во всех странах разные перевороты».

Общее конспиративное прошлое с предполагаемыми заговорщиками только усиливало подозрительность сталинцев. Старым большевикам к заговорам было не привыкать. «Кто же мог поверить, – говорил Каганович, – что старые, опытные конспираторы, используя весь опыт большевистской конспиративности и большевистской кооперации, и подпольной организации, что эти люди не будут между собой связываться и не будут составлять организацию?.. они старые, опытные большевики...»⁹³ Молотов ему вторил: «Ну, вот пускай кто-то докажет, что нельзя было этого делать. Могут говорить те, кто в большевиках никогда не был до революции»⁹⁴.

«Большой террор» состоял из ряда отдельных репрессий против разных групп, включая показательные процессы представителей старобольшевистской элиты, аресты работников военного, хозяйственного, чекистского и других аппаратов, массовые операции против рядовых граждан. Все эти меры, кроме последней, были направлены против элиты⁹⁵, притом что массовым операциям, как мы видели, в какой-то степени содействовала сама элита. Объем (да и тема) данной книги не позволяет подробно рассмотреть причины и процесс террора, но этот предмет уже хорошо освещен в литературе⁹⁶. И хотя мы не можем доподлинно знать планы Сталина, аресты среди элиты дают достаточно оснований предположить, что по крайней мере одним из его побудительных мотивов являлось желание уничтожить кланы.

Как Молотов с Кагановичем не могли поверить, что их собратья старые большевики именно потому, что они – те, кто есть, не строят каких-нибудь заговоров, так не могли они поверить и в то, что в делах главных заговорщиков не участвуют их подручные. Аресты обычно производились по цепочкам личных связей. Аресту ответственного работника сопутствовали аресты его подчиненных по линии сверху вниз и его начальников по линии снизу вверх. Иногда брали подчиненного и заставляли его дать показания на шефа, как в случае арестов заместителя Румянцева Шильмана в Смоленске и заместителя Шеболдаева Малинова в Ростове⁹⁷. Иногда шеф шел первым, а подчиненные за ним.

У нас есть перечень руководителей, арестованных в Восточной Сибири на первой стадии террора в 1937 г. Отдельные списки по партийным, советским, хозяйственным, железнодорожным, военным и чекистским работникам ясно показывают, что обезглавливание какого-либо учреждения сопровождалось арестами тех, кто работал с его начальником. Арест первого секретаря обкома означал арест второго и третьего секретарей, заведующих отделами (промышленным, сельскохозяйственным, агитпропом и т. д.), инструкторов обкома и большинства секретарей подчиненных обкому райкомов. Арест хозяйственного руководителя означал арест его помощников и клиентов вплоть до счетоводов⁹⁸. В качестве очередного примера круговой поруки – традиционной для России коллективной ответственности – «люди» арестованного должностного лица считались тоже виновными и должны были отвечать наравне с ним⁹⁹.

Хотя Москва имела сведения о том, кто есть кто в провинциальных партийных кланах, еще одной целью эмиссара Политбюро было внимательно слушать дискуссии на пленуме или конференции, чтобы узнать, кто входит, а кто не входит в намеченный к ликвидации клан¹⁰⁰. Вот, скажем, Андреев, переезжая в 1937 г. из города в город, регулярно докладывал Сталину новую информацию о составе местного клана, полученную на пленумах. Сталин либо отдавал распоряжение об арестах, либо просил дополнительных сведений, либо оставлял решение на усмотрение Андреева и местных работников¹⁰¹. Например, он телеграфировал Андрееву: «Если пленум будет требовать ареста Икрамова, можно арестовать его, если нет, можно ограничиться пока освобождением его от поста секретаря и направить его в распоряжение ЦК ВКП(б). Дальнейшую судьбу Икрамова решить в Москве после Вашего возвращения в Москву. Как относятся местные ответработники к кандидатуре Сегизбаева? Что за человек Тюрабеков? Кто останется предом СНК? Кто будет временным первым секретарем ЦК Узбекистана? Думаете ли побывать в Таджикики? Когда?»¹⁰²

Протоколы допросов арестованных работников также свидетельствуют о соответствии схемы производства арестов системе личных связей. Читая эти документы, ясно понимаешь, что следователи руководствовались двумя основными инструкциями: добиться признания обвиняемого в шпионаже и вредительстве и получить от него имена. Иногда следователь уже имел на руках список знакомых («сообщников») обвиняемого, иногда требовал, чтобы тот перечислил людей из своего круга или клана. В любом случае перед следствием стояла задача нарисовать «дерево» личных связей. Протоколы пест-

рят вопросами типа «когда вы познакомились с таким-то [были им завербованы для террористической деятельности]?», «когда приняли на работу [завербовали для террористической деятельности] такого-то?», «когда встречались с таким-то [давали ему террористические инструкции]?». М. П. Фриновский, заместитель Ежова в НКВД, знал, как работает этот механизм¹⁰³. Оказавшись в свою очередь арестованным на допросе, он не стал тратить время на отрицание обвинений и отказ от дачи показаний (и соответственно терпеть пытки), а взял инициативу в свои руки. Вместо обычных вопросов и ответов, протокол первого же допроса Фриновского представляет собой длинное заявление, собственноручно им написанное, с перечислением всех, с кем он был лично связан¹⁰⁴.

Во всех протоколах фамилии, названные арестованным, напечатаны прописными буквами для облегчения поиска этой важнейшей информации в дальнейшем. Протоколы посылались Сталину, который читал их и порой делал пометки, почти всегда сводившиеся к распоряжению арестовать (или не арестовывать) обладателей выделенных прописными буквами фамилий. Вот, например, его замечания на заявлении Фриновского: «Рошалья надо обломать», «Кто они?», «Где они?», «Кто там?».

Радикальный, клановый подход к устранению ответственных работников Сталин обнаружил еще несколько лет назад. Имея в виду гораздо более ранние и мирные методы увольнения и перемещения (а не ареста) клановых вождей, он говорил Оргбюро в 1931 г.: «Чтобы атаманщину разбить, нужно снять десятки людей, иначе ее не разбить. Ломать будем там кости всюю, если атаманщина не прекратится, если от атаманщины не откажутся... будем ломать кости, потому что изгнать атаманщину и насадить партийность нельзя без того, чтобы не поломать ребра»¹⁰⁵. Как «атаман» собственного клана-банды Сталин терпеть не мог другие кланы, не доверял им и в 1937 г. решил ломать им кости в буквальном смысле слова.

Сталин мог убить кучу народу, но не мог изменить систему. Он мог уничтожить клановых предводителей и их приверженцев, но не клановую систему и культуру, и отнюдь не ясно, хотел ли он последнего.

Здесь, на ликвидации кланов Сталиным, наш подробный рассказ заканчивается. Однако беглый взгляд вперед позволяет предположить, что даже после Второй мировой войны мало что изменилось. Один из участников послевоенного проекта интервью сказал: «Обком играет в области важную и до некоторой степени независимую роль. У него широкое поле исполнительной инициативы, можно ска-

зять, в областном масштабе он царь и бог»¹⁰⁶. Другой добавил: «Некоторые люди в некоторых случаях всегда прибегали к патронажу; теперь он в Советском Союзе общее явление»¹⁰⁷. Местные клики продолжали образовывать семейства и считать себя людьми особого племени. Еще один человек вспоминал о 1940-х гг.: «Пойдешь в театр в каком-нибудь райцентре, увидишь, что партийная верхушка держится отдельно, все с одной стороны. У них свой круг или клика»¹⁰⁸. Даже в конце 1940-х гг., когда советская хозяйственная бюрократия стала гораздо более профессиональной, те или иные части ее всегда возглавлялись членами сталинского клана¹⁰⁹.

Брежнев делегировал власть областным первым секретарям. В его время элита разделилась «на клики, каждая со своим боссом и своими клиентами»: «Даже будучи старым и больным, Брежнев оставался необходим в качестве посредника между ними... Это была такая же молчаливая договоренность, какая в XVI в. давала царям внешне абсолютную власть»¹¹⁰.

Как покажет эпилог, многие из этих практик сохранились до наших дней, пережив Советский Союз. Они укоренились в российской истории как «глубинная структура». Россией никогда не управляли по-другому, и, если подумать, поистине стоило бы удивиться, если бы Сталин сумел изменить тысячелетнюю практику, всего лишь убив работавших на текущий момент управленцев: «Сталинский террор в значительной мере имел целью разрушить посреднические сети, поскольку они мешали передаче команд по цепочке. Тем не менее система зависела от них, поэтому в конечном счете он был обречен на неудачу – и потерпел ее, так же как Иван IV, однако сначала причинил огромные страдания и уничтожил множество отдельных людей, но не систему»¹¹¹.

Десять веков князья, цари, генеральные секретари и президенты в России окружали себя ближним кругом, кланом, дружиной, дабы те помогали им править. У киевских князей это были князьи люди, боевые соратники. У правителей Московской Руси – родственники князя/царя и его жены. В советские и постсоветские времена – товарищи руководителя по работе на прежних должностях. Сходство прослеживается во все эпохи. Сталин, Хрущев, Брежнев имели боевых товарищей, Путин – бывших сослуживцев из КГБ и Ленинграда. Но во всех случаях клан царя или верховного руководителя главенствовал над сетью подчиненных кланов, которые сообща правили страной, опираясь на личные связи и верность, а не на закон.

Сталин и его преемники после террора правили так же, как до него, лишь с некоторыми изменениями. Попытки Хрущева и Бреж-

нева создать собственные культы личности провалились. Печатавшиеся массовыми тиражами брежневские мемуары, которые никто не читал, и портреты генсека, увешанного орденами, стали мишенью для насмешек. Времена наивной веры в благодетелей-патриархов прошли, но патримониальные нравы и кланы остались. Два вышеупомянутых руководителя окружали себя теми, с кем вместе воевали или работали; каждый из этих последних, разумеется, имел свой клан из подчиненных¹¹². Горбачев создавать культ не пытался, однако в 1988–1989 гг. сместил куда больше бояр и нижестоящих клановых предводителей, чем Сталин. Одних переводили на другую работу, другие уходили в бизнес. И все неизменно тащили за собой «хвосты». Ельцин, подобно настоящему московскому князю, действительно собрал вокруг себя родственников и свойственников. Так Россией всегда и управляли.

ЭПИЛОГ: Новое и старое

В производстве дел всегда действовала более сила персон, чем власть мест государственных.

Н. И. Панин о XVIII веке¹

Слабость формальных институтов, призванных структурировать политическую жизнь, означала, что самыми важными каналами политических взаимоотношений были личные.

Г. Гилл о сталинском периоде²

Политический процесс по-прежнему чересчур персонализирован и слабо институционализирован, и главный способ его функционирования – клиентелистский и патримониальный, а не рационально-бюрократический.

О. Каппелли о путинских годах³

Эта книга посвящена живучести российских политических практик, преодолевших рубеж революций 1917 г., которые привели к власти большевиков. Но в XX в. есть еще один, более поздний водораздел – распад СССР в 1991 г. На первый взгляд, между 1917 и 1991 гг. нет ничего общего. Их разделяют 70 лет модернизации, и, хотя СССР в 1991 г. находился в кризисе, он, тем не менее, представлял собой современное государство, вроде бы совершенно не такое, как до 1917 г. Оно обладало бюрократической политической культурой и индустриальной экономической базой. Современные технологии позволили ему запустить человека в космос и создать мощные вооруженные силы. Оно ликвидировало неграмотность и ввело всеобщее среднее образование на основе науки, которая, казалось, оставляла мало простора для старинных мифов и практик. Однако многие традиционные элементы российской политической культуры живы по сей день.

Что означал распад СССР: новое начало или еще более «племенную»⁴ политику?

Никто не будет отрицать, что распад Советского Союза – исторический, даже революционный переломный момент. За короткий период времени изменилось многое: коммунистическая партия потерпела крах, экономика по большей части была приватизирована и перешла к рыночным отношениям, органы государственного управления стали выборными, права человека и гражданина превратились в принцип государственной политики, свобода слова и мысли – в норму.

Когда Советский Союз развалился, большинство наблюдателей втайне или открыто надеялись, что это событие наконец толкнет Россию на эволюционный путь к партиципаторной демократии и/или рационально-бюрократическому устройству. Такой ход мысли не нов. Шла ли речь о начале советского периода, «оттепели» после смерти Сталина или распаде СССР, ученые, анализируя главные, по их мнению, переломные события XX в., сопоставляли предполагаемую (и желанную) эволюцию к рационально-бюрократическому правлению с прискорбно живучим реликтовым патримониализмом/клиентелизмом, который, являясь его противоположностью, тормозил ожидаемую институциональную эволюцию.

На сей раз ожидание веберовского водораздела, за которым откроется эра «реальных» институтов, было и остается сильнее, чем когда-либо. В конце концов, хотя к социализму переходили многие страны, обратный путь еще не проделала ни одна. Ввиду несомненной уникальности случая и наличия мощных демократических сил среди «реформаторов» большинство экспертов полагали увидеть возникновение свободного рынка, демократических институтов, упорядоченного государства, частного сектора и «гражданского общества».

Вскоре ожидания и надежды пришлось поумерить. Не будем умалять удивительно позитивные революционные перемены, произошедшие с момента распада СССР, но сейчас кажется ясным, что после первоначального триумфального взлета при Ельцине некоторые из этих перемен выглядят не столь крутыми или не столь прочными, как мы, возможно, думали. Крупная промышленность либо контролируется государством, либо подчинена государственной политике. Частные предприниматели могут быть уничтожены, а их имущество конфисковано, если государству они не понравятся. Гражданские права, видимо, по крайней мере отчасти зависят от того, какой прокурор или суд занимается делом, а независимая судебная власть, свободная

от политического давления, так и остается мечтой. Государственные и частные организации держат группы «ведомственной охраны» или просто неизвестных вооруженных людей в масках для арестов и запугивания. Пока я пишу эти строки, тысячи демонстрантов протестуют против фальсифицированных выборов в Думу и системы, не дающей реальной возможности попасть в нее другим партиям. Россией по-прежнему правит один человек, патрон, который держится у власти, манипулируя конституцией, меняясь местами со своим клиентом при помощи сомнительных выборов. И, конечно, коррупция распространена повсеместно и пронизывает систему до самого верха⁵.

Впрочем, даже на ранних этапах постсоветской эры происходило кое-что до боли знакомое: «В ходе процесса приватизации личные связи имели значение больше, чем когда-либо прежде, поскольку и потенциальный выигрыш обещал быть куда более крупным... Легче всего было тем, кто в советские времена работал в номенклатурной элите и просто сохранил отношения с бывшими коллегами. Советская коммунистическая партия исчезла, а номенклатура уцелела»⁶.

Передача власти от Ельцина Путину «была обставлена в характерной патримониальной манере»; Путин вступил в должность, «как новый племенной вождь, стремящийся продемонстрировать свой авторитет»⁷. Все ждали установления в России предсказанного рационально-бюрократического государства, а постсоветская действительность оказалась очень мало похожей на институционализированную рационально-правовую модель. Вместо демократического плюралистического государства власть при Ельцине и Путине сосредоточилась в руках одного лидера. Вместо отдельного частного сектора мы увидели слияние частного и государственного секторов. «В России прослеживается явная тенденция отождествления элитарными сетями себя с государством, так что их очень трудно отличить друг от друга»⁸. В определенной мере это наблюдение можно отнести ко всей российской истории.

Кое-кто начал критиковать отсутствие во многих анализах исторической перспективы, «неверное предположение», что существуют лишь две возможности (демократическая либо авторитарная) и одна вероятная траектория, приложимая ко всем государствам⁹. Социологи предложили ряд альтернативных моделей. В литературе этот период окрестили некой формой «патримониализма “третьего мира” с бонапартистскими тенденциями», феодализма или соревновательного авторитаризма¹⁰.

Применяя концепцию «социального капитала» Бурдые к сегодняшней России, Майкл Урбан сопоставил российское «гражданское общество II» с гражданским обществом, преобладающим на Западе. Для западного варианта, «гражданского общества I», характерны сильные гражданские объединения, экономические формы социального капитала, слабые межличностные связи, главенство закона и безличные процедуры. «Гражданское общество II», с другой стороны, включает в себя скорее неформальные сети, чем гражданские объединения, персональный культурный капитал вместо экономического, сильные, а не слабые межличностные связи, персонализированное приобретение государственных должностей и слабое правление закона¹¹.

Тем не менее часто по-прежнему считается, будто рациональная институционализация и патримониализм обратно пропорциональны друг другу, причем последний (при всей своей живучести) обречен на отмирание (скорее позже, чем раньше, как сейчас говорят) перед лицом рынка, процветания, среднего класса и/или выборов.

Всегда существовала и другая точка зрения. Находились ученые, от Мерла Фейнсода до Джозефа Берлинера и Алены Леденовой, сомневавшиеся во внешней, тормозящей природе и обреченности патримониализма и клиентелизма. По их мнению, это необходимая «смазка», которая позволяла системе функционировать или, по крайней мере, делала ее сносной. Социальные исследования в других областях установили, что институционализация и патримониализм не обязательно противоречат друг другу; они прекрасно могут уживаться в современном мире¹². Однако среди аналитиков до сих пор влиятельно течение, придерживающееся мнения, будто патримониализм и клиентелизм – антиподы институционализации и потому их ждет гибель.

Хотя практически все специалисты согласны, что личные клановые сети продолжают быть важнейшим фактором в политике путинской эпохи, у них разные взгляды на уровень доминирования и будущее этих сетей. Т. Х. Ригби пишет, что «личные связи остаются главным фактором общегосударственной политики», однако их стабильность не столь очевидна, как прежде. По его словам, благодаря влиянию рынка, «переходу от авторитарного к демократическому устройству» и «началам конституционного строя» у сегодняшних кланов меньше власти и непостоянный состав, поскольку люди ищут различные возможности. Поэтому их будущее сомнительно. О. Каппелли соглашается, что нынешние кланы происходят из советского прошлого, но считает, что в постсоветский период их природа модифицировалась:

«Демократизация, впрочем, не уничтожила местничество, хотя изменила баланс сил среди его акторов и образ их действий»¹³.

Другие, даже если не брать спорную идею, что путинская система представляет собой начала демократического государства и конституционного строя, не столь уверены в отмирании и изменении природы кланового клиентелизма и подчеркивают его неизменную силу и значение. По мнению В. Шляпентоха, «роль неформальных, личных связей в постсоветской России трудно переоценить». Он называет путинскую систему феодализмом ввиду ее патримониального, небюрократического характера, в основе которого лежат сюзеренно-вассальные отношения в форме клиентелизма, приватизация государственного достояния и протекция. Место людей в обществе, пишет он, «определяется не столько объективными характеристиками, включая их политическое и экономическое положение, сколько кланом, который им протезирует». А. Леденева замечает: «Надо признать, что признаки перемен пока весьма незначительны». Она сомневается в отмирании клиентелизма по мере маркетизации: «Неформальные сети, особенно основанные на взаимодействии между государственной администрацией и бизнесом или банками, необходимы для работы как официальной, так и неофициальной экономики»¹⁴. С точки зрения Дж. Хоскинга, в постсоветской России сложилось в итоге «общество, объединенное главным образом личными связями патронско-клиентского типа и властью президента, который занимает главенствующую позицию»¹⁵. В одном исследовании выявлены двадцать кланов чиновников и бизнесменов, контролирующих практически все богатства страны¹⁶.

Верно, конечно, что клановый клиентелизм, как указывают Ригби и другие, сегодня не тот, что был в советские времена. Кланов уже не связаны исключительно с партийной номенклатурой, они существуют внутри финансово-банковской, промышленной администрации и множества других сил, очевидно не имеющих отношения к государству, либо частично их охватывают. Их состав кажется более рыхлым и изменчивым, так как члены клана могут свободнее присоединяться к сетям и покидать их.

Вместе с тем было бы неосторожно придавать чересчур большое значение различиям. Даже в советские времена партийные кланы допускали в свой круг беспартийных. Артисты и художники, беспартийные представители технической интеллигенции и прочие зачастую имели партийных патронов, так же как и людей, стоявших ниже и зависевших от них. Представляется, что нет особых аналитических

оснований ограничивать клиентелизм советской поры партийной номенклатурой. Разумеется, на практике министр или член ЦК находился в государственном секторе, но его сеть вполне могла простирается далеко за эти пределы. То же самое будет верно и сегодня, если заменить советского члена ЦК чиновником из нынешней гигантской администрации президента.

В наши дни есть частный сектор со своими собственными сетями, которые порой пересекаются с государственными. Но и тут различие не слишком велико. Как указывают многие, грань между государственным и частным секторами сегодня очень размыта, если вообще существует. В советское время, когда все работали на государство, мы обнаруживаем не менее размытую грань между государством и обществом. Кем был председатель колхоза – государственным служащим, хозяином или работником? А начальник цеха на заводе? А пропагандист, работающий на полставки? Считать ли их представителями государства, отдающими приказы, или представителями общества, получающими приказы? На самом деле верно и то и другое; при советской власти каждый имел и начальника, и подчиненных, поэтому разграничение государственного и частного или государства и общества не слишком много пользы приносило тогда, не больше приносит и сейчас.

Многое до сих пор остается неистребимым в российском клиентелизме. Посмотрим, например, как создаются и рекрутируют новых членов кланы. «Современные» сети сравнительно открыты и предположительно рекрутируют независимых агентов, ориентируясь на их профессиональную квалификацию, в России же родственные и социальные сети функционируют «досовременным» образом, ставя во главу угла преданность и покорность. При «подборе кадров» сейчас, как и раньше, проверяются личные качества, совместимость и способность играть в команде. В. И. Илюхин из антикоррупционного комитета Государственной думы разъяснял, что формирование кадров, особенно на уровне высших управленцев в президентской и федеральной административных структурах, основано не на принципах профессионализма, а на знакомствах, личной преданности, соблюдении неписаных правил и кумовстве. Личная преданность – наиважнейший принцип работы в государственной администрации. По словам М. Урбана, «высокопоставленные чиновники игнорируют требование закона заполнять вакансии на конкурентной основе, тем самым распространяя патронско-клиентские отношения в своих организациях», так же как в советский период¹⁷. Известно, что Сталин ценил покорность и послушание выше компетентности. Для

него компетентность зачастую сводилась к беспрекословному исполнению приказов; верность *и была* компетентностью. Во многом то же самое можно сказать о российских кланах, существовавших задолго до 1917 г.

Межклановая борьба сегодня

Российская высокая политика сохраняет клановую природу вплоть до сегодняшнего дня, комментаторы постоянно говорят о том или ином «клане» при Путине. Нынешнее российское правительство разделено на две крупные политические группировки. «Силовики» – подобно самому Путину, по большей части выходцы из бывших советских органов безопасности. Как подразумевает их название, они предпочитают сильную вертикальную центральную власть, полумонополистическую концентрацию в экономике, питают свойственную работникам госбезопасности подозрительность к иностранцам и весьма мало склонны думать о коррупции, гражданских правах и правах человека. Представители другой тенденции, «реформаторы» – оставшиеся от ельцинской эпохи демократы 1990-х гг., которые стоят за свободный рынок, права личности, более плюралистическую и демократическую политическую систему. В отличие от своих соперников – консерваторов и чуть ли не ксенофобов – либеральные реформаторы настаивают на сотрудничестве с окружающим миром. В том же месяце, когда Путин предостерегал против Запада и пел панегирики российским шпионам, пойманым в США, Медведев демонстративно играл с айпадом в Силиконовой долине.

В самом широком смысле эти две тенденции имеют предшественников в современной российской истории. Они напоминают различия между левыми и правыми коммунистами, сталинистами и реформаторами, их олицетворяют конфликты между Сталиным и Бухариным, Хрущевым и Молотовым, контраст между Брежневым и Горбачевым, Ельциным и Путиным. Можно пойти еще дальше и вспомнить конфликт Петра Великого со старым московским боярством, а также споры славянофилов и западников, господствовавшие в интеллектуальной жизни России XIX столетия.

Российские правители регулировали эти трения разными способами. Цари обычно старались сохранять баланс между кланами и фракциями. Иван Грозный и Сталин просто уничтожали «не свои» группы. Современные лидеры порой воплощали (или как будто воплощали) в себе оба тренда. Шеф КГБ Андропов любил западный джаз. Разведчик Путин любит свободный рынок.

Самые могущественные силовики собрались вокруг вице-преьера И. И. Сечина. Виднейшие (или, скорее, входящие в элиту) либералы – вокруг президента Д. А. Медведева. Хотя прежняя служба Путина в КГБ делает его естественным лидером силовиков, он побывал и реформатором, работая в Петербурге у мэра А. А. Собчака. Поэтому он стоит над схваткой и в роли рефери поддерживает мир между тенденциями и кланами. Московские великие князья точно так же поступали с боярскими кланами, цари с придворными фракциями, генеральные секретари коммунистической партии с партийными «семействами» в той постоянной дарвинистской межклановой борьбе, какую представляет и всегда представляла собой российская политика. Вполне вероятно, что Путин назначил Медведева своим временным преемником на посту президента в качестве противовеса влиятельным силовикам. В одной недавней работе говорится: «Владимир Путин называется председателем правительства, но в действительности он государь, царь-батюшка – пусть не единоличный самодержец, не абсолютный монарх, но и не конституционный: власть его отчасти ограничена, однако не конституцией, не законами, а корпоративно-сословными обычаями... закулисными договоренностями с теневыми группами влияния, родственными, дружескими и административными связями»¹⁸.

На самом верху российское правительство своей клановой структурой демонстрирует поразительное сходство с правительствами прошлого. Верховным клановым предводителям даны широкие сферы ответственности. Для успешной работы им предоставлена значительная свобода набирать в штат возглавляемых ими ведомств «своих людей». Кроме того, как мы видели, власть в России с незапамятных времен обуславливалась близостью к могущественной персоне и не особенно зависела от официального звания.

Сейчас, когда я пишу эту книгу, в соответствии с общепринятыми представлениями об иерархии постов в российском правительстве можно сделать вывод, что они ранжируются сверху вниз следующим образом: президент Российской Федерации (Медведев), премьер-министр (Путин), руководитель администрации президента (С. Е. Нарышкин), первый заместитель премьер-министра, затем заместители премьер-министра и министры. Однако в действительности как российские, так и западные аналитики практически единодушно считают, что реальный порядок рангов совсем иной, а реальные обязанности и полномочия представителей элиты имеют мало отношения к названиям их должностей.

Все знают, что не премьер-министр Путин работает на президента Медведева, а наоборот, вопреки конституции. Большинство согласно, что самая могущественная фигура после Путина, вероятно, Сечин, занимающий скромный пост заместителя премьер-министра (даже не первого заместителя). Нарышкин, который, по идее, работает помощником Медведева, на самом деле – помощник Путина (и его однокашник по Высшей школе КГБ). В. П. Иванов, официально директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, – в действительности главный советник Путина по кадровым вопросам.

В советское время все главные партийные олигархи при Сталине имели неофициальные сферы ответственности вне зависимости от официальной должности. Например, в 1935 г. каждый секретарь ЦК «курировал» определенные стороны хозяйственной, партийной и государственной деятельности. Андреев и Ежов готовили повестки для заседаний Оргбюро. Андреев возглавлял промышленный и транспортный отделы ЦК и заведовал его служебным персоналом. Каганович наблюдал за московской городской администрацией, а также работал наркомом путей сообщения. Сталин присматривал за отделом культуры и пропаганды ЦК¹⁹.

Сегодня в России тоже существует неофициальное распределение обязанностей среди высших вельмож. Сам Путин осуществляет общую координацию и прямо отвечает за внешнюю политику, министр иностранных дел С. В. Лавров – не более чем его советник и представитель. В. П. Иванов руководит кадровыми назначениями. Медведев занимается вопросами юстиции и кадров (с согласия Иванова). Сечин ведает почти всей экономикой (кроме финансов), а также органами госбезопасности. С. Ю. Сурков, первый заместитель руководителя администрации президента, на самом деле контролирует вопросы идеологии и надзора за молодежными группами и политическими партиями. Все они (и другие) имеют власть не благодаря должностям, которые можно менять как угодно, а благодаря близости к Путину. Практически каждый крупный лидер в правительственной верхушке сегодняшней России был связан с Путиным или в КГБ, или во время его работы в Петербурге²⁰.

Порой интриги и борьба между кланами попадают в поле зрения общественности. В 2003 г. Путин сформировал новую Федеральную службу по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН), дабы обеспечить базу еще одному клану ФСБ во главе с его коллегой по Ленинградскому управлению КГБ и бывшим полномочным представителем президента в Северо-Западном федеральном округе В. В. Черкесовым, который и приехал в Москву руководить новой службой. ФСБ

осталась под контролем союзника Сечина – Н. П. Патрушева. С самого начала было ясно, что ФСКН предназначено стать «ФСБ-2», пристанищем для Черкесова и его людей. Она поглотила 40 тыс. сотрудников и оборудование бывшей налоговой полиции, что обеспечило ей возможность следить практически за любым бизнесом в стране и участие в таком прибыльном занятии, как пограничный контроль. А Путину контроль над расследованием налоговых дел через его клиента Черкесова дал прямое институциональное оружие против М. Б. Ходорковского. По сути, новый институт создавался под клан. Здесь мы снова видим превосходство клановой политики над институтами, когда институты играют роль недолговечных орудий в руках кланов.

Путин выступал арбитром между своими друзьями-чекистами, Сечиным и Черкесовым, и несколько лет два клана маневрировали и конкурировали мирно. В сечинский клан входили глава ФСБ Патрушев, председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин, а также бывший генеральный прокурор РФ В. В. Устинов (женатый на дочери Сечина). В черкесовский клан (более слабый из двух) – начальник службы безопасности президента В. В. Золотов, действующий генеральный прокурор Ю. Я. Чайка и множество бывших офицеров КГБ из Петербурга.

Затем в 2007 г. кланы вышли на тропу войны. Вероятно, катализатором событий послужило заявление Путина, что он не будет выставлять свою кандидатуру на пост президента на следующих выборах. Как выразился в то время один аналитик, «вся политическая жизнь сегодняшней России – это борьба разных кланов и группочек за то, чтобы Путин остался у власти по их сценарию, а не по сценарию конкурентов»²¹. По старинным правилам российской клановой олигархии, отказ Путина баллотироваться на новый срок означал, что больше не будет царского арбитража, благодаря которому сохранялся мир и равномерно делилась добыча. С XV в. анархическая межклановая гражданская война постоянно вспыхивала в России, когда на смену монарху-арбитру грозил прийти политический вакуум: фракции и кланы переходили к открытой вооруженной борьбе, желая защитить и укрепить свои позиции в ожидании анархии, которая вскоре должна была начаться.

Первые выстрелы раздались в августе 2007 г., когда полиция в Петербурге арестовала В. С. Барсукова, теневого бизнесмена, подозреваемого в причастности к деятельности тамбовской группировки российской мафии. Говорили, будто Барсуков связан с Черкесовым и Золотовым, и средства массовой информации сообщали, что прокуратура эти связи расследует²².

Открытая война разразилась в октябре. 2 октября генерал-лейтенанта А. А. Бульбова, одного из главных помощников Черкесова, и еще нескольких офицеров ФСКН арестовали в московском аэропорту «Домодедово» агенты патрушевской ФСБ, работавшие на недавно созданный Следственный комитет под председательством Сечина. Бульбова защищали вооруженные телохранители из ФСКН, и, по словам очевидца, между двумя полицейскими группами едва не вспыхнула перестрелка. Бульбов был-таки взят под стражу и обвинен в «крышевании» бандитских группировок, взятках и незаконном прослушивании телефонных разговоров. «Прочеркесовский» генеральный прокурор Чайка опротестовал арест и велел освободить Бульбова, однако Московский городской суд дал генеральному прокурору пощечину, удовлетворив протест сечинского Следственного комитета и оставив Бульбова под стражей.

«Войны между элитами вышли на поверхность»²³. В ходе последующих боев прокурор Чайка арестовал высокопоставленного офицера ФСБ по обвинению в нашумевшем убийстве Анны Политковской. Мощественный Следственный комитет Сечина добился его освобождения. Пять офицеров черкесовской ФСКН были арестованы ФСБ, еще двое, по слухам, отравлены. Последний председатель советского КГБ В. А. Крючков вместе с группой других отставных офицеров госбезопасности в открытом письме призывал обе стороны прекратить боевые действия: «...поверьте нашему опыту – может случиться большая беда, а этого допустить нельзя»²⁴. Об участниках Крючков говорил весьма туманно, так что все дело напоминало «драку бульдогов под ковром», как охарактеризовал когда-то Черчилль загадочные, недоступные взору схватки за власть в советской верхушке.

Клан Сечина, казалось, взял верх. Генерального прокурора Чайку лишили большей части полномочий, переданных сечинскому Следственному комитету, и вынудили подать в отставку. Черкесова не сделали главой этого влиятельного комитета, на что он явно рассчитывал. Но Путин не был готов допустить поражение Черкесова, поскольку потерял бы тогда важный противовес сечинской группе. В конце октября он назначил Черкесова председателем авторитетного Государственного антинаркотического комитета, стоявшего наравне с патрушевским Национальным антитеррористическим комитетом.

В разгар межклановой войны Черкесов преступил первую заповедь олигархической анархии: все военные действия должны оставаться в тайне от населения. Он выступил публично на страницах газеты «Коммерсантъ», выходящей массовыми тиражами, назвал имена, описал ход борьбы²⁵. Защищая свою ФСКН и работающих в

ней заслуженных бывших офицеров КГБ, он жаловался, что в этой «междоусобице спецслужб» их ложно обвиняют и преследуют. «В этой войне не может быть победителей... – предупреждал Черкесов. – Цена вопроса... слишком высока». Смутно и неопределенно намекая на противозаконные коммерческие связи соперников из ФСБ, он озаглавил свою статью «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев». Одно дело, когда о войне кланов писали аутсайдеры из «бывших» вроде Крючкова и его старых приятелей, и совсем другое – когда это делал один из ее участников, да еще и сообщал кое-какие подробности. Черкесов нарушил правило секретности, одно из старинных правил российской олигархии.

Еще со Средних веков существовала негласная договоренность, что могущественные клановые группировки, естественно, будут соперничать друг с другом, но, ради сохранения системы, обязаны скрывать это от народа. Дабы не допустить хаоса, все следует обделывать за закрытыми дверями, решения принимать единогласно и тайно. Эдвард Кинан писал о средневековой Руси: «Правительство... было правительством заговорщиков: кланы устраивали заговоры друг против друга, желая расширить свою власть... Никто не доверял посторонним подлинной информации о политических интригах, политических группировках и предмете разногласий». Тут как нельзя к месту оказывается русская поговорка, не рекомендуемая «выносить сор из избы» или, как сказали бы мы сегодня, «стирать грязное белье на людях»²⁶.

Путин и сам маневрировал скрытно, не высказывая публично своего отношения к идущей борьбе, что традиционно считалось корректным и правильным. Но выходка Черкесова его рассердила. 19 октября репортеры поймали его по пути с одного совещания на другое и принялись расспрашивать о междоусобице спецслужб. Следуя давним правилам, он не стал сообщать деталей и воздержался от критики какой-либо из сторон. «Я спросил, так все-таки есть война спецслужб или ее, по его мнению, нет», – рассказывает один из репортеров. Путин уклонился от ответа, переведя разговор на реально беспокоившую его проблему огласки. Его единственное замечание: «Я бы на месте людей, которые защищают честь мундира, не стал обвинять в ответ всех подряд, особенно через средства массовой информации». Репортер продолжает:

«Он все никак не заходил в открытые двери лифта. Он опять хотел что-то добавить – и сделал это:

– А выносить такого рода проблемы в СМИ считаю некорректным»²⁷.

Культ

Культ Владимира Путина показывает, что культы руководителей и выраженная в них персонализация власти не исчезли ни после смерти Сталина, ни после краха советской власти. Путинский культ насаждается при помощи СМИ, усердно создающих ему имидж настоящего мужчины-атлета, сильного лидера, прямого и грубоватого защитника России и русских от подозрительных иноземцев. Путин спасает людей от тигров, на глазах у всех обнимает детей и собак, ныряет в озеро Байкал, спускается на лыжах по самым опасным склонам, притом еще рисует и лепит керамику. Появились детские книжки «Сказки о Путине».

Изображения и иконография Путина представляют собой как проявления его культа, так и последний в длинном ряду пример ассоциации личности (и ее образа) с государством. В 2007 г. в одном московском книжном магазине продавались 28 разных портретов Путина²⁸. Известные художники нарисовали календарь «Двенадцать настроений президента», запечатлев различные выражения его лица, причем одна художница сказала: «Мы, пока рисовали, буквально полюбили его»²⁹.

В Нижегородской области одна секта с 2005 г. молится на икону Путина, которая недавно «замироточила», по словам основательницы секты матушки Фотины, утверждающей, что «Путин – это путь иной для России» и «у него душа царя»³⁰. Сам Путин к знакам поклонения относится не слишком одобрительно. Когда во время его визита в Валаамский монастырь XIV в. один игумен попытался поцеловать ему руку, Путин отшатнулся, поморщился и руку вырвал³¹.

Используя современные технологии, Путин дает населению телевизионные аудиенции в прямом эфире, во время которых получает просьбы и жалобы, в обход бюрократии удостоивает их личного внимания и оказывает помощь в восстановлении справедливости (как поступали и Сталин, и другие правители на протяжении всей российской истории). Таким образом он сохраняет чистоту своего царственного имиджа, возлагает вину за ошибки и беззакония на бюрократию (свою же собственную) и поощряет наивный монархизм, присущий фольклору о таких далеких друг от друга фигурах, как Иван Грозный и Сталин³². В ходе поездки на Валаам он принимал письма и петиции от местных жителей, которые, дожидаясь его, выстроились в очередь. Царь (Иван Грозный, Сталин, Путин) всегда добрый, это знать (бояре, бюрократы) плохая: «Если бы царь знал, что творится...»

Для стимулирования традиционного русского наивного монархизма Путин часто прибегает к помощи традиционных же шаблонов фотографической иконографии. На снимках он сидит в своем кабинете с бумагами, прямой, словно аршин проглотил, хмуро глядя через стол на ссутулившегося чиновника с пустыми руками и унылым лицом, всем своим видом показывающего, что виновен в каком-то прегрешении. Урок ясен: Владимир Владимирович на нашей стороне, он блюдет наши интересы, превосходя и заменяя собой государство, чья бюрократия не только бесполезна, но и просто вредна. Бывает и наоборот: Путин хвалит подчиненного, тогда чиновник тоже сидит прямо, и никто за столом не хмурится.

Невзирая на матушку Фотинью, путинский культ не основан на мистических трансцендентных свойствах, как сталинский и ленинский. В отличие от культов советских руководителей послесталинской эпохи, не основан он и на апостольской преемственности с легендарным прародителем (Лениным). После смерти Сталина культ руководителя утратил харизматически-трансцендентальную природу. Как ни старались Хрущев и Брежнев, ничего героического в них не было. Они не имели апостольской связи ни со Святым Лениным, ни с революцией, а их ссылки на «партию» как источник трансцендентального авторитета не увенчались успехом. Люди знали, что такое «партия» в повседневной жизни, и ничего мистического в ней не видели. Собственно, тяга к мистически-трансцендентальному вообще ослабевала, по мере того как советское население становилось более городским, образованным, искушенным³³.

Однако, несмотря на отсутствие магической составляющей, это, тем не менее, культ. Путин отождествляется с государством, а государство с ним. Беглый просмотр сегодняшней российской печати показывает, как представление о персональном характере политической власти отражается в преклонении перед Путиным руководителей и видных деятелей современной России:

«Я благодарю Бога за Путина!»

«Владимир Владимирович! Очень хорошо, что вы родились!»

«С каким вниманием, с каким уважением мы слушали советы Владимира Владимировича Путина!»

Понимание политики как персональной и патримониальной сохраняется и в практике царского патронажа. С XIII в. личное покровительство великого князя, царя или знатного вельможи служило залогом роста и процветания монастырей, церквей, других мест. Зачастую это покровительство торжественно узаконивалось и символизировалось царским визитом с обещанием включить данное уч-

реждение в завещание, не оставить милостью и поддержкой. Связь царственной особы с излюбленным местом предавалась широкой огласке, богатство и слава неизменно приходили к учреждениям после подобных визитов. Символизм, церемониал и экономический эффект такой персонализированной связи существуют и поныне. Когда не срабатывают бюрократические процедуры, в дело вступает царский патронаж.

Присутствие, милость и покровительство президента Путина играют важную роль при установлении приоритетов и распределении средств. Место снесенной гостиницы «Россия» рядом с Красной площадью пять лет оставалось заброшенным строительным пустырем, пока бюрократические и коммерческие структуры спорили о том, кто и что там будет строить. Бывший мэр Ю. М. Лужков ратовал за гостинично-деловой комплекс с подземной парковкой. Другие лелеяли мысль перебазировать туда два здания российского парламента. Но в январе 2012 г., побывав на месте, Путин сказал новому мэру С. С. Собянину: «Вы знаете, о чем сейчас подумал. У нас ведь в центре Москвы за предыдущие десятилетия практически уничтожены все парковые объекты... Вот такое предложение... Может быть, здесь воссоздать парковую зону...» Собянин почтительно ответил: «Это было бы здорово». За несколько часов нашелся выход из многолетнего тупика, и московские власти объявили конкурс предложений по устройству парка³⁴.

Тем, кто приходит в реставрированные российские музеи, часто дают понять причину обновления. Недавние посетители Государственного центрального музея современной истории России (бывшего Музея революции, а еще раньше – Английского клуба) заметили большие улучшения после многих лет пренебрежения со стороны властей. Помещения и коридоры отремонтированы и покрашены, выставочное пространство расширено, полы перестелены. В самом первом выставочном зале многочисленные фотографии визита улыбающегося президента Медведева с соответствующими цитатами свидетельствуют, что музей у него в фаворе; ремонтные работы начались вскоре после этого события.

Медведев одарил своим покровительством и Новоиерусалимский монастырь. Его присутствие и выступление на заседании фонда по восстановлению монастыря в октябре 2008 г. получило довольно широкое освещение в СМИ. Тут же реконструкция (тянувшаяся черепашьими темпами полвека, с тех пор как немцы разрушили монастырь во Вторую мировую войну) стала стремительно набирать ход, нача-

лись масштабные археологические раскопки, а главный монастырский собор оделся в гигантские строительные леса³⁵.

Пожалуй, самый близкий аналог царских визитов былых времен – посещение Путиным Новодевичьего монастыря. Он навестил эту обитель в мае 2012 г. и, как настоящий московский великий князь, преподнес монахиням чудотворную Иверскую икону Божьей Матери, заявив: «Русская православная церковь... является хранительницей наших нравственных ценностей. Я с чувством радости передаю эту икону Русской православной церкви. Пусть она служит и помогает людям». Ему рассказали о храме Усекновения главы Иоанна Предтечи, находившемся у стен монастыря и взорванном наполеоновскими войсками. «И вдруг, – сообщала радиостанция «Эхо Москвы», – в одночасье, вскоре после визита Владимира Путина в Новодевичий монастырь, принимается скоропалительное решение городских властей воссоздать утраченный в 1812 г. храм»³⁶.

Патриарх Русской православной церкви Алексий II, как все русские патриархи, выступал в поддержку верховной светской власти царя. «Общаясь с Вами, – писал он президенту Медведеву, – я не раз убеждался в том, что Вы искренне заботитесь об устройении достойной жизни российского народа, о всестороннем возрождении Отечества... Вы много ездите по российским регионам и жертвенно несете труды на благо России»³⁷.

В свою очередь, руководитель администрации президента С. Б. Иванов хвалил уникальный опыт сотрудничества Русской православной церкви с государством и обещал: «Государство будет и впредь использовать всю силу закона, чтобы защитить религиозные чувства русских людей от любых попыток поругания и осквернения. Ведь именно с размывания духовных основ начинались все трагедии нашей страны»³⁸.

Региональные бароны и «люди короля»

Путина, так же как Сталина и других российских правителей до и после него, не миновал конфликт центра и периферии, верховного властителя и крупной знати, управляющей провинциями. После распада СССР в 1991 г. губернаторов областей стали избирать всенародным голосованием. Однако благодаря характерному для ельцинских лет стремительному сосредоточению богатств в руках все более узкого круга людей могущественные региональные и центральные экономические «структуры» (как они тогда назывались) получили возможность влиять на местные и региональные выборы, а в конеч-

ном счете – контроль над ними. Кандидаты, выступавшие против этих структур, обнаруживали, что у них нет ни доступа в СМИ, ни помещений для собраний, их преследовали, порой избивали и даже убивали. Поэтому многие (если не большинство) якобы демократически избранные областные губернаторы оказывались в кулаке у легальных и нелегальных «мафий».

Даже те, кто вначале не попадал под прямую власть всесильных экономических интересов, начинали понимать то же самое, что поняли старые большевики – секретари обкомов и крайкомов при Сталине. Как гласит русская пословица: «До Бога высоко, до царя далеко». Они строили собственные независимые политические машины, ориентируясь на местные интересы и расклады, и набирали в них собственных клиентов. Со временем эти губернаторы тоже подчинялись влиянию олигархических «структур» либо вступали с ними в долю.

Путин, как и Сталин, пошел в наступление на центробежный регионализм. В 2000 г. он создал 7 «федеральных округов», охватывающих 89 областей и республик Российской Федерации, и направил туда своих «людей короля» – представителей президента. Пятеро из семи первых представителей были друзьями Путина по ФСБ или армии, им предоставили право доступа к документам казначейства, налоговой инспекции, прокуратуры, полиции и расследования действий региональных лидеров.

Но путинские «люди короля» преуспели не больше, чем сталинские. Губернаторы обладали достаточным могуществом, чтобы не обращаться на них внимания. Представители президента в 7 федеральных округах «не внушали страха»: «Прокремлевская газета “Аргументы и факты” писала, что президент Татарстана Минтимер Шаймиев вежлив с ним [представителем], как с официантом: “сначала внимательно выслушивает, а потом заказывает свое любимое блюдо”»³⁹. Даже принятый дополнительно в 2000 г. закон, позволяющий Путину временно отстранить от должности избранного губернатора, если против него возбудит дело прокуратура (что нетрудно было устроить), не привел губернаторов к повиновению.

Наконец, Путин, воспользовавшись бесланской бойней 2004 г., выпустил новый указ, превращающий губернаторов из выборных в назначаемых – путинской администрацией. Отвечая на вопросы телезрителей в прямом эфире, он обосновал эту меру стремлением «не допустить до власти криминал». «К сожалению... при так называемых прямых выборах за спиной почти каждого кандидата вставал криминал, – сказал Путин. – И своими неучтенными черными деньгами пытался, а иногда достаточно эффективно влиял на ход предвыбор-

ной кампании и на ее результаты». Теперь же, когда кандидатов на пост губернатора выдвигает президент, «это все-таки более или менее ограждает общество от проникновения криминала хотя бы на этот высокий региональный уровень управления»⁴⁰.

Так же как кровавая баня, устроенная Сталиным региональным руководителям в 1937–1938 гг., это эффективно положило конец самостоятельности региональной власти, хотя явно куда менее радикальным способом. И, так же как сталинский удар, путинский не уничтожил полностью ни силу местных кланов, ни трения и конфликты между центром и периферией, в той или иной форме, видимо, неизменно свойственные российской политике. В те самые дни, когда я писал все это, слабый отголосок клановой борьбы прозвучал в предложении Путина проводить суды присяжных над подозреваемыми в убийствах и других тяжких преступлениях только на уровне федерального округа, а не на местном уровне, «чтобы предотвратить оправдательные вердикты, основанные на клановой лояльности»⁴¹.

Соперничество за престол

Борьба Путина с Ходорковским тоже имеет аналогии в прошлом, в частности, поразительно напоминает борьбу Сталина с Троцким и ряд схваток между московскими князьями. В обоих современных случаях мы видим нового лидера, еще не ставшего диктатором, сильного претендента и особое понимание правил олигархии.

В момент смерти Ленина в 1924 г. Сталин являлся новым лидером. Троцкий командовал Красной армией и входил в Политбюро. Он был яркой личностью, имел сторонников, и до 1924 г. нельзя найти никаких признаков того, что его положению что-то угрожало, пока он играл по правилам олигархии. Путин, победив на своих первых президентских выборах в 2000 г., тоже стал новым лидером. Ходорковский тогда возглавлял всемогущий банк «Менатеп» и нефтяную империю «Юкос», и его положение тоже казалось незыблемым, пока он играл по правилам олигархии.

Важнейшие из правил, и в 1924-м, и в 2000 г., требовали строго следовать коллективным решениям правящей верхушки и улаживать трудные вопросы секретно. Собственно, в России эти неофициальные нормы имеют многовековую историю. Неважно, какие у тебя взгляды, – если ты соблюдаешь правила, в том числе правило секретности, то сохраняешь престиж и место, дающее власть и влияние. Но Троцкий в 1924–1926 гг. стал публично нападать на «режим» сталинского партийного руководства, призывая к расширению партийной демо-

кратии и коллегиальности. В этом все усмотрели нарушение правил. Согласно партийной дисциплине и этикету, ему полагалось уладить дело тихо, внутри Политбюро. Выход на публику с громогласными претензиями расценивался как серьезная угроза партийному единству, которая могла повлечь за собой самый страшный кошмар для большевиков – раскол в партии.

В 2000 г. Путин и его аристократы руководствовались теми же понятиями: все надо держать в секрете, чтобы не подвергать опасности непрочный режим. Но Путин еще ввел новое правило, или, скорее, подкорректировал старое: сказал боярам-олигархам, что они могут сохранить свое добро (возможно, несправедно нажитое) и позиции, однако не должны быть публичными игроками в политике. Большинство олигархов с этим смирились, некоторые – нет. В. А. Гусинский, владелец печатно-телевизионной империи, использовал свои средства массовой информации для нападок на Путина. Гусинского раздавили быстро; он бежал за границу, а его медийная собственность была конфискована. Ходорковский – другое дело. Он тоже обратился к общественности, пользуясь своей властью, публично критиковал Путина, финансировал кандидатов на его пост и вслух размышлял о том, что может и сам стать президентом вместо него.

Поскольку и Троцкий, и Ходорковский имели широкие сети друзей и сторонников, угроза исходила не только от них лично. Противостоящие им Сталин и Путин возглавляли сети и кланы, которые, потеряли бы всё, если бы их вожди потерпели поражение от претендентов. В отличие от западных бюрократических систем, где проигравшие в политических битвах лишаются только должностей, персонализированная политика в России требует куда большей суровости к побежденным. Их необходимо не только очернить и унижить в назидание остальным, но и убрать от любых рычагов власти, а поскольку политика носит персонализированный клановый характер – физически изолировать от ее сетей и нейтрализовать. Их последователи должны быть «вычищены» вместе с ними.

В 1925 г. Троцкий потерял институциональный оплот – руководство Красной армией и место в Политбюро. Но он еще оставался в Москве, среди своих сторонников. В 1927 г. его сослали в Среднюю Азию. Он все равно находился слишком близко, чтобы власти чувствовали себя спокойно (и имел возможность сноситься со своими людьми), так что в 1929 г. Троцкого вообще выслали из Советского Союза, дабы окончательно отрезать от его сетей. В 1940 г. его убили. Ходорковский также сначала потерял институциональную базу. Его обвинили в налоговом мошенничестве и других преступлениях, его

компанию «Юкос» конфисковали и распродали. Но этого было недостаточно; его следовало физически удалить и изолировать от сторонников. Так Ходорковский оказался в сибирском лагере.

В обоих случаях, повинаясь давней привычке скрывать, как в действительности работает система, общественности сообщали о конфликте с большой осторожностью. Хотя борьба носила глубоко личный характер, касалась личного соперничества и притязаний на власть, надлежало делать вид, будто речь идет о принципиальных или правовых вопросах, дабы не признавать публично реальную – персональную и олигархическую – природу системы. Уничтожение Ходорковского изображалось обычным «налоговым делом», хотя среди элиты никто в это не верил. Аналогично, когда Петр I одержал верх над правительницей Софьей, победа одного аристократа со своим кланом над другой аристократкой и ее кланом преподносилась не как личный триумф, а как торжество династических прав, закона и Божьей воли.

Сталин интересовался тем, как изображается и освещается его схватка с Троцким, и *не* желал, чтобы ее считали личной или клановой борьбой, каковой она, конечно, и была. Сталинскую власть над «Правдой» нельзя назвать «бесперебойно работающим контрольным механизмом»⁴². То, что он читал там, часто его удивляло и сердило. В 1936 г., посмотрев материалы «Правды» о таком важном событии, как первый показательный процесс, он писал Кагановичу и Молотову: «“Правда”... все свела к личному моменту, к тому, что есть люди злые, желающие захватить власть, и люди добрые, стоящие у власти, и этой мелкотравчатой мешаниной кормила публику. Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма в городах и деревнях СССР. Ибо Сталин и другие руководители не есть изолированные лица, – а олицетворение всех побед социализма в СССР...»⁴³

Он также писал руководителю Коминтерна Георгию Димитрову: «...европейские рабочие думают, что все произошло из-за драки между мною и Троцким, из-за плохого характера Сталина. Надо указать, что эти люди боролись... против партии...»⁴⁴ То есть сделать так, чтобы личная драка за трон выглядела принципиальной борьбой.

Путин добивался, чтобы Ходорковского признали виновным, однако на вопросы о вынесенных Ходорковскому приговорах и Путин, и Медведев отвечали строго с юридической точки зрения. Так же как Сталин превратил личную и клановую борьбу с Троцким в вопрос

нарушения своим противником законов, Путин и его сторонники постарались придать личной борьбе с Ходорковским вид обычного дела об уклонении от уплаты налогов. Было бы интересно узнать, какой процент населения в каждом случае действительно поверил официальной версии.

Есть и еще одно сходство. Лишившись институциональных рычагов управления, изолированные от клановых приверженцев, поливаемые грязью в прессе, и Троцкий и Ходорковский сменили облик, представ демократическими народными героями, всегда противостоявшими машине диктаторского правительства, которая их и раздавила. Троцкий был одним из основателей жесткой диктатуры, поборником преследования политических еретиков, защитником недемократической и предельно централизованной партийной кадровой системы, решительным сторонником эксплуатации крестьянства ради финансирования индустриализации. Когда его убрали от власти, он возжаждал партийной демократии, некоего идейного плюрализма в партии и принялся резко критиковать сталинскую коллективизацию и форсированную индустриализацию. Ходорковский не гнушался никаким обманом и жульничеством, строя свою финансовую империю и покупая доступ в ельцинское правительство. В тюрьме же он стал беспощадным врагом коррупции, адептом честного демократического процесса и прав человека. Преображение Троцкого и Ходорковского с радикальным отказом от прежних убежденийшний раз подчеркивает персональный характер российской политики. Неясно только, имелась ли у Софьи, проигравшей в личной борьбе с Петром I, возможность или необходимость придумывать себе новый облик в монашеской келье Новодевичьего монастыря.

Живучесть практики

В этой книге я сделал акцент на специфической природе российской политической культуры. С точки зрения практики Россию можно рассматривать как пример не современности, а ее противоположности – пример живучести очевидно архаичных практик, существующих в особых, постоянных отношениях с современными институтами.

Мы видели также, что архаичные политические практики как будто свойственны современной России больше, чем другим современным государственным системам. Даже если не придавать чрезмерного значения доводам насчет «национального характера», кажется, есть в этом что-то специфически русское, что-то культурно обусловленное. Трудно представить, чтобы в других современных странах могли по-

явиться мироточащие иконы главы государства. Преемственность с практиками прошлого выглядит здесь менее эфемерной и более прямой, чем где-либо еще, таящейся в подспудных глубинах культуры, однако не так уж и далеко от поверхности. Среди развитых индустриальных обществ в России патримониализм, клиентелизм и множество прочих традиционных практик наиболее распространены, наиболее живучи и дольше всего играли главенствующую роль.

Институты в российской политике всегда были слабы, личности – всегда сильны. Но тезис о слабости институтов вызывает вопрос: «Почему?» Если оставить в стороне русский национальный характер, очевидно, следует присмотреться к обществу. По словам Стивена Уайта, российская торговая буржуазия не годилась на роль строителя институтов ввиду своей немногочисленности, неразвитости и связей с тронем. Крестьяне, как правило, институтами не интересовались, да и в любом случае жили в персональном патримониальном обществе. Что касается российского дворянства, то оно никогда не обладало ни могуществом, ни самостоятельностью, а следовательно, находилось не в том положении, чтобы спорить с тронем, как бывало в Западной Европе⁴⁵. Мы можем добавить, что российское дворянство не видело и причин для этого. Боярам Московской Руси нравилась идея сильного трона, который не допустит междоусобной войны⁴⁶. Позже, в XVII в., монарх прикрепил крестьян к помещичьей земле, а после бунтов Разина и Пугачева использовал вооруженную силу государства для предотвращения страшной угрозы крестьянских восстаний.

Утвердившись в начале эпохи Московской Руси, традиционное и патримониальное политическое устройство, помимо того что функционально служило своекорыстным интересам правящего слоя, превратилось в привычку, прочно укоренившуюся в политической культуре и практике. До самого конца XX в. модели социально-политической практики не слишком изменились, во всяком случае в общем и целом, а насколько изменились сегодня – вопрос неясный и дискуссионный.

Неформальные практики элиты, о которых идет речь в этой книге, можно обнаружить во многих местах и в разные времена. Клиентелизм, патримониализм, слияние старинных и современных практик – отнюдь не уникальная особенность России. Чаще всего мы видим их в так называемых развивающихся или традиционных обществах. В посвященной им социологической литературе зачастую рассматриваются главным образом Африка и некоторые регионы Азии, но в какой-то степени они наблюдаются повсюду. Со времен Эндрю Джексона каждый новоизбранный президент США пользуется сис-

темой «дележа добычи», заменяя большую часть прежней бюрократии собственными сторонниками.

Очевидно, однако, что в России патримониальные практики превагируют, а в других «современных» государствах хоть и существуют, но ослабевают, тогда как конституционные институты усиливаются. Почему так? Или переформулируем в обычный вопрос: «Почему Россия не развивала современные рациональные институты?»

На самом деле, авторитетные современные конституции в мире являются редкостью. Вместо того чтобы мерить все общества их мерками и ждать, когда эти общества разовьются или доживут до них, подумаем, почему же они так редки? Политические кланы, слабость институтов, персонализированная политика доминируют почти всюду. Даже сегодня в большинстве стран мира нет сильных, независимых институтов. Большинство обществ управляют личности и патроны, а не законы. Собственно, общество, которое мы считаем модернизированным, с представительным правлением и мощными институтами, зародилось в пределах нескольких сотен миль по обе стороны Ла-Манша и в наши дни существует главным образом там же или в местах, куда было пересажено оттуда. Поэтому, наверное, имеет смысл «перевернуть» привычный вопрос насчет российской отсталости: «Почему модернизировалась северо-западная Европа?»

Наше рефлексивное веберизанство подразумевает, что то, что мы называем модернизацией, связано с капитализмом или его отсутствием. Рыночный капитализм такого типа, который свойствен северо-западной Европе, если и проник в Россию, то очень поздно. В раннее Новое время широкомасштабная торговля на дальние расстояния привела к возникновению в Западной Европе денежной экономики с рыночным садоводством и овощеводством, надомной промышленностью, в которой в конечном счете стали участвовать люди, не принадлежавшие к традиционной элите. Денежные и рыночные отношения охватили все общество, включая деревню. Рынки обеспечивали большинству населения экономическое участие посредством оборота денег и сопутствующую возможность продвижения вне традиционных классовых структур. Деньги и торговля принесли городам и социальным группам коммерсантов независимость от традиционной знати, привели к появлению правовых институтов и мер защиты для незнатных людей, а также абстрактных понятий деперсонализированных институтов и государства, которые служили целью и объединяющим лозунгом в борьбе с традиционными королями и дворянами. Патримониализм здесь слабел, а конституционные институты усиливались.

Столь мощного и всепроникающего капитализма не было в России, которая находилась не только на пути иноземных вторжений по евразийской равнине, но и на валлерстайновской периферии капиталистической мир-системы⁴⁷. Сельское хозяйство там не развивалось, рыночные сети и коммерциализация оставались примитивными и региональными, власть – патримониальной и персональной, не оспариваемой новыми группами и новым богатством. Так же как индивидуализм стал ответом на процессы, происходившие в Западной Европе, патримониализм служил ответом иным условиям на востоке.

С другой стороны, капитализм сам по себе – не гарантия модернизированных бюрократических и демократических практик. Китай превратился во вполне капиталистическую систему, но, кажется, чем больше там укрепляется капитализм, тем сильнее становятся патронаж, коррупция и политические кланы. Может быть, «глубинные структуры» имеют в Китае не меньше значения, чем экономика?

Наверное, стоит избегать упрощенных девелопментальных моделей и изучать каждую страну в ее своеобразии, не упуская из виду глубинные культурные структуры как самостоятельные факторы и признавая, что они имеют равный вес с «модернизацией» и не противоречат ей. Ведь в России глубинные структуры патримониализма выдержали две мировые войны, несколько революций, крутые экономические перемены, падение царей и комиссаров. К тому моменту, когда я писал эту книгу, распространение капитализма в России породило средний класс, и в 2012 г. именно он вышел на улицы, протестуя против автократического режима Путина и его коррумпированных партнеров-бояр. Однако спустя два месяца всероссийский опрос показал, что большинство (59 %) респондентов по-прежнему предпочитают иметь во главе государства «отца нации», а не «эффективного менеджера». «Эффективный менеджер» пользовался популярностью среди обеспеченных респондентов, «отец нации» – среди бедных и пожилых, так что, возможно, патримониализм все-таки отомрет, когда у населения будет больше денег, а старшее поколение уйдет со сцены⁴⁸. Приведет ли продолжающаяся эволюция России в направлении маркетизированной денежной экономики к постепенному исчезновению кланов и клиентов? Или прав был мой друг Николай, полагая, что никакая капиталистическая рыночная экономика не изменит российских традиций и политических практик? Пока вопрос остается открытым.

Большинство политических комментаторов в России все еще считают, что речь идет об альтернативе «или – или». В недавней редакционной статье крупной газеты утверждается: «...существуют две

системы институтов. Первая обеспечивает лояльность за счет закулисных соглашений и коррупции, вторая – за счет высокой легитимности, приобретаемой в ходе честных выборов. Развитие каждой из этих систем невозможно без демонтажа альтернативной»⁴⁹. Однако не так уж невозможно представить, что средний класс добьется честных выборов, а Россией при этом еще долго будут управлять политические культуры и практики, связанные с личностью и кланом. По словам теоретиков неотрадиционализма, архаичные и современные элементы могут сосуществовать в одной системе. Стивен Смит писал, что в советский период «основные элементы марксизма могли сливаться с элементами, совершенно им чуждыми»⁵⁰.

Некоторые говорят, что патримониальные клиентелистские сети не просто представляют собой постоянную неотъемлемую часть российской политической и социальной системы, а сохраняют государству жизнь в собственных целях. Они – не только язвы на теле государства или проблема для него; они используют государство, чтобы править. Или, в другом смысле, они *и есть* государство: «По большей части сетевое управление полностью определяет, что такое в действительности нынешнее российское государство»⁵¹. Клановыми сетями государство может рассматриваться как средство мобилизовать население и обеспечить фасад легитимности. В сущности, государства вообще можно считать «организациями-заместителями для клик, имеющихся в их составе, а не наоборот»⁵². Персональная власть подвергается «огосударствлению»; государство по видимости существует, однако на деле является воплощением персонализированной политики⁵³.

Наблюдение, что государственные институты эфемерны, не ново и не относится исключительно к России. Тимоти Митчелл утверждает, что государственные структуры в действительности – «эффекты» лежащих в их основе практик. С его точки зрения, государственный институт следует рассматривать «не как реальную структуру, а как мощный метафизический эффект практик, которые приводят к появлению таких структур на свет... организация начинает казаться чем-то гораздо большим, нежели сумма составляющих ее видов повседневной деятельности»⁵⁴. По мнению О. В. Хархордина, государство – не часть «эмпирической реальности», а ярлык, характеризующий определенные действия индивидов⁵⁵. Фуко говорил почти то же самое; государство для него «не более чем сложносоставная реалья и мифологизированная абстракция» поливалентных и многообразных силовых отношений. Пьер Бурдьё писал: «Понятие “государство” имеет смысл только как удобный... стенографический символ для обозна-

чения... отношений власти... которые могут принимать форму более или менее устойчивых сетей (альянса, сотрудничества, клиентелизма, взаимных услуг и т. д.) и которые проявляются в исключительно разнообразных взаимодействиях, находящихся в спектре от открытого конфликта до более или менее скрытого сговора»⁵⁶.

Было бы слишком просто сказать, что путинская (или сталинская) Россия не более чем продолжение старой России. Это не так. И при Сталине, и при Путине Россия имела совершенно иные идеологию, социальную структуру, экономику, чем прежде. За XX столетие она превратилась в грамотное, образованное общество, более или менее интегрированное в мировую культуру. Перемены произошли радикальные. С этой точки зрения, современная Россия или СССР в корне отличаются от старой Руси.

С другой стороны, если сосредоточить внимание на важной сфере *практики*, вещи предстают под иным углом зрения. В российской истории много переломных моментов. Тем больше, наверное, должно удивлять сохранение хоть каких-то практик после всех этих переломов. Но, кажется, определенные политические практики в России пережили рождение и исчезновение всевозможных идеологических, социальных, экономических трендов и преодолели все рубежи. Может быть, мы здесь имеем дело с «глубинными структурами» российской истории, как полагал Кинан. Может быть – с укоренившимися «привычками мышления и действия», о которых в другом контексте писал Э. П. Томпсон.

До сих пор трудно не согласиться в некоторой степени с А. А. Кизеветтером, чьими словами начинается эта книга: «...вы не можете отделаться от впечатления... будто... из-за обломков разрушенной старины вырастает новая европеизированная Россия. [Но] с полувыцветших страниц этих документов, из-под внешней оболочки нового канцелярского жаргона на вас глядит старая московская Русь, благополучно переступившая за порог... и удобно разместившаяся в новых рамках».

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Цит. по: Lotman Iu. M., Uspenskii B. A. *Binary Models in the Dynamics of Russian Culture // The Semiotics of Russian Cultural History* / ed. A. D. Nakhimovsky, A. Stone Nakhimovsky. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1985. P. 61.

² Здесь и далее в книге слово «харизматический» используется в веберовском смысле: для определения типа власти, основанной на связи с чем-то трансцендентным или сверхъестественным, недоступным другим лицам.

³ Выражение «глубинные структуры» я позаимствовал у Эдварда Кипана, см.: Keenan E. *Muscovite Political Folkways // Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 115–181. См. также: Lotman Iu. M., Uspenskii B. A. *Binary Models in the Dynamics of Russian Culture*.

⁴ Список составлен на основании параметров, предложенных Кеном Джоуиттом, см.: Jowitt K. *Neotraditionalism // Jowitt K. New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley: University of California Press, 1992.

⁵ Любой автор всегда стоит на плечах гигантов. Я начал размышлять о персонализированной власти, читая Грэма Гилла: Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Основываясь исключительно на доступных в то время опубликованных источниках, Гилл утверждал, что персонализированная власть отражала низкий уровень институционализации и потому была отделена от институциональной системы и противоречила ей. Моя книга говорит о другом, подчеркивая неизменное существование патримониальной власти в российской истории и предполагая, что она сама была центральным «институтом» системы.

⁶ Rigby T. H. *Russia's Clientelism, Cliques, Connections and «Clans»: The Same Old Story? // Soviet and Post-Soviet Review*. 1998. Vol. 25. No. 2. P. 119. По мнению Ригби, сегодня, «хотя личные связи остаются одним из главных факторов общегосударственной политики», клиентелизм слабеет и, возможно, находится на пути к исчезновению. Мое исследование показывает, что, пожалуй, говорить об этом рановато.

⁷ «Короли, князья, мелкие правители в патримониальной политике, добываясь преданности, апеллировали к идее патрилинейности – линии, тянущейся из прошлого от их предков в будущее к желанным потомкам»: Adams J. *The Rule of the Father: Patriarchy and Patrimonialism in Early Mod-*

ern Europe // Max Weber's Economy and Society: A Critical Companion / ed. C. Camic, P. S. Gorski, D. M. Trubek. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2005. P. 242–243.

⁸ Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. New York: Bedminster Press, 1968. P. 1005–1059.

⁹ Jowitt K. Revolutionary Breakthroughs and National Development: The Case of Romania, 1944–1965. Berkeley: University of California Press, 1971. P. 69.

¹⁰ Исследование патриархата и маскулинности, адаптирующее к Веберу «знаки» Соссюра, см.: Adams J. The Rule of the Father.

¹¹ Easter G. Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000; Gill G. The Origins of the Stalinist Political System; Hughes J. Patrimonialism and the Stalinist System – the Case of Syrtsov, S. I. // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 4. P. 551–568; Khlevniuk O. Master of the House: Stalin and His Inner Circle. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2008; Gorlizki Y. Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neopatrimonial State, 1946–1953 // Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. No. 4. P. 699–736.

¹² Max Weber on Law in Economy and Society. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954. P. 351.

¹³ Weber M. The Theory of Social and Economic Organizations. New York: Oxford University Press, 1947. P. 328.

¹⁴ Ibid. P. 328; From Max Weber: Essays in Sociology. New York: Oxford University Press, 1947. P. 253; Max Weber on Law in Economy and Society. P. 336–337, 351.

¹⁵ Clapham C. Clientelism and the State // Private Patronage and Public Power / ed. C. Clapham. New York: St. Martin's Press, 1982. P. 26.

¹⁶ Medard J.-F. The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or Neo-Patrimonialism? // Private Patronage and Public Power. P. 162. См. также: Clapham C. Clientelism and the State. P. 19.

¹⁷ Medard J.-F. The Underdeveloped State in Tropical Africa. P. 181. См. также: Eisenstadt S. N., Roniger L. Patrons, Clients, and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; Lemarchand R. Comparative Political Clientelism: Structure, Process and Optic // Eisenstadt S. N., Lemarchand R. Political Clientelism, Patronage and Development. Vol. 3: Contemporary Political Sociology. London: Sage, 1981. P. 7–34.

¹⁸ Lande C. The Dyadic Basis of Clientelism // Friends, Followers, and Factions: A Reader in Political Clientelism / ed. S. W. Schmidt et al. Berkeley: University of California Press, 1977. P. xviii.

¹⁹ Weingrod A. Patrons, Patronage, and Political Parties // Friends, Followers, and Factions. P. 326; Medard J.-F. Political Clientelism in France: The Center-Periphery Nexus Reexamined // Eisenstadt S. N., Lemarchand R. Political Clientelism, Patronage and Development. Vol. 3. P. 126–127. См. также: Scott J. C., Kerkvliet B. J. How Traditional Rural Patrons Lose Legitimacy:

A Theory with Special Reference to Southeast Asia // *Friends, Followers, and Factions*. P. 439–458.

²⁰ Wolf E. R. Kinship, Friendship, and Patron-Client Relations in Complex Societies // *Friends, Followers, and Factions*. P. 168.

²¹ Eisenstadt S. N., Roniger L. Patrons, Clients, and Friends. P. 28. См. также: Medard J.-F. Political Clientelism in France. P. 126–127; Lande C. The Dyadic Basis of Clientelism. P. xviii; Weingrod A. Patrons, Patronage, and Political Parties. P. 326; Wolf E. R. Kinship, Friendship, and Patron-Client Relations in Complex Societies. P. 168. Относительно советского периода Стивен Уайт говорит о раздельности экономической модернизации и политического устройства, см.: White S. *Political Culture and Soviet Politics*. London: Macmillan, 1979.

²² «Советская Россия – ранний пример процесса приспособления персоналистических моделей политической власти и организации к новым формально-легалистическим структурам, который протекал в институциональных рамках спешно строящихся постколониальных государств»: Easter G. *Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 173–174. Идея моей книги противоположная: это институты приспосабливались к персоналистическим моделям.

²³ Gill G. The Origins of the Stalinist Political System. P. 198; Easter G. *Reconstructing the State*; White S. *Political Culture and Soviet Politics*.

²⁴ Berliner J. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957; Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958.

²⁵ White S. *Political Culture and Soviet Politics*. Chap. 8.

²⁶ Jowitt K. Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // *Soviet Studies*. 1983. Vol. 35. No. 3. P. 275–297. Джоуитт говорил о сохранении харизматической власти в советский период, полагая, что партия служила «заменой» харизматической личности. См. также: Martin T. *Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism* // *Stalinism: New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. New York: Routledge, 2000. P. 348–367.

²⁷ См., напр.: Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* / ed. C. J. Friedrich. 2nd rev. ed. New York: Praeger, 1966. P. xvi, 439; Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New ed. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973. P. xliii, 527; Fainsod M. *How Russia Is Ruled*. Rev. ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967. P. ix, 698.

²⁸ Rittersporn G. The State against Itself: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1936–1938 // *Telos*. 1979. Vol. 41. P. 87–104; Getty J. A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. viii, 276; Viola L. *The 25,000ers: A Study in a Soviet Recruitment Campaign during the First Five Year Plan* // *Russian History*. 1983. Vol. 10. P. 1–30; Lewin M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York: New Press. 1994. P. xi, 354; Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union*.

1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. x, 355; Idem. *New Perspectives on Stalinism* // *Russian Review*. 1986. Vol. 45. P. 357–413.

²⁹ См., напр.: *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / ed. D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. New York: St. Martin's Press, 2000; Holquist P. «Information Is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. No. 3. P. 415–450; Kotkin S. *Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjunction* // *Kritika*. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 111–164; Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2001; Halfin I. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 2000.

³⁰ Lewin M. *The Making of the Soviet System*.

³¹ Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2006. P. 4.

³² Lotman Iu. M., Uspenskii B. A. *Binary Models in the Dynamics of Russian Culture*. P. 31–36. Курсив авторский.

³³ Их подвигла к этому работа Бориса Гройса, подчеркивавшая преемственность в искусстве.

³⁴ Souvarine B. *Stalin, a Critical Survey of Bolshevism*. New York: Longmans, 1939. P. 510.

³⁵ Tucker R. C. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941*. New York: Norton, 1990.

³⁶ Краткое изложение мыслей Хелли см.: Hellie R. *The Structure of Imperial Russian History* // *History and Theory*. 2005. Vol. 44. P. 88–112.

³⁷ Daniels R. V. *Russian Political Culture and the Post-Revolutionary Impasse* // *Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 2. P. 174.

³⁸ Kozlov V. A. *Sheila Fitzpatrick: Russian Context* // *Writing the Stalin Era: Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography* / ed. G. Alexopoulos, J. Hessler, K. Tomoff. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 222.

³⁹ Pipes R. *Russia under the Bolshevik Regime*. 1st ed. New York: Knopf, 1993. P. 503.

⁴⁰ Keenan E. *Muscovite Political Folkways*. P. 171.

⁴¹ Классический западный «феодализм» был в некоторых аспектах иным, по это не должно нам здесь мешать. Обязательством службы в обмен на защиту и покровительство российская система походила на него.

⁴² Любой потомок по мужской линии легендарного викинга Рюрика был князем. Потомки по мужской линии его вассалов, княжеских и боярских дружинников с аннексированных территорий, а также люди, имющие особые заслуги, становились боярами.

⁴³ Hosking G. *Russia and the Russians: A History*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 92–93.

⁴⁴ Kollmann N. S. *Muscovite Patrimonialism // Major Problems in the History of Imperial Russia* / ed. J. Cracraft. Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1994. P. 41–42.

⁴⁵ Троцкий утверждал, что большевистская бюрократия создала сталинскую власть в собственных целях. Его анализ сталинского режима см.: McNeal R. H. *Trotskyist Interpretations of Stalinism // Stalinism: Essays in Historical Interpretation* / ed. R. C. Tucker. New Brunswick, N. J.: Transaction Publishers, 1999. P. 30–52.

⁴⁶ Getty J. A. *Afraid of Their Shadows: The Bolshevik Recourse to Terror, 1932–1938 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: Neue Wege der Forschung* / hg. M. Hildermeier, E. Mueller-Luckner. München: Historisches Kolleg, 1998. S. 169–192.

⁴⁷ См., напр.: Easter G. *Reconstructing the State*; Getty J. A. *Origins of the Great Purges*; Harris J. R. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1999.

⁴⁸ Bendix R. *Max Weber: An Intellectual Portrait*. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1960. P. 347–351.

⁴⁹ Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 79. Возможно (но, на мой взгляд, маловероятно), что предшественники большевиков в старой Московии тоже не сознавали функциональных целей своих практик.

⁵⁰ Souvarine B. *Stalin, a Critical Survey of Bolshevism*. P. 510.

⁵¹ Существует значительное количество антропологической литературы о практиках, которая в основном отделяет практики от модернизации, классов или экономического развития. В этой книге я не ставлю целью применить или проверить какую-то конкретную теорию, хотя периодически ссылаюсь на наблюдения Бурдьё. Примерный список литературы: Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*; *The Manchester School: Practice and Ethnographic Praxis in Anthropology* / ed. T. M. S. Evens, D. Handelman. Oxford: Berghahn, 2006; *The Practice Turn in Contemporary Theory* / ed. T. Schatzki, K. Knorr Cetina, E. von Savigny. London: Routledge, 2001; Turner V. *The Forest of Symbols*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1967; Sahlin M. *Historical Metaphors and Mythical Realities: Structure in the Early History of the Sandwich Islands Kingdom*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1981; *Toward a General Theory of Action* / ed. T. Parsons, E. Shils. New York: Harper and Row, 1962; Habermas J. *Theory and Practice* / trans J. Viertel. Boston: Beacon Press, 1973; Giddens A. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Random House, 1979. Очень полезный обзор: Ortner S. *Theory in Anthropology since the Sixties // Comparative Studies in Society and History*. 1984. Vol. 26. No. 1. P. 126–166. Многие из этих исследований – чисто теоретические. Критику со стороны историка см.: Thompson E. P. *The Poverty of Theory and Other Essays*. New York: Vintage, 1978.

⁵² Прекрасные примеры см.: Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Cambridge: Polity Press, 1989; Hoffman D. *Stalinist Values: The Cultural Norms*

of Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2003; Idem. *Cultivating the Masses: Soviet Social Intervention in Its International Context, 1914–1939*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2011; *Russian Modernity* / ed. D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis; Holquist P. «Information Is the Alpha and Omega of Our Work». P. 415–450; Kotkin S. *Modern Times*; Weiner A. *Making Sense of War*.

⁵³ См., напр., рассказ Молотова о теоретических спорах со Сталиным: Чуев Ф. И. *Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева*. М.: Терра, 1991. С. 491–492.

⁵⁴ Korea, North // *The World Factbook 2011*. URL: www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kn.html.

⁵⁵ О ереси и оппозиции см.: Halfin I. *Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 2007.

⁵⁶ McDaniel T. *The Agony of the Russian Idea*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1996. P. 90–99.

⁵⁷ Orlovsky D. T. *Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective // Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia* / ed. T. H. Rigby, B. Harasymiw. London: Allen & Unwin, 1983. P. 197.

⁵⁸ Jowitt K. *Neotraditionalism*. P. 279.

⁵⁹ Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 104.

⁶⁰ Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958.

⁶¹ Подробный анализ современного употребления слова «клан» см.: Urban M. *Forms of Civil Society: Politics and Social Relations in Russia // International Political Anthropology*. 2008. Vol. 1. No. 1. P. 102–108.

⁶² О преемственных связях досоветской элиты см.: Keenan E. *Muscovite Political Folkways*; Daniels R. V. *Russian Political Culture and the Post-Revolutionary Impasse*. P. 169; Hosking G. *Patronage and the Russian State // Slavonic and East European Review*. 2000. Vol. 78. No. 2. P. 301–320; Jowitt K. *New World Disorder*; Ransel D. *Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme im Europa der frühen Neuzeit* / hg. A. Maczak, E. Mueller-Luckner. München: Oldenbourg, 1988. S. 211–231.

⁶³ Сталин И. В. *Сочинения*. М.: Госиздат, 1953. Т. 10. С. 329. Благодарю Джеймса Харриса, указавшего мне на это.

⁶⁴ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // *Вопросы истории*. 1993. № 5. С. 12. Слово «сговор», кстати, может также означать помолвку.

Глава 1

¹ Lotman Iu. M., Uspenskii B. A. *Binary Models in the Dynamics of Russian Culture // The Semiotics of Russian Cultural History* / ed. A. D. Nakhimovsky, A. Stone Nakhimovsky. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1985. P. 65–66.

² Pipes R. *Russia under the Old Regime*. New York: Scribner, 1974. P. 111.

³ О структуре более официальных текстов, их использовании и злоупотреблении ими см.: Getty J. A., Naumov O. V. *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939* / trans. B. Sher. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999.

⁴ Об эффекте этих писем или его отсутствии уже писали. См.: Alexopoulos G. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2003; Idem. *Exposing Illegality and Oneself: Complaint and Risk in Stalin's Russia* // *Reforming Justice in Russia, 1864–1996* / ed. P. Solomon. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1997. P. 168–189; Idem. *The Ritual Lament: A Narrative of Appeal in the 1920s and 1930s* // *Russian History – Histoire Russe*. 1997. Vol. 24. No. 1–2. P. 117–129; Davies S. *The «Cult» of the Vozhd: Representations in Letters, 1934–1941* // *Russian History – Histoire Russe*. 1997. Vol. 24. No. 1–2. P. 131–147; Fitzpatrick S. *Readers' Letters to Krest'ianskaia Gazeta, 1938* // *Russian History – Histoire Russe*. 1997. Vol. 24. No. 1–2. P. 149–170; Idem. *Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s* // *Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. No. 4. P. 831–867; Idem. *The Letter as a Work of Art: A Housing Claim in the Style of an Anketa* // *Russian History – Histoire Russe*. 1997. Vol. 24. No. 1–2. P. 189–202; Idem. *Suppliants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s* // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 1. P. 78–105; Siegelbaum L. *Introduction* // *Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents* / ed. L. Siegelbaum, A. Sokolov. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000. P. 1–27.

⁵ Ransel D. *Character and Style of Patron-Client Relations in Russia* // *Klientelsysteme in Europa der frühen Neuzeit* / hg. A. Maczak, E. Mueller-Luckner. München: Oldenbourg, 1988. S. 225–231.

⁶ См.: Dewey H. *Russia's Debt to the Mongols in Suretyship and Collective Responsibility* // *Comparative Studies in Society and History*. 1988. Vol. 30. No. 2. P. 268. Анализ старинных челобитных см.: Dewey H., Kleimola A. M. *The Petition (čelobitnaja) as an Old Russian Literary Genre* // *Slavic and East European Journal*. 1970. Vol. 14. No. 3. P. 284–301. См. также: *Russian Private Law, XIV–XVII Centuries: An Anthology of Documents* / ed. H. Dewey, A. M. Kleimola. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1973. P. 1–27.

⁷ *Крестьянские челобитные XVII в.: Из собраний Государственного Исторического Музея* / сост. Л. В. Данилова, Е. И. Индова, Н. В. Горбушина. М.: Наука, 1994. С. 220.

⁸ Alexopoulos G. *The Ritual Lament*. P. 119, 121.

⁹ White S. *Political Culture and Soviet Politics*. London: Macmillan, 1979. P. 108. Патристический взгляд на Сталина превосходно показан в книге Джеффри Брукса: Brooks J. *«Thank You, Comrade Stalin!»: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2000.

¹⁰ Ledeneva A. V. *Russia's Economy of Favors: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 85.

¹¹ Н. А. Лыткин – Сталину, 15 декабря 1943 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Л. 884. Л. 102.

- ¹² III. Жиенкулова – Сталину, 19 января 1943 г.: Там же. Л. 46.
- ¹³ Академик Л. А. Орбели – Сталину, 21 июня 1942 г.: Там же. Д. 883. Л. 65.
- ¹⁴ Антонова – Молотову, 11 мая 1953 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1440. Л. 78.
- ¹⁵ Д. Виноградова – Молотову, 2 октября 1937 г.: Там же. Д. 1443. Л. 60.
- ¹⁶ Н. Богданов – Сталину, не позднее 16 октября 1942 г.: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 883. Л. 7–8.
- ¹⁷ Общество и власть, 1930-е годы: Повествование в документах / под ред. А. К. Соколова, С. В. Журавлева. М.: РОССПЭН, 1998. С. 95.
- ¹⁸ Dewey H., Kleimola A. M. The Petition (*čelobitnaja*) as an Old Russian Literary Genre. P. 286.
- ¹⁹ Davis N. Z. Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-Century France. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1987. P. 3.
- ²⁰ Общество и власть. С. 133–134.
- ²¹ «Мать Иосифа Родионовича Апанасенко» – Сталину, 25 сентября 1943 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 884. Л. 7.
- ²² Kozlov V. A. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: From the Archive of the Ministry of Internal Affairs, 1944–53 // Stalinism: New Directions / ed. S. Fitzpatrick. London: Routledge, 2000. P. 130.
- ²³ Dewey H., Kleimola A. M. The Petition (*čelobitnaja*) as an Old Russian Literary Genre. P. 288, 291.
- ²⁴ Антонова – Молотову, 11 мая 1953 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1440. Л. 78.
- ²⁵ Dewey H., Kleimola A. M. The Petition (*čelobitnaja*) as an Old Russian Literary Genre. P. 285.
- ²⁶ III. Жиенкулова – Сталину, 19 января 1943 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 884. Л. 49.
- ²⁷ Stalinism as a Way of Life. P. 132.
- ²⁸ Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin!» P. xx, 319. Нэнси Шилдс Колман показала, что реальность политики заключалась в поиске индивидами милости «не от представительных органов, а от персонального источника всей власти и всех благ». См.: Kollmann N. S. Muscovite Patrimonialism // Major Problems in the History of Imperial Russia / ed. J. Cracraft. Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1994. P. 45.
- ²⁹ Miller F. J. Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1990. P. 41–42.
- ³⁰ Владимир Слепак «Давай вперед, Владимир Путин!» (песня и видео, январь 2012 г.).
- ³¹ Следующие примеры песен цит. по: Sokolov Y. M. Russian Folklore. New York: Macmillan, 1950. P. 635, 671–673.
- ³² См.: Miller F. J. Folklore for Stalin.
- ³³ См., напр.: Народная проза / под ред. С. Н. Азбелева. М.: Академия наук, 1992; Путилов Б. Н. Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках и песнях. М.: Академия наук, 2000.

³⁴ В системе местничества, закреплённой в письменном документе, старшинство и, следовательно, власть человека тщательно рассчитывались на основании его родословной, предыдущих мест и положения относительно других лиц внутри клана. Примеры местничества на практике см.: Kleimola A. M. Boris Godunov and the Politics of Mestnichestvo // Slavonic and East European Review. 1975. Vol. 53. No. 132. P. 355–369.

³⁵ Членство в советах, в том числе в республиканских и в Верховном совете, не давало политической власти, поскольку они не принимали реальных решений и редко собирались. Тем не менее депутаты советов всех уровней могли использовать свой статус и связанное с ним влияние, чтобы улаживать дела своих избирателей: ремонтировать дороги и школы, улучшать социальное обеспечение и т. д.

³⁶ Сталин – Кагановичу, 4 сентября 1931 г.: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 16–19. Двойное подчеркивание Сталина.

³⁷ Сталин – Кагановичу и Молотову, 26 октября 1935 г.: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 92. Л. 72.

³⁸ Сталин – Кагановичу и Молотову, 26 сентября 1934 г.: Там же. Д. 58. Л. 83.

³⁹ Указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации // Российская газета: Федеральный выпуск. № 5286 (207).

⁴⁰ Shlapentokh V. Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 130.

⁴¹ См., напр.: Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Cambridge: Polity Press, 1989. P. xiv, 224; Hoffman D. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2003.

⁴² Правда. 1934. 9 июня.

⁴³ The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / ed. I. Banac. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003. Запись от 7 ноября 1937 г.

⁴⁴ Dewey H. Russia's Debt to the Mongols in Suretyship and Collective Responsibility. P. 251.

⁴⁵ О вере и коммунистической «душе» см.: Halfin I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. P. xi, 344.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 273. Л. 1–65.

⁴⁷ Показания Котолынова см.: Там же. Д. 128. Л. 62–72.

⁴⁸ Протокол допроса Зиновьева см.: Там же. Д. 134. Л. 164–165.

⁴⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л. 69–74, 82–86.

⁵⁰ Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 4, 16–17; 1993. № 2. С. 17, 20–21, 26.

⁵¹ «Заслуженный приговор», 4 августа 1936 г.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 172. Л. 497.

⁵² Выступление Рыкова на декабрьском пленуме ЦК 1936 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л. 104.

⁵³ Источник. 1993. № 0. С. 23–25.

⁵⁴ Service R. *Stalin: A Biography*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005. P. 340–341.

⁵⁵ Dewey H. *Russia's Debt to the Mongols in Suretyship and Collective Responsibility*. P. 256–258.

⁵⁶ Dewey H. *Political Poruka in Muscovite Rus' // Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 2. P. 118, 128–129.

⁵⁷ *Ibid.* P. 118, 121.

⁵⁸ *Ibid.* P. 124.

⁵⁹ Dewey H. *Suretyship and Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1970. Jg. 18. H. 3. S. 348.

⁶⁰ «Если речь шла об интересах монарха, различия между намерением совершить преступление и самим преступным деянием не делалось»: Pipes R. *Russia under the Bolshevik Regime*. 1st ed. New York: Knopf, 1993. P. 109.

⁶¹ Историю круговой поруки см.: Ledeneva A. V. *The Genealogy of Krugovaia Poruka: Forced Trust as a Feature of Russian Political Culture // Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe / ed. I. Markova*. New York: Oxford University Press, 2004. P. 85–108.

⁶² Ransel D. *Character and Style of Patron-Client Relations in Russia*. P. 216, 221.

⁶³ Ledeneva A. V. *The Genealogy of Krugovaia Poruka*. P. 107.

⁶⁴ Pipes R. *Russia under the Old Regime*. P. 109.

⁶⁵ См.: Kuromiya H. *Edinonachalie and the Soviet Industrial Manager, 1928–1937 // Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. No. 2. P. 185–204; Idem. *Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

⁶⁶ См.: Kozlov V. A. *Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives // Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989 / ed. S. Fitzpatrick, R. Gellately*. Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 121–152.

⁶⁷ Ledeneva A. V. *The Genealogy of Krugovaia Poruka*. P. 104–107.

⁶⁸ «Большевики не то чтобы хотели копировать практики царских времен: напротив, они хотели не иметь с ними ничего общего, делать прямо противоположное. Они подражали им в силу обстоятельств»: Pipes R. *Russia under the Bolshevik Regime*. P. 506.

⁶⁹ Чуев Ф. И. *Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева*. М.: Терра, 1991. С. 315.

⁷⁰ Rowney D. K. *Transition to Technocracy: The Structural Origins of the Soviet Administrative State*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1989.

⁷¹ Маркс первым назвал коммунистов «повивальными бабками истории», но этим выражением часто пользовались Ленин и Троцкий.

⁷² Троцкий стал исключением в 1920-е гг., когда предал огласке споры в Политбюро; будучи представителем элиты, он пробил брешь в ее рядах. И это в большей мере, чем поддержка Сталина, объясняет чрезвычайно резкую ре-

акцию против него других старых большевиков. О солидарности элиты см.: Getty J. A., Naumov O. V. *The Road to Terror*.

⁷³ Примеры агиографии старых большевиков – журнал «Пролетарская революция» и энциклопедия Гранат.

⁷⁴ Грэм Гилл так и называл их «избранными». См.: Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 104.

⁷⁵ Протокол ЦКК, 19 марта 1921 г.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 2. Л. 6. Различие между большевистским дворянством и партийными массами было запретной темой, и, когда оппозиционеры ее подняли, их обвинили в том, что они настраивают рядовых партийцев против руководства, чтобы расколоть партию. Подобное обвинение выдвинули и против Троцкого, когда он стал публично критиковать сталинское руководство и организовал уличные демонстрации. Тот же грех совершили авторы «рютинской платформы» 1932 г., призвавшие рядовых партийцев восстать против «номенклатуры». См.: Getty J. A., Naumov O. V. *The Road to Terror*. P. 53–62. Позже, в 1937 г., Сталин сам воспользовался этой опасной тактикой, мобилизуя «низы» против партийных бюрократов путем кампании «критики и самокритики». О «движении за партийную демократию» см.: Goldman W. Z. *Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; Getty J. A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

⁷⁶ Постановление Политбюро «О дачах ответственных работников», подготовленное Сталиным, 9 февраля 1938 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 995. Л. 21. Постановление устанавливало максимальный размер личных дач в «7–8 комнат среднего размера». Дачи, превышающие норму, подлежали конфискации. Н. С. Хрущев вспоминал, что еще до выхода постановления он в 1930-е гг., будучи 1-м секретарем МК ВКП(б), не имел своей дачи, а ездил в дом отдыха с Булганиным и секретарями московских райкомов, см.: Khrushchev N. *Memoirs of Nikita Khrushchev*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2004. Vol. 1: *Commissar (1918–1945)*. P. 105–106. Видимо, скромному в быту Сталину это нравилось.

⁷⁷ См., напр., «Список тт., прошедших через Учраспред ЦК»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 216. Л. 47–64; «Список секретарей, заворгов, завагитпропов, пред. ГИК и пред. ГСПС»: Там же. Д. 69. Л. 21–43.

⁷⁸ Так, в декабре 1921 г. партийная конференция решила, что секретарями губкомов должны быть члены партии, вступившие в нее до февраля 1917 г. Но нехватка кадров осложнила дело. К марту 1922 г. лишь 73 % секретарей вступили в партию до Февральской революции, и в то время обсуждалось смягчение требований и возможность назначения тех, кто стал членом партии до октября 1917 г. В апреле 1923 г. зазвучали призывы вернуться к прежнему критерию, однако к маю 1924 г. доля «дофевральских» партийцев упала до 68 %. См.: Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 705, 790, 802; Одиннадцатый съезд РКП(б), март–апрель 1922 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1961. С. 49

50, 555, 659; Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 года: Степогр. отчет. М.: Госиздат, 1963. С. 118.

⁷⁹ Pipes R. *Russia under the Bolshevik Regime*. P. 97, 504–505.

⁸⁰ Гилл называет Политбюро и Оргбюро «советами организационных таблей». См.: Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 158.

⁸¹ Rigby T. H. *Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1968. P. 52.

⁸² Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 114–119.

⁸³ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 19–20.

⁸⁴ Getty J. A. *Origins of the Great Purges*. Chaps. 2, 3.

⁸⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 20.

⁸⁶ Телеграммы Сталина Микояну, 23 февраля, 4, 17 марта 1925 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 33. Л. 43, 48, 56.

⁸⁷ Сталин – Ягоде, 26 сентября 1936 г.: Там же. Д. 94. Л. 131.

⁸⁸ Pipes R. *Russia under the Old Regime*. P. 91.

⁸⁹ Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996. С. 312.

⁹⁰ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 198–199.

⁹¹ Mandelshtam N. *Hope Against Hope: A Memoir*. New York: Atheneum, 1970. P. 346; Мандельштам Н. Воспоминания. Париж: YMCA Press, 1982. С. 366.

⁹² См., напр., доклад ЦК о положении в Туле: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 548. Л. 184. Во внутреннем докладе ЦК 1922 г. также использовалось слово «местничество» для характеристики личных конфликтов в Рязани, Симбирске, Саратове, Астрахани и т. д.: Там же. Л. 24.

⁹³ Kollmann N. S. *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1999; Idem. *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1987; Bushkovitch P. *Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. xii, 485; Kivelson V. A. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1976; Crummey R. O. *Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1983.

⁹⁴ Keenan E. *Muscovite Political Folkways // Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 156.

⁹⁵ Ригби наверняка прав, говоря, что клики и кланы не были придуманы Сталиным, а, скорее, являлись плодом обстоятельств (и истории, можем добавить мы). См.: Rigby T. H. *Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin // Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. P. 25.

⁹⁶ О соперничестве. Маленкова и Жданова см.: Harris J. *The Split in Stalin's Secretariat, 1939–1948*. New York: Lexington Books, 2008.

⁹⁷ Harvard Project on the Soviet Social System. Schedule B. Vol. 13. Case 359. P. 3. Widener Library, Harvard University.

⁹⁸ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (6): Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 33, 34–35.

⁹⁹ Об арбитраже см.: Getty J. A., Naumov O. V. Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist». New Haven, Conn.: Yale University Press, 2008.

¹⁰⁰ Max Weber on Law in Economy and Society. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954. P. 43–44, 264, 266.

¹⁰¹ См. ниже, гл. 3.

¹⁰² См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 236. Л. 72.

¹⁰³ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992. С. 73.

¹⁰⁴ Протокол Оргбюро ЦК, 7 октября 1921 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 177. Л. 2–3, 57–58.

¹⁰⁵ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 198–199.

¹⁰⁶ Выступление Э. И. Квирина на Саратовской губернской партийной конференции, 21 ноября 1927 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3749. Л. 20–21.

¹⁰⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 198.

¹⁰⁸ Протокол Оргбюро ЦК, 24 января 1919 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 1. Л. 5.

¹⁰⁹ Протокол Оргбюро ЦК, 24 апреля 1919 г.: Там же. Д. 3. Л. 43.

¹¹⁰ Протокол Оргбюро ЦК, 6 января 1921 г.: Там же. Д. 110. Л. 4.

¹¹¹ Протокол Оргбюро ЦК, 15 октября 1920 г.: Там же. Д. 78. Л. 4.

¹¹² Протокол Оргбюро ЦК, 8 февраля 1921 г.: Там же. Д. 127. Л. 4.

¹¹³ См.: Там же. Ф. 613. Оп. 1. Д. 1–10.

¹¹⁴ Протокол Президиума ЦКК, 29 апреля 1921 г.: Там же. Д. 2. Л. 58, 84.

¹¹⁵ Протокол Президиума ЦКК: Там же. Д. 14. Л. 145.

¹¹⁶ Протокол партколлегии ЦКК, 5 июля 1924 г.: Там же. Д. 30. Л. 92; протокол парттройки ЦКК, 21 июля 1925 г.: Там же. Д. 37. Л. 68.

¹¹⁷ Известия ЦК ВКП(б). 1923. № 1. С. 75.

¹¹⁸ Протокол Оргбюро ЦК, 11 октября 1920 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 76. Л. 429.

¹¹⁹ Протокол Президиума ЦКК, 19 июля 1921 г.: Там же. Ф. 613. Оп. 1. Д. 2. Л. 137.

¹²⁰ Протокол Секретариата ЦК, 4 апреля 1921 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 146. Л. 2 об.

¹²¹ Протокол Президиума ЦКК, 27 декабря 1923 г.: Там же. Ф. 613. Оп. 1. Д. 13. Л. 77.

¹²² Решение ЦКК, 31 октября 1923 г.: Там же. Л. 16.

¹²³ Протокол Оргбюро ЦК, 31 мая 1919 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 4. Л. 108.

¹²⁴ Протокол Оргбюро ЦК, 6 января 1921 г.: Там же. Д. 110. Л. 2–3.

¹²⁵ Высшие гранды нередко старались скрыть свои контры и дуэли от нижестоящих. Доклад Кагановича и постановление Оргбюро см.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 149. Л. 105–109; Ф. 17. Оп. 112. Д. 640. Л. 4.

¹²⁶ Протоколы Оргбюро ЦК, 27 сентября, 26 декабря 1920 г., 1 января, 3 марта 1921 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 72. Л. 3, 14–15, 30–32; Д. 108.

Л. 6–7; Д. 132. Л. 6. В конце концов, Белобородову удалось сбежать из Ростова в октябре 1921 г. См. протокол Оргбюро ЦК, 10 октября 1921 г.: Там же. Д. 224. Л. 4.

¹²⁷ Протокол Секретариата ЦК, 16 февраля 1924 г.: Там же. Д. 520. Л. 214–214 об.

¹²⁸ Приказ Оргбюро ЦК, 24 июня 1925 г.: Там же. Д. 681. Л. 15.

¹²⁹ Архив Оргбюро ЦК, после ноября 1919 г.: Там же. Д. 35. Л. 70 об.

¹³⁰ Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2002. P. 196.

¹³¹ Двинский – Сталину, 26 августа 1934 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 84. Л. 14.

¹³² Постановление Политбюро ЦК, 27 июня 1936 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 978. Л. 75.

¹³³ Решение Политбюро ЦК, 29 июня 1936 г.: Там же. Оп. 162. Д. 20. Л. 1.

¹³⁴ Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 84.

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 505. Л. 31.

¹³⁶ Там же. Ф. 613. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; Ф. 17. Оп. 112. Д. 138. Л. 2 об.

¹³⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 11. Д. 502. Л. 101–110 об.

¹³⁸ См., напр.: Там же. Д. 505. Л. 31.

¹³⁹ Протокол ЦКК, 24 октября 1921 г.: Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 166.

¹⁴⁰ Протокол ЦКК, 3 ноября 1920 г.: Там же. Ф. 613. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

¹⁴¹ Протокол ЦКК, 22 марта 1921 г.: Там же. Д. 2. Л. 12.

¹⁴² Протоколы Оргбюро ЦК, 6, 13 января 1922 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 273. Л. 2, 6–7, 13–14 об.

¹⁴³ Berdyayev N. *The Origin of Russian Communism*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1966. P. 169–170. См. также: Troeltsch E. *Making of the Soviet System*. New York: Pantheon, 1985.

¹⁴⁴ См.: Halfin I. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. P. xii, 474; Idem. *Terror in My Soul*.

¹⁴⁵ White S. *Political Culture and Soviet Politics*. P. 65.

¹⁴⁶ Cohen Y. *The Cult of Number One in an Age of Leaders* // *Kritika*. 2007. Vol. 8. No. 3. P. 619.

¹⁴⁷ Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 179. Курсив автора.

Глава 2

¹ Протокол Комиссии по организации похорон В. И. Ленина: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 491. Л. 12.

² Montefiore S. S. *Stalin: The Court of the Red Tsar*. London: Vintage, 2003. P. 4.

³ Plamper J. Introduction: Modern Personality Cults // *Personality Cults in Stalinism – Personenkulte im Stalinismus* / ed. K. Heller, J. Plamper. Göttingen: V & R Unipress, 2004. P. 5, 35.

⁴ Цит. по: Merridale C. *Night of Stone: Death and Memory in Russia*. London: Granta, 2000. P. 47.

⁵ Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press, 1989. P. 114.

⁶ Путин также заметил, что коммунистическая идея многое взяла у религии: «Кодекс строителей коммунизма – это все, что в Библии, посмотрите: не убей, не укради, не пожелай жены ближнего своего, это все там прописано». Его слова немедленно вызвали враждебную реакцию националистов и верующих. См.: Путин: Мавзолей Ленина соответствует традициям // BBC, Русская служба. 10 декабря 2012. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/12/121210_putin_trustees_heroes.shtml.

⁷ Tumarkin N. *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. P. 198–199.

⁸ «Мощи... имеют одну яркую особенность, которая отличает их от материальных объектов другого рода, а именно способность служить средоточием и проводником силы. Эта сила может принимать различные формы. Она может быть сверхъестественной, сальвической, апотропеической, магической»: Walsham A. *Relics and Remains // Past and Present*. 2010. Vol. 206. Suppl. 5. P. 13.

⁹ Об общем развитии культа Ленина см.: Эннкер Б. *Формирование культа Ленина в Советском Союзе*. М.: РОССПЭН, 2011; Tumarkin N. *Lenin Lives!*

¹⁰ Удивительно, сколько историков верят в подобные рассказы, появившиеся в известных своей ненадежностью воспоминаниях оппозиционеров несколько десятилетий спустя. Хотя никаких документальных подтверждений ведущей роли Сталина нет, о ней часто говорят. См., напр.: Read C. *Lenin: A Revolutionary Life*. London: Routledge, 2005. P. 284; Tumarkin N. *Lenin Lives!* P. 174–175; Service R. *Lenin, a Political Life*. Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 319–322; Idem. *Lenin, a Biography*. London: Macmillan, 2000. P. 481–482; Medvedev R. A. *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism*. Rev. ed. New York: Columbia University Press, 1989. P. xxi, 903. Другие историки более осторожны: Эннкер Б. *Формирование культа Ленина в Советском Союзе*; Volkogonov D. *Lenin: A New Biography*. New York: Free Press, 1994.

¹¹ Протоколы Комиссии по организации похорон В. И. Ленина: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Д. 48. Л. 105.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 11.

¹³ Tumarkin N. *Lenin Lives!* P. 161–162, 176; Velikanova O. *Making of an Idol: On Uses of Lenin*. Göttingen: Muster-Schmidt Verlag, 1996. P. 54–55.

¹⁴ Протоколы Комиссии по организации похорон В. И. Ленина: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Д. 48. Л. 105.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 522. Л. 48.

¹⁶ Судя по документам, Политбюро всецело доверило комиссии Дзержинского принятие решений по телу Ленина. Дзержинский выступал посредником между двумя организациями, докладывая в Политбюро о работе комиссии и сообщая комиссии о согласии Политбюро с ее рекомендациями. См., напр., документы Политбюро, говорящие о получении и утверждении докладов комиссии: Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1505. Л. 1; Оп. 163. Д. 396. Л. 55, 57, 59.

¹⁷ Протоколы Комиссии по организации похорон В. И. Ленина, переименованной в Комиссию по увековечиванию памяти В. И. Ленина: Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

¹⁸ Протоколы Комиссии по увековечиванию памяти В. И. Ленина: Там же. Этот метод используется до сих пор.

¹⁹ Там же. Д. 492. Л. 1–3.

²⁰ Доклад Т. В. Сапронова комиссии: Там же. Д. 109. Л. 1.

²¹ Выступление А. С. Енукидзе в комиссии: Там же. Д. 522. Л. 53.

²² Эсеры верили в роль личности в истории и до революции пытались добиться перемен, убивая ключевых деятелей Российской империи. Ленин, со своей стороны, твердо настаивал, что решающее значение имеют социальные силы, а не личности.

²³ Выступление К. Е. Ворошилова в комиссии: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Д. 49. Л. 1–5.

²⁴ Выступление Ф. Э. Дзержинского в комиссии: Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Выступление К. Е. Ворошилова в комиссии: Там же. Это единственное место в документах комиссии и Политбюро, где затрагивается вопрос политической выгоды.

²⁷ Протокол комиссии: Там же. Оп. 1. Д. 522. Л. 53.

²⁸ Луначарский А. В., Красин Л. Б. «Проект доклада о комиссии по строительству постоянного Мавзолея В. И. Ленина»: Там же. Д. 129. Л. 11–12.

²⁹ Некоторые проекты и заключения по ним см.: Там же. Д. 146–156.

³⁰ См. письмо «Всеволодовича» комиссии, 15 ноября 1925 г.: Там же. Д. 134. Л. 4–5.

³¹ Там же. Л. 15.

³² Правда. 1924. 30 янв. С. 1.

³³ Луначарский А. В., Красин Л. Б. «Проект доклада о комиссии по строительству постоянного Мавзолея В. И. Ленина»: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 129. Л. 1–4.

³⁴ Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 79, 167. Шерри Ортнер наверняка права, утверждая: «То, в какой степени акторы действительно устанавливают те или иные нормы просто потому, что “так делали наши предки”, возможно, слишком сильно недооценивается». См.: Ortner S. *Theory in Anthropology since the Sixties // Comparative Studies in Society and History*. 1984. Vol. 26. No. 1. P. 126–166. Это может быть верно даже в отношении современно мыслящих коммунистов.

См. также: Smith S. A. *Bones of Contention: Bolsheviks and the Struggle against Relics, 1918–1930* // *Past and Present*. 2009. Vol. 204. No. 1. P. 155–194.

³⁵ ими заполнена почти сотня архивных дел. См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 157–251.

³⁶ Об этом прямо говорилось не только в печати, но и в секретных «материалах» Политбюро. См. постановление Политбюро ЦК, 25 января 1924 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 396. Л. 57.

³⁷ См.: Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 529–532, 561–572, 720–724; Оп. 2. Д. 51. Например, д. 756 (Ф. 16. Оп. 1) содержит множество эскизов и предложений из одной только Тулы.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 156. Л. 38–46.

³⁹ Там же. Д. 720. Некоторые диковинные проекты мавзолея см.: Там же. Д. 145–150.

⁴⁰ Velikanova O. *Making of an Idol*. P. 32–34.

⁴¹ Бонч-Бруевич В. Д. *Воспоминания о Ленине*. М.: Наука, 1969. С. 459.

⁴² Velikanova O. *Making of an Idol*. P. 34. О религиозном значении, при-
даваемом телу Ленина, см.: Ingerflom C. S., Kondratieva T. *Pourquoi la Russie s'agite-t-elle autour du corps de Lénine?* // *La mort du roi: Autour de François Mitterrand. Essai d'ethnographie politique comparée / sous la dir. de J. Julliard*. Paris: Gallimard, 1999.

⁴³ Shils E. *The Constitution of Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. 111.

⁴⁴ Max Weber on Law in Economy and Society. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954. P. 336–337; *From Max Weber: Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press, 1947. P. 253.

⁴⁵ Shils E. *The Constitution of Society*. P. 129–132.

⁴⁶ Говоря о живости государственного ритуала, введенного в России Петром I, Ниша Тумаркин пишет: «Это был момент величайшей интимности между царем и народом; самый захудалый из крестьян мог поглазеть на батюшку». См.: Tumarkin N. *Lenin Lives!* P. 139 (особенно см. гл. 1 «Russian Roots of the Lenin Cult»). См. также: Velikanova O. *Making of an Idol*. P. 13–22.

⁴⁷ «Культ вождя сознательно стимулируется и контролируется государственными (или партийными) функционерами. Ясно, однако, что попытки его создания могут увенчаться успехом лишь при существовании определенных ценностей и психологических наклонностей»: Velikanova O. *Making of an Idol*. P. 20.

⁴⁸ Uspenskii B. A. *Tsar and Pretender: Samozvancestvo or Royal Imposture in Russia as a Cultural-Historical Phenomenon* // *The Semiotics of Russian Culture / ed. Iu. M. Lotman, B. A. Uspenskii*. Ann Arbor: University of Michigan, 1984; Perrie M. «Royal Marks»: *Reading the Bodies of Russian Pretenders, 17th – 19th Centuries* // *Kritika*. 2010. Vol. 11. No. 3. P. 535–561.

⁴⁹ Kantorowicz E. H. *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1957.

⁵⁰ Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2006. P. 415.

⁵¹ Kharkhordin O. *What Is the State? The Russian Concept of Gosudarstvo in the European Context // History and Theory*. 2001. Vol. 40. P. 214–219; Dixon S. *The Modernization of Russia, 1676–1825*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. S. 191.

⁵² Kharkhordin O. *What Is the State?* P. 214–219.

⁵³ Ingerflom C. S. «Loyalty to the State» under Peter the Great? Return to the Sources and the Historicity of Concepts // *Loyalties and Solidarities in Russian Society, History and Culture* / ed. G. Hosking, C. S. Ingerflom, C. Kelly. London: School of Slavonic and East European Studies, forthcoming. P. 15. См. также: Ингерфлом К. С. Новоевропейская парадигма «государственность»: Теоретические предпосылки и когнитивные несоответствия // *Россия XXI*. 2011. № 2. С. 110–127.

⁵⁴ Связь между родной страной и отцом существует во многих языках: нем. Vater/Vaterland, фр. père/patrie. Но в России она более непосредственно функциональна.

⁵⁵ Каганович – Орджоникидзе, 30 сентября 1936 г.: РГАСНИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 93. Л. 12–13. Об образе Сталина как отца см. также: Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin!»: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2000. P. 70. Отметим здесь, кстати, что Пугина называют «отцом нации».

⁵⁶ Майкл Урбан заметил, что даже сегодня ««клан» – важнейшая категория; отношения в своей команде строятся по образцу нуклеарной семьи и ее гендерных ролей»: Urban M. *Forms of Civil Society: Politics and Social Relations in Russia // International Political Anthropology*. 2008. Vol. 1. No. 1. P. 108.

⁵⁷ Tumarkin N. *Lenin Lives!* P. 109.

⁵⁸ Миронов цитирует А. Л. Леопольдова, который написал это в 1851 г. См.: Mironov B. N. *Peasant Popular Culture and the Origins of Soviet Authoritarianism // Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia* / ed. S. P. Frank, M. D. Steinberg. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1994. P. 69.

⁵⁹ Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin!»

⁶⁰ Позже, как утверждает Ян Плампер, современные постпросвещенческие культы выводили свою легитимность от «народа», а не от Бога, смерть которого является «предпосылкой обожествления человека». См.: Plamper J. *Introduction: Modern Personality Cults*. P. 19.

⁶¹ Geertz C. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York: Basic Books, 1983. P. 123–124.

⁶² Cherniavsky M. *Tsar and People: Studies in Russian Myths*. New York: Random House, 1969; Wortman R. *Scenarios of Power*. P. 415.

⁶³ Dixon S. *The Modernization of Russia*. P. 194.

⁶⁴ Красин пожаловался на это Дзержинскому, который распорядился освободить арестованных. См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 156. Л. 6.

⁶⁵ Москвичи молятся на Сталина // Московский комсомолец. 2010. 21 окт.; Achmatova N. Controversy in Moscow: Stalin Icon Revered // AsiaNews.it. 2010. 22 October. За последние пять лет автор видел маленькие иконки со Сталиным в двух московских церквях.

⁶⁶ Plamper J. *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2012. P. xvii. Несмотря на близость канона относительно взгляда, Плампер не желает приравнивать к иконам сталинские портреты ввиду того, что последние выполнены в «реалистической традиции» и их современный стиль «имеет мало сходства с иконописью». Неясно, правда, меняет ли что-то техника письма в архаичной иконной сути изображений Сталина.

⁶⁷ Икона Владимира Путина замироточила перед выборами // Коммерсантъ. 2012. 21 янв.

⁶⁸ New York Times. 1910. 18 December.

⁶⁹ РИА Новости. 2012. 10 янв.

⁷⁰ Cherniavsky M. *Tsar and People*. P. 31–33.

⁷¹ Избрание Михаила Романова на царство Земским собором в 1613 г. – это не заполнение вакантного государственного поста представительным государственным органом, подыскивающим наилучшую кандидатуру. Собор, самоназначенный конклав элиты, сначала предложил престол дальним родственникам пресекающейся династии, которые от него отказались. Шестнадцатилетнего Михаила избрали главным образом из-за связи его семьи с линией Ивана IV: тот был женат на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой, и Михаил приходился его сыну Федору племянником. Таким образом, принцип легитимации династии с помощью родства и патримониального правления сохранился, его не заменила государственная абстракция.

⁷² Этим предположением я обязан Роберту Дэниелсу, см.: Daniels R. V. *Russian Political Culture and the Post-Revolutionary Impasse* // *Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 2. P. 169. Два случая, когда советские лидеры объявляли о «коллективном руководстве», после смертей Ленина и Сталина, – исключения, которые лишь подтверждают правило. Оба раза такая система оказалась нестабильной, неработоспособной и прожила всего несколько месяцев до появления нового верховного лидера. Оба раза отсутствие назначенного преемника создало вакуум, в котором «государство» не могло продолжать существовать, не имея единственного лидера.

⁷³ Szvak G. *False Tsars*. Boulder, Colo.: Social Science Monographs, 2000. P. 41.

⁷⁴ Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston: Unwin Hyman, 1976.

⁷⁵ Avrich P. *Russian Rebels, 1600–1800*. London: Allen Lane, 1973. P. 309.

⁷⁶ Cherniavsky M. *Tsar and People*. P. 75.

⁷⁷ Dixon S. *The Modernization of Russia*. P. 190–191.

⁷⁸ О самозванстве в России см.: Perrie M. *The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987; Idem. *Pretend-*

ers and Popular Monarchism in Early Modern Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. См. также: Ingerflom C. S. Les représentations collectives du pouvoir et l'imposture en Russie, XVIIIe–XXe siècles // La royauté sacrée dans le monde chrétien / sous la dir. de A. Boureau, C. S. Ingerflom. Paris: Editions de l'E.H.E.S.S., 1992. P. 157–164; Idem. Entre le mythe et la parole: L'action. La naissance de la conception politique du pouvoir en Russie // Annales: Histoire, Sciences Sociales. 1996. No. 4. P. 733–757.

⁷⁹ The Testaments of the Grand Princes of Moscow / ed. R. C. Howes. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1967.

⁸⁰ Ingerflom C. S. «Loyalty to the State» under Peter the Great? P. 15.

⁸¹ Ostrowski D. The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. 2002. Vol. 44. No. 3. P. 544–545; Kharkhordin O. What Is the State? P. 221–222. См. также: Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Бушкович показал, какое значение имела для различных группировок близость к Петру. В. В. Путин в этом похож на Петра: он тоже толковал о государстве и сам назначил себе преемника.

⁸² Ingerflom C. S. «Loyalty to the State» under Peter the Great?

⁸³ Hosking G. Patronage and the Russian State // Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. No. 2. P. 301–320; Pipes R. Russia under the Old Regime. New York: Scribners, 1974. P. 40–78.

⁸⁴ В современную эпоху слово «хозяин» приобрело дополнительное значение «босс», «начальник», сохранив, однако, и свои старинные значения.

⁸⁵ Poe M. What Did Russians Mean When They Called Themselves «Slaves of the Tsar»? // Slavic Review. 1998. Vol. 57. No. 3. P. 585–608.

⁸⁶ Самая последняя из работ о культе Сталина: Plamper J. The Stalin Cult. См. также: Ennker B. «Struggling for Stalin's Soul»: The Leader Cult and the Balance of Social Power in Stalin's Inner Circle // Personality Cults in Stalinism – Personenkulte im Stalinismus. P. 169; Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin!» (особенно гл. 3).

⁸⁷ См.: Personality Cults in Stalinism – Personenkulte im Stalinismus; Cohen Y. Des lettres comme action: Stalin au début des années 1930 vu depuis le fond Kaganovič // Cahiers du Monde Russe. 1997. Vol. 38. P. 307–345.

⁸⁸ Tucker R. C. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York: Norton, 1990; Idem. Stalin as Revolutionary. New York: Norton, 1973; Idem. The Rise of Stalin's Personality Cult // American Historical Review. 1970. Vol. 84. P. 347–366.

⁸⁹ Davies S. Stalin and the Making of the Leader Cult in the 1930s // The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc / ed. B. Apor, J. C. Behrends, P. Jones, E. A. Rees. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 29.

⁹⁰ Елисеев А. Правда о 1937 году: Кто развязал «большой террор»? М.: Яуза, 2008. С. 93.

⁹¹ Montefiore S. S. Stalin: The Court of the Red Tsar. P. 4.

⁹² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 4572. Л. 1.

⁹³ Там же. Д. 942. Л. 44.

⁹⁴ Davies S. Stalin and the Making of the Leader Cult in the 1930s. P. 37, 42.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 92. Л. 22.

⁹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 3226. Л. 1.

⁹⁷ До революции террористическое крыло эсеровской партии верило, что можно свергнуть царизм, убивая отдельных лидеров. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?» возразил, что сделать это способна только классовая революция масс.

⁹⁸ Сталин И. В. Сочинения. Т. 1 (14) / под ред. Р. Макпила. Стэнфорд: Hoover Institution Press, 1967. С. 274.

⁹⁹ Tumarkin N. Lenin Lives! P. 90 (Тумаркин цитирует слова Ленина в пересказе Бонч-Бруевича).

¹⁰⁰ Velikanova O. Making of an Idol. P. 38–39.

¹⁰¹ Davies S. Stalin and the Making of the Leader Cult in the 1930s. P. 37.

¹⁰² Cohen Y. The Cult of Number One in an Age of Leaders // *Kritika*. 2007. Vol. 8. No. 3. P. 599. См. также: Plamper J. Introduction: Modern Personality Cults.

¹⁰³ Brandenberger D. Stalin as Symbol: A Case Study of the Personality Cult and Its Construction // *Stalin: A New History* / ed. S. Davies, J. R. Harris. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 251; Brandenberger D. L., Dubrovsky A. M. «The People Need a Tsar»: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941 // *Europe-Asia Studies*. 1998. Vol. 50. No. 5. P. 873–892.

¹⁰⁴ О таком чисто функциональном подходе см.: Rees E. A. Leader Cults: Varieties, Preconditions and Functions // *The Leader Cult in Communist Dictatorships*. P. 3–28; Ennker B. «Struggling for Stalin's Soul». P. 161–195.

¹⁰⁵ Plamper J. The Stalin Cult. P. xvii.

¹⁰⁶ Шилс утверждает, что харизма может фокусироваться в институтах, конституциях, идеях и все они могут быть не менее трансцендентны, чем боги. См.: Shils E. *The Constitution of Society*. P. 129.

¹⁰⁷ Здесь медиум – не само послание, и средство доставки последнего не меняет и тем более не определяет его содержание. Современные механизмы распространения не изменяют ни архаичной сущности культа, ни потребностей общества, которым он отвечает. Культурное послание Гитлера распространялось бюрократией с помощью новейших технологий (радио, массовой печати и т. д.), однако это не делало его ни более современным, ни менее атавистическим.

¹⁰⁸ «Протокол и стенограмма II Сталинградской областной конференции ВКП(б) с материалами»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4226. Л. 135.

¹⁰⁹ «Стенограмма VII Кара-Калпакской областной конференции КП(б)Уз, 19–25 мая 1937 г.»: Там же. Оп. 27. Д. 142. Л. 167.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ «Стенографический отчет II Орджоникидзевской краевой партконференции, 13–15 июня 1937 г.»: Там же. Оп. 21. Д. 3425. Л. 49.

¹¹² Шрейдер М. НКВД изнутри: Записки чекиста. М.: Возвращение, 1995. С. 109.

¹¹³ Geertz C. Local Knowledge. P. 125.

¹¹⁴ «Стенограмма пленума Запобкома ВКП(б), 26 июля 1937 г.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4093. Л. 11.

¹¹⁵ «Стенографический отчет II Орджоникидзевской краевой партконференции, 13–15 июня 1937 г.»: Там же. Д. 3425. Л. 48–49.

¹¹⁶ Leites N., Bernaut E., Garthoff R. L. Politburo Images of Stalin // World Politics. 1951. Vol. 3. No. 3. P. 317–339.

¹¹⁷ «Собственное тело монарха с чередой тел, которые он представлял, вплоть до всего политического тела в целом, связывал показатель патрилинейности, который в повторяющихся отношениях отца и сына зашифровывал наследственность, маскулинность и трансцендентное обещание бессмертия»: Adams J. The Rule of the Father: Patriarchy and Patrimonialism in Early Modern Europe // Max Weber's Economy and Society: A Critical Companion / ed. C. Camic, P. S. Gorski, D. M. Trubek. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2005. P. 242–243.

¹¹⁸ Hosking G. Patronage and the Russian State. P. 303–304.

¹¹⁹ Gill G. The Origins of the Stalinist Political System. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 108, 325.

¹²⁰ Bendix R. Max Weber: An Intellectual Portrait. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1960. P. 345. Некоторые упоминания о патримониальной власти в сталинское время см.: Hughes J. Patrimonialism and the Stalinist System – the Case of Syrtsov, S. I. // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 4. P. 551–568. В целом «сталиноцентричный» подход см.: Khlevniuk O. Master of the House: Stalin and His Inner Circle. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2009.

¹²¹ Слюва Н. И. Ежова на совещании с крестьянами: РГАСПИ. Ф. 7486. Оп. 79. Д. 24. Л. 9.

¹²² Keenan E. Muscovite Political Folkways // Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 139.

¹²³ Beria S. Beria, My Father: Inside Stalin's Kremlin. London: Duckworth, 2001. P. 192.

¹²⁴ Kollmann N. S. By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1999; Idem. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1987.

¹²⁵ Keenan E. Muscovite Political Folkways. P. 140.

¹²⁶ Kollmann N. S. Muscovite Patrimonialism // Major Problems in the History of Imperial Russia / ed. J. Cracraft. Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1994. P. 39.

¹²⁷ LeDonne J. P. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 21. См. также: Ransel D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme im Europa der frühen Neuzeit / hg. A. Maczak, E. Muel-

ler-Luckner. München: Oldenbourg, 1988. S. 225–231; Hosking G. Patronage and the Russian State; Dixon S. The Modernization of Russia.

¹²⁸ Dixon S. The Modernization of Russia. P. 137.

¹²⁹ Ransel D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia. S. 216.

¹³⁰ Orlovsky D. T. Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective // Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia / ed. T. H. Rigby, B. Harasymiw. London: Allen & Unwin, 1983. P. 177–179.

¹³¹ См.: Orlovsky D. T. The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981.

¹³² Шрейдер М. НКВД изнутри. С. 45, 54.

Глава 3

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 237.

² Благодарю Нэнси Коллман за советы по этому разделу. Любые опечатки и неточности, разумеется, на моей совести.

³ Восьмой съезд РКП(б), март 1919 года: Протоколы. М.: Партиздат, 1959. С. 165.

⁴ «Схема по учету партийных сил на 1 января 1919 г.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 286. Л. 4 и сл.

⁵ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б): Повестки для заседаний / под ред. Г. М. Адибекова, К. М. Андерсона, Л. А. Роговой. Т. 1: 1919–1929: Каталог. М.: РОССПЭН, 2000. С. 5–6; Предисловие к описи № 1: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Л. 1.

⁶ Восьмой съезд РКП(б). С. 424–425. На языке большевиков «организационная» работа означает кадровые назначения, а «оргвопрос» – предложение назначить кого-либо на тот или иной пост.

⁷ Протоколы Оргбюро ЦК, 26 марта – 5 июля 1919 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 778. Л. 1–8.

⁸ Соотношение членов и кандидатов в члены Политбюро менялось: примерно 7 и 8 соответственно в 1920-е гг., 10 и 5 в 1930-е гг., затем, за исключением интерлюдии 1952–1953 гг., – постоянно 11 и 4 или 5 вплоть до 1970 г.

⁹ Решения Политбюро ЦК, 8 и 21 декабря 1922 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 168. Л. 11.

¹⁰ Основано на большой подборке протоколов заседаний Политбюро, см.: Там же. Ф. 17. Оп. 3.

¹¹ Решение Политбюро ЦК, 4 апреля 1922 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 168. Л. 92–93.

¹² Состав членов Оргбюро с 1919 г. до упразднения этого органа в 1952 г. отличался удивительным постоянством: 10–11 членов и 4–5 кандидатов в члены ЦК.

¹³ Это имеет смысл, учитывая, что решения Секретариата автоматически становились решениями Оргбюро в отсутствие возражений со стороны членов Оргбюро. Архивы Секретариата и Оргбюро хранятся в одних и тех же делах в хронологическом порядке, без разбивки на документы двух органов, см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112–114.

¹⁴ Там же. Оп. 112. Д. 777. Л. 32.

¹⁵ «Предисловие к описи № 1»: Там же. Оп. 112. Л. 2; решение Оргбюро от 4 апреля 1922 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 168. Л. 21.

¹⁶ См. «Положение об Организационно-распределительном отделе ЦК РКП(б)», протокол Секретариата, 13 марта 1925 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 646. Л. 19–21.

¹⁷ Примеры работы этих совещаний см. в материалах Орграспреда: Там же. Оп. 68. Д. 70; Оп. 69. Д. 137, 138.

¹⁸ Это и дальнейшие обобщения и выводы сделаны по итогам изучения протоколов совещания завотделами в 1920-е гг.: Там же. Оп. 112. Д. 542–545.

¹⁹ «Заседания Совещания Завотделами ЦК от 28/IV-23 г.»: Там же. Д. 542. Л. 2–8.

²⁰ Эти типичные вопросы рассматривались на совещании завотделами ЦК 10 мая 1923 г. (Там же. Д. 543. Л. 81–85), 12 июля 1923 г. (Там же. Д. 547. Л. 14), 14 июня 1923 г. (Там же. Д. 545. Л. 142).

²¹ Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 818.

²² XIV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б), 18–31 декабря 1925 г.: Стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1926. С. 506.

²³ Протокол Секретариата ЦК, 21 сентября 1927 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 660. Протокол № 66; протокол Оргбюро ЦК, 24 сентября 1928 г.: Там же. Д. 661. Протокол № 67; протокол Политбюро ЦК, 20 сентября 1928 г.: Там же. Оп. 3. Д. 705. Протокол № 43.

²⁴ На основании рекомендаций историка М. Н. Покровского и наркома иностранных дел Г. В. Чичерина Оргбюро 6 апреля 1925 г. санкционировало переговоры с Иерусалимским университетом: Там же. Оп. 112. Д. 653. Л. 3.

²⁵ Совещание завотделами ЦК, 10 мая 1923 г.: Там же. Д. 543. Л. 82; протокол Политбюро ЦК, 21 июня 1923 г.: Там же. Оп. 3. Д. 361. Протокол № 13.

²⁶ См. протоколы Секретариата ЦК за октябрь 1923 г.: Там же. Оп. 112. Д. 485. Л. 3–5; Д. 487. Л. 3–7, 113.

²⁷ Протокол Оргбюро ЦК, 7 апреля 1921 г.: Там же. Д. 149. Л. 4 об.

²⁸ Протокол Оргбюро ЦК, 2 декабря 1935 г.: Там же. Оп. 114. Д. 598. Л. 2.

²⁹ Протокол Оргбюро ЦК, 16 февраля 1938 г.: Там же. Д. 639. Л. 1. По крайней мере, Оргбюро послало решение о назначении на утверждение в Политбюро.

³⁰ Повестки см.: Там же. Оп. 11. Д. 171.

³¹ См. «Заседания Совещания Завотделами ЦК» от 28 апреля и 3 мая 1923 г.: Там же. Оп. 112. Д. 542. Л. 5; Д. 543. Л. 3–4.

³² Заседание Политбюро ЦК, 3 мая 1923 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 349. Л. 1–2.

³³ Протокол Оргбюро ЦК, 27 октября 1919 г.: Там же. Оп. 112. Д. 9. Л. 102.

³⁴ Протокол Оргбюро ЦК, 11 октября 1920 г.: Там же. Д. 76. Л. 2, 6, 52.

³⁵ Протокол Оргбюро ЦК, 1 апреля 1921 г.: Там же. Д. 149. Л. 2, 4.

³⁶ Протокол Секретариата ЦК, 10 августа 1921 г.: Там же. Д. 198. Л. 8.

³⁷ Протоколы Оргбюро ЦК, 14 августа, 2 декабря 1935 г.: Там же. Оп. 114. Д. 591. Л. 5; Д. 598. Л. 2–3. Оргбюро решило, что 75 % театральных билетов должны быть в открытой продаже в кассах.

³⁸ Протокол Политбюро ЦК № 36: Там же. Оп. 3. Д. 974.

³⁹ См., напр., материалы заседания Секретариата ЦК от 6 марта 1925 г., на котором были отменены назначения Оргбюро и Секретариат достаточно самовольно решил, кто может получать протоколы Политбюро: Там же. Оп. 112. Д. 643. Л. 7, 11.

⁴⁰ «Заседания Совещания Завотделами ЦК» от 28 апреля и 14 июня 1923 г.: Там же. Д. 542. Л. 4; Д. 545. Л. 143–145.

⁴¹ См., напр., планы работы Оргбюро на 1923 и 1928 гг.: Там же. Оп. 11. Д. 174. Л. 2; Оп. 113. Д. 620. Л. 22–24.

⁴² Протокол Оргбюро ЦК, 10 декабря 1920 г.: Там же. Оп. 112. Д. 107. Л. 2.

⁴³ Протокол Секретариата/Оргбюро ЦК, 10 августа 1921 г.: Там же. Д. 198. Л. 8.

⁴⁴ Протокол Секретариата ЦК, 7 апреля 1935 г.: Там же. Оп. 114. Д. 581. Л. 1.

⁴⁵ Протокол Оргбюро ЦК № 90, 26 июля 1938 г.: Там же. Д. 532. Л. 58.

⁴⁶ См. «Заседания Совещания Завотделами ЦК» от 14 июня 1923 г.: Там же. Оп. 112. Д. 545. Л. 143–145.

⁴⁷ Решение Политбюро ЦК, 31 декабря 1922 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 168. Л. 21; решение Оргбюро ЦК, 18 марта 1921 г.: Там же. Л. 1.

⁴⁸ Это всеобщее доверие друг к другу внутри вельможной элиты исчезло, когда началась борьба с оппозиционными движениями. Оппозиционеры поставили себя вне изначального братства, и после этого круг доверенных дворян ограничивался теми, кто поддерживал большинство ЦК.

⁴⁹ См., напр.: протокол Оргбюро ЦК № 65, 8 февраля 1937 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 491. Л. 77; протокол Оргбюро ЦК № 90, 26 июля 1938 г.: Там же. Д. 532. Л. 62. Гилл справедливо отмечает, что «нотабли», как правило, ратифицировали предложения аппарата (Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 158–159), но важно подчеркнуть: гранды настаивали, чтобы за ними оставалось последнее слово.

⁵⁰ Подробнее о Политбюро как сомнительном институте см.: Getty J. A. *Stalin as Prime Minister: Power and the Politburo* // *Stalin: A New History* / ed. S. Davies, J. R. Harris. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 63–82.

⁵¹ К примеру, Сталин (и фактически все члены Оргбюро) присутствовал на заседании 27 марта 1935 г., где обсуждалось исполнение распоряжения

Политбюро о восстановлении кадровых отделов в горкомах партии: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 580. Л. 1.

⁵² Протокол Оргбюро ЦК № 51, 6 сентября 1920 г.: Там же. Оп. 112. Д. 67. Л. 2.

⁵³ Согласно этикету большевистской партии, одержимой мыслью о единстве, запись об «особом мнении» в протоколе означала голосование «против».

⁵⁴ Протоколы Оргбюро ЦК, 9, 12 мая 1921 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 170. Л. 2; Д. 172. Л. 1.

⁵⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 237.

⁵⁶ Девятый съезд РКП(б), март–апрель 1920 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 86. См. также замечания Д. И. Курского о том, что разделение труда между партийными органами «в принципе» существует, однако «по факту» их деятельность во многом пересекается: Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 года: Стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1963. С. 130.

⁵⁷ Этим наблюдением я обязан Грэму Гиллу: «Короче говоря, ведущие представители олигархии не слишком пытались построить административный режим, который структурировал бы деятельность политических органов элиты» (Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 102).

⁵⁸ Решения Политбюро ЦК, 31 декабря 1922 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 168. Л. 1, 15–16. Решения Оргбюро ЦК, 18 марта 1921 г., 4 апреля 1922 г.: Там же. Л. 1, 20–21.

⁵⁹ Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 289.

⁶⁰ Протоколы Политбюро ЦК: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 808 (протокол № 21), 982 (протокол № 44).

⁶¹ Mackie T. T., Hogwood B. W. *Decision Arenas in Executive Decision Making: Cabinet Committees in Comparative Perspective* // *British Journal in Political Science*. 1984. Vol. 14. No. 3. P. 311.

⁶² Одиннадцатый съезд РКП(б), март–апрель 1922 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1961. С. 35, 43. Грэм Гилл отметил, что власть Ленина находилась «в прямом противоречии с понятием упорядоченной власти на основе стабильных институциональных структур». Его власть была «отделена» от институтов. См.: Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 108.

⁶³ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 26, 114, 157, 209.

⁶⁴ Повестка заседания Оргбюро ЦК 6 января 1921 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 110. Л. 2–3.

⁶⁵ Решения Политбюро ЦК, 31 декабря 1921 г., 30 декабря 1922 г.: Там же. Оп. 3. Д. 247. Л. 6; Ф. 82. Оп. 2. Д. 168. Л. 15–17.

⁶⁶ Напр.: «Решения Оргбюро опротестовываются членами ЦК в Политбюро» (Двенадцатый съезд РКП(б). С. 702).

⁶⁷ Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 201.

⁶⁸ О комиссиях Политбюро см.: Howlett J. et al. *The CPSU's Top Bodies under Stalin: Their Operational Records and Structure of Command*. Universi-

ty of Toronto Stalin-Era Research and Archives Project Working Paper No. 1. Toronto: Centre for Russian and East European Studies, University of Toronto, 1996. P. 7; Хлевнюк О. В. Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов. М.: АИРО-XX, 1995. С. 44–73.

⁶⁹ Сталин не был членом всех постоянных комиссий Политбюро. Ё. Горлицкий отмечает, что в 1940-е гг., бывало, разные «комы» заседали без Сталина (Gorlizki Y. Stalin's Cabinet: The Politburo and Decision Making in the Post-war Years // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53. No. 2. P. 294).

⁷⁰ Andeweg R. A Model of the Cabinet System: The Dimensions of Cabinet Decision-Making Processes // Governing Together: The Extent and Limits of Joint Decision-Making in Western European Cabinets / ed. J. Blondel, F. Müller-Rommel. London: St. Martin's Press, 1993. P. 29.

⁷¹ Governing Together. P. 12.

⁷² Smith M. J. The Core Executive in Britain. London: Macmillan, 1999. P. 89. Ср. с формулировкой Горлицкого: «Эти узкие, неофициальные встречи Политбюро были свободны от схем и процедур, которые подрезали крылья официальному или де-юре кабинету. В тесном кругу коллег, хорошо знакомых со Сталиным и друг с другом, не имелось ни малейших причин следовать неудобному и отнимающему время протоколу формальных заседаний Политбюро» (Gorlizki Y. Stalin's Cabinet. P. 295).

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 761. Л. 11–12. Пресекая попытки раздуть доклады, постановление уточняло, что на одной странице должно быть не больше 1 500 знаков: 30 строк по 50 знаков!

⁷⁴ Там же. Д. 858. Л. 2; Д. 860. Л. 2.

⁷⁵ Там же. Д. 898. Л. 8.

⁷⁶ Там же. Д. 823. Л. 9.

⁷⁷ Первое голосование опросом было проведено в Политбюро в мае 1921 г.: Там же. Д. 159. Протокол № 22. См. также первые голосования опросом в протоколах Секретариата и Оргбюро за апрель 1922 г.: Там же. Оп. 112. Д. 358.

⁷⁸ Там же. Оп. 3. Д. 771 (протокол № 112), 808 (протокол № 21), 955 (протокол № 17).

⁷⁹ См. выступления Молотова и Ногина на XI съезде: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 56, 81. В середине 1924 г. повестка на каждом заседании Секретариата включала 300–400 пунктов.

⁸⁰ О распределительной работе партии // Известия ЦК. 1926. № 1. С. 2. Лучше всего о зарождении и расцвете номенклатурной системы сказано у Гилла: Gill G. The Origins of the Stalinist Political System. P. 163–164. См. также: Двенадцатый съезд РКП(б). С. 804.

⁸¹ О ревизии 1925 г. см. материалы Оргбюро и Секретариата: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 137; Оп. 112. Д. 648, 654; Оп. 113. Д. 436. Весьма обширные материалы по 1928 г.: Там же. Оп. 34. Д. 106; Оп. 69. Д. 141, 566, 620.

⁸² Черновики с изменениями см.: Там же. Оп. 34. Д. 106. Л. 151–155. «Поправки и отводы Орграспреда» см.: Там же. Оп. 69. Д. 141. Л. 34–42. В декабре 1925 г. Д. И. Курский докладывал на XIV съезде, что Оргбюро обсуж-

дало изменения в номенклатуре семь раз, прежде чем принять окончательное решение. См.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). С. 91.

⁸³ Отчет Центральной ревизионной комиссии Курского XIII съезду: Тринадцатый съезд РКП(б). С. 133.

⁸⁴ «Должности по номенклатуре № 1»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 620. Л. 3–4.

⁸⁵ «Список должностей учреждений, производящихся постановлением ЦК ВКП(б)»: Там же. Оп. 34. Д. 106. Л. 174–177.

⁸⁶ Rigby T. H. USSR Incorporated: The Origins of the Nomenklatura System // Soviet Studies. 1988. Vol. 40. No. 4. P. 533.

⁸⁷ Работа по распределению работников // Известия ЦК. 1926. № 45–46. С. 4–6.

⁸⁸ Когда поколение старых большевиков вымерло (по естественным причинам или вследствие террора), их доминирование в высших комитетах закончилось. На смену характеристике «соратники Ленина» пришел партийный стаж. Так, члены Оргбюро в 1939 г. состояли в партии в среднем 25 лет, в 1946 г. – 23 года. Старшинство по стажу заменило статус старого большевика в качестве признака принадлежности к аристократии.

⁸⁹ Из выступления Ленина на IX съезде партии: Девятый съезд РКП(б). С. 86.

Глава 4

¹ Совещание Оргбюро ЦК, 8 ноября 1923 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 494. Л. 31.

² Функции отдела в разных ипостасях легко угадываются по названиям. «Учетный» пояснений не требует, «распределительный» значит занимающийся назначением на различные посты, «организационный» подразумевает также назначения и/или координацию партийной работы в центре и на периферии, «инструкторский» – командирование по областям странствующих эмиссаров ЦК, чтобы давали советы и наводили порядок. Характерно, что партия считала персональные назначения организационным вопросом. То есть организация для нее носила *персональный* характер.

³ Следующее ниже описание полномочий Орграспреда взято из «Положения об Организационно-распределительном отделе ЦК РКП(б)», протокол Секретариата ЦК, 13 марта 1925 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 646. Л. 19–21.

⁴ См., напр., протокол Оргбюро от 13 марта 1928 г., в котором Орграспред выдвигает «предложения» и представляет проект постановления по поводу визита в Москву свердловского партийного руководства; проект Орграспреда был принят: Там же. Оп. 113. Д. 605. Л. 1. Всестороннее исследование отчетности региональных партийных организаций перед Орграспредом см.: Monty C. The Central Committee Secretariat, the Nomenklatura, and the

Politics of Personnel Management in the Soviet Order, 1921–1927 // Soviet and Post-Soviet Review (forthcoming).

⁵ В 1924 г. штат Орграспреда включал 71 чел., в 1928 г. – 74. См.: «Номенклатура должностей, учитываемых в Учраспреде ЦК», 1 февраля 1924 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 256. Л. 3–5; «Штат Орграспред ЦК ВКП(б) на 15 ноября 1928 г.»: Там же. Оп. 69. Д. 548. Л. 28–30; «Штат Орграспред Центрального комитета ВКП(б) на 15-е января 1929 года»: Там же. Д. 547. Л. 34–36; «Структура и штаты отдела руководящих нарторганов ЦК ВКП(б)», 26 сентября 1935 г.: Там же. Оп. 114. Д. 595. Л. 59–62.

⁶ См.: Там же. Оп. 69. Д. 547. Л. 56–59. О распределении обязанностей в марте 1930 г. см. также: Там же. Оп. 85. Д. 554. Л. 1.

⁷ Здесь просматривается интересная параллель с заводскими руководителями из старых большевиков и их техническим штабом. Директор завода – старый большевик служил политически надежным сторожевым псом, но лично не имел необходимых технических знаний. Как делать дело, знали подчиненные ему специалисты-техники. Его работа заключалась в том, чтобы следить, одобрять и судить.

⁸ См., напр., направления в «Сводке № 1 поступивших материалов Распредотделу ЦК за 11–12 марта 1930 года»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 554. Л. 1.

⁹ См., напр.: Там же. Оп. 113. Д. 326. Л. 72.

¹⁰ Там же. Оп. 113. Д. 614. Л. 142; Д. 625. Л. 7. См. документы Секретариата ЦК: Там же. Д. 614, 616, 625.

¹¹ Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 81.

¹² См., напр.: протокол Оргбюро ЦК № 65, 8 февраля 1937 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 491. Л. 77; протокол Оргбюро ЦК № 90, 26 июля 1938 г.: Там же. Д. 532. Л. 62.

¹³ Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 9. С. 6; № 19. С. 14.

¹⁴ Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 года: Стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1963. С. 132–133.

¹⁵ Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 9. С. 6; № 19. С. 14.

¹⁶ «Штат орграспреда Центрального Комитета ВКП(б) на 15 ноября 1928 г.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 547. Л. 28–30.

¹⁷ Протокол Секретариата ЦК, 11 января 1922 г.: Там же. Оп. 112. Д. 272. Л. 2.

¹⁸ Протоколы Секретариата ЦК, 11 января, 11 марта 1922 г.: Там же. Л. 2; Д. 299. Л. 2.

¹⁹ Протокол Секретариата ЦК, 12 октября 1923 г.: Там же. Д. 487. Л. 3, 5, 113.

²⁰ «Штат утвержден Комис. по рационализ.»: Там же. Оп. 69. Д. 547. Л. 24–26.

²¹ «О приеме работников в аппарат ЦК», протокол Секретариата ЦК, 17 января 1934 г.: Там же. Оп. 114. Д. 392. Л. 78. Оцубл.: Хлевнюк О. В.

Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов. М.: АИРО-XX, 1995. С. 138.

²² Рассказ из первых рук о лихорадочной деятельности в Орграспреде см.: Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992.

²³ Одиннадцатый съезд РКП(б), март–апрель 1922 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1961. С. 52–53, 63.

²⁴ Gill G. The Origins of the Stalinist Political System. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 160.

²⁵ Примеры см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 648.

²⁶ Киргизский обком – Молотову, 28 ноября 1922 г.: Там же. Оп. 34. Д. 55. Л. 141.

²⁷ Сиббюро – Кагановичу, б. д.: Там же. Л. 73–73 об.

²⁸ Письмо Орграспреда в Акмолинский губком, 28 декабря 1924 г.: Там же. Оп. 67. Д. 87. Л. 52–53.

²⁹ Рекомендации Орграспреда см.: Там же. Оп. 69. Д. 137. Л. 4, 28. Протоколы Оргбюро ЦК см.: Там же. Оп. 113. Д. 210. Л. 10; Д. 219. Л. 5; Д. 221. Л. 5.

³⁰ См. протоколы Оргбюро ЦК: Там же. Оп. 113. Д. 235. Л. 94–96.

³¹ Протоколы Секретариата ЦК: Там же. Д. 236. Л. 112.

³² Предшественник Орграспреда.

³³ Протоколы Оргбюро ЦК от 25 июля 1921 г. и материалы см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 193. Л. 2–21.

³⁴ Восьмой съезд РКП(б), март 1919 года: Протоколы. М.: Партиздат, 1959. С. 165–166, 303–314.

³⁵ Протокол Оргбюро ЦК, 29 ноября 1926 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 256. Л. 85.

³⁶ Совещание Орграспреда, 30 ноября 1926 г.: Там же. Оп. 69. Д. 137. Л. 121.

³⁷ Протокол Оргбюро ЦК, 29 ноября 1926 г.: Там же. Оп. 113. Д. 256. Л. 83–85.

³⁸ Протокол Оргбюро ЦК, 3 января 1927 г.: Там же. Л. 4.

³⁹ Материалы Орграспреда: Там же. Оп. 69. Д. 137. Л. 164.

⁴⁰ Материалы Секретариата ЦК: Там же. Оп. 113. Д. 264. Л. 98; Д. 261. Л. 6; Д. 262. Л. 5.

⁴¹ Протокол Секретариата ЦК, 4 февраля 1927 г.: Там же. Д. 264. Л. 6.

⁴² Протокол Секретариата ЦК, 25 февраля 1927 г.: Там же. Д. 261. Л. 86 об.

⁴³ Там же. Ф. 88. Оп. 3. Д. 68. Л. 12–13.

⁴⁴ Ежов – Сталину, 26 марта 1935 г.: Там же. Ф. 671. Оп. 1. Д. 18. Л. 18–19.

⁴⁵ Протоколы Оргбюро ЦК: Там же. Ф. 17. Оп. 114. Д. 455. Л. 234 об.

⁴⁶ См.: Там же. Оп. 68, 69. Эти описи содержат огромное количество материалов таких совещаний. Их можно найти также в оп. 113.

⁴⁷ Доклад Орграспреда, б. д. (1927): Там же. Оп. 113. Д. 496. Л. 15.

⁴⁸ Доклад Орграспреда, 1 ноября 1927 г.: Там же. Оп. 69. Д. 377. Л. 6–7.

- ⁴⁹ Протокол Оргбюро ЦК, 25 ноября 1919 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 10. Л. 40.
- ⁵⁰ Протоколы Оргбюро ЦК, 24 июля, 10, 20, 26 августа 1926 г.: Там же. Оп. 113. Д. 214. Л. 4; Д. 223. Л. 3, 4, 6, 65; Д. 225. Л. 4; Д. 236. Л. 96–97. Письмо Жанаи Молотову, 10 августа 1926 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 888. Л. 32.
- ⁵¹ Совещание Оргбюро ЦК, 8 ноября 1923 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 494. Л. 31.
- ⁵² Восьмой съезд РКП(б). С. 497; Десятый съезд РКП(б), март 1921 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1963. С. 49; Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 56; Восьмая конференция РКП(б), декабрь 1919 года: Протоколы. М.: Партиздат, 1961. С. 221; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 216. Л. 51.
- ⁵³ «Обследование Распредчасти ЦК», б. д.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 136. Л. 162.
- ⁵⁴ Совещание Орграспреда, октябрь 1926 г.: Там же. Оп. 113. Д. 226. Л. 109–110.
- ⁵⁵ Итоги распределения работников // Известия ЦК ВКП(б). 1928. № 3. С. 2–3.
- ⁵⁶ Письмо Пикитина Богомолову, 31 мая 1927 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 139. Л. 7–9.
- ⁵⁷ Совещание Орграспреда, 20 октября 1927 г.: Там же. Д. 373. Л. 3–4.
- ⁵⁸ Совещание Оргбюро ЦК, б. д. (1926–1928): Там же. Д. 136. Л. 97.
- ⁵⁹ Совещание Оргбюро ЦК, б. д. (иногда 1926–1928): Там же. Л. 121.
- ⁶⁰ Совещание Орграспреда, 14 августа 1928 г.: Там же. Д. 510. Л. 20.
- ⁶¹ Там же. Л. 16.
- ⁶² «Положение Орграспреда», 13 марта 1925 г.: Там же. Оп. 112. Д. 646. Л. 20.
- ⁶³ Там же. Оп. 68. Д. 43. Л. 14.
- ⁶⁴ ЦКК – в комиссию по систематизации, 7 апреля 1925 г.: Там же. Д. 42. Л. 36.
- ⁶⁵ Заседания комиссии 12 декабря 1924 г. и 10 января 1925 г.: Там же. Оп. 68. Д. 42. Л. 32–34; Д. 43. Л. 4. Новое рабочее заглавие «Справочник партийного работника» стало названием вышедшего впоследствии издания.
- ⁶⁶ Там же. Д. 42. Л. 1. В конце концов, идея реализовалась в виде двух изданий: весьма неполной подборки лишь важнейших решений («КПСС в резолюциях...» и ее продолжения) и сокращенного, отредактированного справочника для партийных пропагандистов («Справочник партийного работника»). Ни один из сборников даже близко не подошел к выполнению первоначальной задачи систематизировать все партийные решения, да и не предназначался для этого.
- ⁶⁷ Заседание Оргбюро ЦК, 30 декабря 1929 г.: Там же. Оп. 113. Д. 809. Л. 42.
- ⁶⁸ Совещание Оргбюро ЦК, б. д. (1926–1928): Там же. Оп. 69. Д. 136. Л. 140.
- ⁶⁹ Десятый съезд РКП(б). С. 56, 111; Восьмая конференция РКП(б). С. 30.

⁷⁰ Один из многих примеров совещаний Орграспреда, настаивавших на «плановом» распределении, см.: РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 3. Д. 68. Л. 5–11.

⁷¹ «Предварительный проект об учете и распределении работников»: Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 496. Л. 20–21.

⁷² Восьмой съезд РКП(б). С. 185.

⁷³ Девятый съезд РКП(б), март–апрель 1920 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 425.

⁷⁴ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 49, 63–65, 152.

⁷⁵ «Стенограмма VIII-го пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), 14–16 марта 1937 г.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2198. Л. 241. По общей проблеме учета кадров см.: Сепелев В. Н. Становление и развитие централизованного учета членов партии и руководящих партийных кадров, 1917–1927: Дисс. ... канд. ист. наук. Ин-т марксизма-ленинизма ЦК КПСС, 1988. Об учетной неразберихе начала 1930-х гг. см. также: Getty J. A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 25–37, 58–91.

⁷⁶ Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996. С. 312.

⁷⁷ «Краткая докладная записка по вопросу о постановке учета и распределения работников в гос. и хозорганах»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 496. Л. 11–13.

⁷⁸ Smolensk Archive. File 116/154e. P. 88. Ежов писал то же самое Сталину в августе 1935 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1085. Л. 12.

⁷⁹ Совещание Оргбюро ЦК, 8 ноября 1923 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 494. Л. 26–27.

⁸⁰ Там же. Л. 27.

⁸¹ Там же. Л. 45–46, 49, 53–54.

⁸² Там же. Ф. 671. Оп. 1. Д. 18. Л. 123.

⁸³ См. доклад В. П. Ногина на XII съезде партии: Двенадцатый съезд РКП(б). С. 81. Гилл отмечает, что «советы организационных нотаблей», как правило, ратифицировали предложения аппарата: Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 158–159.

⁸⁴ См., напр., протокол Оргбюро ЦК № 65, 8 февраля 1937 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 491. Л. 77; протокол Оргбюро ЦК № 90, 26 июля 1938 г.: Там же. Д. 532. Л. 62.

⁸⁵ Преемник Ежова Маленков не был секретарем ЦК до 1939 г., хотя руководил ОРПО и его преемником Управлением кадров с 1936 г. Но, как и Каганович в 1924 г. (который, не будучи секретарем ЦК, председательствовал на некоторых аппаратных совещаниях), он явно имел статус «будущего секретаря». Власть его обуславливалась близостью к Сталину, а не формально занимаемой должностью; эта близость дала ему и собственный штамп.

⁸⁶ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 1, 9 (совещания ОРПО при Ежове).

Глава 5

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 90–99.

² См.: Rigby T. H. Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. No. 1. P. 3–28. Ригби, возможно, переоценивает способность пришельцев извне одержать верх: *Ibid.* P. 10, 13.

³ Getty J. A., Naumov O. V. *Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist»*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2008. Chap. 3.

⁴ Доклад Крестинского ЦК: Восьмая конференция РКП(б), декабрь 1919 года: Протоколы. М.: Партиздат, 1961. С. 29–30; Девятый съезд РКП(б), март–апрель 1920 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 43, 45–46.

⁵ Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1960. С. 66. О «склоках» по национальным вопросам см.: Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2001.

⁶ Доклад аппарата Орграспреда, май 1922 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 114. Л. 80.

⁷ Доклад аппарата Орграспреда: Там же. Оп. 11. Д. 548. Л. 139, 144.

⁸ Доклад аппарата Орграспреда: Там же. Оп. 112. Д. 91. Л. 2.

⁹ Записки ЦК: Там же. Оп. 34. Д. 114. Л. 10, 12, 80.

¹⁰ Доклады Орграспреда, апрель, август, декабрь 1922 г.: Там же. Л. 10–14.

¹¹ Rigby T. H. Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin. P. 30; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 288. Л. 2–3; Д. 312. Л. 4; Д. 317. Л. 2–5. См. также: Двенадцатый съезд РКП(б). С. 796.

¹² «Такой же процесс шел в других институциональных структурах: их руководители занимали в спорах ту или другую сторону, а затем старались использовать свое учреждение для защиты интересов выбранной стороны»: Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 173.

¹³ Слово «местничество» употреблялось в партийных документах тех лет. См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 548. Л. 24.

¹⁴ Об Астрахани и Вологде см.: Там же. Оп. 34. Д. 114. Л. 10–14; Оп. 11. Д. 548. Л. 46–50. См. также: Одиннадцатый съезд РКП(б), март–апрель 1922 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1961. С. 371.

¹⁵ «О деле Петрова»: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 153. Л. 3–4. Документ не подписан, но, по-видимому, это внутренняя докладная ЦКК.

¹⁶ Докладная Ежова в ЦК, июнь 1922 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 67. Д. 118. Л. 146.

¹⁷ Докладная Ежова в ЦК, август 1922 г.: Там же. Л. 147, 151.

¹⁸ Протоколы Марийской ОблКК, 1 марта, 27 апреля 1923 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 153. Л. 5–7.

¹⁹ Ежов – П. Иванову, 9 марта 1923 г.: Там же. Ф. 671. Оп. 1. Д. 267. Л. 17.

20 Протокол Оргбюро ЦК, 10 ноября 1922 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 146. В январе 1923 г. в докладе из Марийской АО секретарем обкома назван Б. С. Лурье: Там же. Оп. 67. Д. 118. Л. 42. Обстановка в автономной области не улучшилась. В последующие годы преемник Ежова И. И. Иванов тоже погряз в личных дрязгах со взаимными обвинениями в преступной деятельности. См.: Там же. Л. 21–25, 49.

21 Так повелевал этикет того времени. Рожпов хотел убрать Мартынова, но большевистская скромность требовала, чтобы он предложил спать и себя.

22 Пензенская сага изложена в материалах расследования ЦК, проведенного летом 1922 г., и протоколе Оргбюро от 19 июня 1922 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 342, Л. 6; Оп. 11. Д. 548. Л. 131–136.

23 Доклад Зиновьева ЦК: Восьмой съезд РКП(б), март 1919 года: Протоколы. М.: Партиздат, 1959. С. 287.

24 Восьмая конференция РКП(б). С. 33.

25 См. отчеты Молотова перед ЦК: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 54–55, 155, 654–656; Двенадцатый съезд РКП(б). С. 792–798. Споры по поводу целесообразности перемещения партийных работников не утихали, см.: Десятый съезд РКП(б), март 1921 года: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1963. С. 109–111; Девятый съезд РКП(б). С. 43–44, 62–63.

26 В Московской губернии троцкистские кандидаты победили примерно в трети уездов, набрав больше всего голосов среди студентов (до половины) и несколько меньше среди рабочих (около одной пятой). Результаты голосования классифицированы и проанализированы по нескольким параметрам (включая длительность пребывания в партии, род занятий, место жительства и т. д.) в «Годовом обзоре партаппарата и его внутрипартийной оргработы за 1923 г.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 193. Л. 12–25. О Ярославской губернии см. письмо Андреева Молотову, 15 февраля 1924 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1440. Л. 64–66.

27 Классической работой о Троцком до сих пор остается трехтомник И. Дойчера: *Deutscher I. The Prophet Armed: Trotsky, 1879–1921; The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929; The Prophet Outcast: Trotsky, 1929–1940.* New York: Oxford University Press, 1954–1963.

28 См.: Daniels R. V. *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia.* Boulder, Colo.: Westview Press, 1988.

29 См. ниже. В сущности, основной импульс к централизации распределения кадров и созданию освобожденного от всякой другой работы, профессионального партийного аппарата первоначально исходил от антисталинской оппозиции.

30 Этот аргумент и его критику, подчеркивающую самостоятельные интересы местных политиков, см.: Getty J. A. *Stalin as Prime Minister: Power and the Politburo // Stalin: A New History / ed. S. Davies, J. R. Harris.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 63–82.

31 См.: Rigby T. H. *Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin.* P. 5–6, 25.

32 Совещание Оргбюро ЦК, 8 ноября 1923 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 494. Л. 18–19.

³³ «Данные о движении и составе секретарей»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 69. Л. 5–6 об.

³⁴ Khrushchev N. *Memoirs of Nikita Khrushchev*. Vol. 1: Commissar (1918–1945). University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 2004. P. 11.

³⁵ Выступления Осинского, Сапронова и Зиновьева на VIII съезде: Восьмой съезд РКП(б). С. 165–166, 169–171, 184–185.

³⁶ Выступление Троцкого на IX съезде: Девятый съезд РКП(б). С. 76–77. Преображенский впоследствии передумал и настаивал, что ЦК необходимо право назначать, а не избирать местных партийных секретарей. См. его выступление на XII съезде: Двенадцатый съезд РКП(б). С. 146.

³⁷ См. выступления Молотова и Румянцева на XIV съезде: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б), 18–31 декабря 1925 г.: Степкогр. отчет. М.: Госиздат, 1926. С. 484–485, 595.

³⁸ Выступление Рютина на XII съезде: Двенадцатый съезд РКП(б). С. 181.

³⁹ «Политика не была исключительно игрушкой фракционных соображений... [однако] в разные времена отношение к идеологическим догматам и политическим вопросам практически у всех протагонистов носило инструментальный характер. Никто не отказывался занять ту или иную политическую позицию, прикидывая, какой эффект это даст в постоянных маневрах элиты наверху»: Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 184–186.

⁴⁰ *Ibid.* P. 94, 173; Rigby T. II. *Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin*. P. 17.

⁴¹ Бывали исключения. Когда Сталин в 1929 г. «полевел», ряд видных троцкистов покинули Троцкого, отреклись от него и присоединились к Сталину. Радек, Пятаков и другие следовали своим принципам: Сталин теперь выступал за то же самое, что отстаивал Троцкий. С другой стороны, сотни рядовых троцкистов, многие из которых сидели в тюрьме, продолжали хранить личную верность Троцкому, невзирая на новый курс Сталина.

⁴² См. доклады Оргбюро и Орграспреда за 1922 и 1923 гг.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 548. Л. 46, 131, 132, 139, 144, 183.

⁴³ «Обзор конфликтов», январь–март 1922 г.: Там же. Л. 24–34. Характеристику «рабочей оппозиции» ненавистным словом «группировка» см. также в «Постановлениях XII-го съезда РКП, требующих дальнейшей разработки ЦК ВКП(б)», 1 января 1923 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 156. Л. 173.

⁴⁴ Доклады Орграспреда, апрель, август, декабрь 1922 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 34. Д. 114. Л. 10–14.

⁴⁵ *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949* / ed. I. Banac. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2004. P. 66–67.

⁴⁶ Khrushchev N. *Memoirs of Nikita Khrushchev*. Vol. 1. P. 22.

⁴⁷ Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996. С. 340–341. Историки обычно характеризуют сдержанность Сталина как маневр в рамках долгосрочного хитрого плана по уничтожению оппозиций. Тут они согласны с противниками Сталина, которые даже в ли-

беральных мерах генсека усматривали изощренные репрессивные замыслы. Но, рассуждая логически, если бы он вынашивал подобные планы в 1924 г., то воспользовался бы поддержкой на местах для решительного наступления на оппозицию. Он этого не сделал, и объяснение Кагановича выглядит убедительнее.

⁴⁸ Девятый съезд РКП(б). С. 64.

⁴⁹ См. едкие нападки Молотова на недемократичный отбор делегатов ленинградцами: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). С. 482–483; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 362.

⁵⁰ См. выступления Молотова, Шкирятова и Румянцева: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). С. 484–485, 568–571, 595.

⁵¹ Киров – Орджоникидзе, 16 января 1926 г.: РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 25. Д. 118. Л. 2–3.

⁵² Об «особых мнениях» отдельных членов Оргбюро см. его протоколы от 27 мая и 24 апреля 1919 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 3. Л. 44; Д. 4. Л. 82.

⁵³ Service R. *The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organizational Change, 1917–1923*. London: Macmillan, 1979. P. 128.

⁵⁴ Организационный доклад Молотова XI съезду: Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 54.

⁵⁵ См.: Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 132–134.

⁵⁶ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 126, 155.

⁵⁷ «Данные о движении и составе секретарей»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 69. Л. 5–6 об.

⁵⁸ До середины 1920-х гг. было неясно, кто главнее – местный парткомитет или совет.

⁵⁹ Горшин – Сталину, 1 марта 1929 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1444. Л. 53–54.

⁶⁰ Сталин – Кагановичу, 18 июня 1932 г.: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 62.

⁶¹ Кахиани – Сталину, Молотову, Андрееву, 4 апреля 1937 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 153. Л. 70–75.

⁶² Двенадцатый съезд РКП(б). С. 66.

⁶³ См.: Easter G. *Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000; Fainsood M. *How Russia Is Ruled*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967; Getty J. A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985; Harris J. R. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1999.

⁶⁴ Не всегда легко выявить членов руководящего клана в той или иной области. Здесь применяется двойкий подход. Во-первых, надо читать стенограммы собраний, на которых члены партии часто критиковали или защищали друг друга. Во-вторых, в материалах областных партийных конференций мы обнаруживаем списки избранных членов обкома или бюро обкома с указанием их должностей. См., например, рындинский список из Челябинска

(«Протокол 2-й областной партийной конференции ВКП(б) Челябинской области: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5637. Л. 3) или семеновский из Сталинграда («Стенограмма II Сталинградской областной конференции ВКП(б), т. 2»: Там же. Д. 4227. Л. 10–12).

⁶⁵ Orlovsky D. T. *Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective // Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia* / ed. T. H. Rigby, B. Narasymiw. London: Allen & Unwin, 1983. P. 187, 189.

⁶⁶ «Стенографический отчет V областной партконференции Западной области, 18–26 мая 1937 г.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4073. Л. 43.

⁶⁷ «Протоколы и стенограмма XVII Татарской областной конференции ВКП(б), 10–15 июня 1937 г.»: Там же. Д. 4248. Л. 140.

⁶⁸ Там же. Д. 2214. Л. 97 об., 98.

⁶⁹ «Пленум Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), 6 января 1937 г.»: Там же. Д. 2196. Л. 239. Подробнее о Шеболдаеве и его «своях» см. гл. 8.

⁷⁰ До революции артелью называлась группа ремесленников, часто из одного города или села, которые жили и работали вместе.

⁷¹ Kivelson V. A. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1996. P. 176. Т. Х. Ригби заметил, что в этом пассаже «звучит струна, знакомая уху искусенного советолога»: Rigby T. H. *Russia's Clientelism, Cliques, Connections and «Clans»: The Same Old Story?* // *Soviet and Post-Soviet Review*. 1998. Vol. 25. No. 2. P. 110.

⁷² Телеграмма Сталина Кагановичу, Молотову, Орджоникидзе, 1 октября 1931 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76. Л. 84–85.

⁷³ Сталин И. В. *Сочинения*. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 10. С. 329–333. Благодарю Джеймса Харриса, указавшего мне на это. Примечательны слова Сталина «домашним образом». Б. Н. Миронов писал, что сталинский режим «не пугал массы и не вызывал у них протеста; он их устраивал, потому что они с детства привыкли к авторитарным отношениям и просто не знали ничего другого»: Mironov B. N. *Peasant Popular Culture and the Origins of Soviet Authoritarianism // Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia* / ed. S. P. Frank, M. D. Steinberg. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1994. P. 72.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 90–99.

⁷⁵ Rigby T. H. *Was Stalin a Disloyal Patron?* // *Soviet Studies*. 1986. Vol. 38. No. 3. P. 311–324.

⁷⁶ Сталин – Кагановичу, 17 августа 1931 г.: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 101. Оpubл.: Сталин и Каганович: Переписка, 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2001. С. 51.

⁷⁷ Fitzpatrick S. *Ordzonikidze's Takeover of Vesenkha: A Case Study in Soviet Bureaucratic Politics* // *Soviet Studies*. 1985. Vol. 37. No. 2. P. 153–172; Harris J. *The Origins of the Conflict between Malenkov and Zhdanov, 1939–1941* // *Slavic Review*. 1976. Vol. 35. No. 2. P. 287–303; *The Stalin-Kaganovich Corre-*

spondence, 1931–1936 / ed. R. W. Davies, O. Khlevniuk, E. A. Rees, L. P. Kosheleva, L. A. Rogovaia. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003. P. 20–21, 303; Хлевнюк О. В. Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов. М.: АИРО-XX, 1995. С. 59–60, 63–64, 79, 85, 242–245.

⁷⁸ Чуев Ф. И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 130.

⁷⁹ Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 324.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 779. Л. 23, 29–31, 33. См. также: The Stalin-Kaganovich Correspondence. P. 21; Хлевнюк О. В. Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 85.

⁸¹ Beria S. Beria, My Father: Inside Stalin's Kremlin. London: Duckworth, 2001. P. 145.

⁸² Khrushchev N. Memoirs of Nikita Khrushchev. Vol. 2: Reformer (1945–1964). University Park, Pa.: Penn State University Press, 2006. P. 181. Об этом см. также: Beria S. Beria, My Father. P. 218.

⁸³ См.: Alliluyeva S. Twenty Letters to a Friend / trans. P. Johnson Macmillan. New York: Harper & Row, 1967; Beria S. Beria, My Father; Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991; Он же. Так говорил Каганович; Khrushchev N. Memoirs of Nikita Khrushchev. Vols. 1–2; Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М.: НТТС «Техноэкос», 1992; Микоян А. И. Так было.

⁸⁴ Beria S. Beria, My Father. P. 159.

⁸⁵ Больше всего работы по выявлению кланов в органах внутренних дел проделал Л. А. Наумов. См.: Наумов Л. Борьба в руководстве НКВД в 1936–38 гг. М.: Яуза, 2003; Он же. «Кровавый карлик» против вождя народов: Заговор Ежова. М.: Яуза : Эксмо, 2009.

⁸⁶ Sudoplatov P., Sudoplatov A. Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness, a Soviet Spymaster. Boston: Little, Brown, 1994. P. 325.

⁸⁷ Шрейдер М. НКВД изнутри: Записки чекиста. М.: Возвращение, 1995. С. 16–17.

⁸⁸ Наумов Л. «Кровавый карлик» против вождя народов. С. 198–199.

⁸⁹ См.: Wheatcroft S. Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror // Australian Journal of Politics and History. 2007. Vol. 53. No. 1. P. 20–43. Разные интерпретации «массовых операций» см.: Getty J. A. «Excesses Are Not Permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // Russian Review. 2002. Vol. 61. No. 1. P. 113–138; Binner R., Junge M. How the Terror Became «Great»: Mass Execution and Camp Sentences on the Basis of Order 00447 // Cahiers du Monde Russe. 2001. Vol. 42. No. 2–4. P. 557–613. См. также ниже, гл. 7.

⁹⁰ Тумпис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка: НКВД против ЧК. М.: Яуза : Эксмо, 2009. С. 190.

⁹¹ Там же. С. 202.

⁹² Стихи о Ежове см.: Getty J. A., Naumov O. V. Yezhov. P. xviii, 214–215.

⁹³ «Песня о большевике Ефиме Евдокимове» Сулеймана Стальского. Цит. по: Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 140.

⁹⁴ Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics. Conversations with Felix Chuev. Chicago: I. R. Dee, 1993. P. 257.

⁹⁵ См., например, автоматическое, односложное согласие Сталина на просьбу Ягоды назначить его человека, Г. Е. Прокофьева, на высокую должность в НКВД: Телеграмма Сталина Кагановичу, 5 августа 1934 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 22. Д. 83. Л. 20.

⁹⁶ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 4–6. См. также: Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 204–208; Wheatcroft S. Agency and Terror. P. 30.

⁹⁷ Наумов Л. «Кровавый карлик» против вождя народов. С. 203; Шрейдер М. НКВД изнутри. С. 10.

⁹⁸ Генрих Ягода: Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар внутренней безопасности: Сб. документов / сост. В. К. Виноградов и др. Казань: Криста, 2000. С. 89–93, 440–441.

⁹⁹ Там же. С. 89–93.

¹⁰⁰ «Протокол пятой Горьковской областной конференции ВКП(б), 5–11 июня 1937 г.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 872. Л. 349–351.

¹⁰¹ Сталин – Менжинскому, 16 сентября 1929 г.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотников. М.: Фонд «Демократия», 2003. С. 191.

¹⁰² Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 207.

¹⁰³ Там же. С. 211–213; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 275–276. Учитывая, какую роль Евдокимов сыграл позже во время «большого террора», применяя те же самые методы, обвинения людей Ягоды в жестокости с его стороны могут показаться странными. Но Евдокимов и в 1931 г. вовсе не был либералом; в борьбе чекистских кланов принципы не имели никакого значения, главное – опорочить другой клан любым способом.

¹⁰⁴ Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 222; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 280.

¹⁰⁵ Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 222.

¹⁰⁶ Хотя Балицкому тоже запретили тащить с собой «хвост», он все же ухитрился это сделать: устроил по меньшей мере восьмерых своих людей в центральный аппарат и еще пятерых сделал начальниками областных управлений ОГПУ. См.: Там же. С. 84–85.

¹⁰⁷ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 275–276.

¹⁰⁸ Там же. С. 280.

¹⁰⁹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. С. 7, 15, 21; Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 89–90.

¹¹⁰ Постановление Политбюро «Об организации Союзного наркомата внутренних дел»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 939. Л. 2. Сталин лично участвовал в разработке этих норм, см. постановление Политбюро от 1 апреля

1934 г.: Там же. Д. 943. Л. 10. Постаповление было опубликовано: Известия. 1934. 11 июля.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 47. Л. 3.

¹¹² Генрих Ягода. С. 405–423.

¹¹³ Пометки Сталина на докладной Вышинского: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 155. Л. 66.

¹¹⁴ См.: Getty J. A., Naumov O. V. *Yezhov; Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940.* Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2002.

¹¹⁵ Московские новости. 1994. 30 янв.

¹¹⁶ Помимо близких соратников Евдокимова – М. П. Фриновского, И. Я. Дагина, Н. Г. Николаева-Журида, П. Ф. Буллаха и В. Ф. Дементьева – были и многие другие.

¹¹⁷ Тумнис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 242.

¹¹⁸ С. Уиткрофт утверждает, что Евдокимов, тем не менее, играл роль в центральной политике НКВД и последующем «большом терроре» (см.: Wheatcroft S. *Agency and Terror*). Неясно, правда, в какой степени он мог это делать, находясь вдали от Ростова-на-Дону.

¹¹⁹ Тумнис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 92.

¹²⁰ Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии: 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 230.

¹²¹ Там же. С. 311.

¹²² Тумнис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 62–77; Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 242–243.

¹²³ Наумов Л. «Кровавый карлик» против вождя народов. С. 216.

¹²⁴ Там же. С. 218; Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 246.

¹²⁵ Наумов Л. «Кровавый карлик» против вождя народов. С. 219.

¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3952. Л. 2. См. также: «Пленум Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), 6 января 1937 г.»: Там же. Д. 2196. Л. 2, 5–9, 10–13, 16–17, 22–23, 32–40; «Протокол 2-го пленума Запобкома ВКП(б), 18–20 июня 1937 г.»: Там же. Д. 4092. Л. 4.

¹²⁷ Harris J. R. *The Great Urals*.

¹²⁸ Джеральд Истер полагает, что провинциальные руководители представляли собой «протокорпоративистскую альтернативу сталинскому бюрократическому абсолютизму», однако признает, что они «не озвучивали альтернативу командно-административному государству», «никогда не предлагали альтернативной концепции» (Easter G. *Reconstructing the State*. P. 124–132).

¹²⁹ Ригби отмечает, что ближний круг Сталина, несмотря на все чистки, многие годы оставался удивительно постоянным (Rigby T. H. *Was Stalin a Disloyal Patron?*).

¹³⁰ См. об этом: Getty J. A., Naumov O. V. *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939.* New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999.

Глава 6

¹ Френкель – Сталину и Ежову, 22 мая 1937 г.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 89. Л. 127–130.

² Cappelli O. Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2008. Vol. 24. No. 4. P. 547, 561.

³ О ЦКК и Рабкрине см.: Rees E. A. *State Control in Soviet Russia: The Rise and Fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920–34*. Basingstoke: Macmillan, 1987; Cocks P. *Politics of Party Control: The Historical and Institutional Role of Party Control Organs in the CPSU*: Ph.D. diss. Harvard University, 1968. Из советских работ: Иконников С. Н. *Создание и деятельность объединенных органов ЦКК-РКИ в 1923–1934 гг.* М.: Госиздат, 1971; Москаленко И. М. *Органы партийного контроля в период строительства социализма (задачи, структура, методы деятельности контрольных комиссий, 1920–1934 гг.)*. М.: Госиздат, 1981; Он же. *ЦКК в борьбе за единство и чистоту партийных рядов*. М.: Партиздат, 1973.

⁴ См.: Schapiro L. *The Communist Party of the Soviet Union*. New York: Vintage, 1971. P. 260–262, 271–278, 323–324.

⁵ Бауэр Я. Боевые задачи контрольных комиссий ВКП(б): К итогам IV пленума ЦКК ВКП(б) // Решения 4-го пленума ЦКК ВКП(б) и 3-й партконференции Западной области. Смоленск: Партиздат, 1932. С. 3–7. См. также: Резолюция III областной партконференции по отчетному докладу Запобл-КК ВКП(б) // Там же. С. 25; Шкирятов М. Ф. О работе КК-РКИ в районе: Доклад на IV пленуме ЦКК ВКП(б), 9 февр. 1932 г. М.: Партиздат, 1932.

⁶ Москаленко И. М. *Органы партийного контроля в период строительства социализма*. С. 143–144.

⁷ Rees E. A. *State Control in Soviet Russia*. P. 216. См. также: Schapiro L. *The Communist Party of the Soviet Union*. P. 260–261.

⁸ См.: Getty J. A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985 (особенно гл. 2).

⁹ Папардэ Л. А. О подготовке к чистке партии: Доклад на пленуме Зап.-Сиб. крайкома ВКП(б), 22–25 июня 1933 г. Новосибирск: Партиздат, 1933. С. 32–33.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 199–200.

¹¹ О смоленском скандале см.: Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958; Brower D. *The Smolensk Scandal and the End of NEP* // *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 689–706; Rosenberg W. *Smolensk in the 1920s: Party-Worker Relations and the «Vanguard» Problem* // *Russian Review*. 1977. Vol. 36. No. 2. P. 125–150.

¹² См.: XVII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б), 27 января – 10 февраля 1934 г.: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 103; Smolensk Archive. WKP 362. P. 12, 231–232.

¹³ См.: Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*; Getty J. A. *Origins of the Great Purges*. Chaps. 1–4; Rittersporn G. T. *Stalinist Simplifications and Soviet*

Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933–1953. London: Harwood, 1991; Manning R. T. Government in the Soviet Countryside in the Stalinist Thirties: The Case of Belyi Raion in 1937 // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. No. 301. Pittsburgh, Pa.: Russian and East European Studies Program, University of Pittsburgh, 1985; Rittersporn G. T. The State against Itself: Social Tensions behind the Rhetorical Apotheosis // Telos. 1979. Vol. 41. P. 87–104; Idem. Rethinking Stalinism // Russian History. 1984. Vol. 11. No. 4. P. 343–361; Rigby T. H. Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin // Soviet Studies. 1981. Vol. 3. No. 1. P. 3–28. О «локализации» партийных организаций в 1920-е гг. см.: Brower D. The Smolensk Scandal and the End of NEP.

¹⁴ Solomon P. H. Local Political Power and Soviet Criminal Justice, 1922–1941 // Soviet Studies. 1985. Vol. 37. No. 3. P. 305–329; Rittersporn G. T. Soviet Officialdom and Political Evolution: Judiciary Apparatus and Penal Policy in the 1930s // Theory and Society. 1984. Vol. 13. P. 211–231.

¹⁵ Первый намек на реорганизацию прозвучал в выступлении Л. М. Кагановича на московской партконференции: IV Московская областная и III городская конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. М.: Моспарт, 1934. С. 51–55.

¹⁶ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). С. 35.

¹⁷ Там же. Поиски в Российской национальной библиотеке, ИНИОН, БАН, Государственной публичной исторической библиотеке не привели к обнаружению книг или статей 1930-х гг. о КПК.

¹⁸ Менжулин В. И. Организационно-партийная работа КПСС в условиях борьбы за победу и упрочение социализма (июнь 1933 – 1941 г.). М.: Партиздат, 1975. С. 257–259. См. также: Москаленко И. М. Органы партийного контроля в период строительства социализма. С. 143–144. Москаленко полагает, что организационным «деревом» новая КПК мало отличалась от прежней ЦКК. По его мнению, главное различие между ними заключалось в централизованном назначении уполномоченных КПК.

¹⁹ Каганович Л. М. О задачах партийного контроля и контрольной работе профсоюзов, комсомола и печати // Правда. 1934. 4 июля. См. также замечания Кагановича: Партийное строительство. 1934. № 13. С. 10.

²⁰ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 55–56.

²¹ Там же. Л. 58.

²² Там же. Л. 81, 88–89.

²³ Биографические сведения о Румянцеве см.: Никитин М., Иванов М. С рабочей простотой // Солдаты партии. М.: Партиздат, 1971. С. 201–218. См. также: Рабочий путь (Смоленск). 1935. 1–3, 8, 13 янв. (материалы ко дню рождения Румянцева, 8 янв. – еще и биографии местных руководителей), 16 марта, 15 июня; 1936. 2 сент. (выступления Румянцева); Партиец (Смоленск). 1935. № 12. С. 41, 72; 1937. № 4. С. 10. Мерл Фейнсод называет Румянцева «великим лордом Смоленским», см.: Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Chap. 2. Интересные наблюдения по поводу культов личности в ранние эпохи российской истории см.: Ingerflom C. S. Le citoyen impossible: les racines russes du Léninisme. Paris: Gallimard, 1988. P. 43.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 982. Л. 48.

²⁵ Там же. Ф. 589. Оп. 3. Д. 11746. Л. 19–20; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 110. Л. 3.

²⁶ Папардэ Л. А. О подготовке к чистке партии. С. 16, 32–33.

²⁷ Такая власть включала право производить аресты и руководить судебным преследованием. В Белоруссии, например, секретари обкомов добивались контроля над железнодорожниками путем незаконных арестов: «Десятки, сотни кем-нибудь арестованы и сидят в тюрьме». На Брянской железной дороге 75 % административно-технических работников были приговорены к «исправительным работам». См.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 165–166.

²⁸ Rittersporn G. T. The State against Itself; Idem. Rethinking Stalinism.

²⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5; Первое заседание КПК // Партийное строительство. 1934. № 7. С. 46. Поскольку следующее заседание КПК в полном составе, 26–28 июня 1934 г., получило название «Второго пленума КПК», странно, что первое именуется лишь «заседанием». В данном случае разница между «заседанием» и «пленумом» так и не была разъяснена.

³⁰ Правда. 1934. 12 февр. Членами бюро стали Л. М. Каганович, Н. И. Ежов, М. Ф. Шкирятов, Е. М. Ярославский, И. А. Акулов, Д. А. Булатов, Я. Х. Петерс.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 940. Л. 33; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–12; Положение о Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). М.: Партиздат, 1934. С. 1–3.

³² Положение о Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). С. 7.

³³ Там же. Раздел III.

³⁴ Правда. 1934. 4 июля. См. также: Информационное сообщение // Партийное строительство. 1934. № 14. С. 44.

³⁵ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 10, 12.

³⁶ Там же. Л. 27.

³⁷ Там же. Л. 30.

³⁸ Там же. Л. 40–41, 81.

³⁹ Там же. Л. 90, 95, 98–99.

⁴⁰ Там же. Л. 133.

⁴¹ Каганович Л. М. О задачах партийного контроля и контрольной работе профсоюзов, комсомола и печати // Правда. 1934. 4 июля; Партийное строительство. 1934. № 13. С. 3–10. Есть, кстати, свидетельства, что Сталин интересовался делами КПК. По словам одного уполномоченного, Сталин быстро отвечал на его вопросы и просьбы и вообще никого из них не оставлял без ответа. См.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.

⁴² Шеболдаев – Ежову, 6 февраля 1936 г.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 89. Л. 3–5; недатированные заметки Ежова о разговорах с Кагановичем: Там же. Д. 52. Л. 14–20.

⁴³ В комиссии партконтроля: О работе хозяйственного отдела Средневожского крайисполкома // Партийное строительство. 1935. № 3. С. 47.

⁴⁴ Каленым железом выжечь политическое и бытовое разложение // Партийное строительство. 1935. № 14. С. 45–47.

⁴⁵ Вышинский – Молотову, 23 октября 1934 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 886. Л. 5–8.

⁴⁶ Анцелович – Антипову, б. д. (1937): ГА РФ. Ф. 3893 (7541). Оп. 10. Д. 32. Л. 8; Ф. 7511. Оп. 10. Д. 31. Л. 47. Когда эти преступления в конце концов вскрывались (в партийных документах, не публично), их порой приписывали «троцкистам».

⁴⁷ Доклад Глинского Оргбюро ЦК, 14 января 1927 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 342. Л. 41–42.

⁴⁸ «Дело о необоснованном исключении из партии Тов. Самурина»: Там же. Л. 47.

⁴⁹ О чистках см.: Getty J. A. Origins of the Great Purges. Chaps. 2–3.

⁵⁰ Ibid. Chap. 3.

⁵¹ Рабочий путь. 1935. 24 мая. С. 1.

⁵² О выполнении закрытого письма ЦК ВКП(б) 13-го мая 1935 г. в организации Западной области // Партийное строительство. 1935. № 13. С. 46; Правда. 1935. 7 июля.

⁵³ В конечном счете речь Папардэ получила в области широкую огласку. См.: Партиец. 1935. № 6. С. 9–11; Рабочий путь. 1935. 6 июля. С. 3. Однако двухнедельная задержка ее публикации в обкомовской газете «Рабочий путь» может быть результатом попыток обкома защитить Архипова от публичных нападков. Папардэ также выступил с критической речью о плохом проведении проверки на чрезвычайном пленуме Запобкома 1 июля 1935 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4087. Л. 278–296.

⁵⁴ Постановления пленума Запобкома ВКП(б) // Партиец. 1935. № 3. С. 25; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4087. Л. 181–300.

⁵⁵ См.: Малков М. Без участия партийных масс // Партиец. 1935. № 6. С. 22; Шильман А. Улучшить систему партийного руководства // Партиец. 1935. № 6. С. 3–9; Архипов В. Исправляем допущенную ошибку в проверке партдокументов // Партиец. 1935. № 7. С. 25.

⁵⁶ См.: Рабочий путь. 1935. 2 июля. С. 1 (доклад Румянцева на городском партийном активе Смоленска); Румянцев И. П. Вторая проверка партдокументов // Партийное строительство. 1935. № 17. С. 19–21; Шильман А. Текущие вопросы партийной работы // Партийное строительство. 1935. № 19–20. С. 49–57.

⁵⁷ Хлопотыхин Ф. Выше уровень самокритики // Партиец. 1935. № 7. С. 23–26.

⁵⁸ Большунов Ф. Проверку партдокументов в Рудне провели по-бюрократически // Партиец. 1935. № 6. С. 19–20.

⁵⁹ Папардэ Л. Устав партии – незыблемая основа всей работы // Партиец. 1935. № 13. С. 9–11. См. также: Он же. До конца извлечь политические уроки // Партиец. 1936. № 9. С. 29–38. Здесь Папардэ вернулся к теме ошибок Архипова и смоленской городской парторганизации.

⁶⁰ Эти и другие примеры см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4087. Л. 278; Д. 4091. Л. 42, 52, 71, 87.

61 «Стенографический отчет II-го пленума Запобкома ВКП(б) от 10 12 марта 1937 года»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4091. Л. 170–174.

62 Там же. Оп. 3. Д. 965. Л. 3.

63 Уроки политических ошибок Саратовского крайкома // Правда. 1935. 12 июля. Речь Жданова была опубликована также в журнале «Партийное строительство» (1935. № 13, 15) и отдельной брошюрой под тем же названием. Учитывая последующие события, употребление выражения «массовые репрессии» в связи с такой довольно мягкой мерой, как исключение из партии в 1935 г., кажется странным.

64 Партийное строительство. 1935. № 13. С. 45.

65 Партийное строительство. 1935. № 17. С. 17–18.

66 Крипицкий А. Саратовские большевики в борьбе за исправление ошибок // Партийное строительство. 1935. № 17. С. 39–41.

67 Крипицкий держал Саратов в ежовых рукавицах. Местный партийный журнал редко критиковал крайком, и даже в 1937 г., когда региональные партийные машины наперебой ударились в самокритику, саратовская предпочитала хвастаться успехами. См., напр.: Речь тов. А. И. Крипицкого при закрытии пленума Обкома ВКП(б), 2 января 1937 года // Партийная работа (Саратов). 1937. № 1. С. 13. См. также доклад Крипицкого на февральском пленуме ЦК 1937 г.: Партийная работа. 1937. № 3. С. 45.

68 Телеграмма Сталина Крипицкому, 3 апреля 1937 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 56. Л. 46. Сталин адресовал телеграмму всем членам и кандидатам в члены обкома на случай, если Крипицкий не передаст им сталинский вердикт.

69 О работе партколлегий КПК и порядке наложения партийных взысканий на членов и кандидатов ВКП(б) // Правда. 1936. 17 марта.

70 О работе уполномоченных КПК // Там же.

71 Третий пленум Комиссии Партконтроля // Партийное строительство. 1936. № 7. С. 4; Богушевский В. III Пленум Комиссии партийного контроля // Там же. С. 8, 11.

72 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14. Л. 149–151.

73 Там же. Л. 155.

74 Там же. Д. 13. Л. 41–42, 95, 113–123, 188.

75 О работе уполномоченных КПК // Партиец. 1936. № 3. С. 1–4. См. также статью инструктора обкома: Окунь Б. О партвзысканиях // Партиец. 1936. № 4. С. 44–49.

76 Богушевский В. Выполнение решений пленума Комиссии партийного контроля // Партийное строительство. 1936. № 11. С. 21. Богушевский был секретарем всесоюзного бюро КПК.

77 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4090. Л. 87–91.

78 Подробно о февральском пленуме и его последствиях см.: Getty J. A. Origins of the Great Purges. P. 137–153; Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999.

⁷⁹ Выборы действительно были так и проведены. См.: Smolensk Archive. WKP 105. Passim; WKP 110. P. 258–279; WKP 322. P. 52–57. Всесоюзные итоги выборов см.: Правда. 1937. 23 мая. В результате голосования по стране лишилось постов около половины партийных секретарей.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4095. Л. 161–170. Нападки на крупного руководителя путем критики его действий по конкретному кадровому вопросу были в 1930-е гг. обычной тактикой. См., напр., атаку Косиора на Постышева на февральском пленуме ЦК 1937 г. в связи с поведением последнего в деле некоего Николаенко: Там же. Оп. 2. Д. 612. Т. 3. Л. 10–15.

⁸¹ Рабочий путь. 1937. 16 марта. С. 2.

⁸² Небольшевистский стиль руководства // Рабочий путь. 1937. 17 марта. С. 2; Собрание монастырщинской парторганизации // Рабочий путь. 1937. 29 марта. С. 2. Нападки Папардэ на Косых см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4091. Л. 114.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4091. Л. 211, 298–299.

⁸⁴ Возможно, он даже пережил Папардэ. После ареста Румянцева в июне 1937 г. его Немезида из КПК временно сменила его на посту первого секретаря обкома. В январе 1938 г. арестовали самого Папардэ, обвинив во «вредительстве», которым он якобы занимался еще в 1930 г., входя в партийный клан Западной Сибири. См.: Рабочий путь. 1937. 20 мая. С. 1; 11 июля. С. 2; 15 сент. С. 1; 1938. 10 янв. С. 1. Последнее упоминание о Папардэ и в Смоленском архиве, и в местной печати относится к ноябрю 1937 г.: Рабочий путь. 1937. 22 нояб. С. 1. На 15-минутном суде Папардэ во всем признался и был расстрелян 29 августа 1938 г. Дело Папардэ см.: РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 11746. Л. 16–18, 98.

⁸⁵ Cappelli O. Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia. P. 561.

⁸⁶ Ученые расходятся во мнениях о том, имел ли Сталин когда-нибудь намерение и желание построить упорядоченное правовое государство вместо волюнтаристской насильственной системы, в создании которой его обычно обвиняют. Разные точки зрения см.: Lewin M. The Making of the Soviet System. New York: New Press, 1985. P. 281–285; Getty J. A. State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 18–35; Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 128–157.

Глава 7

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 922. Л. 50–55.

² При открытом голосовании можно вычеркнуть предложенного кандидата или не опустить бюллетень в урну, но все это увидят и возьмут на заметку.

³ См.: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 3–15.

- 4 Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 4.
- 5 Правда. 1936. 5 марта.
- 6 Правда. 1936. 10 марта.
- 7 Объявление и разъяснения см.: Правда. 1935. 7, 8 февр.
- 8 ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 1–5.
- 9 Там же. Д. 5.
- 10 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3275. Л. 1–10.
- 11 Жуков Ю. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2003. С. 439.
- 12 Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 127.
- 13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 563. Л. 4–5.
- 14 Елисеев А. Правда о 1937 годе: Кто развязал «большой террор»? М.: Яуза, 2008. С. 82.
- 15 Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999. P. 229–244.
- 16 О новой конституции написали только двое из семидесяти с лишним первых секретарей республиканских ЦК и обкомов – Варейкис и Берия. Но и они присоединились к региональным руководителям, которые предпочли в качестве выражения протеста молчание, указав, что «враги» могут использовать выборы, чтобы ослабить советскую власть. См.: Жуков Ю. Иной Сталин. С. 237.
- 17 Послания Акулова и ответные телеграммы см.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 37–39, 51–52, 94–106 (на л. 92 – меморандум, обвиняющий местные власти в «слабой организации» обсуждения). Один из многих примеров: Там же. Оп. 114. Здесь содержатся записи Орготдела ЦИК о всенародном обсуждении конституции по областям. Материалы по Западной области см.: Там же. Ф. 1235. Оп. 114. Д. 35.
- 18 Там же. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 36.
- 19 Там же. Л. 92. Другие примеры см.: Там же. Л. 51, 110–112, 135–136; Оп. 41. Д. 105. Л. 1.
- 20 Там же. Оп. 8. Д. 222. Л. 158–162.
- 21 Там же. Л. 26, 50, 62; Оп. 41. Д. 207. Л. 173–202, 230.
- 22 Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Партиздат, 1939. С. 531–532.
- 23 См. выступления на ноябрьском заседании: Правда. 1936. 27–30 нояб.
- 24 Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 3–14.
- 25 «Правда» напечатала резолюцию по докладу Жданова 6 марта, а доклад целиком – 11 марта. Речи о врагах появились в следующих номерах газеты. Два выступления Сталина были опубликованы только 29 марта и 1 апреля.
- 26 Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 12.

²⁷ Там же. С. 14. От Эйхе ожидали выступления, потому что он был и секретарем крайкома, и кандидатом в члены Политбюро.

²⁸ Там же. С. 17, 18, 27.

²⁹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 10–11. Третий и четвертый пункты повестки были как раз посвящены проникновению врагов в аппарат.

³⁰ Там же. С. 18.

³¹ Там же. С. 13.

³² Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror. P. 49.

³³ Напоминание об июньском пленуме, когда текст новой конституции был роздан только на заседании.

³⁴ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 16–17. Курсив мой.

³⁵ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 21.

³⁶ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 12.

³⁷ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 20.

³⁸ Косиор – Сталину и ответ последнего, 20 марта 1937 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 56. Л. 31–32.

³⁹ «Об организации выборов парторганов (на основе решения пленума)», 20 марта 1937 г.; Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1141. Л. 68–69.

⁴⁰ Большевик. 1937. № 7. С. 28–30.

⁴¹ Жуков Ю. Иной Сталин. С. 424.

⁴² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 161. Л. 58–59.

⁴³ Там же. Л. 60–65.

⁴⁴ Постановление Политбюро ЦК «О нарушениях порядка оглашения результатов закрытого (тайного) голосования»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1147. Л. 98. См. также распоряжение Политбюро от 5 августа 1937 г.: Там же. Оп. 3. Д. 987. Л. 31.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 157. Л. 92 (дело № С-52/20); Оп. 78. Д. 159. Л. 74.

⁴⁶ Там же. Оп. 78. Д. 159. Л. 4. См. также грозное письмо Калинина от 29 сентября 1937 г. о создании избирательных округов: Там же. Оп. 76. Д. 162. Л. 1–2; Оп. 78. Д. 159. Л. 121–122.

⁴⁷ Там же. Оп. 76. Д. 149. Л. 13.

⁴⁸ Вышинский – Сталину и Молотову: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 888. Л. 39.

⁴⁹ Там же. Л. 17.

⁵⁰ Там же. Л. 21–23.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 72, 73.

⁵² Там же. Л. 139–141; Оп. 41. Д. 126. Л. 11.

⁵³ Там же. Оп. 8. Д. 222. Л. 73. В конституцию было включено право республик на отделение от СССР.

⁵⁴ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, 1927–1939: В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы и др. Т. 5. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2004. С. 247.

⁵⁵ Там же. С. 83.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 11.

⁵⁷ Smolensk Archive. WKP 111. P. 14, 33, 75; WKP 321. P. 97, 216.

⁵⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. В. Н. Хаустова, В. П. Наумова, Н. С. Плотникова. М.: Фонд «Демократия», 2003. С. 775.

⁵⁹ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 84–85.

⁶⁰ «Протоколы и стенограмма IX пленума Омского обкома ВКП(б)», 14–15 марта 1937 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3294. Л. 33.

⁶¹ Там же. Л. 37.

⁶² Трагедия советской деревни. Т. 5. Кв. 1. С. 524.

⁶³ Там же. С. 90.

⁶⁴ Там же. С. 150.

⁶⁵ «Стенограмма VII Кара-Калпакской областной конференции КП(б)Уз», 19–25 мая 1937 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 27. Д. 142. Л. 169.

⁶⁶ Эти сводки и их критическую оценку см.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / под ред. А. Н. Сахарова и др. М.: ИРИ РАН, 2002.

⁶⁷ Справка по делу эсеров-монархического заговора в Западной Сибири // Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии: 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 333–335.

⁶⁸ «Протоколы и стенограмма IX пленума Омского обкома ВКП(б)», 14–15 марта 1937 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3294. Л. 34–37.

⁶⁹ «Протокол II Омской конференции ВКП(б)», 1–4 июня 1937 г.: Там же. Д. 3277. Л. 206–208.

⁷⁰ «Стенограмма заседания первой областной партийной конференции г. Воронежа», 6 июня 1937 г.: Там же. Д. 741. Л. 210.

⁷¹ «Протокол II Омской конференции ВКП(б)», 1–4 июня 1937 г.: Там же. Д. 3277. Л. 206.

⁷² Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 332.

⁷³ Сталин, очевидно, дождался телеграммы в поддержку мироновской просьбы (которая формально поступила по линии НКВД, а не по партийной) от первого секретаря Западно-Сибирского крайкома и кандидата в члены Политбюро Р. И. Эйхе. Решение Политбюро см.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938 / под ред. В. Н. Хаустова, В. П. Наумова, Н. С. Плотникова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 232. Телеграмма Эйхе в архивах не обнаружена. Косвенное свидетельство о ней см.: «О вскрытой в Зап. Сибири к.-р. повстанческой организации среди высланных кулаков»: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 43. Д. 48. Л. 1.

⁷⁴ Документальным основанием для массовой операции 1937–1938 гг. стал приказ НКВД № 447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.,

см.: ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Пор. 1. Л. 203–217. В отредактированном виде приказ № 447 и телеграмма Сталина впервые опубликованы: Труд. 1992. 4 июня. С. 1, 4. Полностью приказ № 447 опубликован: ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960 / под ред. А. И. Кокурина, Н. В. Петрова. М.: Фонд «Демократия», 2000. С. 96–104. Частичный перевод на английский язык см.: Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror. P. 473–480.

⁷⁵ Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // American Historical Review. 1993. Vol. 98. No. 4. P. 1017–1049.

⁷⁶ Разные точки зрения на массовые операции см.: Binner R., Junge M. How the Terror Became «Great»: Mass Execution and Camp Sentences on the Basis of Order 00447 // Cahiers du Monde Russe. 2001. Vol. 42. No. 2–4. P. 557–613; Getty J. A. «Excesses Are Not Permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // Russian Review. 2002. Vol. 61. No. 1. P. 113–138; Khlevnikov O. V. Les mécanismes de la «Grande Terreur» des années 1937–1938 au Turkménistan // Cahiers du Monde Russe. 1998. Vol. 39. No. 1–2. P. 197–207; Idem. The Objectives of the Great Terror, 1937–1938 // Soviet History, 1917–53: Essays in Honour of R. W. Davies / ed. J. Cooper, M. Perrie, E. A. Rees. London: Macmillan, 1995. P. 158–176.

⁷⁷ Некоторые ученые считают летальные массовые операции 1937 г. наследницами периодических милицейских чисток. См.: Hagenloh P. M. Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926–1941. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009; Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2009. Я здесь очевидно придерживаюсь иного мнения.

⁷⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 113.

⁷⁹ Положение «О комиссии ЦК ВКП(б) по полит. (судебным) делам»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 120–122.

⁸⁰ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 39.

⁸¹ Согласно ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР «спекуляция» продуктами каралась арестом и конфискацией личного имущества.

⁸² Письмо Сталинградского губкома в ЦК, 25 мая 1928 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 63. Л. 34.

⁸³ Постановление Политбюро ЦК «Сообщение тт. Шеболдаева и Трилиссера», 23 сентября 1929 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 158; «Телеграмма т. Шеболдаева от 2.10.1929»: Там же. Л. 171.

⁸⁴ Директива Политбюро ЦК ВКП(б) ОГПУ и НКЮстам об усилении репрессий, 3 октября 1929 г. // Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 714.

⁸⁵ Справка Коллегии ОГПУ об исполнении директивы Политбюро от 3 октября 1929 г., 9 октября 1929 г. // Там же. С. 732.

⁸⁶ «Постановление Политбюро», 5 декабря 1929 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 17.

⁸⁷ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 174.

⁸⁸ Там же. С. 312–313.

⁸⁹ Постановление Политбюро ЦК «О заметке “Контрреволюционная вылазка кулаков”», 20 апреля 1931 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 822. Л. 7.

⁹⁰ Постановление Политбюро ЦК «Вопросы ОГПУ», 10 июля 1931 г.: Там же. Оп. 162. Д. 10. Л. 108.

⁹¹ Протоколы Комиссии Политбюро по делам о высшей мере социальной защиты, 26 марта, 2, 8 апреля, 13 мая, 11 июня, 10 июля, 10 августа 1932 г.: Там же. Д. 12. Л. 69–70, 71–74, 91, 145–146, 190; Д. 13. Л. 27, 74.

⁹² Постановления Политбюро ЦК, 22 ноября 1932 г., 10, 20 марта 1933 г.: Там же. Д. 14. Л. 48, 96.

⁹³ Постановление Политбюро ЦК, 9 февраля 1933 г.: Там же. Л. 61.

⁹⁴ Телеграмма Средазбюро ЦК, 16 апреля 1933 г., постановление Политбюро ЦК, 23 апреля 1933 г.: Там же. Л. 123.

⁹⁵ Записи Сталина, 2 мая 1933 г.: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 27. Л. 63.

⁹⁶ Постановление Политбюро ЦК, 7 мая 1933 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 922. Л. 16.

⁹⁷ Директива-инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР, 8 мая 1933 г.: Там же. Л. 50–55.

⁹⁸ Постановления Политбюро ЦК, 11 июля, 11 августа 1933 г.: Там же. Оп. 162. Д. 15. Л. 2, 27.

⁹⁹ Постановление Политбюро ЦК «Телеграмма т. Молотова от 19.IX», 19 сентября 1934 г.: Там же. Д. 17. Л. 43.

¹⁰⁰ Постановление Политбюро ЦК «О НКВД СССР», 20 февраля 1934 г.: Там же. Оп. 3. Д. 939. Л. 2.

¹⁰¹ Постановление Политбюро ЦК «О работе судов и прокуратуры», 19 июля 1934 г.: Там же. Д. 948. Л. 95.

¹⁰² Каганович – Сталину, Сталин – Кагановичу, Молотову, Жданову, 9 октября 1934 г.: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 86. Л. 51–52.

¹⁰³ Докладная Рогинского Кагановичу и Молотову, 5 октября 1935 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 886. Л. 55–56.

¹⁰⁴ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 15.

¹⁰⁵ «Доклад Н. И. Ежова об итогах Пленума ЦК ВКП(б). Стенограмма собрания актива ГУГБ НКВД СССР», 19 марта 1937 г.: ЦА ФСБ. Некаталогизированная папка. Л. 40–42.

¹⁰⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 234–235.

¹⁰⁷ Основано на сравнении лимитов, сначала утвержденных Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 94–99) и намеченных в приказе № 447 (ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Пор. 1. Л. 203–217).

¹⁰⁸ Миркип (Северная Осетия), Понащенко (Куйбышев), Лаврушин (Горький), Берман (Белоруссия), Ломоносов (Дагестан), Миронов (Западная Сибирь), Буллах (Орджоникидзе), Дементьев (Чечено-Ингушская АССР).

¹⁰⁹ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 296.

¹¹⁰ Одна из загадок при этом – что «лимиты» обычно переводят как «квоты» (quotas). См., напр.: Khlevniuk O. V. *The Objectives of the Great Terror*. P. 162–163. В русской версии (Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 190–191) остаются «лимиты».

¹¹¹ В 1930 г. одно директивное письмо судам и прокурорам требовало от них «беспощадной борьбы» и «решительного подчинения судебной политики общим задачам колхозного строительства». «Судебные работники, – гласило оно, – должны проявить в этой работе максимальную гибкость и классовую бдительность» (Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 178–179).

¹¹² Там же. Т. 1. С. 38.

¹¹³ Жуков Ю. Иной Сталин. С. 438.

¹¹⁴ Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. С. 101.

¹¹⁵ Подсчитано по следующим источникам: Протоколы Политбюро (особые папки): РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21–23; ГУЛАГ (Главное управление лагерей). С. 97–104; Самосудов В. М. Большой Террор в Омском Прииртышье, 1937–1938. Омск: ОмГУ, 1998. С. 160–161, 241; Илькевич Н. Расстреляны в Вязьме: Новое о М. Н. Горьком // Край Смоленский. 1994. № 1–2. С. 129–144; Shearer D. *Crime and Social Disorder in Stalin's Russia – a Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression* // *Cahiers du Monde Russe*. 1998. Vol. 39. No. 1–2. P. 139–141; Московские новости. 1992. 21 июня. С. 18–19; Известия. 1996. 3 апр.; Khlevniuk O. V. *Les mécanismes de la «Grande Terreur» des années 1937–1938 au Turkménistan*. P. 204–206. Н. В. Петров полагает, что дополнительные разрешения могли даваться устно или телеграммой, и оценивает превышение количества расстрелянных примерно в 30 000 чел. (его личное сообщение автору). Свидетельствами об этом исследователи пока не располагают.

¹¹⁶ См.: Khlevniuk O. V. *Les mécanismes de la «Grande Terreur» des années 1937–1938 au Turkménistan*. P. 204.

¹¹⁷ См.: Илькевич Н. Расстреляны в Вязьме. С. 138; Маннинг Р. Т. Масовая операция против «кулаков и преступных элементов»: Апогей Великой Чистки на Смоленщине // Сталинизм в российской провинции: Смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / под ред. Е. В. Кодина. Смоленск: СГПУ, 1999. С. 239–242.

¹¹⁸ Khlevniuk O. V. *Les mécanismes de la «Grande Terreur» des années 1937–1938 au Turkménistan*. P. 203.

¹¹⁹ Шрейдер М. НКВД изнутри: Записки чекиста. М.: Возвращение, 1995. С. 80.

¹²⁰ Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 237–239.

¹²¹ Примеры «перегибов» см.: Тепляков А. Г. Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М.: Возвращение, 2007.

¹²² Некоторые ученые утверждают, будто массовые операции являлись профилактической мерой по устранению потенциальных врагов перед вой-

ной. См., напр.: Khlevniuk O. V. The Objectives of the Great Terror; Idem. Les mécanismes de la «Grande Terreur» des années 1937–1938 au Turkménistan. Поскольку в нашем распоряжении нет ни одного архивного документа, связанного с массовыми операциями, в котором упоминался бы внешнеполитический мотив, зато есть десятки таких, где речь идет о внутренних делах, трудно согласиться с «профилактической» интерпретацией.

¹²³ Степанов А. Ф. Расстрел по лимиту: Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань: Новое знание, 1999. С. 14.

¹²⁴ Спецсообщение УНКВД Оренбургской обл. об антисоветских проявлениях в связи с выборами в Верховный Совет СССР, 17 ноября 1937 г. // Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 525–526.

¹²⁵ Докладная записка УНКВД Орджоникидзевского края Н. И. Ежову «О ходе операции по изъятию бывших кулаков, уголовников и других контрреволюционных элементов» по состоянию на 10 августа 1937 г.; Докладная записка УНКВД Орджоникидзевского края Н. И. Ежову «О ходе операции по изъятию бывших кулаков, уголовников и других контрреволюционных элементов» по состоянию на 15 августа 1937 г. // Там же. С. 343, 355.

¹²⁶ Спецсообщение НКВД УССР «Об антисоветской активности враждебных элементов в связи с выборами в Верховный Совет СССР», ранее 5 ноября 1937 г. // Там же. С. 519–521.

¹²⁷ Письмо Бухарина см.: Источник. 1993. № 0. С. 23–25. В переводе на английский язык: Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror. P. 556–560.

¹²⁸ «Пленум ЦК ВКП(б) 11–12 октября 1937 г., стенограмма»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 625. Л. 1–10, 38, 49, 55, 63, 70.

¹²⁹ Положение о выборах в Верховный Совет СССР // Правда. 1937. 2 июля. С. 1; Постановление Политбюро «Об антисоветских элементах» от 2 июля 1937 г. // Труд. 1992. 4 июня. С. 1.

¹³⁰ Он отказался от соревновательных выборов в октябре, и на настоящие выборы в Верховный совет в декабре 1937 г. партийные кандидаты пошли в «блоке» с беспартийными, что в реальности означало выдвижение только одной кандидатуры на место. См.: Getty J. A. State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 18–35.

Глава 8

¹ Сталин И. В. Сочинения. М.: Партиздат, 1954. Т. 10. С. 329–333.

² Rigby T. H. Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin // Soviet Studies. 1981. Vol. 33. No. 1. P. 3–28.

³ Совместная резолюция ЦКК и Оргбюро ЦК: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 622. Л. 9.

⁴ Стенограмма заседания Оргбюро ЦК, 14 мая 1928 г.: Там же. Л. 80–163. См., в частности, замечания Л. А. Сольца на л. 154–155.

⁵ См., напр.: Harris J. R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1999. P. 82 ff.

⁶ Обычно перед образованием новой области или края учреждалось временное «организационное бюро» с целью создания территориальных партийных организаций и подбора руководства для них.

⁷ Schattenberg S. Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Campus, 2008. S. 165–168. Цит. по: Martin A. History, Memory, and the Modernization of 19th-Century Urban Russia // Kritika. 2010. Vol. 11. No. 4. P. 856.

⁸ «Протокол заседания бюро Ярославского областного комитета ВКП(б). 19 апреля 1937 г.»: РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5985. Л. 32.

⁹ «Стенограмма II пленума Ярославского обкома ВКП(б) 14–15 марта 1937 г.»: Там же. Д. 5965. Л. 19.

¹⁰ «Стенографический отчет II-й Орджоникидзевской краевой партконференции. 13–15 июня 1937 г.»: Там же. Д. 3425. Л. 50.

¹¹ Подробнее о «хвостах» см. гл. 4.

¹² «Стенограмма II пленума Ярославского обкома ВКП(б) 14–15 марта 1937 г.»: РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5965. Л. 72–73.

¹³ «Заседания 12-го пленума Горьковского обкома ВКП(б), 13–15 марта 1937 г. Стенографический отчет»: Там же. Д. 878. Л. 108 об.

¹⁴ «Протокол пятой Горьковской областной конференции ВКП(б). 5–11 июня 1937 г.»: Там же. Д. 872. Л. 342.

¹⁵ «Стенограмма II Ярославской областной конференции ВКП(б), 7–8 июня 1937 г.»: Там же. Д. 5954. Л. 130–131.

¹⁶ «Стенограмма II пленума Ярославского обкома ВКП(б) 14–15 марта 1937 г.»: Там же. Д. 5965. Л. 41–42.

¹⁷ «Заседания 12-го пленума Горьковского обкома ВКП(б), 13–15 марта 1937 г. Стенографический отчет»: Там же. Д. 878. Л. 108–108 об.

¹⁸ «Стенограмма VIII-го пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 14–16 марта 1937 г.»: Там же. Д. 2198. Л. 246.

¹⁹ «Стенографический отчет IX пленума Орджоникидзевского крайкома», позднее января, но ранее апреля 1937 г.: Там же. Д. 3319. Л. 218.

²⁰ «Стенограмма VIII-го пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 14–16 марта 1937 г.»: Там же. Д. 2198. Л. 241.

²¹ «Стенограмма II Ярославской областной конференции ВКП(б), 8–10 июня 1937 г.»: Там же. Д. 5955. Л. 45.

²² «Стенографический отчет II-й Орджоникидзевской краевой партконференции. 13–15 июня 1937 г.»: Там же. Д. 3424. Л. 88. Слово «не» вписано от руки.

²³ «Материалы к отчету Сталинградского обкома ВКП(б) на II областной конференции ВКП(б)»: Там же. Д. 4225. Л. 40.

²⁴ «Стенограмма пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 6 января 1937 г.»: Там же. Д. 2196. Л. 48–49.

²⁵ «Стенографический отчет II-й Орджоникидзевской краевой партконференции. 13–15 июня 1937 г.»: Там же. Д. 3425. Л. 207.

²⁶ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 13–14.

²⁷ «Стенограмма I-й Ярославской областной конференции ВКП(б) и отчетный доклад о работе Оргбюро ЦК ВКП(б) с материалами. Том 3. 30 января – 4 февраля 1937 г.» : РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5951. Л. 88–108, 127.

²⁸ «Стенотчет пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 6 января 1937 г.» : Там же. Д. 2196. Л. 48–49.

²⁹ «Стенографический отчет первой Курской областной партийной конференции. 4–14 июня 1937 г.» : Там же. Д. 2607. Л. 54–55.

³⁰ «Стенотчет пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 6 января 1937 г.» : Там же. Д. 2196. Л. 100–101.

³¹ «Стенограмма заседания первой областной партийной конференции г. Воронеж. 6 июня 1937 г.» : Там же. Д. 741. Л. 184.

³² «Стенограмма заседаний XII Дальневосточной краевой конференции ВКП(б) 29 мая – 5 июня 1937 г.» : Там же. Д. 5383. Л. 5.

³³ «Стенотчет пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 6 января 1937 г.» : Там же. Д. 2196. Л. 241.

³⁴ «Протокол 2-го пленума Запобкома ВКП(б) от 18–20 июня 1937 года» : Там же. Д. 4092. Л. 4.

³⁵ Ярославская областная партийная конференция // Правда. 1937. 5 февр. С. 2.

³⁶ «Протокол бюро Ярославского областного комитета ВКП(б)», 2 февраля – 2 марта 1937 г. : РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5984. Л. 2–49.

³⁷ Областные секретари нередко пытались утаивать выговоры центра от своих партийных организаций. Например, бюро Каракалпакского обкома не стало направлять в районы важное письмо ЦК «Всем партийным организациям...» (о предстоящем первом показательном процессе – Зиновьева и др.). См.: «Стенограмма VII Кара-Калпакской областной конференции КП(б) Уз. 19–25 мая 1937 г.» : Там же. Д. 142. Л. 344.

³⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 7–13.

³⁹ О выступлении Жданова и вызванных им конфликтах см. гл. 7.

⁴⁰ Не ущемлять прав члена партии! // Правда. 1937. 7 марта. С. 1.

⁴¹ «Протокол бюро Ярославского областного комитета ВКП(б), 8 марта 1937 г.» : РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5984. Л. 110–111.

⁴² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 14; Правда. 1937. 1 апр. С. 1.

⁴³ О неправильном подборе кадров, подхалимстве и чинопочитании // Правда. 1937. 10 марта. С. 2.

⁴⁴ «Стенограмма II пленума Ярославского обкома ВКП(б) 14–15 марта 1937 г.» : РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5965. Л. 10–11.

⁴⁵ Там же. Л. 79.

⁴⁶ «Стенографический отчет II-й Орджоникидзевской краевой партконференции. 13–15 июня 1937 г.» : Там же. Д. 3425. Л. 49–50.

- 47 «Стенограмма II пленума Ярославского обкома ВКП(б) 14–15 марта 1937 г.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5965. Л. 10–11.
- 48 Там же. Л. 84.
- 49 Там же. Л. 19.
- 50 Там же. Л. 47.
- 51 Там же. Л. 147.
- 52 Там же. Л. 52.
- 53 Там же. Л. 41.
- 54 «Стеногчет пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 6 января 1937 г.»: Там же. Д. 2196. Л. 242, 249.
- 55 «Заседания 12-го пленума Горьковского обкома ВКП(б), 13–15 марта 1937 г. Стенографический отчет»: Там же. Д. 878. Л. 154.
- 56 «Стенограмма заседаний XII Дальневосточной краевой конференции ВКП(б) 29 мая – 5 июня 1937 г.»: Там же. Д. 5382. Л. 171.
- 57 «Заседания 12-го пленума Горьковского обкома ВКП(б), 13–15 марта 1937 г. Стенографический отчет»: Там же. Д. 878. Л. 236 об.
- 58 «Стеногчет пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 6 января 1937 г.»: Там же. Д. 2196. Л. 266–270.
- 59 «Протокол пятой Горьковской областной конференции ВКП(б). 5–11 июня 1937 г.»: Там же. Д. 872. Л. 344–345.
- 60 «Стенографический отчет II-й Орджоникидзевской краевой партконференции. 13–15 июня 1937 г.»: Там же. Д. 3424. Л. 88.
- 61 «Стенограмма II пленума Ярославского обкома ВКП(б) 14–15 марта 1937 г.»: Там же. Д. 5965. Л. 149.
- 62 Там же. Л. 156–157, 200–201.
- 63 Там же. Л. 175, 176, 184.
- 64 Там же. Л. 23.
- 65 Там же. Л. 181.
- 66 «Протокол пятой Горьковской областной конференции ВКП(б). 5–11 июня 1937 г.»: Там же. Д. 872. Л. 348.
- 67 «Протокол и стенограмма XVII Татарской областной конференции ВКП(б). 10–15 июня 1937 г.»: Там же. Д. 4348. Л. 140.
- 68 «Стенограмма VIII-го пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 14–16 марта 1937 г.»: Там же. Д. 2198. Л. 456–457.
- 69 «Стенограмма заседания первой областной партийной конференции г. Воронеж. 6 июня 1937 г.»: Там же. Д. 741. Л. 149–150.
- 70 «Стенографический отчет II-й Орджоникидзевской краевой партконференции. 13–15 июня 1937 г.»: Там же. Д. 3425. Л. 277–278.
- 71 «Протокол и стенограмма XVII Татарской областной конференции ВКП(б). 10–15 июня 1937 г.»: Там же. Д. 4349. Л. 177.
- 72 «Стеногчет пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 6 января 1937 г.»: Там же. Д. 2196. Л. 239.
- 73 «Протокол и стенограмма XVII Татарской областной конференции ВКП(б). 10–15 июня 1937 г.»: Там же. Д. 4349. Л. 110, 137.

⁷⁴ «Стенографический отчет II-й Орджоникидзеvской краевой партконференции. 13–15 июня 1937 г.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3425. Л. 295–298.

⁷⁵ «Протоколы заседания бюро Ярославского областного комитета ВКП(б), 19 апреля 1937 г.»: Там же. Д. 5985. Л. 19. Стенограмма необычно долгого заседания бюро занимает л. 19–76.

⁷⁶ Там же. Л. 69, 72, 87, 128.

⁷⁷ «Протокол II Ярославской областной конференции ВКП(б) с материалами. 7–12 июня 1937 г.»: Там же. Д. 5953. Л. 24–35. Поскольку отчет о выборах весьма искусно и тщательно составляло областное руководство, здесь, как и в других областях, невозможно документально подтвердить реальное число снятых секретарей.

⁷⁸ «Стенограмма II Ярославской областной конференции ВКП(б), 7–8 июня 1937 г.»: Там же. Д. 5954. Л. 52. Ярославские выборы – зеркало выборов, проходивших по всей стране, в результате которых на уровне первичных организаций полностью обновился состав 50–70 % комитетов, но руководящие кадры наверху оказались почти не затронуты. См.: Правда. 1937. 23 мая. См. об этом также: Getty J. A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 157–160.

⁷⁹ «Стенограмма II Ярославской областной конференции ВКП(б), 7–8 июня 1937 г.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5954. Л. 22.

⁸⁰ Там же. Л. 130.

⁸¹ Там же. Л. 150–151.

⁸² «Стенограмма II Ярославской областной конференции ВКП(б), 8–10 июня 1937 г.»: Там же. Д. 5955. Л. 127.

⁸³ Там же. Л. 80.

⁸⁴ «Стенографический отчет первой Курской областной партийной конференции. 4–14 июня 1937 г.»: Там же. Д. 2607. Л. 149.

⁸⁵ «Стенограмма II Ярославской областной конференции ВКП(б), 8–10 июня 1937 г.»: Там же. Д. 5955. Л. 92.

⁸⁶ «Резолюция второй Ярославской областной партийной конференции по отчетному докладу обкома ВКП(б)»: Там же. Д. 5957, Л. 15/7.

⁸⁷ Там же. Л. 101.

⁸⁸ Там же. Д. 3966–4092.

⁸⁹ Там же. Ф. 73. Оп. 2. Д. 19. Л. 1–106.

⁹⁰ «Стенографический отчет первой Курской областной партийной конференции. 4–14 июня 1937 г.»: Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2607. Л. 147–148.

⁹¹ «Стенотчет пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 6 января 1937 г.»: Там же. Д. 2196. Л. 279.

⁹² Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии: 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 141.

⁹³ Чуев Ф. И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 187–189.

⁹⁴ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 296–297.

⁹⁵ Анализ, показывающий, что, хотя статус старого большевика и ранг представителя элиты частично совпадали, последний вернее предсказывал риск ареста, см.: Getty J. A., Chase W. *Patterns of Repression among the Soviet Elite in the Late 1930s: A Biographical Analysis* // *Stalinist Terror: New Perspectives* / ed. J. A. Getty, R. T. Manning. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 225–246.

⁹⁶ См. работы, представляющие различные интерпретации: Getty J. A., Naumov O. V. *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999; Khlevniuk O. V. *The Objectives of the Great Terror, 1937–1938* // *Soviet History, 1917–53: Essays in Honour of R. W. Davies* / ed. J. Cooper, M. Perrie, E. A. Rees. London: Macmillan, 1995. P. 158–176; Solomon P. H. *Soviet Criminal Justice and the Great Terror* // *Slavic Review*. 1987. Vol. 46. No. 3–4. P. 391–413; Conquest R. *The Great Terror: A Reassessment*. New York: Oxford University Press, 1990; Thurston R. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1996; Chase W. *Enemies within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934–1939*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001.

⁹⁷ «Протокол 2-го пленума Запобкома ВКП(б) от 18–20 июня 1937 года»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4092. Л. 4; дело Шеболдаева: Там же. Ф. 589. Оп. 3. Д. 7542. Л. 1–2.

⁹⁸ «Списки арестованных работников Восточно-Сибирской области»: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 149. Л. 38–44.

⁹⁹ Другой взгляд на круговую поруку см. у Г. Алексопулос: Alexopoulos G. *Stalinism and the Politics of Kinship: Practices of Collective Punishment, 1920s–1940s* // *Comparative Studies in Society and History*. 2008. Vol. 50. No. 1. P. 91–117. Она утверждает, что сталинское наступление на семью в 1930-е гг. сделало последнюю «основной единицей» террора с применением метода круговой поруки. Помимо того факта, что сталинская политика в 1930-е гг. была направлена на укрепление традиционной семьи, отметим, что обвинение в круговой поруке часто использовалось для оправдания искоренения политических кланов, жертвы среди которых намного превосходили числом членов семьи по родству.

¹⁰⁰ Примеры см.: «Протокол 2-го пленума Запобкома ВКП(б) от 18–20 июня 1937 года»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4092. Л. 4; «Стеногнет пленума Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 6 января 1937 г.»: Там же. Д. 2196. Л. 239; «Стенограмма заседания первой областной партийной конференции г. Воронеж. 6 июня 1937 г.»: Там же. Д. 741. Л. 149.

¹⁰¹ Там же. Ф. 73. Оп. 2. Д. 19. Л. 1–106.

¹⁰² Сталин – Андрееву, 19 сентября 1937 г.: Там же. Л. 44.

¹⁰³ См. «спецсообщения Н. И. Ежова И. В. Сталину» в кн.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938 / под ред. В. Н. Хаустова, В. П. Наумова, Н. С. Плотникова. М.: РОССПЭН, 2004; Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии.

¹⁰⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 373. Л. 3–44.

¹⁰⁵ ПРАСНИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 90–99.

¹⁰⁶ Harvard Project on the Soviet Social System (Widener Library, Harvard University). Schedule B. Vol. 1. Case 101. P. 11 (seq. 9).

¹⁰⁷ Ibid. Schedule A. Vol. 33. Case 338/(NY) 1390. P. 49.

¹⁰⁸ Ibid. Vol. 19. Case 385. P. 81.

¹⁰⁹ Gorlizki Y. Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neopatrimonial State, 1946–1953 // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 4. P. 699–736; Gorlizki Y., Khlevniuk O. V. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–2953*. New York: Oxford University Press, 2004.

¹¹⁰ Hosking G. *Russia and the Russians: A History*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 542.

¹¹¹ Hosking G. Patronage and the Russian State // *Slavonic and East European Review*. 2000. Vol. 78. No. 2. P. 317–318.

¹¹² Willerton J. *Patronage and Politics in the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Эпилог

¹ Ransel D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // *Klientensysteme im Europa der frühen Neuzeit* / hg. A. Maczak, E. Mueller-Luckner. München: Oldenbourg, 1988. P. 216.

² Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 6.

³ Cappelli O. Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2008. Vol. 24. No. 4. P. 557.

⁴ «Племенная политика» – удачное выражение Дж. Хоскинга: Hosking G. *Russia and the Russians: A History*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 593.

⁵ Согласно составленному «Трансперенси интернешнл» (Transparency International) Индексу восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index) за 2010 г., Россия входит в число наиболее коррумпированных государств мира, занимая 154 место из 178. Она делит это место с такими странами, как Кения, Конго и Папуа – Новая Гвинея.

⁶ Hosking G. Patronage and the Russian State // *Slavonic and East European Review*. 2000. Vol. 78. No. 2. P. 319.

⁷ Hosking G. *Russia and the Russians*. P. 612.

⁸ Introduction // *Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not* / ed. V. Kononenko, A. Moshes. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 2, 6–8, 10.

⁹ Cappelli O. Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia.

¹⁰ См., напр.: Shlapentokh V. *Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era*. New York: Palgrave Macmillan, 2007; Markwick R. D. *A Discipline in Transition? From Sovietology to «Transitolo-*

gy» // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1996. Vol. 13. No. 3. P. 255–276.

¹¹ Urban M. *Forms of Civil Society: Politics and Social Relations in Russia* // *International Political Anthropology*. 2008. Vol. 1. No. 1. P. 93–111.

¹² См. ссылки на работы Лейзенштадта, Ронигера и др. во введении.

¹³ Rigby T. H. *Russia's Clientelism, Cliques, Connections and «Clans»: The Same Old Story?* // *Soviet and Post-Soviet Review*. 1998. Vol. 25. No. 2. P. 119, 123; Cappelli O. *Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia*. P. 550.

¹⁴ Shlapentokh V. *Contemporary Russia as a Feudal Society*. P. 171; Ledeneva A. V. *Can Medvedev Change «Sistema»? Informal Networks // Russia as a Network State*. P. 46, 58.

¹⁵ Hosking G. *Russia and the Russians*. P. 612.

¹⁶ Литвинович М. *Власть семей: 20 кланов, контролирующих экономику России*. М.: Эксмо, 2012.

¹⁷ Ledeneva A. V. *Can Medvedev Change «Sistema»? P. 42, 44; Urban M. Forms of Civil Society*. P. 99. О патронаже в государственной бюрократии см. также: Huskey E. *From Higher Party Schools to Academies of State Service: The Marketization of Bureaucratic Training in Russia* // *Slavic Review*. 2004. Vol. 63. No. 2. P. 325–348; Idem. *Putin as Patron: Cadres Policy in the Russian Transition* // *Leading Russia: Putin in Perspective. Essays in Honor of Archie Brown* / ed. A. Pravda. Oxford: Oxford University Press, 2005.

¹⁸ Прибыловский В. и др. *Власть-2010: 60 биографий*. М.: Панорама, 2010.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 961. Л. 16.

²⁰ Прибыловский В. и др. *Власть-2010*. С. 1–9.

²¹ М. Г. Делягин: ИТАР-ТАСС (FRE/RL). 2007. 9 нояб.

²² ИТАР-ТАСС. 2007. 9 нояб.

²³ *Wall Street Journal*. 2007. 10 October.

²⁴ ИТАР-ТАСС. 2007. 9 нояб.

²⁵ Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // *Коммерсантъ*. 2007. 9 окт.

²⁶ Keenan E. *Muscovite Political Folkways* // *Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 119, 156. Российские социологи начали исследовать клиентелизм в России – тему, запретную в советское время. В отличие от представителей политической элиты, ученые не окутаны традиционной завесой секретности. См., напр.: Афанасьев М. Н. *Клиентелизм и российская государственность*. М.: МОНФ, 2000.

²⁷ *Коммерсантъ*. 2007. 19 окт.

²⁸ См.: Cassiday J. A., Johnson E. D. *Putin, Putiniana and the Question of a Post-Soviet Cult of Personality* // *Slavonic and East European Review*. 2010. Vol. 88. No. 4. P. 681–707; Goscilo H. *Putin as Celebrity and Cultural Icon*. New York: Routledge, 2012.

²⁹ «Twelve Moods of Putin» Hits Russia // *BBC News*. 2001. 6 December.

³⁰ Икона Владимира Путина заморозила перед выборами // *Коммерсантъ*. 2012. 21 янв.

³¹ Russian President Vladimir Putin Ruffled // Reuters. 2012. 6 August. Видео: <http://www.guardian.co.uk/world/video/2012/aug/06/russian-president-vladimir-putin-priest-kiss-video>.

³² Perrie M. *The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 116–117.

³³ О других последствиях этих перемен см.: Lewin M. *The Gorbachev Phenomenon: A Historical Interpretation*. Rev. ed. Berkeley: University of California Press, 1991.

³⁴ Putin's Plan for Former Moscow Hotel Site: A Park // Reuters. 2012. 20 January; Putin Says Replace Business-Center Plans for Rossia Hotel Site with Park // Moscow News. 2012. 20 January.

³⁵ РИА «Новости». 2008. 20 окт.

³⁶ Поскольку Новодевичий монастырь является охраняемым объектом «федерального значения», для любых изменений в его ансамбле необходимо разрешение властей соответствующего уровня. Монастырский ансамбль внесен также в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО (конвенцию относительно которого Россия ратифицировала в 1992 г.), так что его изменения вообще запрещены. Но перед царским патронажем бессильны и ЮНЕСКО, и федеральный закон. Их представителей даже не пригласили на заседание, посвященное планам реконструкции. См.: В Москве приняли решение возвести храм в Новодевичьем монастыре, не поставив в известность ЮНЕСКО // Эхо Москвы. 2012. 11 июня.

³⁷ Лизость к телу // Власть. 2008. № 50 (803).

³⁸ Патриарх встал на защиту истории // Московский комсомолец. 2012. 2 окт.

³⁹ *Russia and Eurasia Review*. 2002. Vol. 1. No. 2.

⁴⁰ Интерфакс. 2010. 16 дек.

⁴¹ Isachenkov V. *Russian Leaders Argue about Soviet Model* // Associated Press. 2010. 27 December.

⁴² Plamper J. *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2012. P. 33.

⁴³ *The Stalin-Kaganovich Correspondence, 1931–1936* / ed. R. W. Davies, O. Khlevniuk, E. A. Rees, L. P. Kosheleva, L. A. Rogovaia. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003. P. 349–350.

⁴⁴ Запись от 11 февраля 1937 г. в дневнике Димитрова: *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949* / ed. I. Banac. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003. P. 51.

⁴⁵ White S. *Political Culture and Soviet Politics*. London: Macmillan, 1979.

⁴⁶ Keenan E. *Muscovite Political Folkways*.

⁴⁷ См.: Wallerstein I. *The Modern World System*. New York: Academic Press, 1974; Idem. *The Modern World-System in the Longue Durée*. Boulder, Colo.: Paradigm Publishers, 2004.

⁴⁸ «Отец пании» на два срока // Независимая газета. 2012. 24 мая; *Russia Today*. 2012. 23 May.

⁴⁹ Демонтаж системы неформальных институтов // Независимая газета, 2012. 16 апр.

⁵⁰ Smith S. A. Bones of Contention: Bolsheviks and the Struggle against Relics, 1918–1930 // *Past and Present*. 2009. Vol. 204. No. 1. P. 194. О неотрадиционализме см.: Jowitt K. *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley: University of California Press, 1992; Martin T. *Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism* // *Stalinism: New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. New York: Routledge, 2000. P. 348–367.

⁵¹ *Russia as a Network State*. P. 10.

⁵² Wolf E. R. Kinship, Friendship, and Patron-Client Relations in Complex Societies // *Friends, Followers, and Factions: A Reader in Political Clientelism* / ed. S. W. Schmidt, J. C. Scott, C. Lande, L. Guasti. Berkeley: University of California Press, 1977. P. 174.

⁵³ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. С. 85.

⁵⁴ Mitchell T. The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and Their Critics // *American Political Science Review*. 1991. Vol. 1. P. 94.

⁵⁵ Kharkhordin O. What Is the State? The Russian Concept of *Gosudarstvo* in the European Context // *History and Theory*. 2001. Vol. 40. P. 207–208.

⁵⁶ Bourdieu P., Wacquant L. J. D. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 111.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрикосов А. И. 82
Аванесов В. А. 70, 83
Айвазов М. Г. 266
Айхенвальд А. Ю. 53
Акулинушкин П. Д. 198, 201–202
Акулов И. А. 185, 219–220
Александр I, российский император
80, 103
Александров, партийный работник
258
Алексей Михайлович, русский царь
38
Алексей Николаевич, царевич 16, 100
Алексей Петрович, царевич 94
Алексий II, патриарх 293
Алексопулос Г. 39
Алехин М. С. 188
Алиев И. С. 98
Алимов А. 98
Алферов, партийный работник 254
Ангарский Н. С. 70
Андерсон В. Х. 266
Андреев А. А. 105, 119–120, 176,
178–179, 185, 222–223, 249, 271,
274, 286
Андропов Ю. В. 284
Анна, российская императрица 26, 54
Апчиков В. В. 265
Апанасенко И. Р. 42
Аргов З. К. 136
Архангельский Н. А. 147
Архипов В. Г. 177, 205, 213
- Бадаев А. Е. 73
Бакаев И. П. 52
Балашов С. И. 71
Балицкий В. А. 181, 183, 185–186
- Барсуков В. С. 287
Баскин В. А. 266
Бастрыкин А. И. 287
Бауэр Я. Я. 199
Бейлин А. Г. 266
Белканов С. 220
Белобородов А. Г. 72, 74
Бельский И. П. 54
Бельский Л. Н. 185
Бердяев Н. А. 75
Березин А. И. 252
Берия Л. П. 66, 102, 104, 179–183,
185, 187–188, 224–225, 272
Берия С. Л. 102
Берлинер Дж. 281
Бирон Э.-И. 54
Благонравов Г. И. 178
Богашевская, партийный работник 70
Богомолов Н. А. 149
Богорат, партийный работник 149
Болотников И. И. 93
Большунов Ф. С. 206
Бондарев Н. И. 118
Бонч-Бруевич В. Д. 88
Брежнев Л. И. 15, 22, 106, 276, 284, 291
Брикке С. К. 203, 211, 266, 272
Бубнов А. С. 116
Буденный С. М. 225
Букау, партийный работник 261
Буланкин, партийный работник 140
Булатов Д. А. 185, 230
Буллах П. Ф. 181
Бульбов А. А. 288
Бурдые П. 29–30, 76, 86, 281, 302
Бусянков, секретарь горкома 260, 263
Бухарин Н. И. 52–53, 58, 62, 70, 81,
164–165, 167, 212, 221, 224, 245, 284

- Вайнов А. Р. 249–254, 256–261, 263–272
 Вайсберг М. Б. 258
 Валева, партийный работник 270
 Варейкис И. М. 145, 223, 254–255, 261–262
 Василевская Б. Ф. 177
 Вебер М. 15, 17–18, 20, 67, 88
 Вегер Е. И. 202
 Верстонов Ф. И. 143–144
 Владимирский М. Ф. 69, 112
 Волин Б. М. 171
 Волков В. Е. 117
 Воробьев В. П. 82
 Ворошилов К. Е. 49, 81–84, 86–87, 179, 297
 Врангель П. Н. 70, 117
 Вышинский А. Я. 105, 118, 186, 228
 Гамарник Я. Б. 73
 Гафуров С. С. 266
 Гесс Р. 52
 Гикало Н. Ф. 255
 Гилинский А. Л. 145
 Гилл Г. 34, 278
 Гинзбург Д. Г. 116
 Гирц К. 91, 99
 Гитлер А. 230
 Говард Р. 217
 Гоглидзе С. А. 181
 Головащенко, партийный работник 207
 Горбачев М. С. 22, 100, 106, 277, 284
 Горбунов Г. 229
 Горбунов П. П. 136
 Горшков И. И. 161–162
 Горький М. 102
 Гринфельд Н. Я. 141
 Грузель В. П. 267
 Гуляев, партийный работник 260
 Гуревич Д. С. 253
 Гусинский В. А. 296
 Дагин И. Я. 181
 Далгат М. А. 250
 Данилов В. П. 235, 243
 Дементьев В. Ф. 181
 Демиц, работник Наркомата земледелия 141–144, 146
 Деникин А. И. 117
 Джексон Э. 299
 Джоуитт К. 20, 34
 Джугашвили В. И. (Василий) 78
 Дзержинский Ф. Э. 71, 81–84, 87, 124, 183
 Димитров Г. 73, 171, 297
 Дмитрий Иванович, царевич 93
 Добрей, партиец 74–75
 Добржинский В. Л. 115
 Лодонов, председатель райсовета 251
 Долгих А. П. 162
 Долгорукая Н. Б. 54
 Дреков В. М. 188
 Дьяков, секретарь райкома 260
 Дьяконов С. С. 204
 Дэниелс Р. 24
 Еваленко А. М. 116
 Евдокимов Г. Е. 52, 82
 Евдокимов Е. Г. 181–188
 Егоров В. Г. 98
 Ежов Н. И. 36, 51, 73, 104–105, 119, 135, 145, 153, 155–156, 159, 161, 183, 186–188, 200, 208, 211, 227, 232–233, 240, 242, 244, 275, 286
 Екатерина II, российская императрица 26, 94, 103
 Елизаров, редактор газеты «Сталинградская правда» 145
 Ельцин Б. Н. 15, 44, 277, 279–280, 284
 Елюй Чуцай 53
 Емельянов, партийный работник 160, 170
 Енукидзе А. С. 78, 82, 84
 Жаная, партийный работник 147
 Жданов А. А. 35, 66, 104–105, 119, 155, 179, 208–209, 212–213, 221–223, 226, 257–258, 268, 297

- Желтов, секретарь райкома 214
 Жуйков, партийный работник 141
 Жуков К. Н. 178
 Жуков Ю. Н. 226, 243
 Жуковский С. Б. 187
 Журавлев Н. С. 258–259, 263–264, 267
 Зайцев Ф. И. 266
 Заковский Л. М. 188
 Залуцкий П. А. 119
 Заржицкий Г. Г. 252
 Збарский Б. И. 82
 Зверев А. Г. 104
 Зимин П. П. 270
 Зимницкий, секретарь райкома 206
 Зиновьев Г. Е. 52, 58, 62, 71–72, 74, 88, 119, 163–165, 167–168, 172
 Зозуля, кулак 229
 Золотов В. В. 287
 Зорин С. С. 71–72
 Иван III, великий князь Московский 53–55, 95
 Иван IV (Грозный), русский царь 16, 23, 26, 28, 30–31, 34, 53–54, 66, 92–93, 106, 194, 276, 284, 290
 Иван VI, российский император 26
 Иванов, партийный работник 230
 Иванов В. И. 228
 Иванов В. П. 286
 Иванов И. У. 255
 Иванов С. Б. 293
 Иванов Ф. И. 258
 Ивницкий, секретарь райкома 253
 Икрамов А. И. 226, 271, 274
 Илюхин В. И. 283
 Исаев П. М. 258
 Иттин, партийный работник 115
 Кабаков И. Д. 145, 164, 175, 203, 223
 Каганович Л. М. 35, 64, 72, 105, 119–120, 133, 139, 145, 147, 153–155, 166, 171, 175, 179, 185–186, 197, 200, 202–203, 225, 239, 262, 269–273, 286, 297
 Кайдановский, партийный работник 70, 74
 Калашников М. И. 178
 Калипин М. И. 20, 38, 40, 119, 124, 179, 219–220, 224–225, 227–229
 Калинин П. 229
 Калмыков Б. Э. 267
 Каменев Л. Б. 58, 68, 116, 119, 125, 164–165, 167–168, 172
 Каменский, партийный работник 272
 Каменский М. Д. 267
 Кантор Х. 140–141, 147
 Канторович Э. 89
 Канюшина, колхозница 229
 Каппелли О. 278, 281
 Карл Великий, германский император 34, 194, 214
 Карлсон К. М. 181
 Картвелишвили Л. И. 255
 Кахиани М. И. 176
 Кац Э. Э. 258
 Кацнельсон З. Б. 181
 Квачев Г. 98
 Кёстлер А. 51
 Кизеветтер А. А. 12, 303
 Кинан Э. 24, 31, 35, 289, 303
 Киров С. М. 51, 172, 179, 184–185, 237
 Киселев А. С. 237
 Клойзнер Д. 147
 Ключевский В. О. 94
 Кобулов Б. З. 181
 Ковылкин С. Т. 74
 Кодацкий И. Ф. 237
 Козлов В. А. 24, 43
 Колесов, парторг 252
 Кологиллов Н. Н. 64
 Кондратьев Т. К. 137
 Конторин Д. А. 245
 Косиор С. В. 73, 141, 149, 152, 224–226, 237, 297
 Косых, секретарь райкома 214

- Котолыпов И. И. 51
 Коэн И. 76
 Красиков П. А. 71
 Красин Л. Б. 82–86, 154
 Крастин И. А. 137
 Крестинский Н. Н. 69, 112, 119, 147, 159, 163, 173
 Кример, партийный работник 258
 Криницкий А. И. 208–209, 271
 Круглов, секретарь райкома 233
 Круглов С. Н. 104
 Крупская Н. К. 85, 172
 Крылов, партийный работник 269
 Крючков В. А. 288–289
 Кудрявцев С. А. 255
 Кузнецов, директор завода 254
 Кузнецов С. М. 98
 Кузяков И. Н. 70
 Куйбышев В. В. 179, 195
 Кулаков Н. Я. 159
 Куликов М. П. 99
 Курбанов Дж. 98
 Курников И. И. 266
 Курский Д. И. 130
 Кутырев, партийный работник 98
- Лавров С. В.** 286
Леденева А. В. 281–282
Ленин В. И. 12–14, 16, 21, 31, 46, 57–58, 61–64, 78–91, 94–97, 99–100, 103–104, 106–107, 111, 124–127, 131–132, 150, 164–165, 171–172, 194, 196, 207, 220, 247, 291, 295
Леонов, секретарь райкома 204
Леонов Л. В. 263
Леп А. К. 177, 265–266, 272
Леплевский И. М. 181
Лжедмитрий 93
Либкнехт К. 115
Лисицын, партийный работник 147
Листенгурт М. А. 182
Литвин М. И. 187
Логинов, партийный работник 98
Лотман Ю. М. 22, 37
- Лужков Ю. М.** 44, 292
Луначарский А. В. 85–86
Лунев А. 98
Лучинин А. Т. 261, 265
Льяк, секретарь губкома 160
Любченко П. П. 224–225
Людовик XIII, французский король 25
Людовик XIV, французский король 34, 89, 194, 214
Лышков Г. С. 187–188
- Макаренко, партийный работник** 252
Маленков Г. М. 66, 104–105, 119–120, 155, 179, 227, 262, 269, 271–272
Малинов М. М. 255, 265, 273
Мальшев В. А. 104
Мальшев С. В. 70
Мальков П. Д. 70
Мамедбеков К. Г. 98, 250
Мандельштам Н. Я. 65
Мао Цзэдун 270–271
Маркс К. 15, 84, 86–88, 91, 99, 165
Мартынов П. М. 162
Маслов, секретарь райкома 203–204
Матвеев Н. М. 140
Мгеладзе И. В. 163
Медведев, партизан 58
Медведев Д. А. 16, 100, 284–286, 292–293, 297
Медведь Ф. Д. 185, 237
Меерзон Ж. И. 70, 135
Межлаук В. И. 178
Мельничанский Г. Н. 70
Менжинский В. Р. 181, 183–185
Меркулов В. Н. 181
Мессинг С. А. 185
Менцераков В. Н. 70, 142
Микифоров Т. 38
Микоян А. И. 64, 127, 159, 179, 247–248
Милютин В. П. 114
Мирзоян Л. И. 98–99, 203, 224, 226, 258

- Миронов Б. П. 90
 Миронов С. Н. 188, 232–234, 240
 Митчелл Т. 302
 Михайлов В. М. 117, 119
 Мичурин И. В. 49
 Могильный А. М. 148
 Молотов В. М. 32, 35, 38, 40, 43, 56, 58, 105, 116–117, 119, 124, 129, 137, 139, 147, 153, 155, 159, 163, 174–176, 179, 182, 186, 218, 223–224, 238–239, 241, 272–273, 284, 297
 Молчанов Г. А. 230
 Москвин И. М. 135, 156
 Мрачковский С. В. 70, 74, 174
 Муралов П. И. 83–84
 Мячин, партийный работник 117
Нарышкин С. Е. 285–286
 Нарышкины, семья 102
 Паумов, партийный работник 147
 Наумов, ярославский партиец 251, 269
 Нефедов И. А. 249–251, 259, 263, 267–269
 Николаев А. Б. 119–120
 Николаев-Журид Н. Г. 181–182
 Николай II, российский император 16, 92, 94, 100
 Новгородцева К. Т. 69, 111–112
 Ногин В. П. 129, 153
 Ноорден К., фон 73
 Носов И. П. 249
 Овсянников, секретарь райкома 262
 Овчинников Г. Ф. 253–254
 Ольминский М. С. 79
 Ольский Я. К. 185
 Органов Н. Н. 264
 Орджоникидзе Г. К. 73, 179, 185, 195
 Орловски Д. 34
 Осинский В. В. 111, 142
 Островский, секретарь райкома 261–262
 Островский И. М. 181
Павел I, российский император 26
 Павлов Б. И. 260, 270
 Павлов И. П. 49
 Павлюченко Д. А. 248
 Пайпс Р. 24, 94
 Панин Н. И. 103, 278
 Панкратов, секретарь райкома 98, 231
 Папардэ Л. А. 198–200, 202–203, 205–208, 212–214
 Парсонс Т. 20
 Патоличев Н. С. 104
 Патрушев Н. П. 287
 Паукер К. В. 181
 Первухин М. Г. 104
Петр I, российский император 26, 47, 91, 93–94, 102–103, 284, 297–298
Петр II, российский император 54
Петр III, российский император 26, 94
 Петров И. П. 117, 161
 Петряков Н. М. 143–144, 146
 Пивоваров И. Н. 176, 267
 Пиляев, партийный работник 69
 Пименов, секретарь райкома 203–204
 Погребинский М. С. 181, 183–184
 Политковская А. С. 288
 Полумордвинов Г. А. 263
 Понукалов (Помыкалов) Г. И. 258
 Попов А. В. 142
 Постышев П. П. 193, 216–217, 223–225, 243, 255, 272
 Прамнек Э. К. 184, 262, 265, 272
 Преображенский Е. А. 75, 119, 168
 Прокофьев Г. Е. 181, 185
 Птуха В. В. 176
 Пугачев Е. И. 94, 299
 Пуришкевич В. М. 92
 Путин В. В. 15–16, 22, 31, 35, 44–46, 49, 56, 79, 91–92, 100, 106, 276, 280, 284–298, 301, 303
 Пушкин, секретарь райкома 252
 Пшеницын К. Ф. 145, 175
 Пятницкий О. А. 73

- Радек К. Б. 70–71
 Радзивиловский А. П. 105
 Радков, партийный работник 217
 Разин С. Т. 93, 299
 Рапопорт Х. А. 69
 Рапопорт Ю. 177
 Реденс С. Ф. 237
 Резников И. С. 213
 Репкин, секретарь райкома 250, 252, 260
 Ригби Т. Х. 281–282
 Рогинский Г. К. 239
 Рогозин, кулак 229
 Родионов Я. А. 147
 Рожнов П. А. 161–162
 Розе А. М. 140
 Рославец Н. А. 71
 Роуни Д. 56
 Рошаль Л. Б. 275
 Рубакин Н. А. 116
 Рубенов Р. Г. 202, 211
 Рудаков, партийный работник 118
 Руднев Б. В. 267
 Рудь П. Г. 188
 Румянцев И. П. 99, 168, 177, 198–200, 205–207, 209, 212–214, 256, 268, 271–273
 Рыков А. И. 52–53, 68–69, 114, 119, 124, 212, 221
 Рышдин К. В. 239
 Рюрик, князь Новгородский 106
 Рюриковичи, династия 92
 Рютин М. Н. 168
 Рябоконе В. И. 99, 176, 265–266, 272

 Сабуров Н. З. 104
 Савинов, парторг 98
 Саидов Д. С. 98
 Салтыковы, семья 102
 Салынь Э. П. 233
 Самурин, киевский партиец 204
 Самурский Н. П. 99, 259, 263, 272
 Сапаров Н. 98
 Сапронов Т. В. 82, 174
 Свердлов Я. М. 69, 81, 111–112, 148
 Сегиэбаев С. С. 274
 Селиванов, работник Пензенского губисполкома 162
 Семсенов Б. А. 255
 Семков С. М. 70
 Серебряков Л. П. 119
 Сечин И. И. 285–288
 Симочкин В. Я. 244
 Сипер И. З. 259, 263
 Смилга И. Т. 68, 70, 74
 Смирнов А. П. 119, 143–144
 Смирнов И. Н. 116
 Смит С. 302
 Собчак А. А. 285
 Собынин С. С. 292
 Сокольников Г. Я. 154
 Сольц А. А. 149
 Сорокин М. Ф. 263
 Сосновский Л. С. 70
 Софья Алексеевна, царица 297–298
 Спасов Л. С. 184
 Сперанский М. М. 103
 Сталин И. В. 14–18, 21–23, 27–28, 30–36, 38–41, 49, 51, 53, 55, 58–59, 62–64, 66, 68–69, 73, 78, 80–81, 90–92, 94–106, 108, 110, 116, 119–120, 122–124, 127–129, 139, 145, 155, 158–159, 164–168, 171–191, 193–197, 199–200, 203, 209, 212–213, 215–218, 220–226, 228, 231, 233–236, 238–248, 253, 255, 258–259, 263–266, 270, 272–277, 279, 283–284, 286, 290–291, 293–297, 303
 Стасова Е. Д. 70, 111–112
 Стомоняков Б. С. 71
 Строганов В. А. 145
 Стэн Я. Э. 142
 Суварин Б. 23, 31
 Судоплатов П. А. 180
 Сурков С. Ю. 286
 Сущенко-Пушко, каракалпакский партиец 98

- Тагиев Х. Г. 98
 Такер Р. 23, 31, 95, 97
 Таль Б. М. 145
 Телегина, секретарь парткома 259
 Темников Ф. И. 265
 Тищенко, партийный работник 207
 Томпсон Э. П. 303
 Томский М. П. 124, 154–155
 Троцкий Л. Д. 15, 29, 58, 62, 64, 68, 72, 81, 88, 119, 164–168, 171–172, 175, 295–298
 Тутанхамон, египетский фараон 86
 Тэтчер М. 128
 Тюрабеков Дж. Х. 274

Уайт С. 20, 75–76, 299
 Увацан, краснодарский партиец 252
 Угэдэй, хан 53
 Уортман Р. 22, 89
 Урбан М. 281
 Уркварт Дж. 126
 Успенский Б. А. 22, 37
 Устинов В. В. 287
 Ушаков Д. Н. 118
 Уэйкхем Дж. 128

Федоров, секретарь райкома 251, 260
 Фейнсод М. 34–35, 281
 Фейхтвангер Л. 96
 Фотинья, основательница секты 290–291
 Френкель А. А. 193, 198, 201, 211
 Фриновский М. П. 181, 187–188, 275
 Фрунзе М. В. 70
 Фуко М. 302

Хаймс (Хайме) З. Б. 184
 Харрис Дж. 190
 Хархордин О. В. 302
 Хатаевич М. М. 71, 145, 151, 226
 Хелли Р. 23, 30
 Хлыбов А. В. 253
 Ходорковский М. Б. 15, 287, 295–298
 Ходоровский И. И. 159

 Холмский Д. Д. 54
 Хоскинг Дж. 94, 282
 Хронин В. Н. 114
 Хрущев Н. С. 15, 22, 96, 100, 106, 127, 166, 171, 179, 241, 249, 272, 276, 284, 291
 Хубилай, китайский император 38

Цесарский В. Е. 187
 Цинь, династия 53
 Цюрупа А. Д. 68

Чайка Ю. Я. 287–288
 Чапасв В. И. 44
 Чельшев М. И. 75
 Черкесов В. В. 286–289
Черников, секретарь райкома 254
 Чернов М. А. 239
 Чернявский М. 92
 Черчилль У. 288
 Чингисхан 51, 53
 Чубарь В. Я. 73
 Чубин Я. А. 244
 Чудновский С. Г. 117
 Чужин Я. Э. 147

Шадунц С. К. 201, 211
 Шаймиев М. Ш. 294
 Шапиро И. И. 187
 Шарангович В. Ф. 203, 211
 Шарикян А. А. 252
 Шведчиков К. М. 141
 Шверник Н. М. 147, 175, 225
 Пهبолдаев Б. П. 177, 201, 203, 211, 235, 253–255, 261–262, 265–266, 269, 271–273
 Шелехес И. С. 164
 Шеханов В. М. 259
 Шийрон А. П. 136
 Шилс Э. 88
 Шильман А. Л. 177, 205–206, 256, 268, 273
 Шкирятов М. Ф. 195, 222, 224, 261–262

Шляпентох В. Э. 282
Шляпников А. Г. 68, 71
Шохин А. П. 239
Шубриков В. П. 255
Шуйский В. В. 54
Шульман, партийный работник 115

Щусев А. В. 12, 82, 85, 104

Эзоп 261

Эйхе Р. И. 222, 224–225, 232, 239

Энгельс Ф. 151

Юрлов, партийный работник 258

Ягода Г. Г. 64, 181–187

Яковлев, партийный работник 116

Яковлев А. И. 208–209

Ярослав Мудрый, великий князь
Киевский 67

Ярославский Е. М. 70, 96, 119, 195,
222

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Предисловие к русскому изданию	10
Благодарности.....	10
Введение	12
1. Старое и новое.....	37
2. Культы и личности, политика и тела	78
3. Кадровая система партии: В «верхах» ЦК.....	107
4. Кадровая система партии: В «низах» ЦК.....	133
5. Конфликты принципиальные и личные	158
6. Сталин и кланы I: «Люди короля».....	193
7. Сталин и кланы II: Кому можно голосовать? Кому можно расстреливать?.....	216
8. Сталин и кланы III: Последний рубеж кланов.....	247
Эпилог: Новое и старое	278
Примечания	304
Указатель имен	366

Научное издание

История сталинизма

Гетти Арч

Практика сталинизма

Большевики, бояре и неумирающая традиция

Перевод с английского языка
Лада Юрьевна Пантина

Ведущий редактор *Н. А. Вольничик*
Редактор *Л. Ю. Пантина*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Е. Ю. Коновалова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 15.08.2016.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 23,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 6271

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий факс),
8(499) 709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59